

САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А.Н. Галямичев

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ
В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

**Учебно-методическое пособие для студентов 2 курса очной формы обучения направления подготовки 46.04.01 – «История»
(профиль «Интеллектуальная жизнь Запада:
от средних веков к современности») (магистратура)**

Саратов 2019

Галямичев А.Н.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ В СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ. Учеб.-метод. пособие для студентов 2 курса очной формы обучения направления подготовки 46.04.01 – История (профиль «Интеллектуальная жизнь Запада: от средних веков к современности») (магистратура). Саратов, 2019. – 244 с.

Учебно-методическое пособие предназначено для студентов 2 курса очной формы обучения направления подготовки 46.03.01 – История (магистратура). В пособии представлена программа курса, рабочие планы лекционных и практических занятий, списки рекомендуемой для изучения литературы, тексты научных статей, содержащие образцы успешного применения междисциплинарных подходов в исторических исследованиях.

Пособие призвано помочь студентам, обучающимся по направлению «История» (магистратура), освоить содержание курса и овладеть формируемыми в ходе его изучения знаниями, навыками и умениями.

Оглавление

Вводные замечания	4
Программа курса	5
Тексты научных статей	7
Историк и философия. <i>Гуревич А.Я.</i> Теория формаций и реальность истории.....	21
Историк и филология. <i>Габдрахманов П.Ш.</i> Имя и счастье в средневековой Фландрии	24
Историк и археология. <i>Серовайский Я.Д.</i> Сообщения Цезаря об аграрном строе германцев в соотношении с данными новейших археологических исследований	41
Историк и этнология. <i>Гуревич А.Я.</i> Этнология и история в современной французской медиэвистике	70
Историк и демография. <i>Бессмертный Ю.Л.</i> К демографическому изучению французской деревни IX в. (Люди и имена)	86
Историк и социальная психология. <i>Гуревич А.Я.</i> Социальная психология и история. Источниковедческий аспект	105
Историк и география. <i>Шевеленко А.Я.</i> Природный фактор и европейское общество V — X веков	146
Историк и генетика. <i>Кузьменко Ю.К.</i> Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика	170
Историк и математика. <i>Бессмертный Ю.Л.</i> Некоторые вопросы применения математических методов в исследованиях советских историков	205
<i>Корсунский А.Р.</i> Проблема измерения социальных явлений в исторических источниках и литературе	215
Список литературы по основной проблематике курса.....	241
Интернет-ресурсы	244

Вводные замечания

Постановка курса «Междисциплинарные подходы в современных исторических исследованиях» обусловлена тем видным местом, которое занимает междисциплинарность в методологических исканиях современной исторической науки. Её изучение тесно связано с научно-исследовательской работой магистрантов и подготовкой ими выпускных квалификационных работ. Практические занятия строятся таким образом, чтобы каждый магистрант пытался реализовать возможности междисциплинарных связей при изучении темы собственного исследования.

Дисциплина изучается в 3-м семестре. Общая трудоемкость составляет 4 зачетные единицы (144 ч.), из них 36 часов аудиторных занятий (лекции – 18; практические занятия – 18); самостоятельная работа студентов – 90 часов, контроль – 18 часов. Изучение дисциплины завершается сдачей экзамена.

Пособие содержит программу курса, список рекомендуемой к изучению литературы и Интернет-ресурсов. Основной объём пособия составляют тексты научных статей, содержащие образцы успешного применения междисциплинарных подходов в исторических исследованиях. Учитывая сложившиеся приоритеты тематики научной работы магистрантов и их выпускных квалификационных работ, в подборке научных статей представлены междисциплинарные исследования российских медиевистов.

Программа лекционного курса

Тема 1. Междисциплинарные связи как фактор развития научного познания. Дифференциация и интеграция в истории науки. Научные революции и их роль в развитии научного познания. Современная научная картина мира и роль междисциплинарных исследований в её формировании и развитии.

Тема 2. Историк и философия. Философия и её роль в развитии научного познания. Натурфилософия и изучение природы. Философия истории как фактор развития историографии. Специфика исторического познания и роль философии в нём. Проблема методологического выбора историка.

Тема 3. Междисциплинарные связи в рамках исторической науки. Процессы обособления и интеграции научных дисциплин в исторической науке. Отечественная и всеобщая история, их соотношение и взаимосвязь. Историческая компаративистика и её познавательный потенциал.

Вспомогательные (специальные) исторические дисциплины и их роль в научном изучении истории.

Комплексное источниковедение. Археология и история. Роль археологических исследований при изучении истории древнего мира и средних веков. Историческая этнография и история.

Тема 4. Междисциплинарные связи в рамках гуманитарного знания. История и филология в науке и гуманитарном образовании XIX века. Славяноведение. Византиноведение. Востоковедение. Историко-филологические факультеты в университетах России.

Углубление специализации гуманитарных наук в XX веке. Новый уровень междисциплинарных связей при изучении истории (новая междисциплинарность). Роль лингвистики в становлении методологии структурализма. Структурализм как методологическая основа исторических исследований.

История и социология. Эволюционная социология XIX в. и историография. Социология М. Вебера и её методологическое значение. Социология и становление «новой социальной истории». Историческая социология и историческая демография.

Тема 5. Естествознание и математика в исторических исследованиях. История и география. Историческая география как специальная историческая дисциплина.

Психология и история. Возникновение психологии как науки. История и психология: исторический опыт взаимодействия.

И. Тэн и его концепция истории как «психологической анатомии».

Фрейдизм и его влияние на развитие историографии.

Э. Эриксен и возникновение психоистории.

Социальная психология традиционных обществ как предмет изучения историков.

История и математика. Первые опыты попытки применения математических методов в исторических исследованиях.

Кризис научного познания в первые десятилетия XX века и споры о природе естественных и гуманитарных наук.

Преодоление кризиса исторической науки. Отход от событийной истории и предпосылки расширения сферы применения математики и естественнонаучных знаний в исторических исследованиях. Историческая география, историческая демография, историческая климатология, палеоботаника.

Математические методы в исторических исследованиях последних десятилетий XX — начала XXI века. Историк и информатика.

Интернет-ресурсы и изучение всеобщей истории в России.

ТЕКСТЫ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Историк и философия

Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 31-43.

Вопрос о применимости понятия «социально-экономическая формация» в историческом исследовании возник не сегодня. Он уже обсуждался в теоретических дискуссиях 60-х годов, но затем разделил участь многих других вопросов философии истории и методологии исторического познания — его стали обходить молчанием. Между тем в настоящее время этот вопрос приобретает новую, еще большую значимость, притом не только теоретическую, но и — может быть, прежде всего — политическую. Глубокие пертурбации, переживаемые на наших глазах тем, что еще совсем недавно именовалось «мировой системой социализма», не могут не ставить обществоведов перед вопросом о смысле и научной эффективности теории социально-экономических формаций.

Эксперименты по практическому воплощению идеи социализма, мягко говоря, не увенчались успехом. Мало того, эти эксперименты, проводившиеся в странах с различными социально-экономическими укладами, преимущественно некапиталистическими или при относительно слабой развитости капитализма, приводили к использованию идеи социализма в качестве псевдонима тоталитарных режимов. Политическая и идеологическая «надстройка» совершила грубое насилие над экономическим базисом, принесла его в жертву доктрине, и в результате «реальный социализм» оказался бесконечно далеким от того строя производства и общества, который виделся Марксу.

Если же оставаться в плане теории, то выяснилось, что отсутствует четкое и разработанное понимание того, что такое социализм и каковы его коренные, неотъемлемые признаки. Но социализм, по Марксу, не просто один из способов производства, он представляет собой завершение всей предшествующей истории, понимаемой, в самых общих контурах, как восхождение от одной общественной формации к другой.

Исторический опыт, который сделался фактом биографии ныне живущих поколений, ставит нас перед необходимостью нового осмысления теории формаций. Мои измерения в данном случае ограничиваются попыткой предельно кратко наметить некоторые аспекты проблемы, имеющие непосредственное отношение к историческому знанию. Тревожащий историка вопрос состоит в следующем: в какой мере теория формаций способствует углублению и прогрессу исторического познания?

Возникновение теории социально-экономических формаций было естественным результатом борьбы, которую начиная с 40-х годов минувшего столетия

вели Маркс и Энгельс против идеалистического истолкования человека и исторического процесса. В противовес конструкциям младогегельянцев и иных идеалистов, сводивших историю к «саморазвитию и самопознанию духа», они выдвинули материалистическое понимание истории, что само по себе явилось колоссальным завоеванием научной мысли.

Введя понятия «способа производства материальных благ» и «социально-экономической формации» и разрабатывая их содержание, Маркс и Энгельс оказали в высшей степени плодотворное воздействие на развитие исторической науки, дав ей концептуальный аппарат для выделения и осмысления общественных отношений и лежащих в их основании хозяйственных систем в качестве тех сторон человеческой жизни, которые определяют политические и идеологические феномены. Дальнейшее развитие исторического знания проходило во многом под влиянием Маркса, независимо от того, признавали его те или иные историографические направления или отрицали. Материалистическое понимание истории открыло новую страницу в освоении богатства исторического процесса.

Огромным достижением научной мысли явился переход к системному рассмотрению общества. Маркс по сути дела впервые увидел его как сверхсложную систему, организующуюся вокруг определенных принципов. Тем самым был положен конец тому подходу к истории, который выделял из ее потока отдельные направления эволюции — политические, бытовые, религиозные и т.д., но не охватывал общества в качестве самоорганизующегося, одновременно гомеостатичного и развивающегося организма, все компоненты и стороны которого координированы и образуют диалектическое, т.е. внутренне противоречивое единство. Конечно, системный подход Маркса обладал известной ограниченностью. Он принимал во внимание преимущественно и главным образом материальные, «базисные» факторы и, собственно, в первую очередь именно в них усматривал системообразующее начало. Тезис о «базисе» и «надстройке» априорно отводил феноменам политического и идеологического плана роль несамостоятельных элементов «второго порядка», лишь «отражающих» структуру и изменения базиса. Сама природа метафоры «базис/надстройка», заимствованная из строительной области, свидетельствует об известных ограничениях системной мысли того времени; сравнение общества с организмом, к которому прибегают современные социологи и философы, как кажется, скорее приближает к адекватному постижению предмета. Различие, разумеется, состоит не в том, из какой сферы действительности берутся сравнения, а в том, что объяснение, исходящее из дихотомии «базис/надстройка», есть объяснение причинно-следственное, тогда как системный подход, как он мыслится научной и методологической мыслью XX века, предполагает иные — более гибкие и дифференцированные схемы интерпретации.

В марксистской историографии немало сделано для того, чтобы пересмотреть идеалистические построения и насытить картину истории социально-экономическим содержанием. В результате этих исследований были охарактеризованы «несущие» структуры самых разных форм человеческого общежития. Изучение закономерностей производства и распределения во многом обогатило понимание истории и глубинных причин ее движения. Историки существенно продвинулись в уяснении базисных феноменов, и в результате в новом свете предстали многие черты и особенности политического строя и общественных движений.

Однако не ограничиваясь разработкой материалистического метода понимания истории, Маркс и Энгельс сформулировали философию исторического процесса. Я полагаю, что необходимо делать различие между общеметодологическим подходом к изучению исторического материала, с одной стороны, и генерализирующей конструкцией — с другой. Разграничение это необходимо для правильной оценки как метода, так и философско-исторических построений, ибо последние вовсе принудительно не вытекают из метода.

Как свидетельствует практика советских историков в использовании этой теории, одна из важнейших процедур, ими осуществляемых, заключается в том, что к любому из изучаемых обществ неизменно прилагается пятичленная схема. Любое общество якобы в той или иной мере соответствует признакам, отвечающим характеристике одной из формаций. В случаях, когда трудно или невозможно добиться подобного соответствия исторической действительности «идеальному типу» — а такого рода случаев более, чем достаточно, — делаются оговорки о локальном «своеобразии» данной общественной структуры либо об ее «недоразвитости», но сомнений относительно универсальной применимости схемы не возникает. Положение о том, что некоторые народы не проходили через какую-либо формацию, но «миновали» ее, не только не отменяет общеисторического закона, но, напротив, как бы утверждает его. Путь истории уподобляется железнодорожному полотну, поезд может вопреки расписанию «миновать» станцию, но движется он по все тому же пути: если вспомнить о «локомотиве истории», то сравнение ее пути с железной дорогой не покажется столь уж натянутым.

Известную «отдушину» в этой цельной конструкции часть востоковедов пробовала найти в замечаниях Маркса об «азиатском способе производства», но, как известно, обсуждение вопроса о правомерности применения этого понятия также было в конце концов скомкано. Нельзя не отметить, что самое понятие «азиатский» в применении к способу производства не вполне корректно с точки зрения логики теории формаций: это понятие не раскрывает формационного содержания тех или иных общественных систем, подменяя его географической привязкой, причем всё «азиатское» опять-таки выносится за одну скобку. Что именно подразумевал Маркс под «азиатским способом производства» —

определенную стадию доклассового общества, разновидность раннеклассовых образований или вариант феодального строя, — остается невыясненным.

Мне кажется наиболее вероятным, что Маркс прибег к этому понятию для того, чтобы подчеркнуть глубокое своеобразие общественных структур на Востоке и способов их функционирования, своеобразие, которого он не мог не видеть и которое не вмещалось в рамки схемы формаций. Потребность во введении понятия «азиатский способ производства» диктовалась прежде всего сознанием того, что на Востоке наблюдалась не последовательная смена социальных систем, а их устойчивость и неизменность. Категория исторического прогресса, на которую опиралось учение о формациях, здесь не «работала».

Любопытно, кстати, что у самого автора теории формаций наряду с «азиатским способом производства» время от времени возникало еще одно «отклонение» от формационной «нормы». Маркс предпочитал говорить не о «рабовладельческом способе производства», а об «античной формации». Эти понятия никоим образом не синонимы, ибо, как Маркс не раз подчеркивал, базис античного общества образовывал труд свободных крестьян и ремесленников, а не труд рабов. Итак, налицо вторая «аномалия» в схеме поступательного развития общественно-экономических формаций — «античный способ производства».

Эти «отклонения» от схемы не случайны. Маркс был настолько чуток к исторической конкретике, что не был склонен подгонять все бесконечное многообразие истории под жесткую и единообразную схему. Я уже не говорю о том, что при состоянии исторических знаний середины прошлого столетия свою теорию формаций Маркс неизбежно основывал преимущественно на материале истории Европы. Маркс не мог не ощущать известного противоречия между всеобъемлющей системой формационного развития и многоликостью реальных социальных форм. Не отсюда ли его резкие высказывания об «универсальной отмычке», которую стремятся применить везде и всюду? Ибо не по уму усердные продолжатели Маркса поторопились распространить «пятичленку» на все известные историкам социальные образования.

Стремясь найти выход из этого противоречия, которое со временем стало выступать все сильнее и явственнее, марксисты-философы и историки прибегают к рассуждениям об «общем» и «особенном» в историческом процессе, строят внутриформационные типологии, и все это отнюдь не лишено определенного смысла, поскольку позволяет расширить операционное поле в пределах пятичленной схемы. Предлагались разного рода ее модификации. Например, историю человечества делили на стадии «первичной» и «вторичной» формаций, включая в первую все докапиталистические общества; в этой «первичной» формации под рубрику «феодализм» рекомендовали включить все социальные образования, вышедшие из стадии первобытности. Дискуссии об общественных формациях, которые проводились советскими историками в 60-е годы, продемонстрировав немало слабых мест «пятичленки», вместе с тем не смогли суще-

ственно продвинуть вперед методологическую мысль, поскольку они оставались в рамках все той же схемы, не посягая на ее истинность.

Однако главная трудность в применении теории формаций к изучению исторического процесса заключается в другом. Научное исследование всегда начинается с формулировки проблемы. Ее постановка диктует тот вопросник, с которым историк подходит к своим источникам. О том, о чем историк их не вопрошает, источники ему и не расскажут. Учение о формациях предопределяет направление мысли историков. Они отбирают в источниках материал, релевантный схеме, отбрасывая и игнорируя остальное или оттесняя этот «иррациональный остаток» на периферию своего сознания. «Кто ищет, тот всегда найдет», — распевали мы в детстве. В этих словах горькая правда: идущий находит именно то, что ищет, и может не увидеть или, во всяком случае, не оценить объективно всего остального. Априорные установки, заложенные в схему, односторонне ориентируют исследователей, сужение горизонта поиска неизбежно ограничивает его свободу.

Нет ничего проще, чем всюду и везде находить «феодализм», если руководствоваться упрощенным пониманием феодализма как строя крупного землевладения, эксплуатирующего земледельцев. Здесь всегда налицо вооруженные господа и бесправные крестьяне, к которым господа применяют внеэкономическое принуждение, и связи между сюзеренами и вассалами. Оснащенный такими критериями историк найдет феодализм и в древневосточных деспотиях — от Месопотамии до Египта, и в Римской империи (колонат), и в Китае, и в Индии, и в Иране, и в Византии, и в Русском государстве (крепостничество). Над культурами мелкого земледелия постоянно и повсеместно воздвигались схожие между собой системы угнетения¹.

И столь же незамысловата процедура поисков рабовладельческого строя: в самом деле, где в давние (и сравнительно недавние) времена не существовало рабства? Но определяли ли рабство или поземельно-личная зависимость крестьян коренные, структурные черты того или иного общества? Этот вопрос обычно не обсуждается. Применение историками пятичленной схемы чревато упрощениями и неоправданными сближениями разнородных и разнокачественных социальных систем и слабо обоснованными генерализациями. Поглощенные изысканиями формационных признаков в том или ином обществе, мы упустили из виду такие стороны исторической действительности, которые объемлются понятиями «культура» и «цивилизация». Но что означает подобное «упущение»? На мой взгляд, не что иное, как игнорирование самой сущности исторического процесса — истории людей. Категории «культура» и «цивилизация» лежат в ином плане, нежели категория «формации», и не могут быть к ней сведены.

---

¹ Feudalism in History. Princeton, 1956. Обзор взглядов на феодализм в зарубежной науке см. в реферативном сборнике «Проблемы феодализма» (М.: ИНИОН АН СССР, 1975. Ч. 1-2).

Как правило, не обсуждается возможность существования социальных структур, которые не подходят под характеристику какой-либо из намеченных марксизмом формаций и «выламываются» из схемы. Казалось бы, введение в научный оборот новых материалов, открытие доселе неведомых обществ и выявление в давно изучаемых структурах новых сторон должны были привести к усложнению категориальной сетки, которую историки налагают на историческую действительность. Ведь функция «идеального типа» в историческом исследовании заключается в том, чтобы посредством верификации идеальнотипической модели путем сопоставления ее с конкретными наблюдениями добиться открытия новых сторон действительности, моделью не предусмотренных; иными словами, в том, чтобы в свете исследовательского эксперимента эту модель обогатить, видоизменить или вовсе отбросить. Эвристическая ценность идеального типа обнаруживается именно в тех случаях, когда это «предельное понятие» в той или иной мере опровергается исследуемым материалом.

Между тем наложение формационной схемы на данные исторических источников в лучшем случае вело лишь к некоторой детализации того или иного ее компонента, но не к ее пересмотру в целом. Дело в том, что учение о формациях не представляет собой «идеального типа» — орудия познания. Во-первых, идеальный тип, по Марксу Веберу, не обретается в эмпирической реальности и представляет собой «исследовательскую утопию», тогда как общественно-экономическая формация, по Марксу, есть не что иное, как материальное воплощение системы производственных отношений, собственности, средств производства, а вовсе не логическая конструкция. То, что «общественно-экономическая формация» и «идеальный тип» представляют собой логически несопоставимые категории, побуждает нас затронуть вопрос о гносеологических аспектах марксистской теории.

Можно представить себе, что марксизм в период своего становления оказался, так сказать, перед «гносеологической развилкой»: его творец встретился с дилеммой — принять точку зрения Гегеля или же пойти по стопам Канта. Первый путь означал единство сознания и действительности, им воспринимаемой; здесь мысль последовательно овладевает миром, и ее познавательная способность в конечном счете зиждется на их внутренней аналогии и родстве. Познавая мир, дух осознает самого себя. Постулат гегелевской гносеологии — мир познаваем. Путь же Канта предполагал непрестанную, напряженную борьбу мысли, преодолевающей огромные препятствия для того, чтобы к этой действительности прикоснуться. Маркс без колебаний встал на позиции Гегеля, отвергнув его объективный идеализм, но сохранив в материалистической интерпретации его панлогизм. Гегелевская диалектика была перевернута «с головы на ноги», но лежавшая в ее основе уверенность во всемогуществе познания не подвергалась сомнению. Последователи Маркса в этом отношении оказались по существу безоружными перед лицом позитивизма. Пафос единой науки, ориен-

тированной на открытие всеобщих законов, был распространен и на науки об обществе.

В результате, когда в конце минувшего и в начале нынешнего столетия неокантианская мысль выдвинула новые проблемы исторического познания — проблему коренного различия между науками о природе и науками о культуре, проблему противоположности между их методами (номотетическим и идеографическим), проблему «идеального типа» как орудия познания в исторических науках, — марксизм оказался в стороне от этой проблематики, чуждым ей и, я бы заметил, беспомощным перед ней. Его позиция в отношении новых тенденций была и осталась односторонне негативной. Тем самым для него была наглухо закрыта возможность углубленного обсуждения специфики гуманитарного знания.

Во-вторых, учение о формациях в практике историков вообще оказалось не средством социально-исторического анализа, а целью: конкретное историческое познание было призвано подтверждать истинность философско-исторической системы. Выдвинутая Марксом научная гипотеза была впоследствии превращена в непогрешимую догму. Марксу было приписано открытие законов исторического развития, якобы действующих во все времена и под любыми широтами. Короче говоря, из пытливого ищущего мыслителя он был превращен в своего рода «папу», наместника абсолютной истины. Оказав Марксу медвежью услугу тем, что провозгласили его взгляды неоспоримым учением, монополизировавшим истину в нашей стране и в других странах, в которых у власти стояли коммунистические режимы, идеологические боссы и их приспешники по сути дела вывели марксизм за пределы науки, сделав его предметом веры и компонентом принудительной идеологии тоталитарного строя. Это не могло не привести к вульгаризации и прямой фальсификации мыслей Маркса.

Если же попытаться восстановить нормальные отношения к теории Маркса об общественных формациях, то неизбежно возникает ряд вопросов. Учение о формациях внушает сомнения уже в силу универсальности применения, на которое оно претендует. Оно выделяет один аспект исторической жизни — социально-экономический. Исключительная значимость этого аспекта совершенно несомненна. Но можно ли доказать, что на любом этапе истории именно социально-экономические отношения детерминировали общественную жизнь в целом, что это же определяющее значение они имели и в первобытности, и в античности, и в Средние века, и на Востоке или в Африке, в такой же мере, как в Европе Нового времени? Можно ли утверждать, что содержание понятия «социальные отношения» применительно к разным эпохам оставалось неизменным, равным самому себе? Разве аксиоматично, что то достаточно ясное расчленение экономики и политики, хозяйства и этики, собственности и власти, религии и общественных связей, которое кажется самоочевидным для современного человека, имело место и на всех других стадиях истории человечества?

Достаточно задать эти и подобные им вопросы, для того чтобы предположить отрицательный ответ историка. «Сведение всего многообразия «мира людей» к формационным характеристикам есть не что иное, как «формационный редукционизм»² — трудно не согласиться с этим суждением редакции «Вопросов философии». Я полагаю, что такого рода редукционизм ведет к игнорированию или недооценке человеческого начала, в чем бы оно ни выразилось, — в религии или иных формах иррациональности, в проявлениях индивидуальности, в творческих обнаружениях личности и в коллективных социально-психологических феноменах. Человеческая свобода, понимаемая только как «осознанная необходимость», выступает в чрезвычайно урезанной и обедненной форме.

Естественно, историки так или иначе давно столкнулись с теми препонами, которые ставит в их исследованиях теория формаций, и искали выхода из создавшихся трудностей и тупиков. Да будет мне позволено сослаться в этой связи на собственный скромный опыт.

В разное время мною предпринимались попытки предложить некоторые «поправки» или «уточнения» формационной теории с целью сделать ее более приемлемой в историческом исследовании. Понятие формационной «многоукладности», наличия в обществе ряда сосуществующих и взаимодействующих общественно-экономических образований, из коих ни одному нет оснований приписывать определяющую роль, было бы, на мой взгляд, первым шагом в этом направлении. При этом имеется в виду не какое-то состояние перехода от одной формации к другой, а длительное и устойчивое функционирование общества, характеризующегося известной социальной гетерогенностью³. Такой путь казался мне более предпочтительным, нежели отдающие схоластикой споры о том, является ли данное общество (например, Киевская Русь) рабовладельческим или феодальным. Следующим шагом в том же направлении мне представляется признание того факта, что социально-экономические формации не существуют в изоляции. Как правило, налицо взаимодействие между ними, и это взаимодействие является условием функционирования каждой из них. Например, едва ли возможно представить себе устойчивую жизнедеятельность античного общества без наличия обширной «варварской периферии»: она поставляла ему рабскую силу и иную добычу и служила сферой расширения господства; империи древности держались до тех пор, пока были способны осуществлять внешнюю экспансию. Что касается феодализма, то в тех странах, в которых без натяжек действительно можно констатировать его наличие (преимущественно, на мой взгляд, это страны Западной Европы), он возникал не столько в резуль-

---

² Формации или цивилизации? (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 34.

³ Гуревич А.Я. К дискуссии о докапиталистических общественных формациях: формация и уклад // Вопросы философии. 1968. № 2.

тате разложения античного («рабовладельческого») строя, сколько в качестве продукта взаимодействия его с более архаическими, доклассовыми обществами: магистральная линия пути к феодализму пролегла через их трансформации.

Другим примером межформационного взаимодействия могут служить отношения между странами Западной Европы, с одной стороны, и народами Азии, Африки, Америки, Океании, Австралии, находившимися на разных стадиях социального и хозяйственного развития, — с другой. Неотъемлемой стороной эпохи «первоначального накопления капитала» было создание всемирной колониальной системы, которая снабдила поднимавшийся западноевропейский капитализм необходимыми для его развития богатствами, дала ему подневольную рабочую силу и обширные рынки. Но другой стороной этого процесса было радикальное нарушение того баланса развития, который был присущ колонизируемым европейцами народам.

Наконец, сама жизнь поставила нас ныне перед вопросом о постоянном, длительном сосуществовании и сотрудничестве мировых социальных и экономических систем как условия выживания каждой из них и человечества в целом. От догмы, согласно которой капитализм переживает стадию «загнивания» и «общего кризиса» и якобы вступил в завершающий этап своего существования, осталось столько же, сколько от идеи «всемирной пролетарской революции». Проблема конвергенции разных систем, диктуемая осознанием мировой катастрофы в случае глобального конфликта между ними, уже не может быть отброшена в интересах превратно понимаемой «чистоты» доктрины.

Иными словами, мировой исторический процесс едва ли правомерно понимать в виде линейного восхождения от одной формации к другой, равно как и размещения этих формаций по хронологическим периодам, ибо так или иначе на любом этапе истории налицо синхронное сосуществование и постоянное взаимодействие разных социальных систем. Речь идет об освобождении мысли историка от упрощенной схемы исторического прогресса, о том, чтобы его исследовательская пытливость не была стеснена шорами предзаданной системы⁴. Эта схема, возможно, «облегчает» жизнь философа, избавляя его от необходимости внимательно вникать в реальный ход истории, но даже со всеми оговорками о различиях и расхождениях между «магистральной линией» истории и ее конкретными особенностями в те или иные периоды и в определенных странах, профессия историка не дает ему ни права, ни возможности довольствоваться созерцанием исторического процесса «в телескоп». Историческая наука — наука прежде всего о конкретном и индивидуальном; наукой же об общем и повторяющемся она является лишь постольку, поскольку не игнорирует конкретного и индивидуального, но максимально вбирает его в свои обобщения. В против-

---

⁴ Философия и историческая наука (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1988. № 10. С. 20-23.

ном случае все эти генерализации неизменно остаются предельно тощими и бессодержательно бесплодными.

Формационный подход к истории предполагает оперирование главным образом или даже исключительно такими обобщающими понятиями, как «способ производства», «класс», «общество», понятиями, которые выражают высокую степень абстрагирования от конкретной эмпирии. Между тем современная историческая наука вслед за определенными направлениями социологии, этнологии и культурной и социальной антропологии обнаруживает скорее противоположную тенденцию — к изучению «малых групп». Микросоциологический подход вовсе не исключает подхода макросоциологического. Однако исследователи не ограничиваются обобщениями данных, полученных по целой стране, крупному региону, провинции, и идут в глубь материала — изучая состав, изменения и функционирование тех малых социальных образований, в которых реально протекает жизнедеятельность индивидов. В семье, клане, общине, в возглавляемом сеньором союзе вассалов или в дружине в церковном приходе, ремесленной мастерской, поместье, крестьянской усадьбе, в княжеском дворе, мануфактуре, на фабрике и всяких иных сообществах общественные отношения осуществляются не обезличенно и анонимно, но сохраняют форму прямых межличных связей. Здесь социальный анализ предполагает индивида.

Микросоциологическая история создает почву для сближения социально-экономического исследования с исследованием ценностей, норм поведения, коллективного сознания, религиозных установок и картин мира, заложенных в сознание людей их культурой. Тем самым удается преодолеть традиционный разрыв между социальной историей и изучением ментальностей, разрыв, делающий формационную историю историей социологических и политико-экономических абстракций, в которой человек как активное творческое и наделенное психикой существо не находит для себя места.

Но, как мне уже неоднократно приходилось писать, внимание к малым группам, которые реально и составляли классы, сословия и иные макрообразования, связано с коренным изменением угла зрения историка. Он не может при этом довольствоваться «естественнонаучным» изучением человеческих коллективов «извне», но должен совмещать этот анализ с проникновением в глубины сознания людей, которые образовывали малые группы. Историк изучает мировосприятие этих людей, их субъективное отношение к производству и обществу, отношение, которое во многом и главным определяло характер их общественной активности. Иными словами, на «сетку координат», которой руководствуется исследователь, накладывается та «сетка координат», которая была фактом сознания самих участников исторического процесса. Только при этом «бинокулярном» видении можно с должной глубиной понять социальное поведение человека в группе, малых и больших групп, классов, масс людей.

Развитие наук о человеке и обществе на протяжении последних десятилетий с новой силой и убедительностью продемонстрировало символическую природу социальных отношений. Эти дисциплины — структурная и символическая антропология, семиотика, историческая поэтика. Культурология, история ментальностей, герменевтика (в ее версиях, разрабатывавшихся Дильтеем, Хайдеггером, Гадамером) — сложились после Маркса. Консервативно настроенная марксистская критика «буржуазной науки» воспрепятствовала продуктивному диалогу марксизма с этими направлениями. Объяснительные модели марксизма по-прежнему ограничиваются преимущественно сферой производственных отношений, тогда как все более «тонкие» материи оттесняются на периферию мысли или игнорируются. Но тем самым теория формаций оказалась оторванной от целого ряда современных научных течений. Всякий изоляционизм в сфере мысли обрекает ее на отсталость, стагнацию, провинциализм, и все это в избытке содержится в современном марксизме.

3. Возвратимся, однако, к Марксу. Его теория не просто предполагает поиск некой формации в данную эпоху и на данной территории. Эта теория была выработана как целостная философия истории и приобретает свой подлинный смысл лишь при рассмотрении ее в качестве таковой. Она выражает учение о последовательных ступенях восхождения человечества от первобытного коммунизма через рабовладение, феодализм и капитализм к коммунистическому обществу, историческую неизбежность перехода к которому это учение призвано обосновать. Теория формаций претендует на то, чтобы объяснять исторический прогресс *in toto*, и рассматривает историю с точки зрения ее завершения в будущем. Этот прогресс диалектичен, он строится в полном соответствии с гегелевской триадой «тезис — антитезис — синтез». Бесклассовое общество архаического типа в силу имманентно заложенных в нем потенций разлагается, сменяясь антагонистическим типом социальных отношений, строящихся на эксплуатации. Раннеклассовые формации суть не что иное, как отрицание первобытного доклассового строя. И столь же закономерно и неизбежно в недрах последней из антагонистических формаций — капитализма созреют предпосылки бесклассового коммунистического общества. Произойдет «отрицание отрицания», «экспроприация экспроприаторов».

Здесь придется сделать некоторое отступление. В гегелевской философии истории, углубившей понятие исторического прогресса, латентно, в «снятом», т.е. секуляризованном и рационалистическом виде, сохранялись коренные черты христианской эсхатологии. Движение из прошлого в будущее в контексте христианской теологии означало приближение к конечной цели мироздания, к завершению времени и к слиянию его с вечностью. В средневековых учениях о «возрастах» человечества или о четырех последовательно сменявшихся одна другую «монархиях» была заложена вера в единство истории, которая протекает в форме противостояния и взаимодействия «Града Божьего» с «Градом земным».

Это официально признанное учение было, однако, достоянием преимущественно «книжных», образованных людей, т.е. меньшинства средневекового общества. В широких социальных кругах христианская эсхатология приобретала иное, более радикальное изучение, как правило, осуждаемое церковью в качестве ереси. Милленарии, хилиасты, которые проповедовали неминуемое и быстрее наступление тысячелетнего Царства Божьего на земле, возбуждали живой отклик в массах и оказывали на них огромное влияние. Под знаком хилиазма проходила значительная часть народных выступлений Средневековья. Восстание против несправедливых господ и попов приведет, по убеждению участников такого рода движений (таборитов, последователей Томаса Мюнцера, анабаптистов Мюнстерской коммуны и т.п.), к немедленному установлению царства божественной справедливости. И они пытались на практике осуществить свой идеал.

У Гегеля средневековая эсхатология как бы устранена. Но христианская теология истории «просвечивает» сквозь его учение. Вместо грандиозного апокалиптического финала истории — Второго пришествия и Страшного суда — Гегель увидел возвращение саморазвивающегося абсолютного духа к самому себе, а в плане политической истории и истории гражданского общества венцом исторического прогресса умудрился счесть современное ему прусское государство.

Столь жалким свертыванием истории он вполне заслужил сокрушительную критику Маркса и Энгельса. Поставив гегелевскую диалектику «с головы на ноги», Маркс возвратил философии истории ее былую величественность. История проходит ряд ступеней — социально-экономических формаций, каждая из коих, сменяя свою предшественницу, представляет собой новый шаг в освоении свободы, но свободы, понимаемой уже не абстрактно, но социально. Философско-историческая мысль возвращается к эсхатологии: коммунизм вместо царства Божьего, торжество социальной справедливости на земле вместо воздаяния по грехам и заслугам в мире потустороннем. Вновь категория будущего подчиняет себе настоящее: нынешние страдания не столь существенны по сравнению с грядущей наградой. Собственно, с победой социалистической революции и начнется подлинная история человечества, ибо до сего времени, по убеждению Маркса и Энгельса, имела место всего лишь его «предыстория»⁵.

Учение о социально-экономических формациях получило первую формулировку в канун и во время европейской революции 1848 года, когда молодым Марксу и Энгельсу казалось, что эсхатологические чаянья получают немедленное осуществление. Но революция захлебнулась, наступила реакция, ожидания конца старого порядка были вновь обращены к будущему. Тем не менее эсхатологизм, прокрававшийся в марксово учение, не иссяк и полностью обнаружил себя в ходе Октябрьской революции, первый период которой прошел под знаком нетерпеливого ожидания мирового пролетарского переворота. Сама русская рево-

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 7,8.

люция обретала свой исторический смысл в качестве пролога и толчка к общевропейской революции. Пролетариат получил в марксизме-ленинизме статус и ореол «избранного народа», призванного историей раскрепостить человечество и ввести его в царство свободы. Надежды на то, что грядущий бой с капиталом будет «последним и решительным», что ближайшая «остановка» «локомотива истории» — «в коммуне», как и позднейшие декларации о том, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», что «мы вас закопаем», и т.д. и т.п. — отнюдь не демагогия социальных манипуляторов, преследующих своекорыстные цели, — это выражение глубоко укорененных убеждений революционеров, которые жили и боролись в чаяньи неминуемо надвигающейся мировой революции. Эсхатологизм, по-прежнему находящий отклик в массах в периоды жестоких социально-политических кризисов, обрел в марксизме новые одеяния.

Различия в понимании перспектив и возможностей рабочего движения раскололи марксистов Европы на коммунистов и социал-демократов. Дальнейшее известно, и здесь на нем незачем останавливаться. Все, что мне хотелось отметить, сводится к следующему. Учение о формациях представляет собой далеко не только продукт развития научной мысли, резюмирующейся в триаде «французский социализм, английская политическая экономия и немецкая классическая философия». В этом учении имеется еще и другая сторона, которую, я убежден, было бы неправильно игнорировать или недооценивать. Как ни странно это звучит, марксова теория формаций есть также наследница традиционно присущей христианской мысли хилиастической эсхатологии. Эту теорию, как в ее первоначальной формулировке самими основоположниками научного коммунизма, так и в особенности в ее понимании и применении их последователями, недостаточно оценивать исключительно в контексте развития общественной и научной мысли и философии, — она имеет еще и другую основу, а именно, социально-психологическую, выражает определенный тип менталитета.

Идея становится материальной силой, поскольку она завладевает массами, — бесспорно. Но проходит ли этот процесс завладения массами бесследно для самой идеи? Не вступает ли она во взаимодействие с идеями, представлениями, чаяньями масс, не трансформируется ли она при встрече с социально-психологической почвой, в которой она пускает свои корни и из которой получает импульсы, подчас даже чуждые для нее? Не потому ли хилиастическая и эсхатологическая сторона марксизма оказалась столь притягательной для тех слоев и классов, которые обычно остаются далекими от всяких философий и теорий?

Еще раз подчеркну: речь идет о латентных, глубоко запрятанных от ясного, «дневного» сознания установках, о ментальности, на которую марксизм до самого последнего времени не обращал внимания и которую именно поэтому не был в состоянии проконтролировать. Тотальная идеологизация духовной жизни

в нашей стране (и во всей контролируемой марксистскими партиями системе) привела, в частности, к неспособности сколько-нибудь глубоко и адекватно анализировать феномены духовной жизни и всерьез считаться с теми ее пластами и аспектами, которые не могут быть подведены под категории идеологии. Эта неспособность принять в расчет социально-психологические реальности, традиционную ментальность, религиозность, вероисповедание или этнопсихологические особенности людей, к несчастью, не преодолена и поныне.

Между тем выход за пределы «формационного мышления» необходим и неизбежен. Освободившись от шор, которыми так называемые «марксисты» отгородили себя от действительной духовной жизни, они были бы принуждены посчитаться со следующим фактом. Мы принадлежим к европейской цивилизации и, *volens nolens*, сознавая это или не сознавая, разделяем коренные ее ценности и представления, заложенные в основание культуры и воплощаемые всеми ее языками и знаковыми системами. Не следует забывать о том, что цивилизация эта в своих отправных моментах и последних глубинах — христианская, независимо оттого, что она в значительной мере преодолела теологическую стадию и довольно последовательно секуляризовалась. Одним из компонентов христианского наследия является и эсхатологизм. Я полагаю, что вопреки воинствующему атеизму Маркса хилиастическая эсхатология изначально таится в марксизме и что она, помимо его намерений и воли, вошла в самую плоть этого учения.

Как раз в философии истории, в учении о движении рода человеческого от коммунизма первобытного к коммунизму научному, этот эсхатологический хилиазм и содержится, становясь особенно ясным в периоды революционных выступлений масс.

* * *

Выше были вкратце изложены те основания, по которым теория общественных формаций представляется неадекватной для изучения исторического процесса. Философия истории, какова бы она ни была, всегда диктует некую схему, поневоле упрощающую бесконечно красочную и многообразную действительность. Весь вопрос состоит в мере и характере этой схематизации.

Я не касался здесь вопроса о соотношении «логического» и «исторического» в теории формаций. Философы и методологи находят правомерным обсуждать исторический процесс с высот абстракций, где историческая конкретика оказывается не более чем «помехой» для развертывания генерализирующих категорий и где ход истории без затруднений «выпрямляется» и резюмируется в «естественноисторических» общих законах. Логический метод, по словам Энгельса, «в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей». Логическое воспроизведение истории дает отражение ее процесса «в абстракт-

ной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы»⁶. Вот против этого «освобождения» от «мешающих случайностей», «исправления» действительного хода истории и сведения ее процесса к «классическим формам» не может не восставать мысль «практикующего» историка.

Опирающийся на источники и на научную традицию историк лишен возможности следовать за философом и социологом в эти заоблачные высоты. Историк испытывает все сопротивление материала, который ему надлежит исследовать, упорядочить и осмыслить, не поступаясь особенным, индивидуальным, единичным и уникальным. Разумеется, он не остается рабом хаоса эмпирических фактов и руководствуется неким общим представлением об историческом процессе. Но здесь-то и возникает вопрос о применимости тех или иных социологических концептов в качестве орудий исторического анализа. Какого «масштаба» и «ранга» познавательные категории пригодны в нашем исследовании — общефилософские и предельно генерализирующие или же «теории среднего уровня», идеально-типические модели, которые строятся исходя не из глобальных конструкций, а вбирая в себя опыт исторического исследования? Я убежден в том, что историку необходима теория, но теория, не отрывающаяся от исторической почвы; то, в чем он нуждается, — не всеобъемлющая система, а комплекс теоретических посылок, поднимающихся над эмпирией, но ни в коем случае не порывающих с ней.

Есть слово, которого очень боятся наши обществоведы. Это — «релятивизм». Между тем культура-антропология давно убедили тех, кого вообще можно в чем-то убедить, что только преодоление «абсолютизирующей» универсальной схемы и принятие гипотезы о самоценности и своеобразии каждой культуры и цивилизации отвечает современной непредубежденной точке зрения науки. Мне когда-то уже приходилось цитировать Ранке: «... Каждая эпоха находится в непосредственном отношении к Богу». Оставим Бога в покое, но мысль Ранке остается глубоко верной, ибо каждая историческая форма человеческого общежития представляет самостоятельный интерес, независимо от ее связей с предыдущим и последующим процессом истории.

Между тем в марксистской мысли эта связь интерпретируется совсем иначе. «Исследование функционирования, воспроизводства и развития исторически сложившегося объекта при помощи логического метода предполагает выявление его исторической перспективы, рассмотрение его в единстве настоящего, прошлого и будущего»⁷. Классический пример — марксов анализ капитализма в

---

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 497.

⁷ Швырев В.С. Историческое и логическое // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 231.

тени его грядущего краха и неминуемого социалистического преобразования общества. Логический метод осмысления истории, как свидетельствует вся длительная практика марксистской историографии, неразрывно связан с такого рода телеологическим подходом. Самоценность и самодостаточность каждого общественного состояния игнорируются, любой этап истории видится лишь как ступень к последующему. Разумеется, с изменением исторической перспективы прошлое и настоящее видятся по-новому. Но опасность таится в том, что при таком рассмотрении создается односторонняя перспектива, деформирующая историческую целостность и системность изучаемого общества. Разумный релятивизм предостерегает от подобных искажений. Разрабатывая теорию формаций, Маркс подчеркивал, что их возникновение, развитие и смена представляют собой своего рода «естественно-исторический процесс». В рамках подобного понимания истории мало места остается для человеческой свободы, для выбора того или иного пути развития, для постановки вопроса об его альтернативности. Случайно ли то, что историко-антропологические интенции ранних трудов Маркса в дальнейшем не были продолжены ни им самим, ни его последователями?

В этой связи введение в практику исторического исследования и в специальную методологию исторического познания современных концепций «культуры» и «цивилизации» могло бы дать существенный противовес формационному телеологизму. Концепции культуры и цивилизации, по существу, игнорировавшиеся Марксом, по-прежнему выпадают из поля зрения марксистского анализа. Это обстоятельство указывает на историческую ограниченность теории формаций, если ее рассматривать не как закономерный этап в развитии научной и общественной мысли XIX века, но в универсуме научных теорий конца XX столетия. Марксистская теория все еще не овладела обширными пластами актуальной проблематики, выдвинувшейся в наши дни на передний план в гуманитарном знании.

Признаем же, наконец, что теория социально-экономических формаций принадлежит эпохе, наука которой развивалась под знаком прогресса. Увы, та эпоха безвозвратно миновала, нас отделяет от нее толща времени, насыщенного столь глубокими и радикальными сдвигами и катаклизмами в экономической, социальной, политической и интеллектуальной жизни, что немислимо предполагать, что будто научные и философские построения XIX века могут полностью и целиком сохранить силу и убедительность в совершенно новом духовном универсуме человека, стоящего на пороге третьего тысячелетия. Ныне обществоведам приходится разрабатывать иной, более гибкий и адекватный понятийный инструментарий. В каком облике и в каком объеме теория социально-экономических формаций сможет быть органически включена в эти новые объяснительные системы и что именно из ее содержания выдержит испытание вре-

менем, трудно предсказать, это покажут дальнейшие непредвзятые и неидеологизированные исследования.

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Историк и филология

Габдрахманов П.Ш. Имя и счастье в средневековой Фландрии // Казус 2002. Индивидуальное и уникальное в истории / Под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. М., 2002. Вып. 4. С. 26-44.

Постановка столь новой и необычной для исторической науки проблемы, как проблема восприятия счастья и несчастья людьми прошлого, сразу же ставит ее исследователя перед другой едва ли менее сложной проблемой поиска адекватных ей *источников и методик* их анализа. Совершенно очевидно, что подавляющее большинство исторических текстов не содержит вообще никаких *прямых и эксплицитно выраженных* представлений людей прошлого о счастье и несчастье. В них обычно нет ни развернутых рассуждений о счастье и несчастье, ни даже подробных описаний переживания чувства счастья и горя, ни часто и самих слов «счастье» и «несчастье» в них вообще найти не удается.

И было бы наивным ожидать от текстов, отражающих повседневную деятельность людей — а таких текстов разумеется большинство, — чего-либо иного: ведь обыкновенный человек в обычной жизни редко *задумывается* на тему счастья или горя. Это не означает, разумеется, что люди не придают никакого значения счастью или редко встречаются со злом и переживают чувство горя. Простые (не по социальному статусу, а по умонастроению) люди, как правило, не умеют *рассуждать* о счастье и не слишком любят *вспоминать* о перенесенных ими горестях, но это не значит, что в своей каждодневной жизни они — пусть и подспудно — не руководствуются собственными — пусть и не всегда *даже самому себе высказанными* — представлениями о том, что есть благо, а что есть зло.

А если это так, — а это, по-видимому, так оно и есть — то оказывается, что ключ к открытию массовых, равно как и индивидуальных представлений индивидов о счастье и несчастье следует искать не столько в их *прямых высказываниях* на эту тему, сколько в их *повседневном поведении*. И поскольку людям свойственно желание блага и нежелание зла, конкретный вопрос можно было бы сформулировать таким образом: что в самом поведении людей прошлого проявлялось как ими *желаемое*, а что как *нежелаемое*. Иными словами, что в ходе реализации своих повседневных *желаний* переживалось и рассматривалось ими как *благо*, как *ценность*, как некий *идеал*, к достижению которого следует стремиться, а что как явление не имеющее никакой ценности, либо сугубо как *зло*, которое нужно пытаться избежать.

Таким образом, проблема представлений о счастье и несчастье вполне вписывается в проблематику *истории чувствований (или переживаний)* и в проблематику *истории желаний (или ценностных устремлений)*, о необходимости раз-

работки которой писал еще Люсьен Февр⁸, и которая уже разрабатывается его учениками, в частности, такими как Жак Ле Гофф⁹.

Нетрудно заметить, что предлагаемый «разворот» проблемы резко расширяет круг возможных источников, могущих быть привлеченными для ее решения. Действительно, раз любая форма деятельности человека *немыслима без эмоций и влечений*, по сути *любой* исторический текст представляется небезнадежным. Даже те, с которыми приходится работать мне самому.

Речь идет о различного рода средневековых поименных списках и описях. Казалось бы, что можно извлечь, например, вот из такого, плохо сохранившегося и никак не озаглавленного фрагмента документа (то ли какой-то чиншевой описи, то ли какого-то счета), относящегося вероятнее всего — по предположению его издателя¹⁰ — к монастырю Святого Бавона в Генте, и записанного в три колонки каролингским минускулом во 2-й половине IX века *на форзаце* одного раннесредневекового кодекса¹¹. Данный документ дает всего-то (да и то лишь частично сохранившийся) *перечень имен* каких-то людей, с причитающимися с них (или им) денежными выплатами за (или вместо) натуральных поставок браги (или пива), сена и т.п.:

1 col.

..... pro cervisa dr.VI, pro erba dr.II.
..... pro cervisa dr.VI, pro erba dr.I[I].
..... [pro cer]visa dr.VI, pro erba dr.II.
..... [pro cervis]a dr.VI, pro erba dr.II.
..... [pro cervi]□ало□.VI, pro erba dr.II,
..... [pro cervi]sa [dr.]VI, pro erba dr.II.
..... pro erba dr.II.
..... [er]□ало□.II.
..... VI, pro erba dr.II.
..... VI, pro erba dr.II.
..... VI, pro erba dr.II.
.....

2 col.

⁸ Февр Л. Бои за историю / пер. А.А.Бобовича и др. М., 1991. С.108, 125 и др.

⁹ Ле Гофф Ж. С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII — XIII вв. // Одиссей. Человек в Истории. 1991. М., 1991. С.25-47.

¹⁰ Gasnault P. Un document comptable du IXe siecle provenant sans doute de Saint-Bavon de Gand // Bulletin de la Société nationale des Antiquaires de France, Séance du 25 novembre, Paris, 1970. P. 316-317.

¹¹ В.N. ms. lat. 11379 (IX — X ss.). Данный манускрипт из Национальной библиотеки в Париже был сформирован в своем нынешнем виде скорее всего в Лане из отдельных рукописей и в основном содержит письма Эгингарда, Гинкмара, ряд проповедей и так называемые Ланские формулы.

...zio dr.III.
Uualda .....
.....
Hildliof dr.III.
Uuinemund sol.I.
Regenfret dr.XV.
..... sol.I et dim.
Uuigbertus sol.V.
Uuigfret sol.I et dim.
Lantfret sol.III...
Frouuine ... dr...
Richelm dr.VIII.
Uuigfret d. sol.I et dim.
Ansfret sol.III.
Hunzio dr.VI.
Item Ansfret sol.VI.
Aldrad sol.III.
Item Ansfrid. Pro □ало□но d. sol.XXX.
Megenfret sol.I.
Gildfret dr.II.
..... sol....
3 col.
..... □ало□но.
..... fem...
...of dr. VI.

Где в этом случайно сохранившемся, неясном по происхождению и по природе, сухом по форме и бедном по содержанию документе *выражены желания и чувства людей* раннего средневековья? В стремлении монахов быть рачительными хозяевами и с помощью подобных документов навести порядок в своем хозяйстве? Или на эти чувства и желания намекает раннесредневековый обычай запивать большим количеством вина, браги или пива не слишком аппетитную и состоявшую в основном из овощной или злаковой похлебки, приправленной душистыми травами, луком и чесноком, повседневную пищу крестьян и монахов того времени?¹²

Думается, однако, что основная интересующая нас информация скрыта в *именах* упоминаемых здесь людей. Именно в них, пожалуй, и запечатлены те *желания и чувства*, те представления о *благ*е, те *пристрастия*, те *чаяния* и те

---

¹² Даже печеный хлеб (не говоря уже о мясе) был редкостью на обеденном столе в те времена. Иное дело — пиры знати, на которых съедалось большое количество жареной дичи. Принципиально иными были рационы питания и раннесредневековых отшельников.

идеалы, которые проявляются (даже сейчас!) при выборе имени для новорожденного ребенка. Ведь выбор имени — это не что иное, как *предпочтение желаемых имен нежелаемым*. Мотивы его могут быть самыми разными. Одни родители выбирают имена «как у всех», другие — напротив — «не как у всех». Эти отдают предпочтение «красивым», «благозвучным» именам, те — именам «в память» или «в честь» кого-то или чего-то. Некоторые, кстати, различают даже «счастливые» и «несчастливые» имена. Есть, наконец, «просто» «модные» имена¹³.

Для нас неважно, что такой выбор имени не всегда делается осознанно и может быть ассоциативным (почему-то нравится именно это, а не другое имя, а почему — часто объяснить не могут). Важно другое: в основе его всегда лежит — пусть и не всегда осознаваемое — представление о том, — говоря словами известного поэта — «что такое хорошо» и «что такое плохо» или иными словами *представление о благе, о ценности, об идеале*¹⁴.

В развитых, так называемых «демифологизированных» обществах имя — это только этикетка, лишенная значения и служащая лишь для идентификации индивида. У имени осталась, в основном, функция выделения индивида из социальной группы и одновременно интеграции его в нее¹⁵. Остальные функции имени приглушены, сохраняются лишь их отголоски. В архаических же обществах, ориентированных на мифологическое сознание, для которого *номинация* — вообще *способ познания*, имя собственное играет несравнимо более важную роль¹⁶. Имя здесь представляет собой своеобразный «паспорт» индивида, содержащий в себе информацию о его происхождении, предназначении и внутренней сущности¹⁷. С именем были связаны различные верования. Имени при-

¹³ Подробнее об именах и о выборе имен см.: Никонов В.А. Имя и общество. М., 1974; Иващенко В.А. Как выбирают имена. Минск, 1980. Мотивы выбора имен у тюркоязычных народов позволили В.А.Никонову разделить имена на три больших класса по их семантическому значению: на имена-описания (дескриптивы), имена-пожелания (дезидеративы) и имена-посвящения (меморативы): Никонов В.А. Личные имена у тюркоязычных народов // *он же*. Имя и общество... С. 96-102.

¹⁴ В этой связи, поскольку имена относятся к знаковым системам, существенным для нас является и известное положение М.М.Бахтина о единстве семиотического (знакового) и аксиологического (ценностного) подхода, ибо *значение знака формируется его оценкой*. См.: Иванов В.В. Значение идей М.М.Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // Труды по знаковым системам. Т. 6. Тарту, 1973. С. 6. Важным также представляется введенное Ф.Солмсен понимание имени «как зеркала культуры»: *Solmsen F. Indogermanische Eigennamen als Spiegel der Kulturgeschichte. Heidelberg, 1922.*

¹⁵ Имя «не только разделяет, но и вводит в ряд» (Никонов В.А. Личное имя — социальный знак // *он же*. Имя и общество... С.14.

¹⁶ См. об этом: Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф — имя — культура // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Т. 6. С.283-303.

¹⁷ Наречение новорожденного именем имело тогда форму включения его в свою семью и род, пожелания ему (заклинания!) определенной судьбы и отгадывания его сущности. Неслучай-

давались магическая сила и свойства. Верили в возможность через него влиять на судьбу и саму жизнь имяносителя. Отсюда — различные запретительные обряды, касающиеся имен, и существование так называемых имен-оберегов¹⁸.

Немаловажное значение имело и средневековое имя. В подтверждение ограничусь лишь двумя, но достаточно красноречивыми примерами, ярко демонстрирующими отношение *самых средневековых людей* к имени. Оба позаимствованы мной из сборников средневековых назидательных «примеров» (*exempla*), использовавшихся средневековыми проповедниками для иллюстрации основных положений своих проповедей. В одном из них говорится об одном клирике, который забыл свое имя. И этот случай автор «примера» называет «страшным» (*terrible*) и «ужасным» (*horrible*): ведь потеря имени этим клириком была равнозначна потере им самого себя и всякой надежды на спасение своей души. Другой «пример» рассказывает об одной «знатной» (*domicella*) и «красивой» (*pulcherrima*) девушке, но с «постыднейшим» (*turpissimum*) именем *Sussy*, из-за которого она никак не могла выйти замуж до тех пор, пока не поменяла его на другое, благозвучное имя *Rosa*¹⁹.

К сказанному следует добавить, что понимание, а следовательно, и отношение к имени не было единообразным на протяжении всего Средневековья. Так, для Исидора Севильского, автора одного из первых компендиумов Средневековья, этимология слова «*nomen*» (имя) связано с глаголом «*posco*» (знаю): «называть — это значит познавать». Для него и других раннесредневековых писателей (Гинкмара, Рабана Мавра, Валафрида Страбона, Смарагда и других) имена — *значимы*, «вящи» и «говорящи», они способны предвещать судьбу своих носителей и говорить об их сущности.

Переосмысление этих взглядов происходит на рубеже XI — XII веков в работах Ансельма Кентерберийского и Абеляра. Для них, а также особенно для Петра Гелийского «называть — это значит классифицировать». Они возвращаются к этимологии слова «*nomen*» (имя), предложенной позднеантичным грамматиком Присцианом, возводившем ее к греческому глаголу «*nemo*» (распреде-

---

но, само слово «имя» («*n-men*») в индогерманском языке означает «в, внутри» (*Топоров В.Н. Имена. // Мифы народов мира. М., 1980. Т.1. С.510*). О многообразии индивидуальных «воплощенных» имен, рождающихся и умирающих *вместе* с их имяносителями, на материале Исландских саг писал М.И. Стеблин-Каменский (*Мир саги. М., 1984. С.57-59*). Длинные перечисления мифологических имен, лишь утомляющие современного читателя «Старшей Эдды», но «где за каждым именем скрывается целый комплекс историй и событий и где каждое имя неизбежно вызывало поток широких ассоциаций и соответствующих эмоций», говорили древнескандинавским слушателям гораздо больше, чем нам (*Гуревич А.Я. Норвежское общество в раннее Средневековье. М., 1977. С. 261-262*).

¹⁸ См.: *Никонов В.А. Мистика имен // он же. Имя и общество... С. 28-31.*

¹⁹ *Polo de Beaulieu M.-A. La denomination dans recueils d'exempla // Genèse médiévale de l'anthroponymie moderne. T.IV: Discours sur nom: normes, usages, imaginaire (VIe — XVIe siècles). Études réunies par Patrice Beck. Tours, 1997. P. 45-47.*

лять, разделять), и отделяют имя (*appellatio*) от его значения (*significatio*). Имя — по их мнению — всего лишь указывает на человека, который его носит, и обозначает семью, к которой он принадлежит²⁰.

За этим казалось бы чисто лингвистическим переломом в средневековом понимании природы имени скрыта «глубокая эволюция» (некоторые исследователи говорят даже о «революции»), которая произошла в антропонимической системе Западной Европы между X и XIII веками. Суть ее заключается в переходе от антропонимов, состоящих лишь из одного имени (по происхождению — палео-римского или — что чаще — древнегерманского), к антропонимам, состоящим уже из двух элементов, собственно имени собственного (*praenomen*) и прозвища (*cognomen*). Этот переход сопровождался резким сужением именника и распространением одноименности, постепенным вытеснением «варварских» имён библейскими именами и именами святых. Ясно, что столь фундаментальные изменения в имянаречении были связаны с не менее глубокими переменами в умонастроениях, чувствованиях, внутренних переживаниях и ценностных устремлениях людей того времени, проявившихся как в их повседневном поведении, так и в их дискурсе, одной из форм которого и являются имена²¹.

Обращаясь теперь вновь к уже вероятно несколько подзабытому читателем после несколько затянутого, но совершенно необходимого отступления, ранне-средневековому документу из монастыря Святого Бавона в Генте, мы теперь с большим основанием вправе ожидать от содержащихся в нем имен ответы хотя бы на некоторые из поставленных нами вопросов. Вглядимся в те из имен, которые дошли до нас полностью (см. таблицу № 1). Всего упоминается 14 имен, 10 мужских (m) и 4 женских (f). Все они по своему происхождению — древнегерманские, так называемые двучленные имена-композиции, состоящие из двух отдельных лексем-основ. Каждая из лексем — значима и выражает какое-нибудь понятие: Frocuine (Frod-win) (мудрый-друг)²².

---

²⁰ *Tilliette J.-Y.* Semantique du nom de personne dans le Haut Moyen Age (VIe — XIIe siècle) // *Ibidem*. P. 3-22. См. также: *Грошева А.В.* Грамматические учения западноевропейского Средневековья // *История лингвистических учений: Средневековая Европа*. Л., 1985. С. 208-242; а также: *Перельмутер И.А.* Грамматическое учение модистов // *История лингвистических учений: Позднее Средневековье*. СПб., 1991. С.9-10.

²¹ См. об этом: *Beck P.* Pour une etude des discours sur le nom // *Genèse médiévale...* P.1-2.

²² О древнегерманских составных именах собственных и расшифровке их смысловых значений см.: *Топорова Т.В.* Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996, а также известные словари Эрнста Вильгельма Фёрстемана и Мари-Терез Морле: *Förstemann E.W.* Altdeutsches Namenbuch. Bd. I: Personennamen. München, 1966; *Morlet M.-Th.* Les noms de personne sur le territoire de l'ancienne Gaule du Vie au XIIe siècles. Vol. I — II. Paris, 1968 — 1972.

Таблица № 1

	Aldrad	m	Ald	старый	rad	совет
	Ans fret	m	Ans	бог	frid	мир, защита
Item	Ans fret	m	Ans	бог	frid	мир, защита
Item	Ans frid	m	Ans	бог	frid	мир, защита
	Frouuine	m	Frod	мудрый	win	друг
	Gildfret	f	Hild	борьба	frid	мир, защита
	Hildliof	f	Hild	борьба	liub	любимая, желанная
	Hunzio	m	Hund	собака		
	Lantfret	m	Land	земля	frid	мир, защита
	Megenfret	m	Magan	сила, могу- щество	frid	мир, защита
	Regenfret	m	Ragan	властный	frid	мир, защита
	Richelm	m	Ric	могучий	helm	шлем
	Uualda	f	Wald	управлять		
	Uuigbertus	m	Wig	борьба, война	bert	знаменитый
	Uuigfret	m	Wig	борьба, война	frid	мир, защита
	Uuigfret	m	Wig	борьба, война	frid	мир, защита
	Uuinemund	f	Wini	друг	munt	защита

Число таких лексем было ограниченным. Имена состояются из них как бы из «кубиков». Сложение последних по парам может образовывать самые различные комбинации, которые редко повторяются и создают таким образом самые разнообразные имена-композиции. Тем не менее одинаковые имена изредка встречаются. Вот и в данной описи сразу двое мужчин носили одно и то же имя Uuigfret, и трижды повторяется имя Ans fret (Ansfrid). Впрочем, в последнем случае речь могла идти как об одноименности, так и о тройном упоминании одного и того же человека, на что указывает наречие item (также, тоже, равным образом). Тем не менее пять человек с одинаковыми именами для столь небольшой группы, состоящей из 17-ти человек, — это много.

Дело в том, что сочетание лексем в именах не было случайным и зависело от определенных традиций, среди которых главными были семейные обычаи имянаречения. Обычно дети наследовали одну из семейных лексем из имен своих родителей или более отдаленных предков²³. Соответственно, наличие одинаковых лексем в именах могло указывать на родство между теми, кто их носил. Видимо, и в нашей описи вторая лексема –frid неслучайно повторяется в именах у 9-ти из 17-ти, т.е. более, чем у *половины*, в ней описанных, и имеются повторы также и некоторых первых лексем: Ans- (бог), Hild- (борьба), Wig- (борьба, война). И даже есть уже целые повторяющиеся имена. Вероятно, перед нами — описание какой-то родственной группы?

Это немаловажное обстоятельство следует всегда иметь в виду при *семантическом* анализе значений лексем и той частоты, с которой они встречаются в том или ином документе. В частности, тот факт, что в рассматриваемом нами именнике наиболее часто употребляется именно лексема –frid (мир, защита), вовсе еще не означает, что данное понятие представляло тогда *вообще* наибольшую ценность, и что именно с ним связывалось представление о «счастье». Самое большее, на что мы можем рассчитывать, так это на то, что оно могло быть таковым лишь в *данной* семье, что, впрочем, тоже не лишено интереса, если, конечно, мы действительно имеем дело с описанием родственной группы, а ее членам был понятен смысл этой и других лексем. Так или иначе нетрудно заметить, что наиболее престижные понятия в данном именнике группировались вокруг следующих значений: «защита», «мир», «борьба», «война», «бог», «сила», «могущество», «власть», «дружба», «слава». Однако, насколько данный набор престижных понятий из отдельно рассмотренного именника соответствовал общераспространенной шкале ценностей того времени?

Для того, чтобы можно было выявить по именам самые «расхожие» и общепринятые в том или ином социуме ценностные представления, необходимо аккумулировать как можно большее число имен из типологически, хронологи-

---

²³ Антропонимический анализ данных ряда каролингских поместных описей (так называемых полиптиков) и в особенности полиптика аббата Ирминона начала IX века, который содержит описания около 2 тыс. крестьянских семей с указанием имен (как правило, древнегерманских) у 2-3 поколений входивших в них членов, проведенный Ю.Л. Бессмертным и его учениками, показал, что эти древнегерманские семейные традиции имянаречения полностью сохраняли свою силу даже в это время на относительно слабо германизированной территории Северной Франции. См.: *Бессмертный Ю.Л.* Структура крестьянской семьи во франкской деревне IX века: Данные антропонимического анализа Сен-Жерменского полиптика. // Средние века. М., 1980. Вып. 43. С.32 и др.; *он же*. К вопросу о положении женщины во франкской деревне IX века // Там же. Вып. 44. М., 1981. С.111; *он же*. К демографическому изучению французской деревни IX века. (Люди и имена) // Советская этнография. М., 1981. № 2. С. 56; Он же. Об изучении массовых социально-культурных представлений каролингского времени // Культура и искусство западноевропейского Средневековья. Материалы научной конференции (1980). М., 1981. С. 54; *Блонин В.А.* К изучению динамики численности населения на территории Франции IX в. // Средние века. Вып. 47. М., 1984. С. 120.

чески и регионально близких описей в единую антропонимическую базу данных. Мне удалось создать относительно представительную выборку имен простолудинов для графства Фландрия конца IX — начала X веков, объединив в ней помимо только что рассмотренного имени из документа аббатства Святого Бавона в Генте также имени из трех других описей того же времени из архива соседнего с ним аббатства Святого Петра в Генте²⁴.

Всего данная выборка насчитывает 119 имен, в то числе 81 мужское и 38 женских. Почти все имена оказались древнегерманского происхождения. Исключение составляют лишь два женских имени: латинское имя *Benedicta* (благословенная) и имя неясного происхождения *Mirina*, возможно, искаженное и тоже латинское имя *Marina* (морская). Среди остальных 117 древнегерманских имен очень редко встречаются одинаковые имена. К уже известным нам именам *Ansfred* (*Ansfrid*) и *Wigfred* — несмотря на *многократное* увеличение числа имен — добавились всего лишь еще 2-3 имени *Arnulfus*, *Hrotherius* и, возможно, *Adhelbertus* (*Etelbertus*) (см. таблицу № 2).

Таблица № 2

Ada	f	Ad < Adal	родовитая		
Etelbertus	m	Adal	родовитый	bert	именитый
Adhelbertus	m	Adal	родовитый	bert	именитый
Abbo	m	Adal	родовитый		
Adelmarus	m	Adal	родовитый	mari	именитый
Alafridus	m	Ala	весь, целый	frid	мир, защита
Albelenda	f	Alb	эльф, таинственная	lind	нежная, щит
Aldrad	m	Ald	старый	rad	совет
Amalfredus	m	Amal	трудолюбивый	frid	мир, защита
Amoltrud	f	Amal	работящая	trud	любимая, доверительная
Engelscuin	m	Angil	англ	scuin	?

²⁴ Речь идет о так называемом «полиптике» монастыря Святого Петра в Генте («Ratio de villa Hattingem») и о двух описях трибутариев этого монастыря («Noticia de [h]omnibus et feminas qui censum debent dare ad mensa fratrum» и «Item nomina de familia Sancti Petri qui censum debent dare festivitatem Santi Martini ad mensa fratrum») из фрагмента X века монастырского картулярия (*Liber traditionum*): *Gyseling M., Koch A.C.F.* Het "fragment" van het *Liber traditionum* van de Sint-Pietesabdij te Gent // *Bulletin de la Commission Royale de l'Histoire*. Bruxelles, 1948. T. 113. P.281-282; 295-299.

Hengelsenda	f	Angil	англ	sind	путешествие
Ansret	m	Ans	бог	frid	мир, защита
Ansret	m	Ans	бог	frid	мир, защита
Ansfrid	m	Ans	бог	frid	мир, защита
Arnulfus	m	Arn	орёл	ulf	волк
Arnulfus	m	Arn	орёл	ulf	волк
Arnulfus	m	Arn	орёл	ulf	волк
Odlenda	f	Aud	богатство, процветание, счастье	lind	нежная, щит
Oduuinus	m	Aud	богатство, процветание, счастье	win	друг
Balgerus	m	Bald	отважный, смелый	gari	готовый, соб- ранный
Brodherin	m	Brod	кипящий, бурля- щий	hari	вооружённый
Thrudger	m	Drut	сильный	gari	готовый, соб- ранный
Benedicta	f	лат.	благословенная		
Everwinus	m	Ebur	кабан, вепрь	win	друг
Emecin	m	Ermen	необъятный, громадный		
Himmo	m	Ermen	необъятный, громадный		
Fesgerus	m	Fast	крепкий, твёрдый, непре- клонный	gari	готовый, соб- ранный
Fridesuenda	f	Frid	мир, защита	swind	сильная, энергичная
Frithelinda	f	Frid	мир, защита	lind	нежная, щит
Fresbertus	m	Fris	фриз	bert	именитый
Frouuine	m	Frod	мудрый	win	друг
Folclinda	f	Fulc	народ	lind	нежная, щит

Folgarda	f	Fulc	народ	gard	дом, ограда
Folcardus	m	Fulc	народ	hard	твёрдый, отважный
Folbertus	m	Fulc	народ	bert	именитый
Folcricus	m	Fulc	народ	ric	могучий
Gerlebus	m	Gair	копьё	leib	наследство
Geruuara	f	Gair	копьё	war	защита, осторожная, внимательная
Gerbald	m	Gair	копьё	bald	отважный, смелый
Geruuol	m	Gair	копьё	wald?	Управлять
Gerlent	f	Gair	копьё	lind	нежная, щит
Giseluinus	m	Gisal	залог, стрела	win	друг
Guodhelda	f	God	бог	hild	битва
Godelinda	f	God	бог	lind	нежная, щит
Gothuera	f	God	бог	war?	Защита, осторожная, внимательная
Godecin	m	God	бог		
Gontso	m	Gund	борьба, битва		
Gunterus	m	Gund	борьба, битва	hari	вооружённый
Henbin	m	Han	петух		
Hardolfus	m	Hard	твёрдый, жесткий, суровый, неустрашимый, отважный	ulf	волк
Harduinus	m	Hard	твёрдый, жесткий, суровый, неустрашимый, отважный	win	друг

Herefredus	m	Hari	вооружённый	frid	мир, защита
Herbor	m	Hari	вооружённый	burg	защита, охрана
Herefolc	m	Hari	вооружённый	fulc	народ
Hildemunda	f	Hild	битва	munt	защита
Heldeburga	f	Hild	битва	burg	защита, охрана
Hildelandus	m	Hild	борьба	land	земля
Hildrecus	m	Hild	борьба	ric	могучий
Hildliof	f	Hild	борьба	liub	любимая, желанная
Gildfret	m	Hild	борьба	frid	мир, защита
Rotbertus	m	Hrod	слава, хвала	bert	именитый
Rodgot	m	Hrod	слава, хвала	got	гот
Hrotherius	m	Hrod	слава, хвала	hari	вооружённый
Hrotherius (Rotherius)	m	Hrod	слава, хвала	hari	вооружённый
Hugebertus	m	Hug	ум, мысль, дух	bert	именитый
Hunzio	m	Hund	собака		
Lantbertus	m	Land	земля	bert	именитый
Lantfret	m	Land	земля	frid	мир, защита
Murina	f	лат.?	Marina?		
Lieuuara	f	Leut	народ, семья	war	защита, осторожная, внимательная
Liedrada	f	Leut	народ, семья	rad	совет
Letardus	m	Leut	народ, семья	hard	твёрдый, отважный
Lioduualdus	m	Leut	народ, семья	wald	управлять
Liaued	f	Leut	народ, семья	wald?	Управлять

Methdin	m	Mad <Madal	совет, собрание		
Madhalberta	f	Madal	совет, собрание	bert	именитая
Megenlioba	f	Magan	сила, могущество	liub	любимая, желанная
Megenhelda	f	Magan	сила, могущество	hild	битва
Mainardus	m	Magan	сила, могущество	hard	твёрдый, отважный
Meinsent	f	Magan	сила, могущество	sind	путешествие
Megenfret	m	Magan	сила, могущество	frid	мир, защита
Mannin	m	Man	человек, мужчина		
Marcolfus	m	Marc	граница	ulf	волк
Nordingus	m	Nord	север	ing	ингвеон
Radin	m	Rad	совет		
Radmannus	m	Rad	совет	man	человек, мужчина
Regenbaldus	m	Ragan	властный	bald	отважный. Смелый
Regneuuig	f	Ragan	властная	wic	битва
Regenelda	f	Ragan	властная	hild	битва
Reinsuent	f	Ragan	властная	swind	сильный, энергичный
Regenuuinus	m	Ragan	властный	win	друг
Regenfret	m	Ragan	властный	frid	мир, защита
Ricsuinda	f	Ric	могучая	swind	сильная, энергичная
Richelda	f	Ric	могучая	hild	hild
Richelm	m	Ric	могучий	helm	шлем
Sigethrod	f	Sigi	победа	trud	любимая, доверительная

Sigefridus	m	Sigi	победа	frid	мир, защита
Stillemann	m	Stille	спокойный, тихий	man	человек
Sustuin	m	Sust?		Win?	Друг
Tegehere	m	Tegan	воин	hari	вооружённый
Tegenbertus	m	Tegan	воин	bert	именитый
Thingbertus	m	Thing	тинг	bert	именитый
Tiedulfus	m	Thiot	народ	ulf	волк
Tietlenda	f	Thiot	народ	lind	нежная, щит
Tietgerus	m	Thiot	народ	gari	готовый, собранный
Thiodere	m	Thiot	народ	ric?	Могучий
Vbilin	m	V?		Bili?	Нежный, любимый
Vulfardus	m	Vulf	волк	hard	твёрдый, отважный
Vulgerus	m	Vulf	волк	gari	готовый, собранный
Waldethruda	f	Wald	управлять	trud	любимая, доверительная
Walborgus (Walbertus)	m	Wald	управлять	burg (bert)	защита, охрана (именитый)
Uualda	f	Wald	управлять		
Wivechin	f	Wifa	женщина		
Uuigbertus	m	Wig	борьба, война	bert	именитый
Uuigfret	m	Wig	борьба, война	frid	мир, защита
Uuigfret	m	Wig	борьба, война	frid	мир, защита
Windborog	f	Wind < Wini	друг	burg	защита, охрана

Uuinemund	f	Wini	друг	munt	защита
-----------	---	------	------	------	--------

Одноименность, таким образом, охватывала всего лишь 7 из 119 человек или *менее 1%* имяносителей. Для сравнения замечу, что через два столетия на территории Фландрии не единожды встречающиеся имена по данным генеалогий и описей трибутариев имели уже более двух третей мужчин и трех четвертей женщин, а три наиболее популярных мужских (Arnulfus, Walterus, Willelmus) и женских (Ava, Heila, Margareta) имени носили уже *свыше трети* мужчин и женщин²⁵.

Все это свидетельствует о том, что процесс концентрации древнегерманских имен, достигший своего пика во Фландрии на рубеже XII — XIII веков, в конце IX — начале X веков находился еще только в самом своем начале. В частности, на это указывает наличие в рассматриваемых описях лишь трех мужчин с именем Arnulfus. Спустя два столетия этим именем нарекали уже каждого десятого мальчика.

Почти полное отсутствие одноименности среди жителей сильно германизированной раннесредневековой Фландрии означает, что древнегерманские имена сохраняли там еще свою архаическую *«индивидуальность»*: каждый жил как бы со *«своим»* именем²⁶. А этот факт позволяет предполагать, что, возможно, для живших на ее земле потомков германских племен *франков, фризов и саксов* еще не ушли в прошлое и некоторые другие древние обычаи имянаречения. Для нас особенно важной является вероятность того, что ими при имянаречении, видимо, все еще могли осознаваться и *смысловые значения* двуосновных древнегерманских имен²⁷.

²⁵ См. об этом подробнее в моих статьях: *Габдрахманов П.Ш.* Средневековый зависимый в кругу своих предков и потомков // Человек и его близкие на Западе и Востоке (до начала нового времени). М., 2000. С.45; *он же.* «Что в имени тебе моем?..» Семья и имя во Фландрии XII — XIII веков // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М., 2000. С. 77.

²⁶ О «многообразии» и «индивидуальности» древнегерманских имен в Сен-Жерменском полиптике неоднократно писал Ю.Л.Бессмертный. Ни одно из шести самых распространенных здесь древнегерманских имен не носили более 0,3%-0,4% человек (*Бессмертный Ю.Л.* Структура... С. 32; *он же.* Об изучении массовых... С. 55).

²⁷ Такая возможность напрочь оспаривается М.-Th. Morlet (Op. cit. P.7) для раннесредневековой Северной Франции, где древнегерманские имена были одинаково популярны как среди франков, так и среди численно преобладавших там галло-римлян, которые, по ее мнению, не зная франкского языка, не могли понимать и значений лексем древнегерманских имен, комбинируя из них имена «искусственно» и «произвольно». С этим тезисом М.-Th. Morlet не согласен Ю.Л. Бессмертный. По его мнению, «в рассматриваемом регионе слабое знание германской лексики не мешало потомкам галло-римлян сознавать и особую престижность ряда лексем, и их приблизительное значение». «В пользу этого предположения говорят различия в

Оказалось, что смысловая палитра наиболее распространенных лексем-понятий, несмотря на резкое увеличение антропонимической выборки, не претерпела существенных изменений по сравнению с ранее изученным документом монастыря Святого Бавона: превалируют все те же значения: «мир», «защита», «охрана», «щит», «ограда» (burg, frid, gard, lind, munt, war) (всего 31 случай использования данных лексем), «родовитый», «знаменитый», «известный» (adal, bert, mari) (всего 17 случаев употребления), «слава», «победа» (hrod, sigi) (6); «борьба», «битва», «война» (gund, hild, wig) (16 случаев), «сила», «могущество» (drut, magan, ric, swind) (15), «властный», «управлять» (ragan, wald) (12), «друг» (wini) (10), «бог» (ans, god) (7), «совет», «собрание», «тинг» (madal, rad, thing) (7), с которыми мы уже встречались.

Правда, к ним добавились и некоторые другие: «народ» (fulc, leut, thiot) (16), имена-тотемы «волк», «орел», «вепрь», «петух» (vulf, arn, ebur, han) (11), а также такие понятия как «твердый», «крепкий», «отважный», «смелый» (bald, fast, hard) (10). Проявилось даже — хотя и не среди самых престижных — и самое понятие «счастье», связываемое с «богатством», «процветанием» (aud) (всего 2 раза). Очевидно, для простого раннесредневекового фламандского крестьянина так же, как для германца-«варвара» эпохи «военной демократии», высшими жизненными ценностями (настоящим «счастьем») все еще продолжали оставаться слава и удача, сила и неустранимость, благородство и дружба, а отнюдь не богатство и процветание²⁸.

Несколько выпадает из этой цепи звено самых валентных понятий: «мир», «защита», «охрана», «ограда», «щит». Ситуация, однако, сразу же разъясняется, стоит только рассмотреть мужские и женские имена отдельно друг от друга. Выясняется, что именно в женских именах данные понятия играли первостепенную роль. В мужских же именах они все же отдавали первенство понятиям «борьба», «битва», «война» и т.п., которые в женских именах занимали по важ-

---

содержании и структуре имен, которые крестьяне давали детям разного пола и социального статуса, и неодинаковая частота использования в именах материнских и отцовских лексем. Подобные закономерности в наречении детей вряд ли могли соблюдаться, если бы имядатели не понимали и содержательного смысла используемых лексем» (*Бессмертный Ю.Л. Об изучении массовых... С. 72; 60-61*). Со своей стороны, В.А.Блонин, проанализировав степень сходства имен у родителей и детей в Сен-Жерменском, Реймском и Марсельском полиптиках, пришел к выводу, что выбор лексем при имянаречении осуществлялся родителями не по «фонетическому», а по «смысловому» принципу; отсюда следует, что смысловые значения лексем ими осознавались (*Блонин В.А. Указ. соч. С.120*).

²⁸ Примерно к таким же выводам пришел и Ю.Л.Бессмертный по результатам семантического анализа лексем 10 наиболее распространенных имен в Сен-Жерменском и Реймском полиптиках (*Бессмертный Ю.Л. Об изучении массовых... С.56-59*). Смысловое значение имен простолудинов «эпохи викингов» из «Старшей Эдды» также говорит о том, что они были «преисполнены достоинства». См.: *Сванидзе А.А. Смерть, убийство и царубийство в контексте общественных конфликтов и сознания раннеклассового общества Северной Европы // Средние века. М., 1994. Вып. 57. С. 19.*

ности лишь четвертое место. Тем не менее, неясно, почему такие прямо противоположные понятия как «мир» и «война» странным образом соседствуют среди наиболее престижных.

Ряд понятий был характерен только для женских имен и был связан с такими ценными женскими качествами как «нежная», «любимая», «доверительная», «желанная» (liub, lind, trud). Их валентность в женских именах была довольно высокой (мною зафиксировано 12 случаев их использования в женских именах из 74, что составляет более 16%). По степени распространенности в женских именах они уступали лишь таким, как выяснилось, присущим преимущественно женским именам понятиям, как «мир», «защита», «охрана», «ограда», «щит». Существовали также типично «женские» лексемы: -hild (битва), -lind (нежная, щит) –trud (любимая, доверительная) и другие, никогда не использовавшихся в качестве второго члена в мужских именах, и, наоборот, типично «мужские» вторые лексемы: -hard (твердый, отважный), -hagi (вооруженный) и многие другие, невозможные в качестве второго члена в женских именах²⁹. Таким образом, судя по смысловым значениям имен, к типично мужским достоинствам относили «готовность к борьбе, битве, войне», «способность быть защитой, щитом», «родовитость», «известность», «власть», «силу», «могущество», «отвагу», «смелость», «твердость», «непреклонность», т.е. обычный набор качеств благородного воина. К наиболее ценным женским достоинствам принадлежала способность быть «защитой», «оградой дома», т.е. берегиней, и одновременно быть «нежной», «любимой», «желанной», «доверительной»³⁰.

Полученные мною выводы могут показаться тривиальными³¹. Тем не менее, в мою задачу входило не столько получение каких-либо значимых конкретных результатов, сколько желание показать некоторые из возможностей, которые предоставляет нам антропонимический анализ, для изучения массовых, равно как и индивидуальных ценностных устремлений и желаний простых людей, живших в далеком прошлом, и от которых ничего, кроме их имен, не осталось.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ (грант 00-01-00067а)

---

²⁹ В женских именах в качестве второй основы имени никогда не использовались также и лексемы, означавшие оружие и другое снаряжение воина. Подробнее о различиях мужских и женских германских имен см.: *Bach A. Deutsche Namenskunde. Bd.I: Die deutschen Personennamen. Heidelberg, 1952. Abt.1. S. 90; 92-95; 128-129 u.a.*

³⁰ Те же результаты были получены Ю.Л.Бессмертным по антропонимическим данным Сен-Жерменского и Реймского полиптиков (*Бессмертный Ю.Л. К вопросу о положении женщины... С. 112; он же. Об изучении массовых... С. 56*).

³¹ Получив сходные выводы по анализу мужских и женских имен в вышеуказанных полиптиках, об их тривиальности писал еще 20 лет назад и Ю.Л.Бессмертный (Там же).

Историк и археология

Серовайский Я.Д. Сообщения Цезаря об аграрном строе германцев в соотношении с данными новейших археологических исследований // Средние века. М., 1997. Вып. 60. С. 5-36.

Исследователь – это человек, который выслушивает свидетелей.
(Кант)

Длительное время сочинения античных авторов составляли единственную основу для изучения аграрного строя германцев. Различные подходы к анализу их текстов породили два противоположных взгляда на это явление. Сторонники марковой теории находили в них свидетельства существования общины, выступавшей в качестве субъекта коллективной собственности, определявшей регламент землевладения и землепользования для своих членов³². Важнейшие положения этой идеи разделяли историки-марксисты³³. Её оппоненты видели в германских аграрных отношениях господство не коллективной, а частной земельной собственности³⁴ и даже крупное землевладение с оброчными держаниями³⁵. Поскольку обе эти основные полярные точки зрения опирались на отнюдь не бесспорные толкования одних и тех же мест из письменных памятников и к тому же инспирировались взаимно исключавшими друг друга концепциями средневекового развития, изучение проблемы оказалось в известном застое.

Новый импульс ей дали археологические изыскания последних десятилетий и, в частности, произведенные на территории Ютландии раскопки германских поселений с «древними полями». Появилась возможность сопоставить их результаты с соответствующими свидетельствами писателей — современников этих общностей и тем самым установить, насколько обоснованы бытующие в науке представления о жизни последних. Г. Янкун посвятил этому вопросу

³² См.: Данилов А.И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья и немецкой историографии XIX — начала XX века. М., 1958. С. 141-213; Неусыхин А.И. Судьбы свободного крестьянства в Германии VIII — XII вв. М., 1964. С. 45-82; Каняшин Ю.Н., Серовайский Я.Д. Проблема возникновения общинного землевладения в немецкой историографии XIX в. // Историография актуальных проблем античности и раннего средневековья. Барнаул, 1990. С. 131-153.

³³ См.: Всемирная история. М., 1957. Т. 3. С. 70-72; История Европы. М., 1988. Т. 1. С. 601; Советская историческая энциклопедия. Т. 4. С. 393-394.

³⁴ См.: *Fustel de Coulanges N.-D.* Les Germains connaissent ils la propriété de terres // *Recherches sur quelques problemes d'histoire.* Paris, 1885. P. 310-312. О других сторонниках этой точки зрения см.: Данилов А.И. Указ. соч. С. 213-262.

³⁵ См.: Петрушевский Д.М. Очерки из экономической истории средневековой Европы М.; Л., 1928. С. 149-150.

специальную статью и пришел к выводу, что тацитовское описание быта германцев в основном подтверждается материалами археологии³⁶. Но он не касался проблем аграрного строя. Сравнения материалов раскопок с сообщениями античных писателей об этом предмете оказались не столь выгодными для последних. Г. Хатт, например, считает, что археология дает иное и более адекватное представление о германских поземельных отношениях, нежели литературные источники. Он объясняет это тем, что их авторы (Цезарь и Тацит) неправоммерно распространяли имевшуюся у них информацию о мобильных южных германцах на всех представителей этого этноса, в том числе и на обитателей Ютландии, отличавшихся оседлым образом жизни. Кроме того, по его мнению, их сведения были окрашены распространенной в Риме тенденцией идеализации варварского быта³⁷. Д. Тимпе, прочитав заново ключевые тексты римских писателей, касающиеся аграрного строя германцев, высказал ряд интересных суждений, но очень сдержанную оценку познавательной роли этих сообщений в свете изменившегося состояния источников. По его словам, они уже не могут нести на себе те конструкции, которыми их раньше загружали. Их положительное значение ограничивается способностью отражать через своё восприятие ментальность одной из варварских общностей³⁸.

Более резкий отзыв о письменных источниках в этой связи исходил от А.Я. Гуревича. «Цезарь, — пишет он, — политический деятель и полководец, был весьма далёк от намерения собрать объективную информацию в чисто познавательных целях... Археологические находки аграрного характера кладут конец длительным и продемонстрировавшим свою бесплодность спорам, связанным с истолкованиями высказываний Цезаря о германском земледелии и землепользовании. Лишь в свете реконструкции полей и поселений становится ясным, что эти высказывания не имеют под собой почвы» и «представляются продуктом риторики и политических спекуляций... дальнейшие попытки их толкования кажутся беспредметными»³⁹. Следовательно, по мнению А.Я. Гуревича, единственной надёжной основой для изучения аграрных отношений германцев отныне могут быть только данные археологии.

В этой связи возникает ряд вопросов: 1) Какие новые археологические факты послужили основой для столь резкого осуждения свидетельств римских писателей? 2) Насколько обосновано истолкование этих фактов? 3) Может ли археология, используя свои новейшие достижения, претендовать на статус основ-

³⁶ См.: *Jahkuhn H.* Archäologische Bemerkungen zur Glaubwürdigkeit des Tacitus in der Germania // *Nachricht. d. Akad. d. Wiss. in Göttingen.* 1. Phil.-hist. Kl. 1966. N 10. S. 411-426.

³⁷ *Hatt G.* Das Eigentumsrecht an bebauten Grund und Boden // *Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie.* 1955. Jg. 3. H. 2. S. 124.

³⁸ *Timpe D.* Die germanische Agrarverfassung nach der Berichten Caesars und Tacitus // *Untersuchungen zur eisen-zeitlichen und frühmittelalterlichen Flur in Mitteleuropa und ihrer Nutzung.* Göttingen, 1979. S. 39-40.

³⁹ *История крестьянства в Европе.* М., 1985. Т. 1. С. 92-94.

ного источника для изучения поземельных отношений у германцев? В поисках ответов на эти вопросы рассмотрим результаты раскопок в Скербек Хеде, которые представляются типичными. Обнаруженное там «древнее поле», площадью в 100 га, западной своей стороной примыкало к болотистой долине. Остальные его границы были стерты пашнями позднейшего времени. Расположенное на нем поселение, судя по сохранившимся остаткам четырех рассредоточенных дворов, функционировало примерно с 100 г. до н.э. по 100 г. н.э., после чего оказалось заброшенным. Вскрытые там остатки жилищ бронзового века позволяют датировать начало заселения данной территории IV в. до н.э. Раскопанный массив состоял из множества участков различной конфигурации, площадь которых варьировала от 0,1 до 0,5 га. По большей части это были неправильные четырехугольники, обращенные торцовой стороной в разные направления, которые окаймлялись широкими межевыми полосами, возвышавшимися над уровнем поля. Последние состояли из собранных на полях камней, мусора и наносов пыли. Они являлись одновременно дорогами, которые обеспечивали возделывателям доступ к своим парцеллам. Некоторые участки, в свою очередь, разделялись внутренними межами на 2-3-4 равные доли⁴⁰.

Анализируя эту полевую структуру, производитель раскопок Г. Хатт пришел к выводу, что данный массив, поскольку он не обнаруживает характерных для средневекового геванна признаков единообразия (расположение, конфигурация и размеры составлявших его участков), обязан своим происхождением не организованному разделу большой площади земли, а индивидуальной инициативе отдельных домохозяйств, которые в разное время, по мере необходимости, осваивали для себя на данном месте отдельные парцеллы в размерах, отвечавших их потребностям и возможностям. Такие участки находились во владении своих обладателей в течение жизни нескольких поколений, о чем свидетельствуют внутренние межи у некоторых из них, являвшиеся результатами разделов среди наследников. На таком массиве, представлявшем скопление хаотически расположенных разнородных участков, не существовало надлежащих условий для применения принудительного севооборота и осуществления земельных переделов. Следовательно, конституирующим фактором аграрных отношений являлась здесь не община как субъект коллективной земельной собственности, а деятельность семейной группы — носительницы принципов индивидуализма. Соответственно, вводимые ею в хозяйственный оборот и передававшиеся по наследству парцеллы являлись, по мнению Хатта, частной собственностью, хотя и не в современном значении этого слова⁴¹. Признавая вслед за Хаттом принцип

⁴⁰ Карту данного массива см.: Там же. С. 103.

⁴¹ *Hatt G.* Op. cit. S. 121-129; *Jahkuhn H.* Vor- und Frühgeschichte vom Neolithikum bis Völkerwanderungszeit // *Deutsche Agrargeschichte* / Hrsg. von G. Franz. 1969. Bd. 1. S. 149-154. См.: *Жумагулов К.Т.* Аграрный строй древних германцев в трактовке археологов ФРГ // *Средние века.* М., 1987. Вып. 50. С. 282-288.

индивидуализма, определявший освоение земли в этих поселениях, А.Я. Гуревич, однако, не согласен с его определением введенных в хозяйственную эксплуатацию участков земли как объектов частной собственности. Германец, по его словам, составлял тогда единое целое с природой, и его отношение к обрабатываемой земле следует рассматривать не как частную собственность, а как неполную выделенность человека из системы «люди — природа»⁴².

Выводы учёных о том, что обитатели поселений с «древними полями» осваивали землю путём индивидуальных заимок, вполне обоснованы⁴³. И на этом основании представляется убедительной их критика марковой теории за допущенное ими перенесение в германское прошлое представлений об аграрных порядках, которые господствовали в деревнях позднего средневековья (уровнительные разделы, земельные переделы, принудительный севооборот). Но нельзя не отметить, что в своей характеристике прав возделывателей «древних полей» на обрабатываемые ими парцеллы они не вышли за рамки существовавшей в науке контroversы: коллективная — частная земельная собственность. Между тем археологические материалы и логика исследования должны были привести их к более широкой постановке вопроса: каково было отношение германского общества к окружающему ландшафту, в пределах которого производились заимки?

На основании материалов раскопок можно заключить, что элементы первозданной природы, где протекала жизнь германцев, не рассматривались ими в качестве самостоятельной ценности и считались ничейным пространством, на которое все имели неограниченные права. Именно поэтому обитатели поселений с «древними полями» по собственной инициативе осваивали там необходимое им количество земли без каких-либо ограничений. То, что у германцев бытовали такие представления, мы узнаем из следующего сообщения Тацита: вождь амписвариев, оправдываясь перед полководцем Авитом за самовольный захват его племенем пустовавших земель (*agros vacuos*), предназначавшихся для римских воинов, но не осваивавшихся ими, заявил: «Подобно тому, как небо предназначено для богов, пустующие земли должны принадлежать всем»⁴⁴. При таком отношении к окружающей среде отторгнутая от нее заимка имела как бы двойственную природу. Сама земля («Земля — материя», по выражению Маркса) не представляла ценности для возделывателей. Такое качество она приобретала лишь после приложения к ней труда, в результате которого ее можно было использовать как пашню (осушение болота, расчистки, очистка от камней и т.п.), и сохраняла его до тех пор, пока эти трудовые затраты были действительны.

⁴² См.: История крестьянства в Европе. С. 95-113.

⁴³ Такая практика, несомненно, имела широкое распространение у германцев, о чем свидетельствуют более поздние документы.

⁴⁴ *Tac. Ann. XIII. 55: ... quaeque vacue eas Publicas esse...*

Приведенные соображения проясняют некоторые аспекты процесса возникновения «древних полей». На каждый обнаруженный там двор приходилось несколько десятков парцелл. Все они, естественно, не могли находиться в непрерывной обработке. Какая-то их часть, возможно преобладающая, истощив свое плодородие, была оставлена на «отдых», который мог длиться долго. Но все они при этом продолжали считаться принадлежностью соответствующих дворов. Для обитателей последних ценность залежной заимки заключалась в том, что она в свое время была очищена от камней, которые были уложены в межи и образовали дорожную сеть. Столь трудоемкую работу уже не надо будет производить заново при возвращении соответствующего участка в обработку. Этим он выгодно отличался от равной ему площади земли из окружающего ландшафта, приведение в хозяйственную годность которой требовало еще много усилий. В регионах, где земледельцы не вели борьбу с камнями — наследием ледникового периода, оставленная на длительный срок в залежи заимка вновь зарастала лесом⁴⁵. Соответственно, затраченный на ее превращение в пашню труд погасился. Для ее освоения требовались уже новые расчистки. Поэтому она теряла свою ценность, соответственно ее могли забросить и вместо нее ввести в оборот свежий участок земли, на освоение которого требовалось не намного больше усилий⁴⁶. Приведенные соображения позволяют заключить, что права возделывателей «древних полей» на освоенные ими участки земли являются производными от специфической формы их общественного отношения к окружающей среде. И в каждом конкретном случае они выступали только как отношение к результатам своего труда, затраченного на освоение никому не принадлежавшей части природного ландшафта. Поэтому их нельзя соотносить с правами частной собственности, выражавшими отношение не только к результатам приложенного труда, но и к поглотившей их «земле-материи». Такие отношения, как правило, соответствовали уже иным ценностным представлениям об окружающей природе⁴⁷.

⁴⁵ О наступлении леса на пашню см.: MGH. Legum Sectio II. Capitulare regum francorum. T. 1.: Capitulare de villis. 36; Rubner H. Wald und Siedlung im Frühmittelalter am Beispiel der Landschaften zwischen Alpen und Main // Berichte zur deutschen Landeskunde. 1964. Bd 32. H. 1. S. 114-127.

⁴⁶ Зброшенная заимка становилась снова ничейной землей и впоследствии ее могло осваивать другое домохозяйство. Баварская правда зафиксировала конфликт между двумя лицами из-за земельного участка. Каждая спорящая сторона обосновывала свое право на него ссылкой на то, что она когда-то раньше ввела его в хозяйственный оборот (Lex Bajuvariorum, 17,2).

⁴⁷ Римский институт частной земельной собственности, например, функционировал в условиях, когда элементы окружающего ландшафта сами по себе считались ценностью и составляли источник государственных доходов (эксплуатация лесов, лугов и пастбищ). См.: Mommsen T. История Рима. М., 1936. Т. 1. С. 182-183, 188, 785, 790, 807; М., 1937. Т. 2. С. 109, 358-359; М., 1949. Т. 5. С. 103, 424. Переход этих угодий в частные руки осуществлялся на основе специальных законов, но не путем свободной заимки.

Материалы археологических исследований вернули ученых к неоднократно обсуждавшемуся вопросу об оседлости германцев⁴⁸. Тот факт, что обнаруженные археологами их поселения функционировали в течение нескольких столетий, Г. Хатт рассматривает как свидетельство оседлости германцев, по крайней мере в Ютландии⁴⁹. А.Я. Гуревич на этом же основании приписывает оседлый образ жизни всем германцам. «Жители центральной и северной Европы, — пишет он, — отнюдь не были склонны менять места жительства и земли под обработкой», а их земледелие, соответственно, «еще в доримский период было оседлым»⁵⁰. Эти выводы не согласуются с известными историческими фактами. Именно из Ютландии, где обнаружены «древние поля», начали свой рейд в направлении Италии кимвры и тевтоны. Оттуда же вышли гаруды и седузии (эдузии), которые под водительством Ариовиста пытались осесть на землях секванов. Вандалы и лангобарды также считаются выходцами из Ютландии⁵¹. Но и те поселения, непрерывное функционирование которых в течение столетий подтверждено археологией, не всегда могли служить местом обитания одного и того же этноса. Ведь отдельные германские территории, как известно, часто меняли своих обитателей. Например, изгнанные из своих *sedes*, узипеты и тенктеры в свою очередь захватили поселения менапиев. Истребив последних, они поселились в их домах⁵². По словам вождя амписвариев, землю вдоль правого берега Рейна населяли некогда хамавы, после них — убаниты, которых сменили узипы. Позднее там поселились фризы, а затем уже — амсиварии⁵³. Если подобные перемены, возможность которых нельзя исключить, имели место и в поселениях с «древними полями», то археология не сможет их обнаружить своими средствами, так как формы хозяйствования одностадиальных общностей в пределах одной и той же почвенно-климатической зоны не имели существенных различий. Наконец, против сложившихся на основе материалов раскопок преувеличенных представлений об оседлой привязанности германцев к своей среде обитания свидетельствует оставшийся без объяснения археологический факт, что все обнаруженные поселения с «древними полями» были в разное время оставлены своими обитателями. И ни одно из них не преодолело рубеж V в.

Эти и другие известные метаморфозы этнической карты Германии, а также «Великое переселение народов» составляют целую область в жизни и поведенческой активности германцев, которые не получили и не могут получить объяснения только на основе данных археологии. Следовательно, ее материалы при всей их познавательной ценности не в состоянии выполнить приписываемую им

---

⁴⁸ См. об этом ниже.

⁴⁹ *Hatt G. Op. cit. S. 124.*

⁵⁰ История крестьянства в Европе. Т. 1. С. 103, 105.

⁵¹ См.: История Европы. Т. 1. С. 599.

⁵² *Caes. B.G. IV. 1,4.*

⁵³ *Tac. Ann. XIII. 54, 55.*

роль главного, едва ли не единственного источника для воссоздания полной картины германских аграрных отношений. Соответственно, и не обосновано их противопоставление традиционным источникам. Продвижение исследовательского процесса в данном направлении требует другого: выяснения того, как соотносятся свидетельства последних о германских аграрных распорядках с позитивными результатами раскопок. Но для этого необходимо новое прочтение сочинений античных авторов.

Ограниченные возможности статьи позволяют рассмотреть в этих целях только содержащиеся в произведении Цезаря «Записки о галльской войне» (далее: «Записки») разделы, посвящённые германцам. Такой выбор объясняется тем, что данное сочинение положило начало германистике и оказало влияние на дальнейшую литературную традицию. Посвященное войне в Галлии, оно, однако, не ограничивается описанием боевых действий, что было бы закономерно для произведения соответствующей тематической ориентации, и уделяет значительное внимание аграрным отношениям, но не галлов, как следовало ожидать, а германцев. В этом отклонении автора от основной сюжетной линии своего повествования следует искать ключ к пониманию самой постановки вопроса и его трактовке. При таком подходе нельзя ограничиваться толкованием избранных ключевых пассажей, непосредственно повествующих о поземельных отношениях, как это практиковала историографическая традиция. Необходимо опираться на более широкий текстологический фундамент, который может дать представление о месте интересующего нас сюжета во всей системе взглядов автора.

Присущая каждому автору субъективность — это «объективный биологический факт»⁵⁴, заключающий в себе возможности для неадекватного отображения действительности. Свое отрицательное влияние на процесс познания могут оказывать особые интересы, позиции, недостаточная компетентность и уровень мировоззрения автора. Критика источников, содержащаяся в каждом исследовании, всегда обращает внимание именно на эти обстоятельства. Но в субъективности заключены также позитивные потенции, которые не учитываются. Автор может быть заинтересован в правдивом описании конкретных событий и явлений. Уровень его компетентности может оказаться достаточно высоким для квалифицированного суждения об избранном сюжете. И, наконец, он может обладать способностью не оставаться на поверхности явлений, а проникать в их сущность. Именно эти черты, на наш взгляд, в значительной степени были присущи автору «Записок». Соответственно, категорические утверждения А.Я. Гуревича о незаинтересованности Цезаря в сборе объективной информации о германцах и о том, что его описание их быта есть продукт «риторики и политических спекуляций»⁵⁵, лишены основания. Цезарь, как справедливо заме-

⁵⁴ Серль Дж. Сознание, мозг и наука // Путь: Международ. философский журнал. 1993. № 4. С. 15.

⁵⁵ История крестьянства в Европе. Т. 1. С. 94.

тил Дуров, являлся «слишком значительной личностью, чтобы опускаться до откровенной лжи»⁵⁶. Сведения о германцах являлись для него как полководца не предметом праздного интереса, а разведанными о противнике, от достоверности которых, как и во всех войнах, зависит исход сражений. Поэтому он начал собирать их не в период своего консульства, и даже не в начале похода в Галлию, а только после того, как выяснилась неизбежность столкновения с Ариовистом; т.е. тогда, когда появилась практическая нужда в такой информации. Он получал ее из различных источников: от галлов, являвшихся соседями германцев, от купцов, которые проникали к ним, от союзного племени убиев, выполнявшего его разведывательные поручения. К тому же он привлекал германцев в свои войска при подавлении восстания галлов, во время гражданской и александрийской войн⁵⁷. Кроме того, он бывал на германских территориях, видел их поселения и хлебные нивы. Благодаря этому он располагал большими возможностями для личных контактов с ними и наблюдений над их образом жизни. Используя эти возможности, Цезарь мог иметь вполне достоверную информацию о противнике. Но «Записки» не являлись простым пересказом этих сведений и донесений, адресованных сенату с театра военных действий. Их опубликование отделено от галльской эпопеи автора многими годами, ознаменовавшимися гражданской войной, которая заслонила у современников впечатления от давних событий у северных границ государства. Цезарь в своем новом качестве видел в германцах уже не случайных противников, оказавшихся на пути его завоевательных рейдов, а потенциальных врагов возглавляемого им государства. Соответственно ему нужно было оценить масштабы исходившей от них опасности и под этим углом зрения переосмыслить имевшуюся в его распоряжении информацию. Эти интересы предопределили отбор фактов, расстановку акцентов и характер обобщений. Следовательно, его повествование о германцах представляет уже обработанную под определенным углом зрения информацию стратегического уровня с моментами прогноза. И при том значении, которое он ей придавал, главная ее ценность для него самого должна была заключаться в достоверности. Такая ориентация требовала от автора «Записок» не ограничиваться хроникой событий и посвятить часть своего сочинения описанию образа жизни германцев и, в частности, их аграрного строя.

В течение всей своей политической карьеры Цезарь уделял большое внимание аграрному вопросу, который со времени Гракхов приобрел исключительную остроту в Риме. В соответствии с программой партии популяров, он добивался осуществления реформ в этой области. Будучи консулом, а затем диктатором, он наделял землей бедных и многосемейных людей⁵⁸. Благодаря этому

⁵⁶ Дуров В.С. Цель «Записок» о галльской войне Юлия Цезаря // Вестн. Ленинград. ун-та. Сер. 2. История. Филология. 1988. Вып. 4. С. 24-25.

⁵⁷ Caes. В.Г. I. 39, 50; IV. 12; IV. 10, 35; VII. 65, 70, 80; VIII. 13, 36; В.С. I.82; III.52; В. Alex. 29.

⁵⁸ См.: Моммзен Т. История Рима. Т. 3. С. 170-173, 447.

Цезарь был знаком с аграрными проблемами, что позволяло ему компетентно судить о поземельных отношениях у германцев и, главное, оценить их подлинную роль в жизни этих племен.

Как полководец и политический деятель, искушенный в аграрном вопросе, Цезарь уловил главную особенность германских поземельных отношений — их органическую связь с войной. Характеризуя оказавшихся на его пути свевов, он пишет, что у них сто округов и каждый ежегодно высылает на войну по тысяче воинов. Остальные, оставаясь дома, кормят себя и их. А через год эти (последние) отправляются на войну, а те остаются дома. Благодаря этому (у них) не прерываются ни земледелие, ни интерес и практика войны⁵⁹. Расстановка сил данного племени в момент его встречи с Цезарем точно соответствовала описанию, содержащемуся в приведенном отрывке (далее: текст «А»). Вторжение в Галлию совершала только одна его часть во главе с Ариовистом, которая, следуя регламенту, должна была вернуться в свои *sedes* после выполнения своих обязанностей военных наемников у секванов. В расчете на скорое возвращение ее предводитель не взял с собой семью. Другая часть племени в это время оставалась на своей территории, выполняя обязанности земледельцев⁶⁰. Неизвестно, было ли именно таким распределение обязанностей у других племен. Но из сообщений Цезаря явствует, что многим из них приходилось сочетать земледельческие занятия с войной. Узипеты и тенктеры, например, долго отражали нападения свевов и покинули свою территорию только тогда, когда из-за этих вторжений обрабатывать землю стало уже невозможным. Ценой больших усилий убии защитили свое местожительство от тех же свевов. В то же время отдельные отряды германцев, оставляя временно свои *sedes*, периодически принимали участие во внутренних конфликтах среди галлов, сражаясь на стороне галлов против римлян и в составе войск Цезаря против галлов⁶¹. Следовательно, независимо от конкретных целей (завоевания, обороны, наёмничества), война составляла норму жизни у германцев.

Из содержания текста «А» следует: а) свевы имели постоянное место обитания; б) земледельческие и военные интересы у них уравнивались; в) основным источником их существования являлось земледелие; г) последнее было настолько продуктивным, что обеспечивало пропитание не только самих возделывателей, но и семей отправившихся на войну. Но в этой же главе приводятся и другие сведения о свевах, которые не вполне согласуются с текстом «А» и вытекающими из его содержания выводами. «У них, — значит в ней, — нет выделенных в частное владение земельных участков. И им нельзя оставаться на одном месте больше года. Живут они не столько за счет хлеба, сколько и глав-

---

⁵⁹ *Caes. B.G. IV. 1: Sic neque agricultura nee ratio atque usus belli intermittitur...*

⁶⁰ *Ibid. I. 31, 37, 53.*

⁶¹ *Ibid. IV. 1,3,7; V. 27; VII. 65, 70, 80; VIII. 13, 20.*

ным образом за счет молока и скота: они много охотятся»⁶². В этом отрывке (далее: текст «Б») те же самые свевы выступают уже в ином облике. Оказывается: а) у них не было постоянной территории обитания, и они должны были всем племенем менять место жительства ежегодно; б) основным источником их существования являлось не земледелие, а скотоводство и охота.

Идеи текста «Б» воспроизводятся со значительно большими подробностями в 22-й главе шестой книги в качестве характеристики не одного племени, а всех германцев. Причем они включены там в иной контекст и созвучны с содержанием данной главы и смежных глав.

Сама 22-я глава обнаруживает и другие контрасты с текстом «А» свевского экскурса. Если он создает впечатление сбалансированности интересов у свевов между земледелием и войной, то 22-я глава в категорической форме утверждает, что для всех германцев характерно приоритетное отношение к войне. Из текста «А» следует, что земледелие свевов, будучи основным их производственным занятием, способно было создать прибавочный продукт. 22-я глава характеризует всех германцев как общество, которое не проявляет усердия к земледельческим занятиям и живет за счет продуктов скотоводства. В силу указанных обстоятельств содержание 22-й главы шестой книги нуждается в подробном анализе.

Выраженная в ней мысль о характере германского земледелия приводится в другой главе той же книги. Объясняя причины, побудившие его воздержаться от дальнейшего преследования германцев за Рейном, Цезарь сослался на их недостаточное усердие к земледелию⁶³, из-за которого нельзя рассчитывать на обеспечение войск провиантом в глубине германских областей. Некоторые учёные на основании этого сообщения считают, что Цезарь преднамеренно очернял германскую агрикультуру в целях самооправдания за упущенные возможности завоевать внутреннюю Германию⁶⁴. И, следовательно, отсюда берет начало его отрицательное отношение к германскому земледелию, которое он выразил в 22-й главе. Не исключено, что приведенная выше ссылка Цезаря, являвшаяся, очевидно, первоисточником его идеи о германском земледелии, была им включена в одно из оперативных донесений сенату именно с этой целью. Но в период на-

---

⁶² Ibid. IV. 1: ... Sed privati ac separati agri apud eos nihil est, neque longius anno remanere uno in loco incolendi causa licet. Neque multum frumento, sed maximam partem lacte atque pecore vivunt multumque sunt in venationibus... Содержащееся в этом отрывке (а также в 22-й главе шестой книги) выражение *privati ac separati agri*, на наш взгляд, неправомерно переводить словосочетанием «поля, находящиеся в частной собственности». Здесь речь идет только о форме обладания (отношение к самой земле), но не о правах на нее (общественное отношение *из-за* земли). Латинский язык обладает рядом терминов, более или менее адекватно выражающим идею земельной собственности. Но Цезарь не нашел нужным употреблять их в этом контексте.

⁶³ *Caes. B.G. VI. 29*:... minime omnes Germani agricultura student...

⁶⁴ *Timpe D. Op. cit. S. 21-21, 24.*

писания «Записок» он вряд ли нуждался в таком оправдании. Целевое назначение данной идеи следует искать не в этом тексте, а в 22-й главе, где она, включенная в иной контекст, несет на себе другую — значительно большую по своим масштабам смысловую нагрузку.

В отличие от Тацита⁶⁵, Цезарь ничего не сообщает о самой агрикультуре, возможности которой он оценивает столь невысоко. Его негативная оценка относится не к системе земледелия, не к формам его ведения, а исключительно к отношению германцев к этой области их деятельности. «Они, — пишет он, — не усердствуют в занятиях земледелием, большая часть их пищи состоит из молока, сыра и мяса»⁶⁶. Такая форма оценки становится понятной, если сопоставить этот отрывок с содержанием предшествующей главы. Там значит: «Вся их (германцев) жизнь проходит в охоте, военных упражнениях, с раннего детства они стараются приучить себя к тяготам суровой жизни»⁶⁷. Приведенные тексты из обеих глав представляют единую мысль о жизненных приоритетах германцев, суть которых сводится к следующему: они (германцы) пренебрежительно относились к земледелию из-за того, что их интересы были сосредоточены в сфере войны⁶⁸. Да и как они могли уделять должное внимание полевым работам, если в перерывах между военными походами они проводят все время в военных упражнениях или охоте. Такое отношение к земледелию не отражалось на их благосостоянии, ибо они питались главным образом продуктами скотоводства и охотничьими трофеями.

Развивая эту мысль, Цезарь переходит к описанию их практики освоения земли. И то, что он сообщает, находится в противоречии с соответствующими данными археологии. «Никто из них (германцев), — пишет он, — не имеет в (постоянном) личном владении земельных участков с точно установленными границами»⁶⁹. Землю ежегодно распределяли должностные лица, именуемые *magistratus ac principes*. О том, кого Цезарь в данном случае имел в виду, мы узнаем из следующей главы той же книги: «Когда сообщество (*civitas*) ведет наступательную или оборонительную войну, (на это время) избираются *magistratus*, выполняющие обязанности военачальников, которым принадлежит право распоряжаться жизнью и смертью. В мирное время (таких) общих

---

⁶⁵ Описание Тацита воссоздает картину полевого экстенсивного хозяйства, основанного на переложной системе. Характеристика последней совпадает с трактовкой ее в сельскохозяйственных энциклопедиях (*Tac. Germ. XXVI*).

⁶⁶ *Caes. B.G. VI. 22: Agriculturae non student, maiorque victus eorum in lacte, caseo, carne consistit...*

⁶⁷ *Ibid. VI. 21: Vita omnis in venationibus atque in studiis rei militaris consistit; ab parvulis labori ac duritiae student.*

⁶⁸ Характерно, что при определении отношения германцев к военным упражнениям и к воспитанию у детей навыков к тяжелой жизни Цезарь употребляет те же термины, при помощи которых он охарактеризовал их отношения к агрикультуре (*studiis, student*).

⁶⁹ *Ibid. VI. 22: ... Neque quisquam agri modum certum aut fines habet proprios...*

magistratus у них нет»⁷⁰. Управляют тогда старейшины отдельных областей (principes), которые «творят суд и улаживают споры среди своих людей»⁷¹. Следовательно, в лице magistratus Цезарь видел военных вождей, неограниченная власть которых распространялась на целую общность, но только на время войны. Principes, по его определению, являлись функционерами низшего ранга — старейшинами, обладавшими правами административной и судебной власти постоянно, но в ограниченных территориальных рамках. Если же распределение земли осуществлялось при участии magistratus, которые, судя по месту их упоминания в тексте, играли в этом первенствующую роль, значит, это были не обычные разделы, которые могли происходить в мирное время, а только такие, какие имели место в период военных действий и в связи с ними.

О том, кто распоряжался землей в мирное время, можно заключить из следующего сообщения: узипетам и тенктерам, обратившимся с просьбой дать землю для поселения, Цезарь посоветовал разместиться на территории убиев с тем, чтобы вместе с ними отражать нападения свевов. Но те предпочли оставаться на землях, захваченных у галлов. Однако, узнав о том, что Цезарь направил против них свои войска, они попросили его задержаться и дать им время для запроса у старейшин (principes) и сената (senatus) убиев согласия на переселение⁷². Следовательно, именно эти должностные лица без участия magistratus могли решить вопрос о допущении в пределы своих sedes многочисленное население двух племен. И они же, разумеется, должны были ведасть (без участия военных вождей) распределением земли среди своих людей в мирное время, если бы такая практика у них бытовала.

Рассмотрим этот же порядок с другой стороны. Кто и как получал землю при упомянутых разделах? В тексте значится следующее: Должностные лица дают землю gentibus cog-nationibusque hominum qui turn una coierunt. По мнению советских ученых, здесь имел место отвод земли «родам и группам живущих вместе родственников»⁷³. Хатт трактует это место как раздачу земли общинам (Gemeinschaften) или семейным группам (oder Familien)⁷⁴. Тимпе обнаруживает среди ее получателей даже три коллективных субъекта: общины (Gemeinschaften), родовые группы (Sippen) и другие объединения⁷⁵. Приведенный выше отрывок, на наш взгляд, следует читать иначе. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что указанная в нем иерархия получателей земли соответствует порядку перечисления по рангам должностных лиц, производивших ее разделы.

⁷⁰ Ibid. VI. 23:... Cum bellum civitas aut illatum defendit aut infert magistratus qui ei bello praesint, ut vitae necisque habeant potestatem, deliguntur. In pace nullus est communis magistratus...

⁷¹ Ibid.:... Sed principes regionum atque pagorum inter suos ius dicunt controversiasque minuunt...

⁷² Ibid. IV. 8,11.

⁷³ Древние германцы: Сборник документов. М, 1937. С. 21.

⁷⁴ Hatt G. Op. cit. S. 123-124.

⁷⁵ Timpe D. Op cit. S. 17.

Помещенным там на первое место самым значительным функционерам — военным вождям (*magistratus*) соответствуют в списке получателей наиболее крупные общности — *gentes*. Этим термином Цезарь везде обозначал племена⁷⁶. Второе место в ряду распределителей земли занимают должностные лица низшего ранга — старейшины (*principes*). Им соответствуют среди получателей малые группы — родовые объединения (*cognationes*). Но текст не содержит никаких намеков на их совместное проживание. Наоборот, выражение *cognitionibusque hominum qui turn una coierunt* скорее всего имеет в виду родственников, которые обычно жили отдельно и собирались вместе только при разделах для получения земли в одном месте.

Весь этот текст, соответственно, читается следующим образом: «Военные вожди и старейшины (племен) отводят ежегодно, где и сколько найдут нужным, землю племенам и группам родственников, которые тогда (во время разделов для этой цели) сходятся»⁷⁷. В данном случае имелась в виду не земля окружающего ландшафта, подлежащая хозяйственному освоению в местах постоянного проживания племен, а завоеванная территория, где соответствующим общностям предстояло расселиться. Раздел был многостепенным. Военный вождь отводил каждому из союзных племен территорию для поселения. Их старейшины, в свою очередь, распределяли выданную им землю среди подчиненных им родовых групп. Выяснение того, как уже последние распоряжались ею, выходило за рамки интересов Цезаря. Наглядной моделью для воспроизведенного им сценария могла служить неудачная попытка свевов и их союзников во главе с Ариовистом освоить земли секванов. И, как правильно заметил Хатт, другого способа водвориться на завоеванной территории у них не могло быть⁷⁸.

Такое прочтение 22-й главы частично устраняет противоречие между её содержанием и данными археологии. В обоих этих источниках, оказывается, идет речь о разных, не исключających друг друга явлениях. Порядок освоения земли, о котором повествует Цезарь, — это эпизодический акт раздела только захваченных в результате военно-переселенческого движения угодий. Он существенно отличался от тех форм ее освоения, которые вели к образованию «древних полей», являющихся более или менее регулярным введением в хозяйственный оборот доступных элементов окружающего ландшафта. Противоречия сохраняются по следующему вопросу. Глава 22 сообщает, что земельные разделы в указанном порядке производились сроком на один год, по истечении которого ее получатели принуждались к переходу на другое место⁷⁹. Благодаря этому

⁷⁶ *Caes. B.G. IV. 1:...* Sueborum gens est longe maxima...; VI. 24: Galli... quae gens ad hoc tempus his sedibus sese continet...

⁷⁷ *Ibid. VI. 22:...* magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum qui turn una coierunt, quantum et quo loco visum est agri, attribuunt...

⁷⁸ *Hatt G. Op. cit. S. 124.*

⁷⁹ *Caes. B.G. VI. 22:...* anno post alio (loco) transire cogunt.

германские домохозяйства не могли располагать постоянно одними и теми же участками земли. Произведенные раскопки, как показано выше, засвидетельствовали относительно длительный период пребывания германцев на одном месте и ясно выраженное индивидуальное землевладение. Эта часть сообщения Цезаря представляется не вполне правдоподобной по ряду соображений. Во-первых, она противоречит другим местам его повествования. Возможно ли допустить, что люди, занятые систематически военными тренировками и (хотя без особого усердия) обработкой земли, а следовательно, привязанные к ней до снятия урожая, способны были еще в том же году переехать на другое место, построить там жилище, создать запасы кормов на длительный зимний период с тем, чтобы через год оставить и это место жительства? Во-вторых, если видеть в этом сообщении модель военно-переселенческого движения, то таковые все же происходили отнюдь не ежегодно. К тому же не все германские племена вели успешные войны, позволявшие им овладевать чужими землями. Что же побудило Цезаря включить в свое повествование столь неправдоподобное сообщение? Попробуем в этом разобраться.

По всей видимости, он сам понимал, что его читатели — образованные люди, знавшие толк в сельском хозяйстве, отнесутся с недоверием к этому сообщению. И он счел нужным, в целях его обоснования, привести ряд соображений, которые, якобы, исходили от самих германцев. По их словам, пишет Цезарь: «такой порядок (т.е. принудительное ежегодное перемещение) не дает прельститься оседлым образом жизни и променять войну на земледельческие работы, благодаря ему никто не стремится к расширению своих владений, более могущественные не сгоняют (с земли) более слабых — и никто не посвящает слишком много забот постройке жилищ для защиты от зноя и холода, [наконец, этот порядок] препятствует возникновению жадности до денег, из-за которых происходят партийные распри, и помогает поддерживать спокойствие в простом народе ощущением равенства его с самыми могущественными людьми»⁸⁰.

Эта аргументация состоит из идей различного происхождения. Мотив сохранения приоритетного отношения к войне мог быть действительно навеян Цезарю германскими собеседниками. Но в то же время он мог явиться результатом его личных впечатлений, сложившихся на основе наблюдений за поведением данных племен⁸¹. Но одно это соображение, хотя оно имело вполне реальную

---

⁸⁰ Ibid. VI. 22: ...ne assidua consuetudine capti studium belli gerendi agricultura commutent; ne latos fines parare studeant potentioresque humiliores possessionibus expellant; ne accuratius adfrigora atque aestus vitandos aedificent; ne qua oriatur pecuniae cupiditas, qua ex re factiones dissensionesque nascuntur; ut animi aequitate plebem contineant, cum suas quisque opes cum potentissimis aequari videant.

⁸¹ Ариовист, например, предложил Цезарю вести за него все войны при условии, если тот согласится признать его права на захваченные галльские земли. Узипеты и тенктеры, которые после нескольких лет блуждания водворились на землях менапиев, могли вернуться к оседлому образу жизни. Но они покинули захваченные земли, как только им представилась воз-

основу, еще не могло убедить римлян, считавших земледелие наиболее престижным занятием. Поэтому Цезарь стремится усилить свою аргументацию другими доводами. С этой целью он обращается к распространенной тогда, но не сохранившейся до нашего времени литературе, в которой германцы отождествлялись с номадами. Она, очевидно, послужила ему источником для характеристики германцев как общностей, живущих главным образом за счет скота, не проявляющих заботы о надежных жилищах и часто меняющих свое место жительства⁸².

Не германского происхождения и другие доводы Цезаря. Люди, которые, по его словам, не знали частного земледелия, не могли иметь представления о жажде к расширению своих владений и о роковых последствиях этой страсти. И, обходясь без денежного обращения, они не могли знать о социально-политических последствиях жадности к деньгам. Упоминая об этих хорошо известных его читателям явлениях, Цезарь стремился убедить их в том, что неоправданные с хозяйственной точки зрения ежегодные перемещения имели определенный смысл. Они предотвращали возникновение в германском обществе характерных для Рима пороков. Эта идея действительно была созвучна распространенной среди его современников тенденции идеализации варварского общества и поэтому выигрывала в своей убедительности.

Столь настойчивое стремление Цезаря обосновать идею о ежегодных перемещениях германцев не являлось случайностью. Она связывала его мысли об особенностях их аграрного строя и придавала им характер цельного построения нижеследующего содержания: направляемая должностными лицами ежегодная передислокация не позволяла германским домохозяйствам постоянно располагать одними и теми же участками земли. Поэтому у них не могло сложиться частное землевладение, а ежегодно оставляемые земли не могли быть предметом особых забот со стороны возделывателей. Такие порядки обуславливали постоянную зависимость членов германского общества от военных вождей и старейшин, которые ежегодно определяли размеры и расположение наделов для каждой малой группы. При ежегодных перемещениях основным источником существования германцев должен был стать скот, сопровождавший своих хозяев при каждом переходе на новое место. Все это вместе взятое позволяло германцам сохранять высокую боеспособность и с оружием в руках завоевывать земли для новых перемещений.

возможность участвовать в качестве наемников в военных конфликтах между галлами (Ibid. I. 44; IV. 4, 5).

⁸² Гипотезу о литературных источниках Цезаря выдвинул Тимпе. По его мнению, отсюда черпал свои сведения о свевах и Страбон, который изобразил эти племена как кочевников (Strab. VIII. 1, 3). То обстоятельство, что цезаревская характеристика германцев во многом совпадает с этим описанием, дает основание предполагать, что оба автора использовали в качестве источника одну и ту же литературу (Timpe D. Op. cit. S. 26-30). Некоторые ученые на основе этой характеристики считали германцев скотоводами-номадами (см. ниже).

Нет никаких оснований считать, что создавая это логическое построение, Цезарь стремился оправдать свою былую политику в Галлии или напомнить современникам о своих победах над столь сильным противником. Как правильно заметил Тимпе, «Цезарь смотрел вперед, но не назад»⁸³. И руководствовался он при этом интересами возглавляемого им государства, забота о величии и безопасности которого пронизывала его практическую деятельность. Светоний, сочинение которого отнюдь не являлось апологией «Божественного Юлия», должен был признать, что он день ото дня «задумывал все более великие и многочисленные планы устроения и укрепления столицы, укрепления и расширения державы»⁸⁴. Соответственно он не мог не учитывать грозящую Риму опасность со стороны германцев. О ее масштабах Цезарь предупреждает своих соотечественников⁸⁵: «Для римского народа, — пишет он, — представляет большую опасность развивающаяся у германцев привычка переходить через Рейн и массами селиться в Галлии: понятно, что эти дикие варвары после захвата всей Галлии не удержатся — по примеру кимвров и тевтонов — от перехода в Провинцию и оттуда в Италию...»⁸⁶. Содержащееся в «Записках» описание образа жизни германцев призвано показать, что это враг особый, равного которому не было среди противников Рима. Он не привязан к какой-либо местности интересами агрикультуры, землевладения и эмоциональными узами. Его жизненная энергия направлена не столько на добывание средств существования из земли, сколько на подготовку и ведение войн с целью грабежей и захватов чужих земель. Поэтому он всегда готов покинуть территорию своего обитания и совершить рейд в пределы римского государства и, овладев имуществом и землей местного населения, водвориться там. Следовательно, германцы представляли исключительную опасность вследствие своей подвижности, составляющей норму их образа жизни. Поскольку Цезарь связывал такое поведение с их отношением к земле, он включил в свое военно-историческое сочинение описание аграрного строя этих племен. Идея о ежегодных перемещениях являлась в нем важнейшим опорным пунктом. Таким образом, аграрные порядки германцев стали составной частью военно-политической концепции Цезаря, которая, в свою очередь, послужила основой будущей германской политики Рима.

Данная концепция, насколько о ее возникновении можно судить на основании «Записок», представляет особую форму обобщения фактов и событий, совершавшихся в разное время на обширном пространстве не только при участии германского этноса⁸⁷. Это видно из того, что свои непосредственные наблюдения над конкретными германскими военно-переселенческими движениями (све-

---

⁸³ *Timpe D.* Op. cit. S. 26.

⁸⁴ *Гай Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати Цезарей. М., 1993: Божественный Юлий. 44.

⁸⁵ *Timpe D.* Op. cit. S. 25-30.

⁸⁶ *Caes. V.G. I.* 33.

⁸⁷ *Timpe D.* Op. cit. S. 24-25.

вов, узипетов и тенктеров) Цезарь излагает в контексте с сообщениями и упоминаниями о других аналогичных событиях, которые инициировались различными этническими общностями как при нем, так и до его появления в Галлии. Первое столкновение у Цезаря произошло с переселенческим движением галльского племени гельветов, которые «полагали, что при их многолюдстве, военной славе и храбрости им было слишком тесно на своей земле». По словам представителей соседних с ними племен, они стремились подчинить себе всю Галлию и из множества ее областей «выбрать себе для жительства самую удобную и плодородную и все остальные племена сделать своими данниками»⁸⁸. Цезарь нанес им поражение и вынудил их вернуться на прежнее место жительства, опасаясь, что покинутые ими земли вследствие хорошего качества⁸⁹ могут быть захвачены зарейнскими германцами.

В различном контексте Цезарь часто упоминает о рейде кимвров и тевтонов в Италию. От них, по имевшимся у него сведениям, происходило германское племя адуатуков, которое проживало в Бельгийской Галлии и принимало участие в восстаниях галлов против римлян. Как уже сообщалось, Цезарем овладевали опасения, что современные ему германцы последуют примеру кимвров и тевтонов и совершат вторжение в Италию. Когда его воины стали испытывать страх ввиду предстоящего сражения с Ариовистом, он в целях поднятия их боевого духа напомнил им о разгроме кимвров и тевтонов римскими войсками⁹⁰. Большая часть белгов, — сообщает Цезарь, — по происхождению германцы. Прельстившись плодородием данной земли⁹¹, они уже давно переправились через Рейн и поселились там, изгнав прежних жителей, галлов. Последние, однако, также предпринимали такие захваты. Некогда даже они превосходили силой германцев. Испытывая недостаток в земле, при многочисленном населении, они уже с другого берега переправились через Рейн и водворились на землях местных жителей, которые являлись самыми плодородными во всей Германии⁹². В этом контексте звучат слова вождя галльского племени эдуев — Дивитиака о том, что Ариовист захватил у секванов землю, являющуюся лучшей во всей Галлии⁹³. Везде один и тот же мотив — *inopia agrī* — и вытекающее отсюда стремление к захватам чужих хороших земель. И это в условиях, когда кругом огромные массивы девственных лесов и неосвоенного ландшафта.

Эти однотипные события ассоциировались в восприятии Цезаря как одно крупномасштабное явление, обусловленное присущими различным этносам

⁸⁸ *Caes. B.G. I. 2, 30.*

⁸⁹ *Ibid. 1.28: ...propter bonitatem agrorum...*

⁹⁰ *Ibid. 1.38, 40; 11.29; V.I 1.4; VII.77 etc.*

⁹¹ *Ibid. II.4: ...propter loci fertilitatem ibi consedis...*

⁹² *Ibid. VI.24: ...propter hominum multitudinem agrique inopiam trans Rhenum colonias mitterent. Itaque ea, quae fertilissima Germaniae sunt, loca...*

⁹³ *Ibid. 1.31: ...agri sequani, qui esset optimus totius Galliae, occupavisset...*

одинаковыми чертами их образа жизни: а) отсутствием у них прочной привязанности к определенной среде обитания; б) существовавшей связи их земледелия с войной и сложившейся на этой основе практикой восполнять *inopia agri* не путем хозяйственного освоения окружающего ландшафта, а захватом чужих обжитых земель. Однако такой образ жизни был в одинаковой степени характерен для галлов и германцев только в далеком прошлом. В цезаревское время его сохранили лишь германцы, продолжавшие жить в нужде и бедности в условиях сурового быта. Что касается галлов, то их образ жизни, по определению Цезаря, радикально изменился вследствие близости римских провинций. «Знакомство с заморскими товарами способствует развитию у них благосостояния и новых потребностей; благодаря этому они мало-помалу привыкли к тому, чтобы их побеждали, и после многих поражений даже сами не пытаются равняться в храбрости с германцами»⁹⁴. Поэтому они уже были не в состоянии защитить себя от германцев, явившихся источником опасности и дестабилизации в регионе. «И будет так, — заявил Цезарю вождь эдуев Дивитиак, — что через несколько лет галлов прогонят (а на их место) через Рейн переправятся германцы, так как ни землю галльскую нельзя сравнить с германской, ни образ жизни тех и других... И если нельзя будет добиться помощи у Цезаря и римского народа, то всем галлам придется... выселиться из своей страны и искать себе новую родину, новых мест для поселения, подальше от германцев»⁹⁵⁶⁴. Судьбу изгнанников разделяли более слабые германские племена. После долгих лет безуспешного сопротивления свевам покинули свои *sedes* узипеты и тенктеры. Но и они, в свою очередь, стали угрозой для других этносов. Захватив поселения менапиев, они затем вторглись в Галлию. Под угрозой изгнания находились также убии. Если бы эта угроза осуществилась, им также пришлось бы добывать территорию для поселения силой оружия.

По указанным причинам Цезарь соотносил это вызывающее дестабилизацию поведение не со всеми этносами, которые когда-либо были к ним причастны, а только с германцами, представлявшими тогда реальную силу для совершения опасных акций в будущем. Причём не с отдельными их племенами, а со всей этой общностью в целом, выступающей в его концепции как единый субъект с присущим ему бытом и аграрным строем. Следовательно, этот образ складывался у Цезаря не в результате индуктивного обобщения сведений о жизни отдельных германских племен, а на основе таких умозаключений, которые, с одной стороны, отождествляли поведение различных этносов с активностью германской общности в целом, а с другой, — противопоставляли жизнь и быт

⁹⁴ Ibid. VI.24. Эти характерные черты были присущи не всем галльским племенам. А. Гирций — автор последней главы "Записок" — заметил, что треверы, «привыкшие вследствие соседства с Германией изо дня в день воевать с ними, по грубости образа жизни мало отличались от германцев» (Ibid. VIII.25).

⁹⁵ Ibid. I.31.

последней как единого субъекта жизни и быту галлов. В рамках этого противопоставления, которому посвящен ряд глав шестой книги, Цезарь изложил свою концепцию аграрного строя германцев. Можно было ожидать, что при последовательном проведении идеи сравнения быта этих двух этнических групп Цезарь сообщит также и о поземельных отношениях у галлов. Но он ни единым словом не обмолвился об этой области их жизни. Характеризуя особенности склада жизни галлов, он сосредоточил свое внимание на описании их внутривосточных отношений и религии⁹⁶. Это, очевидно, объясняется тем, что галлы представлялись Цезарю противником иного рода, нежели германцы. От них можно было ожидать энергичного сопротивления завоевательной политике Рима, но отнюдь не вторжения в его области с целью расселения. Поэтому их поземельные отношения в отличие от аграрного строя германцев, с которым связывались исключительная мобильность и боеспособность последних, Цезаря не интересовали.

Сама эта концепция формировалась у Цезаря постепенно в процессе осмысления имевшегося в его распоряжении материала. Свою окончательную редакцию она приняла только на последних стадиях работы. Поэтому во всем его изложении, посвященном германцам, обнаруживаются следы переработок и нестыковки, на которые ученые обратили внимание еще в прошлом веке. По их единодушному мнению, окончательно сложившиеся взгляды Цезаря на быт германцев содержатся в шестой книге. Свевский же экскурс (четвертая книга) отражает раннюю стадию его работы над данным сюжетом. Поэтому его содержание не во всем согласуется с тем, что сказано о германцах в шестой книге. Такое положение, по мнению одних ученых, сложилось вследствие того, что Цезарь написал и опубликовал шестую книгу уже после того, как увидело свет все содержание «Записок». Поэтому он не мог исправить содержание четвертой книги в соответствии с его изменившимся представлением о жизни германцев. Их оппоненты утверждали, что весь текст «Записок» был опубликован одновременно. Противоречия между шестой и четвертой книгами они относили за счет авторских переработок⁹⁷.

Вторая точка зрения, на наш взгляд, ближе к истине. Но она не объясняет, в каком направлении эволюционировали представления Цезаря о германцах, вынуждавшие его вносить соответствующие исправления в текст свевского экскурса. В действительности, здесь имело место существенное изменение авторского замысла. Первоначально он, очевидно, стремился построить свои очерки о германцах на основе подробной характеристики особенностей быта отдельных племен. Сохранившимся фрагментом этого варианта является приведенный выше текст «А» из свевского экскурса. Он создает впечатление оседлого земле-

---

⁹⁶ Ibid. VI. 11-24.

⁹⁷ Подробное изложение этих гипотез содержится в кн.: Древние германцы... С. 27, примеч. 1; Грацианский Н.П. Указ. соч. С. 56-64.

дельческого общества, занимавшего определенную территорию (100 пагов). Стабильное состояние позволяло ему посменно, сроком на один год посылать одних своих членов на войну, а других резервировать для земледельческих занятий. Причем само участие каждой такой смены в войне, как вытекает из текста, заключалось только в рейде с грабительской целью или в наёмничестве, но не в осуществлении военно-переселенческих движений. При такой стабильности свевы должны были располагать постоянной агросферой. Созданная ими за счет изгнания соседей обширная зона пустошей вокруг своей среды обитания⁹⁸ придавала последней характер закрытого микрокосма, в пределах которого постоянно и непрерывно протекала их жизнь. Однако знакомство с приведённым ранее текстом «Б» резко изменяет это впечатление. Оказывается, те же свевы не могли оставаться на одном месте больше года. Следовательно, у них не было постоянной агросферы и постоянного частного владения одними и теми же участками земли. Основным источником их существования являлись продукты скотоводства. Вне связи с предшествующим изложением такая характеристика создает представление о скотоводческом — номадном или полуномадном, — но отнюдь не об оседлом земледельческом обществе⁹⁹.

В 22-й главе шестой книги идеи текста «Б», относящиеся ко всем германцам, представляют взаимосвязанное логически цельное построение. Например, сообщение о преимущественном питании продуктами скотоводства приводится в нем не как изолированный отрывок, а как пояснение к мысли о недостаточном усердии германцев в земледельческих занятиях. Такой контекст у этой идеи в свевском экскурсе оказался бы в резком противоречии с содержащимся в нем положением о способностях их земледелия производить прибавочный продукт (см. текст «А»). Поэтому он здесь опущен. Отсутствие у германцев постоянных частных владений и их ежегодные перемещения изображаются в 22-й главе как следствие определенного порядка распределения земли, которое осуществлялось должностными лицами. И все эти положения представляют в ней единую мысль. В свевском экскурсе мысль разорвана, поскольку лишилась связующего звена в виде сообщения о распределении земли. Это умолчание вполне объяснимо. Распределение земли в согласии с порядком, который указан в 22-й главе, требовало присутствия на месте всего состава племени. А это не согласуется с содержащимся в свевском экскурсе сообщении (см. текст «А») о постоянном отсутствии половины соплеменников, которые находились на войне за пределами территории своего проживания¹⁰⁰⁶⁹.

Приведенные соображения свидетельствуют о том, что Цезарь перерабатывал свевский экскурс, являвшийся в действительности первоначальным вариан-

⁹⁸ *Caes.* V.G. IV.3.

⁹⁹ Сравнение данных текстов см. выше.

¹⁰⁰ Пример Ариовиста и его отряда свидетельствует о том, что такое отсутствие могло продолжаться долго.

том его разработки данного сюжета, под влиянием сложившейся концепции, которая изложена в 22-й главе шестой книги. Причем он вносил туда не все ее положения, а выборочно только те, которые меньше всего противоречили прежнему содержанию данного экскурса. Сами коррективы осуществлялись в двух направлениях: а) согласование общегерманской характеристики с описанием образа жизни отдельного племени (свевов); б) включение в характеристику последнего момента мобильности. Тем самым он приводил в известное соответствие содержание свевского экскурса с основными идеями своих окончательно сложившихся взглядов об аграрном строе всех германцев, изложенных в 22-й главе. Следовательно, вопреки существующему мнению, движение мысли Цезаря шло не от свевского экскурса к 22-й главе шестой книги в виде распространения на всех германцев имевшихся у него сведений о быте свевов, а наоборот, как дополнение прежней характеристики этого племени чертами, которые он считал на основе более поздних обобщений присущими всем германцам и которым он посвятил 22-ю главу. Здесь имела место индивидуализация обобщающего мысленного образа.

В той же главе свевского экскурса обнаруживаются и другие положения из содержащейся в 22-й главе общегерманской концепции Цезаря — идеи о систематических военных тренировках и о навыках приучать себя с детства к холоду¹⁰¹. Из-за всех этих дополнений первая глава четвертой книги оказалась в сравнении с другими главами «Записок» несоразмерно раздутой и перегруженной разнородными материалами. К тому же через весь свевский экскурс проходит линия столкновения двух различных подходов автора: ориентация на особенность отдельных племен и тенденция видеть в них германцев вообще. Это выражается в чередовании этнонимов. В данной книге свевы выступают то под собственным названием, то как германцы. Такое же чередование обнаруживается и в отношении узипетов и тенктеров¹⁰². Тот факт, что свевский экскурс перерабатывался столь основательно под влиянием содержания 22-й главы, сам по себе доказывает, что последняя не могла быть составлена и опубликована отдельно после того, как увидели свет все «Записки», включая и четвертую книгу¹⁰³.

Концепция Цезаря об аграрном строе германцев в силу особенностей ее гносеологической природы заключала в себе моменты абстрагирования, определявшие его целевыми установками. Поэтому она не могла отражать свой объект всесторонне. В результате «Записки» обнаруживают ряд сведений о германцах, которые не укладываются в предлагаемую им схему. Это проявляется главным образом в трактовке соотношения мобильности и оседлости данных племен. Обобщающая 22-я глава шестой книги гласит о том, что все германцы

¹⁰¹ *Caes.* V.G. IV. 1; V1.21.

¹⁰² *Ibid.* IV. 1-3. 4-19.

¹⁰³ Такого мнения придерживается также Н.П. Грацианский (Указ. соч. С. 64).

ежегодно должны были переходить на новое место. Но эта практика не подтверждается другими текстами «Записок». Выше уже приводились свидетельства Цезаря о постоянном месте пребывания свевов. Столь же убедительно он рассказывает о территории, которую занимали убии. По его словам, это цветущая и обширная страна, расположенная на берегу Рейна, которую посещали многие купцы. Сами убии всеми силами обороняли ее от свевов¹⁰⁴, не помышляя о переходе на новое место. И даже узипеты и тенктеры, которые позднее оказались бродячими племенами, по словам того же автора, долго и упорно защищали свои *sedes* и покинули только тогда, когда вследствие навязанных им войн стало уже невозможным заниматься земледелием¹⁰⁵⁷⁴. Эти территории и поселения сугамбров, как явствует из со-ответствующих сообщений, несомненно, являлись местом довольно длительного проживания на них данных племен.

При построении обобщающей концепции германского аграрного строя Цезарь, однако, пренебрёг этими фактами по вполне понятным причинам. Как полководец и крупный политический деятель, он мыслил категориями стратегического масштаба. Поэтому он ориентировался, с одной стороны, на то, что, по его мнению, составляло главное и определяющее в поведении германцев; а с другой — на те характерные черты их быта, которые отличались устойчивостью и длительностью своего действия. Осмысливая с этой точки зрения все имевшиеся у него сведения, он должен был заключить, что состояние оседлости, как бы долго в нем не пребывали отдельные германские племена, не составляло константу их образа жизни, и оно легко прерывалось под воздействием причин субъективного и объективного характера. Во всех случаях именно мобильность определяла границу оседлости, но не наоборот. Следовательно, это состояние как источник грядущей опасности для Рима должно было стать центральным пунктом его концепции об аграрных отношениях германцев. Но отвечала ли она историческим реалиям?

Решение вопроса о роли мобильности и оседлости в жизни германцев испытало влияние распространенного среди ученых представления, согласно которому все народы эволюционировали от кочевого скотоводства к оседлому земледелию. Придерживаясь этого стереотипа, отдельные исследователи видели в сообщениях Цезаря о ежегодных перемещениях и рационе питания германцев прямые свидетельства их скотоводческо-номадного быта¹⁰⁶. Другие находили, что германцы уже преодолели эту стадию развития, но еще не стали в полной мере оседлыми земледельцами¹⁰⁷. Но в последнее время в науке возобладало

---

¹⁰⁴ *Caes.* B.G. IV. 3.

¹⁰⁵ *Ibid.* IV. 1: ...*Complures annos exagitaii bello premebantur et agriculture prohibebantur...*

¹⁰⁶ *Hildebrand R.* *Recht und Sinne auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen.* Jena, 1896. T. I. S. 6.

¹⁰⁷ *Gierke O.* *Das deutsche Genossenschaftsrecht.* Berlin, 1868. Bd I. S. 14. См. также: *Грацианский Н.П.* Указ. соч. С. 64-70.

мнение о том, что германцы являлись уже оседлыми земледельцами, для которых состояние мобильности не свойственно. Свидетельства Цезаря, на основе которых возникла ошибочная точка зрения, как считают ученые этого направления, являются результатом того, что автор «Записок» распространил на всех германцев свои наблюдения за образом жизни свевов. Поэтому его обобщения не репрезентативны¹⁰⁸. Дальнейшее развитие этой идеи привело некоторых учёных к выводу о том, что порядки, обнаруженные Цезарем у свевов и получившие в его описании широкое обобщение, не соответствовали нормальному образу жизни этих племен, а сложились под влиянием передвижения, в котором они оказались¹⁰⁹. Эта трактовка имела в литературе и другие нюансы. А.Д. Удальцов, например, утверждал, что даже свевам, судя по описанию Цезаря, вообще не была свойственна мобильность. Что касается их похода в Галлию во главе с Ариовистом, то он был вызван жаждой к наживе, но не стремлением восполнить недостаток в земле. Следовательно, германцы времен Цезаря вообще не знали мобильности в форме военно-переселенческих движений. Последние, по его мнению, стали заметным фактом в их жизни лишь по мере приближения к эпохе Великого переселения народов, вызванного социально-экономическими обстоятельствами, но не особенностями их аграрного строя¹¹⁰. А.Я. Гуревич считал эпопею свевов в Галлии даже нарушением их нормального, оседлого образа жизни¹¹¹.

Иной подход к решению этого вопроса у А.И. Неусыхина. Он квалифицировал германцев как оседлых земледельцев, но в то же время не отвергал сообщения Цезаря об их мобильности и усматривал в них отражение объективной реальности. Однако эта мобильность, по его мнению, ничего не имела общего с перекочевками скотоводов и являлась только передвижением оседлых земледельцев, которое было вызвано обстоятельствами их хозяйствования в особых естественных условиях. Это выражалось в следующем. Природная среда, с одной стороны, позволила германцам достигнуть стадии оседлого земледелия, а с другой — ставила препятствие на пути их перехода к высшим формам хозяйствования. Орудия воздействия германских хлебопашцев на природу были уже настолько сложны, что позволяли им использовать крупный рогатый скот в сочетании с плугом; но еще достаточно девственных лесов в таких масштабах, как это было им необходимо. По этой причине у них периодически возникал дисбаланс между площадью земли, выбывавшей из обработки вследствие истощения, и нуждой в новых пашнях для прокормления растущего населения. Невозмож-

¹⁰⁸ Waitz G. Deutsche Verfassungsgeschichte. Kiel, 1844. Bd. I. S. 21-24.

¹⁰⁹ Dopsch A. Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung. Wien, 1918. Bd. I. S. 60; Петрушевский Д.М. Указ. соч. С. 142.

¹¹⁰ См.: Удальцов А.Д. К вопросу о переселенческом движении свевов эпохи Цезаря // Проблемы докапиталистических обществ. М.; Л., 1934. С. 19-34.

¹¹¹ См.: История крестьянства в Европе. Т. 1. С. 95-96.

ность покрыть этот дефицит хозяйственным путем толкала их на захват чужих земель. Таким образом, потребности самого земледелия вынуждали германцев с оружием в руках завоевывать возможность заниматься земледелием. В процессе возникавших по этой причине военно-переселенческих движений ставшие на этот путь племена продвигались с боем через владения соседей в различных направлениях и порой вовлекали их также в движущийся поток. Кульминацией этого спонтанного процесса, длившегося с перерывами ряд столетий, явилось Великое переселение народов со всеми его последствиями.

А.И. Неусыхин, однако, не считал, что германцы находились в состоянии непрерывной мобильности. Если отдельному племени или союзу племен удавалось овладеть территорией, способной прокормить его население в течение длительного времени, □ало□но□твующее сообщество там задерживалось (пример: маркоманы в Богемии). Но столкнувшись с естественной преградой или давлением превосходящего силой племени, оно покидало занятую территорию и отправлялось на завоевание новой среды обитания. Воспроизводившееся таким путем на протяжении столетий чередование оседлости и военно-переселенческих движений, по мнению А.И. Неусыхина, представляло особую форму взаимодействия германцев с природой, которая лишала их возможности подняться на более высокий уровень хозяйствования и, соответственно, социально-экономического развития¹¹².

Такой подход к решению проблемы и само ее освещение конструктивны во многих отношениях. В социологическом плане это первая, по крайней мере среди советских ученых, и вполне удачная попытка рассматривать явление прошлого как результат общественного взаимодействия с окружающей средой. Вклад автора в решение конкретной проблемы заключается в том, что он оценил познавательный потенциал сообщений Цезаря о связи земледелия с войной у германцев и дал этому явлению убедительное объяснение. Благодаря этому прояснились подлинные причины всех известных передвижений германцев, включая и Великое переселение народов. Кроме того, им создана теоретическая основа для понимания глубоких различий, существовавших между аграрным строем германцев и средневековыми поземельными отношениями в Западной Европе.

Концепция Цезаря о германцах и, в частности, их аграрном строе выдержала испытание истории. В первую очередь, подтвердились его прогнозы о масштабах исходившей от них опасности. Сто пятьдесят лет спустя Тацит с горечью заметил, что со времени кимвров и тевтонов ни один противник не напоминал о себе так часто, как германцы. Эпизодические победы над ними были да-

---

¹¹² См.: *Неусыхин А.И.* Общественный строй древних германцев. М., 1929. С. 17-95; *Он же.* Проблемы европейского феодализма. М, 1974. С. 377-389; *Серовайский Я.Д.* Географический фактор в творчестве А.И. Неусыхина // *История и историки.* М, 1990. С. 318-322.

леко не безнаказанны и стоили больших жертв¹¹³. Характеристикам Цезаря соответствовали сложившиеся к этому времени в римском обществе представления о целях германских завоеваний. Обращаясь к усмирённым галльским племенам, полководец Петилий Цериалис заявил, что неразумно было с их стороны вступать в союз со своими извечными врагами — германцами (участие в мятеже Цивилиса). Ведь переход германцев в Галлию «всегда имеет одну и ту же причину: необузданность желаний, жадность, склонность к перемене места жительства; они хотят, покинув свои болота и пустыри, завладеть вашей плодороднейшей землей и вами самими»¹¹⁴.

По сценарию Цезаря происходило завоевание германцами Римской империи. Племенные группы, воодушевленные приоритетным отношением к войне¹¹⁵, оставляли места своего прежнего обитания и расселялись на ее территории. И в соответствии с описаниями Цезаря главная роль в распределении завоеванной земли принадлежала там военным вождям, которые стали правителями основанных варварских королевств. Франкские короли, реализуя свои исключительные права, оставили в своем распоряжении часть владений бывшего императорского фиска и превратили ее в источник доходов и земельных пожалований¹¹⁶. Низшей территориально-политической единицей расселения франков являлась сотня (centena) — структурный элемент родоплеменной организации. Находившиеся в ее распоряжении земли оставались также в правовом ведении короля, который по своему усмотрению направлял туда для поселения людей со стороны¹¹⁷. Бургунды и вестготы, оставившие в источниках более ясные следы произведенных ими земельных перемещений, овладели двумя третями пахотного фонда местного населения — такой же долей, на которую в свое время претендовал Ариовист у секванов. Среди соплеменников землю распределяли короли — военные вожди. Они же и в дальнейшем ведали распределением неосвоенных угодий, которые не были разделены при оседании этих племен в данной провинции. Бургундское *пало*-дательство упоминает также о селившихся вместе родственниках (faramani), которые, очевидно, идентичны с cognationes — получателями земли в одном месте, о которых упоминает Це-

---

¹¹³ Tac. Germ. XXXVII.

¹¹⁴ Idem. Hist. IV.73: ...relictis paludibus et solitudinibus suis fecundissimum hoc solum vosque ipsos possiderent...

¹¹⁵ О том, что эти ценностные представления еще сохранялись, свидетельствует следующий рассказ Апполинария Сидония: рядовой вестгот, точивший меч ввиду предстоящей войны с римлянами, огорчился прибытием их послов для мирных переговоров. «Прощай, война, — воскликнул он с досадой, — принимайся снова за плуг». См.: Sid. Appol. Panegiricus Avito. V. 411 (цит. по кн. Грацианский Н.П. Указ. соч. С. 324).

¹¹⁶ См.: Серовайский Я.Д. Права франкских королей на лес и развитие феодальной собственности // Средние века. М., 1987. Вып. 50. С. 212-219.

¹¹⁷ Lex Salica. XIV. 4.

зарь¹¹⁸, а также с фигурирующими в Алеманнской правде *Genealogiae*, конфликтовавших между собой из-за межи¹¹⁹. Это доказывает, что даже после пяти столетий поведение германцев определялось мотивами, ценностными представлениями, интересами и отношением к окружающей среде, которые в свое время обнаружил Цезарь.

С военно-переселенческим движением связана форма освоения земли, отличная от той, которая практиковалась при более или менее длительном пребывании племени на определённой территории. Она распространялась исключительно на чужую землю, которая уже находилась в хозяйственной эксплуатации, но не на уголья первозданного ландшафта, не затронутые ещё агрикультурой. Сам переход этой земли к возделывателям осуществлялся через одноактный раздел, порядок которого описал Цезарь. Право индивида (домохозяйства) на получение доли в этой системе освоения земли определялось не трудовыми затратами, приложенными к конкретному участку, а исключительно его принадлежностью к племени (союзу племен), овладевшему конкретной территорией. Но последнее в лице своего вождя сохраняло известные права на выделенные домохозяйствам земли. Данная форма освоения земли прослеживается в бургундском законодательстве. Выделенный бургунду за счёт освоенных уголдий *□*ало-римлян надел выступает в тексте под названием *sors* (жеребий). Он не смешивается с земельными владениями иного происхождения¹²⁰ и является предметом особых забот законодателя. Король выражал беспокойство по поводу того, что бургунды с чрезмерной легкостью расточают свой жребий¹²¹. Устанавливая ограничения на продажу этих земель, он реализовал традиционное право военного вождя контролировать индивидуальные наделы, поскольку они считались достоянием всего племени. На основе этого же права выступающие в свидетельствах Цезаря военные вожди принуждали соплеменников оставлять свои наделы в целях очередной передислокации.

На территории варварских королевств получила распространение и другая форма освоения земли, практиковавшаяся германцами в местах своего прежнего более или менее длительного проживания (свободная заимка в окружающем ландшафте). Бургундская правда предписывала, чтобы каждый соплеменник при производстве расчисток в лесах не ущемлял интересы соседа — *□*ало-

---

¹¹⁸ См.: *Грацианский Н.П.* Указ. соч. С. 306-326; *Неусыхин А.И.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI — VIII вв. М., 1956. С. 289-317, 327-328; *Серовайский Я.Д.* Изменение аграрного строя на территории Бургундии в V в. // *Средние века.* М., 1959. Вып. XIV. С. 13-30.

¹¹⁹ *Lex Alamannorum.* LXXXI: *Si quis contentio orta fuerit inter genealogias de termino terrae eorum...* . См.: *Неусыхин А.И.* Возникновение... С. 319.

¹²⁰ *Lex Burgundionum.* I.I:...terra sortis titulo adquisita...; XIV.5: ...terra sortis jure possidens...: LXXXIV.I: ...qui alio loco sortem aut possessionem habet.

¹²¹ *Ibid.* LXXXIV: ...Burgundiones sortes suas nimia facilitate distrahere...

римлянина¹²². Свободные заимки известны Салической и другим варварским правдам. При такой форме освоения земли права на нее опосредствовались уже не принадлежностью к общности, совершившей завоевание, а трудом, затраченным на приведение в хозяйственную годность никому не принадлежавшего участка в окружающем ландшафте. Причем мера приложенного к нему труда определяла его ценность. Все статьи Салической правды, направленные на защиту индивидуальных владений, преследуют цель охраны приложенного к ним труда¹²³. А установленная в ней градуированность наказаний за нарушение этих прав находилась в прямой пропорциональной зависимости от трудовой ценности угодий, на которые покушался нарушитель¹²⁴. Таким образом, сведения раннесредневековых документов об индивидуальных заимках заполнили содержащийся в сочинениях Цезаря пробел и воссоздали ретроспективно картину освоения германцами земли в периоды их оседлости. Тем самым они восстановили разорванную связь между данной практикой, имевшей место в начале средневековья, и аграрными порядками, представление о которых дают «древние поля».

В связи со стабилизацией германского населения на территориях основанных ими королевств, дальнейшее развитие получает там вторая форма освоения земли. Не будучи привязанными ранее к какому-либо определенному ландшафту, германцы, как вытекает из «закона эволюционного потенциала»¹²⁵, легко адаптировались в различных почвенно-климатических зонах от Британии до Северной Африки. Знакомство с опытом местного населения позволило им включиться в возделывание характерных для каждой местности сельскохозяйственных культур. Поскольку их производственная деятельность не рассеивалась в пространстве, а протекала в локальных рамках, ее результатом явились устойчивые аграрные пейзажи, техносфера с дифференцированными постройками и дорожные сети. Таким образом, они совершали прорыв своей замкнутой, воспроизводившей себя на прежнем уровне системы взаимодействия с окружающей средой и выходили на новый уровень этих отношений и становились природопреобразователями — субъектами экосистем.

Так как окружающий природный ландшафт являлся для них единственным резервом развития агрикультуры и частного землевладения, он обретал значение ценности и рассматривался уже не как *res nullius*, а как альменда — терри-

¹²² Ibid. XIII, LIV. 2.

¹²³ Даже правонарушением против чужого леса Салическая правда считала только кражу или порчу заготовленного там материала, но отнюдь не кражу деревьев, стоявших на корню (*Lex Salica*. XXVII. 16,17, 18). См.: *Серовайский Я.Д.* Режим лесов и пастбищ на территории Франции в начале средневековья // *История: Сборник трудов преподавателей вузов КазССР*. Алма-Ата, 1970. С. 162-173.

¹²⁴ См.: *Неусыхин А.И.* Проблемы... С. 50-70.

¹²⁵ См.: *Лемберг-Карловский К.* Гипотезы в археологии // *Будущее науки*. М., 1984. С. 279-280.

тория с более или менее определенными границами, на которую распространялись исключительные права отдельных групп поселений. Изменялась сущностная основа его освоения. В каждом участке, заимствованном из окружающей среды, общество считало ценностью не только труд, затраченный на приведение его в хозяйственную годность, но и «землю-материю», к которой этот труд прилагался. Соответственно, он включался в правоотношения собственности. В связи с тем, что такие участки входили во внутриобщественный оборот не только как природная основа производства, но и как средство обмена на другие ценности, — основа для присвоения чужого труда, — иначе говоря, как богатство, их отторжение от естественного ландшафта начало подвергаться регламентации и ограничениям. В романизированных регионах свободная заимка уступала место организованным разделам неосвоенных угодий. Их принципы и состав участников находились в соответствии с изменявшейся социальной структурой общества¹²⁶. Таким образом, развивавшийся в средневековой Европе процесс освоения окружающего ландшафта, независимо от того, каким образом он осуществлялся, приобретал функции важнейшей составляющей другой системы «общество — природа», принципиально отличной от той, которая была обязана своим существованием жизнедеятельности германцев.

В процессе дальнейшей своей эволюции варварские общества обнаруживали в окружающем природном ландшафте, особенно в лесе, новые виды богатств, которые они не могли реализовать и ценить на прежней стадии своего развития. Как следствие, эти угодья стали входить во внутриобщественный оборот как самостоятельная, и даже предпочтительная в сравнении с пашней ценность. Поэтому они оказались в фокусе социальных конфликтов развивавшегося феодального общества. Это и был пролог к так называемым «Великим расчисткам» (XI — XIII вв.), сопровождавшимся мощным колонизационным движением в те леса, которые ранее германцы покидали ради захвата чужих обжитых земель¹²⁷.

Одновременно разлагалась характерная для германского экологического отношения связь аграрного строя с войной. Накопив значительный опыт в области агрикультуры и, соответственно, в хозяйственном освоении окружающей среды, население варварских королевств не нуждалось в войне как в средстве обеспечения земель. Война, отвлекая земледельцев от хозяйственных работ, становилась для них все более обременительной и разорительной. Поэтому она

¹²⁶ См.: *Каняшин Ю.Н.* Система полей как форма общественного освоения окружающей среды в средние века: Автореф. дисс. на соиск. учёного степеней. канд. ист. наук. М., 1993.

¹²⁷ См.: *Серовайский Я.Д.* Историзм во взаимодействии общества и леса // Проблемы взаимодействия общества и природы: Тезисы I Всесоюзной научной конференции. М., 1978. С. 73-74; *Он же.* Первые социальные конфликты из-за общинных угодий во Франкском государстве // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1984. С. 65-78; *Он же.* Социальные аспекты возникновения цены на лес в средние века // Социальная структура и идеология античности и раннего средневековья. Барнаул, 1989. С. 144-154.

теряла свое прежнее приоритетное положение в их шкале ценностей. Дело доходило до того, что свободные франки отдавали магнатам свое имущество и вступали к ним в личную зависимость в виде платы за избавление от ранее предпочтительных занятий¹²⁸. Это был переворот в ментальности варварского общества, и его члены, являвшиеся ранее по своему поведению и самосознанию более воинами, нежели земледельцами, превращались в крестьян по профессии, интересам и ментальности. Благодаря этим изменениям аграрные отношения отделялись от войны и трансформировались в самостоятельную область общественной жизни бывших германцев, которая развивалась уже по собственным законам. Война, со своей стороны, обрела также новые функции. Она стала орудием решения политических задач в рамках варварских, а затем феодальных государств. Данное обстоятельство послужило важнейшей причиной, вызвавшей каролингские военные реформы. Тем самым завершился процесс формирования новой системы общественного отношения к окружающей среде, развитие которой осуществлялось в хронологических рамках средневековья.

---

¹²⁸ MGH. Legum Sectio II: Capitularia regum francorum. T. 1. № 73, a. 811.

Историк и этнология

Гуревич А.Я. Этнология и история в современной французской медиевистике // Советская этнография. 1984. № 5. С. 36-48.

Одно из наиболее значительных явлений в области развития исторического знания на протяжении последних десятилетий — сближение между родственными, но все же разными научными дисциплинами — этнографией (этнологией) и собственно историей. Взаимодействие это представляется, скорее, односторонним: речь может идти преимущественно о влиянии этнографических методов исследования и этнографических данных на историческое знание.

Историческая наука XVIII и XIX вв. строила свой предмет, исходя из европейской модели, в основе которой лежат категории эволюции, динамики, прогресса. Однако открытие для науки народов Востока, Африки, Латинской Америки, островов Океании и др. неизбежно должно было продемонстрировать локальную ограниченность традиционной модели и поставить историков перед новыми вопросами. Если историю «на европейский лад» мыслили в виде непрерывного восходящего развития, то знакомство с социальными отношениями неевропейских народов и цивилизаций обнаружило всю значимость иных категорий, которые «европеисты» не принимали должным образом в расчет: стабильность, неизменяемость или чрезвычайно медленные перемены, повторяемость, циклизм, всемогущество традиции. К пересмотру европейской модели толкал и кризис понятий прогресса и эволюции в той форме, какую им придавала историческая мысль XIX в. Постепенно стала выясняться односторонность такого подхода к истории, когда значимыми и достойными изучения считались только изменения, поступательное движение, а пласты общественной жизни, казавшиеся неподвижными, исключались из рассмотрения.

Расширение поля зрения историков, которое стало охватывать наряду с динамичной событийной историей также и историю экономики и социальных отношений, показало, что эти отношения подчиняются иным ритмам, не совпадающим с ходом политического развития. До тех пор, пока история оперировала понятием государства как отправной категорией отбора исторического материала и сосредоточивала внимание на деятельности правителей, полководцев и дипломатов, по сути дела игнорируя жизнь подавляющего большинства населения, историческое время как таковое не являлось для историков проблемой — то было время политической истории. С усложнением предмета истории, включением в него нетрадиционных сюжетов перед научным сознанием во весь рост встала проблема разнохарактерности и множественности социального времени: наряду с «кратким», «нервным» временем событий («исторических конъюнктур») существует «долгое», медленно текущее время «исторических структур» — время незаметных или малозаметных изменений в области материальной

жизни, с одной стороны, и «ментальностей» — с другой¹²⁹. К понятию ментальности мы сейчас обратимся, а пока нужно отметить, что категория «длительного времени» (*la longue durée*) была подсказана Ф. Броделю как социологией, так и этнологией. В своем исследовании о мире Средиземноморья в XVI в.¹³⁰, считающемся классикой «новой историографии», Бродель стремился выявить разные ритмы, которым подчиняются осваиваемая человеком природа, его хозяйственная деятельность, социальные отношения, духовная жизнь и политические события.

Ментальность (*mentalité*)¹³¹ можно было бы определить как манеру чувствовать и думать, присущую людям данной социальной системы в данный период их истории. Она «перекрещивается» с социально-психологическими установками, не будучи им тождественной, ибо в центре внимания исследователей ментальностей находятся не столько скоропреходящие и легко меняющиеся настроения людей (такие, как паника, поведение масс во время войн, восстаний, в моменты религиозного подъема и т. п.), сколько устойчивые коллективные представления, стереотипы сознания, заданные культурой навыки мышления, «духовная оснастка», или «умственный инструментарий», присущие индивидам и коллективам на определенном этапе развития общества и цивилизации. Ментальность воплощает обыденное мировосприятие, повседневный облик коллективного сознания, не систематизированного направленными усилиями мыслителей и идеологов. Идеи производятся теоретиками и затем воспринимаются более широкими кругами, ментальность же присуща любому члену общества в такой же мере, как присущ ему язык, на котором он общается с другими людьми.

Как показывает опыт современной медиевистики (и «модернистики», изучающей историю Европы в XVI — XVIII вв.), в центре внимания историков ментальности находится «картина мира» — то понимание действительности, которое доминирует в сознании людей и охватывает их представления о природном окружении и о социальной среде, равно как и их самосознание. «Картина мира» исторически обусловлена и перестраивается в зависимости от условий жизни общества, но изменения ее происходят чрезвычайно медленно, ибо «кар-

¹²⁹ Braudel F. Histoire et sciences sociales. La longue durée // Ann. È. S. C. 1958. № 4. P. 725-753.

¹³⁰ Braudel F. La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. Paris, 1949 (2-e éd. 1966. V. 1—2).

¹³¹ См.: Duby G. Histoire des mentalités // L'Histoire et ses méthodes. P., 1961; Dupront A. Problèmes et méthodes d'une histoire de la psychologie collective // Ann. È. S. C. 1961. № 1; *idem*. D'une histoire des mentalités // Rev. roumaine d'histoire. 1970. T. IX. № 3; Mandrou R. L'Histoire des mentalités // Encyclopaedia Universalis. 1968. T. 8; Le Goff J. Les mentalités. Une histoire ambiguë // Faire de l'histoire. T. 2. Paris, 1974; Ariès Ph. L'histoire des mentalités // La Nouvelle histoire. Paris, 1978; Hutton P. H. The History of Mentalities. The New Map of Cultural History // History and Theory. 1981. V. XX. № 3; Gurevich A. J. Medieval Culture and Mentality According to the New French Historiography // Arch. européennes de sociologie. 1983. T. XXIV. № 1.

тина мира» — образование в высшей степени консервативное, противящееся переменам и покоящееся на традиции. Именно здесь история ментальностей ближе всего подходит к тому разделу социальной психологии, который изучает «способы социальной детерминации деятельности личности, конкретные формы и институты социализации личности, а также проблемы формирования ее социальных установок и ценностных ориентаций»¹³² \ однако историю ментальностей эти системы интересуют прежде всего в их связи с историко-культурной традицией данного общества.

Неотъемлемым признаком ментальности является неосознанность или неполная осознанность ее «языка». Люди, сформированные данной социально-культурной системой, неизбежно воспринимают детерминированные ею способы мировосприятия и поведения, не вдумываясь в их природу, не рефлектируя над ней. При изучении ментальности раскрывается тот пласт духовной жизни, о котором люди изучаемой эпохи могли и не подозревать и о котором они не собирались сообщать в своих посланиях — в оставленных ими исторических памятниках. Тем самым данные о ментальности людей минувшей эпохи обычно лишены намеренной тенденциозности, и в них эта эпоха как бы невольно «проговаривается» о тайнах их психики, об их видении мира. В указанной особенности ментальности заключается ее огромная познавательная ценность, ибо на этом уровне историк способен расслышать такое, о чем нельзя узнать на уровне теоретически осознанных, «идеологических» высказываний. Поэтому при обращении к анализу ментальности можно рассчитывать на существенное расширение круга знаний о человеке в истории, его представлениях о мире и самом себе, об его чувствах, верованиях, жизненных ценностях, поведении. Эти знания можно было бы получить не в нормативной интерпретации ученых, мыслителей, богословов, а в непосредственном «обиходном» их выражении, в неформальном, «сыром» виде, — короче говоря, примерно в том виде, в каком их собирает этнограф, работающий в «полевых условиях», среди изучаемого им народа. Получение такого рода знаний отвечает потребности современного человека ближе познакомиться с человеком прошлого и вступить с ним в «диалог». Тем более эти знания необходимы исследователю, ибо, приблизившись к познанию структуры человеческой личности в изучаемую им эпоху, он смог бы полнее уяснить специфику общества и способ его функционирования и изменения. Ведь личность представляет собой своего рода «средний член» между социальной структурой и культурой, и без познания личности в ее конкретном исторически обусловленном облике едва ли возможно понять и соотношение социального и культурного. Структура личности, определяемая социально-культурной системой, со своей стороны налагает отпечаток и на культуру, и на общественные отношения. Поэтому исследование ментальности — первоочередная задача исторической науки.

¹³² Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 636.

Внимание к обрисованному выше подходу к духовной жизни людей прошлого обострилось после того, как историкам, по крайней мере части их, стало ясно, что коллективное сознание меняется в ходе истории и выступает в ином виде при перемещении взгляда исследователя с одного общества на другое. Это понимание было подсказано прежде всего этнологией. Едва ли можно сомневаться в том, что М. Блок, один из основоположников «новой историографии», получил соответствующие стимулы от французских этнологов и что страницы его труда «Феодальное общество», на которых он рисует своеобразие экономического поведения средневековых сеньоров, их нерасчетливую расточительность, приверженность к экстравагантной щедрости¹³³, навеяны «Этюдом о даре» М. Мосса (1923)¹³⁴, в такой же мере этнографическим, как и социологическим исследованием.

Поскольку ментальность — неотъемлемое качество любого человека, в центр внимания историков выдвигаются безымянные массы людей с их чувствами, настроениями, верованиями. Представители интеллектуальной элиты на протяжении большей части истории монополизировали фиксацию информации, которая традиционно была доступна историкам, и тем не менее историк ментальности в состоянии расслышать голос «безмолвствовавшего» до того большинства: оно заговорило с ним на языке символов, ритуалов, жестов, обычаев, верований и отражено в текстах, вышедших из-под пера образованных, но испытывавших на себе косвенное воздействие широкой аудитории с ее запросами, вкусами, интеллектуальным потенциалом.

Выдвижение в центр внимания историков социально-психологических состояний, массовидных проявлений духовной жизни не означает отказа от изучения социально-экономической истории или умаления ее значения. Дело в том, что ментальности не изолированы от объективных условий существования людей и образуют компонент их общественной жизни. Ментальности — субъективная сторона социального и могут быть правильно поняты только в широком социально-культурном контексте эпохи. Однако сфера ментальности связана с материальной жизнью общества — с производством, демографией, бытом — непрямо, а в высшей степени сложно и причудливо и подчиняется собственным ритмам. Отражение определяющих условий исторического процесса в общественной психологии — обычно преображенное и даже искаженное; культурные и религиозные традиции и стереотипы играют в ее формировании и функционировании огромную роль.

Разглядеть «план содержания» за «планом выражения», проникнуть в этот не выговоренный ясно и текучий по составу пласт общественного сознания, настолько потаенный, что до недавнего времени историки и не подозревали о его существовании, — задача первостепенной научной важности и огромной интел-

¹³³ Bloch M. La société féodale. Paris, 1968. P. 432—433 (1-e éd. 1939 — 1940).

¹³⁴ Mauss M. Essai sur le don // Mauss M. Sociologie et anthropologie. Paris, 1950.

лектуальной привлекательности. Ее разработка открывает перед исследователями самые широкие перспективы.

Но сразу же встают проблемы. Во-первых, какова должна быть «анкета», с которой историк мог бы подойти к источникам, чтобы задать им новые вопросы и тем самым получить новое знание — знание о стихийной духовной жизни людей в истории, об их социальном поведении? И, во-вторых, каков круг памятников, которые могли бы послужить источниками для изучения этого аспекта человеческой жизни?

Здесь-то историк и находит помощь у этнографа (равно как и у этносоциолога и социального психолога). Если перечислить новые для историографии темы, которые ныне разрабатываются применительно к европейской истории средневековья и начала нового времени, то легко убедиться в том, что по большей части эти темы не новы для этнографии (как и для фольклористики): время, пространство, брак, семья, сексуальные отношения, женщина, детство, личность, смерть, аккультурация, истина, народная культура, народная религиозность, устная традиция. Темы эти в значительной мере подсказаны историкам-медиевистам и «модернистам» именно этнологической наукой. Вторжение указанной проблематики в сферу собственно исторического рассмотрения — результат слома междисциплинарных барьеров, которыми в ходе своего развития и дифференциации отгородились одна от другой науки, изучающие общественного человека. Разумеется, историки пошли на сближение не с одними лишь этнологами. Они учатся и у социологов, демографов, психологов, лингвистов; много ценного дает им более близкое знакомство с фольклористикой, литературоведением, семиотикой, искусствоведением, с наукой о мифах, с биологией. И тем не менее решающую роль в обновлении арсенала понятий исторической науки сыграла этнология, и не случайно историки, работающие в указанном направлении, квалифицируют его как «историческую антропологию» или «антропологически ориентированную историю»¹³⁵. Представители направления, о котором идет речь, выдвигая вопросы, возникшие в других дисциплинах, неизбежно переформулируют их в собственных категориях и терминах.

---

¹³⁵ *Nipperdey Th.* Bemerkungen zum Problem einer historischen Anthropologie // Die Philosophie und die Wissenschaften. Simon Moser zum 65. Geburtstag. Meisenheim am Glan, 1967; *idem.* Die anthropologische Dimension der Geschichtswissenschaft //: Geschichte heute. Positionen. Tendenzen. Probleme. Göttingen, 1973; *idem.* Kulturgeschichte, Sozialgeschichte, historische Anthropologie // Theorieprobleme der Geschichtswissenschaft (Wege der Forschung, B. 378). Darmstadt, 1977; *Kohler O. u. a.* Versuch einer «Historischen Anthropologie» // Saeculum, 1974, B. 25, H. 2-3; *Sprandel R.* Historische Anthropologie. Zugänge zum Forschungsstand // Saeculum, 1976, B. 27, H. 2; *La nouvelle histoire.* Paris, 1978; *Lepenies W.* Probleme einer Historischen Anthropologie // Historische Sozialwissenschaft. Beiträge zur Einführung in die Forschungspraxis. Göttingen, 1977; *Faber K-G.* Theorie der Geschichtswissenschaft. München, 1974; *Nitschke A.* Historische Verhaltensforschung. Stuttgart, 1981.

На вопрос об источниках, которые могли бы поведать о ментальности людей прошлого, можно ответить предельно кратко. Любой памятник изучаемой эпохи способен послужить в качестве источника для проникновения в человеческое сознание: ведь он создан людьми, и они не могли не оставить на нем — вольно или невольно — своего отпечатка. Исторический источник неисчерпаем, но объем информации, которую из него можно извлечь, определяется интеллектуальной активностью исследователя, его способностью точно формулировать и обогащать свой вопросник. Сказанное не означает, что не существует категорий памятников, к которым мысль историка ментальности обращается в первую очередь. Скажем, для специалистов по западноевропейской истории XIV — XVIII вв. «привилегированной» разновидностью материалов, изучение которых проливает новый свет на уровень религиозности, на отношение к смерти и самосознание личности, оказались завещания — источники массовые, поддающиеся исследованию с помощью количественных методов, а потому позволяющие проследить и ритмы изменения ментальностей.

* * *

Для того чтобы уяснить характер и возможности «исторической антропологии», остановимся на некоторых проблемах, разрабатываемых современной историографией, а именно на таких контрастных проблемах, освещающих две противоположные точки, «полюсы» человеческой жизни, как детство и смерть. Изучение вопроса об отношении к ребенку в Европе при «старом порядке» привело известного французского демографа и историка Ф. Ариеса к заключению, что в средние века еще не была открыта категория детства как особого качественного состояния человека. Детство считали не более чем кратким переходным этапом. Детей не воспринимали как полноценные человеческие существа и ими не дорожили. В условиях, когда рождаемость была высокой и не менее высокой была детская смертность, потеря ребенка не представляла невозместимой утраты в глазах родителей; при отсутствии противозачаточной техники частым явлением было умерщвление новорожденного. Средневековая цивилизация, по выражению Ариеса, — «цивилизация взрослых»¹³⁶. Ариес указывает, в частности, на то, что в изобразительном искусстве дети интерпретировались как взрослые уменьшенного размера, ни по своему облику, ни по одежде от них не отличавшиеся. Ребенок рано покидал родительский кров, его отдавали в длительное ученичество на сторону. Социализация ребенка, передача ему ценностей и знаний не определялись и не контролировались семьей.

Таким образом, и семья в средние века обладала особенностями, отличающими ее от лучше нам известной семьи нового времени. Известно, что воспевшие любовь куртуазные поэты резко отделяли ее от супружеских отношений, а

---

¹³⁶ *Aries Ph. L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. Paris., 1960 (2-e ed.. 1973).*

христианские моралисты допускали брак преимущественно как средство продолжения рода, усматривая в половой любви опасность, в отношении которой требуются контроль и средства обуздания. Семья в ту эпоху была группой с относительно нечеткими границами. Большое значение в социальной жизни помимо семьи имели иные коллективы, которые в свою очередь основывались на солидарности и взаимопомощи (цехи, гильдии, общины, братства, приходы, соседства, группы вассалов). Индивид по необходимости входил в одну или несколько групп такого рода, «конкурировавших» с семьей в роли социальных интеграторов. Лишь в новое время семья из союза между супругами превращается в ячейку, выполняющую социально важные функции воспитания детей. И поэтому далеко не случайно в средневековом искусстве бытовые сцены не изображались или, во всяком случае, не локализовались вокруг домашнего очага, и собственно только с XV—XVI вв. семья становится предметом художественного изображения; возникший тогда семейный портрет в интерьере явился симптомом возросшего значения частной жизни; бытовые сцены переносятся из пленэра в помещение.

Концепция Ариеса вызвала оживленную дискуссию, в ходе которой отдельные его утверждения были поставлены под вопрос или пересмотрены. Существенна, однако, самая постановка проблемы детства как исторической категории. Как видим, комплекс эмоций и установок, связанных с ребенком, так же является предметом исторической антропологии, как и трактовка семьи, семейной жизни, секса и социально-психологического статуса женщины, которую вплоть до недавнего времени историки по сути дела игнорировали¹³⁷.

* * *

Другой полюс человеческой жизни, смерть (точнее, представления о смерти, отношение к ней), также привлекает ныне самое пристальное внимание историков. Эта проблема не нова для этнографа, с точки зрения которого погребальные обряды и связанные с ними символика, фольклор и мифы представляют важное средство для понимания народных обычаев, как не нова она и для археолога, имеющего дело с погребениями. Но историки всерьез занялись про-

---

¹³⁷ Grey U. *Das Bild des Kindes im Spiegel der altdeutschen Dichtung und Literatur*. Frankfurt/M., 1973; Davis N. Z. *Society and Culture in Early Modern France*. Stanford, 1975; Lebrun F. *La vie conjugale sous l'ancien régime*. Paris, 1975; Flandrin J.-L. *Families: parenté, maison, sexualité dans l'ancienne société*. Paris, 1976; *Famille et parenté dans l'Occident médiéval*. Rome, 1977; Herlihy D. *Medieval Children. Essays on medieval civilization*. Austin; London, 1978; Beuys B. *Familienleben in Deutschland*. Marburg, 1980; *L'Enfant au Moyen Age: Littérature et civilisation*. Aix-en-Provence, 1980; Stone L. *The Family, Sex and Marriage in England, 1500—1800*. London, 1979; *Enfant et sociétés*. P., 1973; *Marriage and Society. Studies in the Social History of Marriage*. London, 1981. Обзор новой зарубежной литературы о семье, детях, женщине в общественном сознании средневековья см.: *Идеология феодального общества в Западной Европе*. Реф. сб. М., 1980; *Культура и общество в средние века*. Реф. сб. М., 1982.

блемой представлений о смерти сравнительно недавно¹³⁸. Отношение к смерти — один из коренных параметров коллективного и индивидуального сознания, и, как теперь выясняется со все большей полнотой, установки общества в отношении к смерти не остаются неизменными, а меняются вместе с самосознанием человека. Изучение этих установок могло бы пролить дополнительный свет и на отношение к основным ценностям жизни. По выражению П. Шоню, «культура, цивилизация более всего раскрывается в своем отношении к смерти (в слове, жесте, писаньях). Именно в ней и только в ней не плутуют»¹³⁹.

Здесь опять-таки привлекают внимание прежде всего работы Ариеса, который после изучения темы детства обратился к теме смерти в истории европейской культуры на протяжении почти двух тысячелетий нашей эры¹⁴⁰. Ариес не первым приступил к разработке этой темы, у него были предшественники, но постановка вопроса и огромный временной охват — от начала средневековья и вплоть до наших дней — выделяют его книги из нарастающего потока литературы о восприятии и переживании смерти европейцами. Такой диапазон исследования объясняется тем, что для обнаружения сдвигов в установках в отношении к смерти их нужно рассматривать в плане большой длительности, ибо на протяжении истории они менялись чрезвычайно медленно и неприметно для участников исторического процесса, и только ныне, в последней четверти XX в., эти перемены сделались резкими и ощутимыми. Отсюда и внезапное пробуждение у историков интенсивного интереса к проблеме смерти. Ариес подчеркивает: поскольку существует связь между установками в отношении к смерти, преобладающими в обществе, и самосознанием личности, то в восприятии смерти можно обнаружить отражение структуры человеческой индивидуальности. Восприятие смерти, по Ариесу, коренится в «коллективном бессознательном», и стихийные его мутации суть стадии развития человеческой личности.

---

¹³⁸ *Tenenti A.* La vie et la mort à travers l'art du XVe siècle. Paris, 1952; *idem.* Il senso della morte e l'amore della vita nel Rinascimento (Francia e Italia). Torino, 1957; *Lebrun F.* Les hommes et la mort en Anjou aux 17e et 18e siècles. Essai de démographie et de psychologie historiques. Paris; La Haye, 1971; *Vovelle M.* Mourir autrefois. Altitudes collectives devant la mort aux XVIIe et XVIIIe siècles. Paris, 1974; Autour de la Mort // Ann. E. S. C. 1976. № 1; La Mort au Moyen Age. Strasbourg, 1977; *Chaunu P.* La mort à Paris. XVIe, XVIIe et XVIIIe siècles. P., 1978; *Neveux H.* Les lendemain de la mort dans les croyances occidentales (vers 1250 — vers 1300) // Ann. É. S. C. 1979. № 2; *Le Goff J.* La naissance du Purgatoire. Paris, 1981; *Chiffolleau J.* La comptabilité de l'au-delà, les hommes, la mort et la religion en Comtat Venaissin à la fin du Moyen Age. Rome, 1981; *Vovelle M.* Encore la mort: un peu-plus qu'une mode? // Ann. É. S. C. 1982, № 2; Death in the Middle Ages. Leuven, 1983; Mirrors of Mortality. London, 1981.

¹³⁹ *Chaunu P.* Mourir a Paris (XVIe—XVIIe—XVIIIe siècles) // Ann. É. S. C. 1976. № 1. P. 34.

¹⁴⁰ *Ariès Ph.* Essais sur l'histoire de la mort en Occident du Moyen Age à nos jours. Paris, 1975; *idem.* Western Attitudes toward Death; from the Middle Ages to the Present. Baltimore and London 1976; *idem.* L'Homme devant la Mort. Paris, 1977.

Соответственно история отношения к смерти в средневековой Европе представляет собой, по Ариесу, нарастающую его индивидуализацию. В раннее средневековье человек, включенный в природу и ее ритмы, воспринимал смерть как некую данность. Он относился к ней фаталистически смиренно и безлично. В ритуалах, которые окружали и сопровождали кончину, выражалась солидарность индивида с семьей и обществом. К тому же уход человека из этого мира не воспринимали как полный разрыв и прекращение всякого существования. И недаром на протяжении всего средневековья погребения располагались на территории населенных пунктов: близость мертвых к живым не пугала и не создавала трудностей. Отсутствие страха смерти у людей той эпохи, по мнению Ариеса, якобы объясняется еще и тем, что, по их представлениям, умерших на том свете не ожидают суд и возмездие, но они погружаются в сон, который продлится «до конца времен», а после второго пришествия Христа все, кроме тяжких грешников, пробудятся и войдут в царство небесное. Идея же загробного суда, как утверждает этот учёный, возникла не ранее XII в. Но и она трансформируется: первоначально это идея суда над родом человеческим, а приблизительно с XV в. складывается представление об индивидуальном суде, происходящем над душой умирающего. Связь этой эволюции с ростом индивидуального сознания очевидна. В своей смерти человек открывает собственную индивидуальность, осознает свою идентичность. Анонимность погребений, характерная для средневековья, изживается, появляются, как и в античности, эпитафии и надгробные изображения умерших. В XVII в. новые кладбища располагаются уже за пределами городской черты, ибо отныне близость живых и мертвых более нетерпима. Примерно в это же время человек находит средство для освоения загробного мира и манипулирования им — завещание, которое дает ему возможность обеспечить собственное благополучие на том свете и примирить любовь к земным богатствам с заботой о спасении души. С этим же связано и возникновение идеи чистилища, занимающего промежуточное положение между адом и раем и оставляющего надежду на избавление от вечного проклятья.

В новое время романтизм открыл социально-психологическое явление, названное Ариесом «твоя смерть»: уход близкого, любимого существа воспринимается не менее или даже более трагично, чем собственный конец, и это явление ученый связывает с изменившимся характером семьи и возросшей ее эмоциональной ролью. Постепенное вытеснение смерти из коллективного сознания достигает максимума в наше время, когда упоминания ее становятся едва ли не табу; в индустриальных странах Запада кончина человека — дело преимущественно врачей и предпринимателей, занятых похоронным бизнесом. Таков в самом конспективном изложении путь, который, по Ариесу, был проделан на Западе в бессознательно применяемой обществом стратегии в отношении к смер-

ти и который отражает сдвиги в структуре человеческой личности и ее самосознании.

Здесь нет возможности предпринять критический разбор построения Ариеса. Тем не менее отметим, что во многом и существенном (в особенности

в трактовке отношения к смерти в средние века) оно не выдерживает проверки источниками, которые этот ученый отбирает весьма односторонне и произвольно¹⁴¹. Не подтверждается его основная мысль о непрерывной и последовательной эволюции в направлении индивидуализации восприятия смерти. К тому же Ариес, сосредоточив внимание на таких памятниках, как рыцарский эпос и роман, надгробия и эпитафии, игнорирует особенности отношения простого народа к смерти, экстраполируя на него аристократические установки.

Проблема смерти стала ныне точкой приложения принципиально различных методологических подходов: если идеалистически ориентированный Ариес склонен изолировать изучение ментальности от анализа материальных структур, мистифицируя всю проблему смерти введением понятия «коллективного бессознательного»¹⁴², то историк-марксист М. Вовель исходит из убеждения, что развитие установок общества в отношении к смерти необходимо рассматривать во всех диалектически сложных связях с экономическим, социальным, демографическим и идеологическим аспектами жизни. Разумеется, отражение общества в образе смерти — искаженное, двусмысленное, и нелепо искать механическую зависимость ментальности от объективных исторических процессов. Между материальными условиями общественной жизни и восприятием ее разными классами и группами, отражением в фантазии, верованиях и представлениях людей происходит полная противоречий «игра»; ритмы эволюции базисных форм и движения ментальностей не совпадают. В противоположность Ариесу, дающему стилизованную картину отношения к смерти на том или ином этапе истории, Вовель стремится, вскрыть разные модели поведения и соотношение между ними (например, установки официального христианства и вера в «двойников», или «живых мертвецов», продолжавшая бытовать в среде народа). Изменения отношения к смерти он склонен интерпретировать как медленную эволюцию, прерываемую конвульсивными, резкими скачками; таковы катаклизмы, вызванные «Черной смертью» XIV в., возникновение темы «пляски смерти» в конце средневековья, «барочная» патетика смерти в конце XVI и в XVII в. и т.д.

¹⁴¹ Подробнее см. *Гуревич А. Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 198 сл., 228 сл., 238 сл.; *его же.* «Большая» и «малая» эсхатология в культуре западноевропейского средневековья // *Finitis duodecim lustris.* Сб. статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин, 1982; *Gurevič A.* Au Moyen Age: conscience individuelle et image de l'au-delà. // *Ann. É. S. C.* 1982. № 2.

¹⁴² *Vovelte M.* Y a-t-il nil inconscient collectif? // *La pensée.* 1979. № 205.

Давая высокую оценку обширному исследованию Вовеля «Смерть и Запад с 1300 г. до наших дней»¹⁴³, одновременно приходится констатировать, что народные представления о смерти в средние века еще не получили достаточно глубокого освещения ни в его книге, ни в научной литературе вообще. Между тем в этих представлениях необычайно ярко проявляются существенные особенности средневековой ментальности, склонность ее к гротескному восприятию и осознанию действительности. Наблюдая в источниках две разные версии загробного суда над душами, Страшного суда «в конце времен» над родом человеческим и суда над отдельной душой непосредственно после кончины индивида, Ариес, а вслед за ним и другие историки склонны трактовать это различие в качестве симптома эволюции в сторону становления личности и роста индивидуализма (сперва идея Страшного суда, затем, на более поздней стадии, переход к мысли о суде индивидуальном). Более пристальный анализ источников, сопоставление литературного ряда с иконографическим, приводит, однако, к совершенно иным выводам. На всем протяжении средневековья в общественном сознании причудливо сосуществовали обе версии суда, две эсхатологии — «большая», всемирно-историческая и «малая», индивидуальная. В то время как церковная доктрина развивала идею второго пришествия и грядущего вслед за ним возмездия для воскрешенного рода людского, народное сознание, которое ориентировалось на восприятие лишь близкого будущего и исходило из принципа немедленного воздаяния за содеянное, рисовало картину тяжбы между ангелами и демонами из-за души каждого умирающего. При этом нельзя упускать из виду, что учение о Страшном суде «в конце времен» так или иначе было всем известно. Следовательно, приходится говорить о странном, казалось бы, невозможном сочетании в одном сознании двух моделей загробного возмездия, о склонности этого сознания к тесному объединению несовместимых противоречий. Этот вывод принципиально важен для уяснения специфической природы средневековой ментальности, особенно отчетливо проявляющейся на уровне народных верований и представлений¹⁴⁴. Эволюционистский подход здесь едва ли пригоден.

* * *

Обзор отдельных аспектов ментальности все вновь подводит нас к проблеме разных уровней культуры. Традиционная историография довольствовалась изучением мировоззрения социальных верхов, запечатленного в официальной идеологии и в индивидуальном творчестве художников, поэтов, философов, ос-

¹⁴³ Vovelle M. La mort et l'Occident de 1300 à nos jours. Paris, 1983.

¹⁴⁴ Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. С. 271 сл. Здесь уместно вспомнить о запрещенном в XIII в. культе св. Гипефора, которому крестьянки из местности близ Лиона поклонялись как целителю новорожденных: оказалось, что под именем Гинефора они почитали ... борзую собаку! См. Schmitt I.-C. Le saint lévrier. Guinefort, guérisseur d'enfants depuis le XIIIe siècle. Paris, 1979.

тавляя в тени культуру прочих слоев общества. Презумпцией подобного подхода, имплицитной или прямо декларируемой, была уверенность в том, что доктрины и культурные достижения элиты наиболее репрезентативны для характеристики духовной жизни общества в целом; в лучшем случае речь может идти якобы лишь о распространении созданных элитой культурных моделей в более широкой среде, об их вульгаризации.

Ныне положение начинает коренным образом меняться. Все более очевидными оказываются односторонность и ошибочность подобной точки зрения. Вырисовываются — пока еще в самом общем виде и в разрозненных деталях — очертания нового для исторической науки явления, условно именуемого «народной культурой». И здесь мы опять-таки встречаемся с фактом воздействия точки зрения, выработанной этнографией, на историческую мысль. Этнография и фольклористика показали глубокие различия между типами культуры, в которой доминирует письменность, и культуры устной — расхождения, отнюдь не сводимые к способам фиксации культурной информации, но выражающие самую сущность, природу той или иной культурной традиции. Совершенно ясно, что фольклор в условиях «послегуттенберговского» общества нового времени и фольклор в обществе если и не бесписьменном, но таком, в котором очаги письменной культуры оставались редкими островками в море устной стихии (как в средневековой Европе), играл совершенно разную роль: в одном случае он представлял собой как бы остаточный, вырванный из контекста элемент отесненной на далекую периферию народной культуры, утратившей свою органическую целостность, в другом — присущие фольклорной культуре установки, образы, навыки мышления налагали отпечаток на всю культуру. Ведь и сознание представителей книжной традиции отнюдь не было свободно от этих воззрений и навыков¹⁴⁵.

Медиевист имеет дело с обществом, в котором сочетались обе традиции: письменная — ученая традиция образованных и фольклорная — традиция подавляющей массы населения. Первая, естественно, известна несравненно лучше, нежели вторая, и заслоняет ее. Однако когда был поставлен вопрос о народной культуре средневековья и нового времени, то выяснилось, что существуют возможности узнать, хотя бы фрагментарно, о содержании представлений, образовавших фонд народной культуры. Это особая большая тема, которая интенсивно разрабатывается специалистами по истории средних веков и новой исто-

---

¹⁴⁵ В недавно вышедшем исследовании канадского медиевиста (*Stock B. The Implications of Literacy. Written Language and Models of Interpretation in the Eleventh and Twelfth Centuries.* Princeton; New Jersey, 1983) показано, как ученая, книжная традиция налагала свой отпечаток на традицию устную, — их взаимодействие являлось неотъемлемым аспектом всей средневековой культуры.

рии¹⁴⁶. В рамках данной статьи уже нет возможности рассматривать ее по существу, хотя отчасти она была затронута при обсуждении проблемы восприятия смерти. Необходимо тем не менее отметить, что изучение народной культурной традиции, связанное в первую очередь и главным образом с изучением ментальностей (ибо в основе этой традиции лежат не отрефлексированные доктрины и идеологические конструкции, а текучий, неоформленный пласт представлений, верований, «суеверий», обычаев, практических действий), неизбежно ставит науку перед вопросом о соотношении и взаимодействии разных слоев общественного сознания, и не только о влиянии «высокой» культуры и идеологии на народное мировосприятие, но и о давлении последнего на эту культуру. Иными словами, изучение народной культуры подводит историков к необходимости нового понимания культуры в целом.

* * *

Историческая антропология, пытающаяся применить выработанную этнографией проблематику к изучению «горячих» обществ Европы средневековья и нового времени, разумеется, не сливается с ней, как научные дисциплины социальная история и этнография сохраняют различия и в предмете, и в методах исследования. Однако нельзя не отметить, что их сближение сопровождалось не только обогащением исторического знания — создалась известная угроза размывания специфики собственно истории как науки¹⁴⁷.

Интеграция этнографической проблематики в историческую науку не обходится без издержек. История, как бы ни изменялся ее предмет с течением времени и с развитием исторической мысли, все же остается рассказом о прошлом, о событиях, привязанных к определенным датам. Между тем формирование «новой историографии» во Франции, наиболее близко подошедшей к проблематике «этнографической истории», сопровождалось решительным отказом от изучения событийной истории. Признание того, что в политических событиях проявляется лишь поверхностный уровень исторического процесса, подлинные силы которого развертываются в его глубине, сопровождалось своего рода

---

¹⁴⁶ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965; Mandrou R. De la culture populaire aux 17e et 18e siècles. La bibliothèque bleue de Troyes. P., 1964; Thomas K. Religion and the Decline of Magic. Studies in popular Beliefs in XVIth and XVIIth century England. London; New York, 1971; Le Roy Ladurie E. Montaillou, village occitan de 1294 à 1324. Paris, 1975; Ginzburg C. Il formaggio e i vermi. Il cosmo di un mugnaio del '500. Torino, 1976; Foi populaire, foi savante. Paris, 1976; Le Goff J. Pour un autre Moyen Age. Temps, travail et culture en Occident. Paris, 1977; Muchembled R. Culture populaire et culture des élites dans la France moderne (XV — XVIIIe siècles). Paris, 1978; Burke P. Popular Culture in Early Modern Europe. London, 1978; Schmitl J.-C. Op. cit.; Гуревич А. Я. - Проблемы средневековой народной культуры.

¹⁴⁷ Ср.: Le Goff J. Pour un autre Moyen Age. P. 346.

«перекосом»: равновесие между изучением событий и изучением структур было радикально нарушено в пользу последних, и сделанный затем акцент на «времени большой длительности» как бы «выключил» из истории собственно историческое время, время, ощущаемое и переживаемое людьми — участниками событий. Нужно признать, что введенное Ф. Броделем понятие «большой длительности» не дает инструмента для истолкования изменений и отвлекается от динамики, сосредоточивая внимание на статических состояниях, и в этом немалая его опасность для исторического исследования.

Нельзя не заметить и того, что понятия «структура» и «большое, долгое время» подверглись определенной онтологизации: из употребляемых историками понятийных средств, имеющих, вне сомнения, немалое эвристическое значение, они грозят сделаться субъектами исторического процесса, который тем самым отчасти мистифицируется (Но вопрос о методологии исследования этих категорий во французской «новой историографии» требует особого рассмотрения).

Серьезное препятствие для адекватного познания истории таится в том, что усвоение этнографического подхода к европейским обществам породило тенденцию поиска в них тех же механизмов функционирования, какие присущи «холодным», по терминологии К. Леви-Строса, доклассовым обществам. Между тем один из важнейших отличительных признаков европейских обществ на любой, даже раннесредневековой, стадии их развития — внутреннее брожение, борьба противоречий. В области ментальности эта напряженность не менее заметна, нежели в социальной области. Когда мы говорим о народной культуре средневековья, то имеем в виду не какую-то «чистую», «беспримесную» стихию архаических дохристианских традиций и верований, а сложный сплав противоборствующих начал, включая как навыки мышления и поведения, унаследованные от языческой эпохи, так и элементы мирозерцания, усвоенные под влиянием церкви. Но и обращаясь к рассмотрению средневекового христианства, мы опять-таки найдем в нем предельно противоречивый сплав церковного учения и народных суеверий; магические церемонии, применяемые духовенством, подчас почти неотличимы от народной магии, которую церковь не уставала преследовать, но так и не сумела искоренить. Разные и, казалось бы, несовместимые структурные принципы гротескно объединяются на всех уровнях средневековой ментальности. Не отсюда ли вечное «беспокойство» культуры средних веков, ее внутренняя неотъемлемая напряженность и парадоксальность?

Одностороннее применение этнографического подхода подчас скрывает эту напряженность от взгляда исследователя, и тогда он видит в христианском святом только завуалированный пережиток языческой эпохи, изымая его из средневекового культурно-религиозного контекста. Другой пример. Карнавал для этнографа — сезонный календарный праздник, комплекс ритуалов, повторяющихся с извечной регулярностью; время карнавала — зарубка на колесе го-

дичного цикла. Но историк, ориентированный на диахронию, не может удовлетвориться подобным подходом. Во-первых, его в первую очередь занимает вопрос о тех изменениях, которые на протяжении истории претерпевают праздники как элементы народной культуры, ибо они отнюдь не неизменны, и подчас сомнительно, что они целиком восходят к глубокой архаике, во всяком случае в том виде, в каком они нам известны¹⁴⁸. Во-вторых, изучение карнавала историком может быть сосредоточено не на аспекте повторяемости, а на уникальном, т. е. на конкретном карнавале как моменте истории. Таково, например, исследование карнавала в южнофранцузском городе Романе, предпринятое Э. Леруа Ладюри: здесь в 1580 г. ежегодный праздник вылился в кровавую бойню между патрицианско-аристократическими верхами города и ремесленно-плебейскими массами¹⁴⁹.

Этот пример кажется нам весьма показательным. Перенос темы карнавала из этнографии в историю сразу же вводит совершенно иные «параметры» изучения. На смену циклизму годичных сезонов приходит дата на шкале линейного хода исторического времени. И вместе с тем в спокойную тему христианского народного праздника вторгается напряженная диалектика неповторимого исторического события. «Холодное» общество кажущегося внеисторичным праздника вытесняется «горячим» обществом Лангедока периода гугенотских войн, обострения социальных конфликтов в городе и деревне, выхода на историческую арену реальных общественных сил. Традиционный сценарий празднества нарушен непредвиденным конфликтом человеческих страстей и устремлений. Центр внимания исследователя перемещается с общего и повторяющегося на индивидуальное и конкретное. Эпическое описание обычаев сменяется драмой истории. Из исполнителей фиксированных ролей, участников ритуала люди превращаются в деятельных субъектов творимой ими истории.

Но этот же пример показателен и в другом отношении. Социальная драма была заложена в жизни Романа задолго до наступления карнавала, но именно этот праздник с его шествиями и церемониями создал ситуацию, в которой столь мощно и кроваво разрядилась обстановка. По выражению Леруа Ладюри, роль политических манифестов в Романе выполнили пляски и процессии. Праздник сыграл роль «пускового крючка», спровоцировав оргию убийств и расправ. Карнавал дал участникам борьбы, которой была чревата городская атмосфера, форму для разрешения их жизненных конфликтов. Исследователи от-

¹⁴⁸ Rosenfeld H. Fastnacht und Karneval. Name, Geschichte, Wirklichkeit // Arch. Kulturgeschichte. 1969. В. 51. № 1; Vovelle M. Les métamorphoses de la fête en Provence de 1750 à 1820. Paris, 1976; Bercé Y.-M. Fête et révolte. Des mentalités populaires du XVI au XVIIIe siècle. Paris, 1976. Эти же вопросы занимают и этнографов См., в частности, «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев» (М.: Наука, 1983).

¹⁴⁹ Le Roy Ladurie E. Le Carnaval de Romans. Paris, 1979; *idem*. Les paysans de Languedoc. Т. 1. Paris, 1966. P. 394—397.

мечают, что в XVI — XVII вв. мятежи и восстания неоднократно вспыхивали в периоды религиозных празднеств. Социально-психологическая обстановка карнавала способствовала социальному взрыву. Едва ли возможно понять природу этой борьбы, игнорируя форму, в которую она облеклась в силу господства в тот период определенного типа ментальности.

* * *

Историческая антропология, проблематика которой постепенно вырисовывается, тем не менее не есть особая, новая наука: она представляет собой, скорее, один из аспектов исторического исследования. Неотъемлемый признак исторической антропологии состоит в принципиальной ориентации на междисциплинарность, изучение «пограничных» проблем, на творческий контакт с другими науками о человеке. Однако признавая наличие некоторых тенденций в развитии современного гуманитарного знания в целом, вновь нужно настойчиво подчеркнуть, что сближение исторической науки с другими науками о человеке и обществе не должно размыть внутренней структуры исторического знания и его специфики, отличающей его, в частности, и от этнологии, и от социологии. С указанными ограничениями и при условии тщательного и углубленного теоретического анализа всех аспектов соотношения ментальностей и форм человеческого поведения с социальным строем и его развитием — анализа, который остается еще делом будущего, нужно отметить несомненную эвристическую значимость и перспективность обрисованного выше подхода к истории прошлого.

Историк и демография

Ю. Л. Бессмертный. К демографическому изучению французской деревни IX в. (Люди и имена) // Советская этнография. 1981. № 2. С. 52- 67.

Всякий, кто знаком с раннесредневековой историей Западной Европы, знает, насколько насколько смутны и неопределенны наши представления о численности и структуре народонаселения в это время¹⁵⁰.

Объясняется это в первую очередь нехваткой источников. Для всего периода периода раннего средневековья можно назвать лишь один вид памятников, сообщающих массовые данные демографического характера — каролингские полиптики¹⁵¹. Представляя собою поземельные описи частных сеньорий, полиптики содержат сведения о числе земельных держаний, крестьянских повинностях и, что особенно важно, о составе и численности подвластного населения: крестьянах-держателях, бенефициариях, министерялах, лицах, находящихся под патронатом, безземельных работников, обрабатывавших господские земли, пришлых «чужаках» и т. п.

При всем значении подобных данных их использование для демографической характеристики страны в целом затрудняется уже постольку, поскольку каждый из полиптиков представляет не более чем частнохозяйственный документ, касающийся владений лишь одного из вотчинников. Распространение выводов, полученных при изучении какого-либо одного полиптика, на все другие сеньории, естественно, неправомерно. Сопоставление данных, почерпнутых из разных полиптиков, также не всегда удается, так как порядок их составления и круг описываемых объектов совпадали не всегда. Существенные ограничения в возможности демографического анализа полиптиков вносит и тот факт, что они воспроизводят состав населения за тот или иной конкретный год.

Однако на сегодняшней стадии исторической демографии раннего средневековья не приходится пренебрегать даже теми фрагментарными сведениями, которые может дать анализ отдельных полиптиков. Комбинируя их данные с материалом картуляриев, капитуляриев, постановлений церковных соборов, можно прежде всего представить масштабы концентрации зависимого населения в крупных сеньориях IX в.

¹⁵⁰ Демографические исследования по этому периоду весьма немногочисленны и, как правило, фрагментарны. Библиографию вопроса см.: *Riche P. Problèmes de démographie historique du Haut Moyen Age (Ve—VIIIe siècles) // Annales de démographie historique. 1966. P. 37—57; Fossier R. Peuplement de la France du Nord entre le Xe et le XVIe siècles // Ibid. 1979. P. 59—99.*

¹⁵¹ До нас дошло около десятка монастырских полиптиков (или их крупных фрагментов), составленных в конце VIII в. или же — чаще—в течение IX в. в разных областях будущей Франции (см. *Fossier R. Polyptyques et censiers. Vrepols, 1978. P. 31—32.*)

О них отчасти говорит уже число держаний, описанных в полиптиках. Как видно из табл. 1., на каждый из французских монастырей, объём владений которых нам известен с достаточной определенностью, приходилось по много сотен держаний (в среднем более чем по полторы тысячи). Даже если допустить, что крестьянские семьи, владевшие мансами, имели каждая не более чем по одному ребенку (что, несомненно, преуменьшает размер семьи), число крестьян в монастырях, учтенных в табл. 1, колебалось бы от 1,5 тыс. (Сен-Бертенское аббатство) до 12,5 тыс. (монастырь св. Вандрия), а в среднем составляло бы около 4,5 тыс. крестьян на монастырь.

Сеньория	Число держаний (мансов) по сохранившимся памятникам	Численность крестьян-держателей	Приблизительная доля сеньорий, отражённая в сохранившихся памятниках	Примерное общее число держаний (мансов) в сеньории
Сен-Жерменское аббатство (Иль-де-Франс)	1683	10 026 крестьян на 1646 мансах	2/3	2200
Реймский монастырь св. Ремигия (Шампань)	693	2042 крестьянина на мансах	1	693
Аббатство Монтье-ан-дер (Лотарингия)	733		1	733
Сен-Бертенское аббатство (Пикардия)	319	1154 на 165 мансах	2/3	450
Монастырь св. Вандрия (Нормандия)	4264	?	1	4264
Монастырь Сен-Рикье (Пикардия)	2500	?	1	2500
Аббатство д'Авеней (Шампань)	1150	?	1	1150
Монастырь Сен-Клод (Лотарингия)	857	?	1	857
Сен-Викторская церковь (Прованс)	267 колоник	1027 крестьян	?	?

В таблицу включены данные по монастырям, число держаний в которых известно с достаточной определенностью. См. *Guérard B. Polyptyque de l'abbé Irminon // Prolégomènes.*

Paris, 1844. P. 891, 902 (о Сен-Жерменском аббатстве): *Шевеленко А.Я.* Формы феодального землевладения в Шампани IX—X вв. // Средние века. М., 1958. Вып. XII (о монастыре св. Ремигия в Реймсе); *Lalore Ch.* Polyptyque de l'abbaye de Montier-en-Der. Paris, 1878. P. VI—VII; *Fossier R.* La terre et les hommes en Picardie jusqu'à la fin du XIII siècle. Paris; Louvain, 1968. P. 225 (о Сен-Бертенском аббатстве); *Gesta abbatum Fontanellensium*, éd. *S. Loewenfeld*. Hannoverae, 1886. P. 45 (о монастыре св. Вандрия); *Hariulf.* La chronique de Saint-Riquier. Paris, 1894. P. 307 (о монастыре Сен-Рикье); *Lot F.* Les tributs aux normandes et l'église de France au IX s. // Bibliothèque de l'École des Chartes. T. 85. 1924. P. 63—64 (о монастырях д'Авеней и Сен-Клод); *Филиппов И.С.* Церковная вотчина в Провансе начала IX в. // Средние века. М., 1980. Вып. 43.

В первой графе таблицы указывается название сеньории и местонахождение ее центра.

В том, что эти цифры никак не преувеличивают численности монастырского крестьянства, убеждает анализ полиптиков, где имеются прямые данные о составе проживавшего на мансах населения. Так, на землях Сен-Жерменского аббатства, опись которого была составлена около 814 г. аббатом Ирминоном, только на мансах, чьи держатели поименно перечислены в полиптике (1646 мансов), зафиксировано 10026 взрослых и детей (в среднем более шести на манс); на землях реймского монастыря св. Ремигия — несмотря на включение в эту опись в ряде случаев лишь глав семей — на 693 мансах числилось 2042 крестьянина (около трех на манс); на 165 мансах Сен-Бертенского аббатства, население которых нам известно, было 1154 взрослых (около семи взрослых на манс); в известной нам части владений Марсельского аббатства св. Виктора проживало 1027 держателей (около четырех взрослых и детей на манс)¹⁵².

О населенности в VIII—IX вв. светских сеньорий до нас дошло еще меньше известий, чем о церковных. Тем не менее то, что и здесь масштабы сеньорий измерялись сотнями держаний, можно утверждать с уверенностью¹⁵³. Так согласно одному из капитуляриев конца VIII в., королевский вассал (*vassus dominicus*) мог иметь 200 держаний; самые могущественные графы (*comités fortiores*) — вдвое больше¹⁵⁴. О значительной величине светских сеньорий свидетельствуют также многочисленные дарения светских собственников, изме-

---

¹⁵² Как эти, так и многие другие данные (см. ниже) позволяли бы считать, что на одном мансе проживало в среднем не по три крестьянина (из чего исходят расчеты в табл. 1), но минимум четыре-пять. Однако для историка, исследующего демографическое средневековье, всего опаснее допустить какую бы то ни было абсолютизацию отдельных цифровых сведений. Их фрагментарность позволяет выяснить лишь приблизительные масштабы демографических показателей. Именно такими — сугубо ориентировочными и относительными — следует считать все приводимые ниже цифровые данные. При этом осторожность требует избирать их по минимальному варианту, с тем чтобы избежать особенно опасной в данных условиях тенденции преувеличить численность населения.

¹⁵³ Р. Фоссье полагает, что в пределах владений светской знати в IX в. было сосредоточено еще больше крестьян, чем в церковных сеньориях (*Fossier R.* La terre...P. 205).

¹⁵⁴ *Capitularia regum Francorum* / ed. A. Boretius. Hannoverae, 1881. T. I. № 21. P. 52.

рявшиеся подчас не только десятками, но и сотнями мансов и сотнями зависимых крестьян¹⁵⁵.

И с демографической, и с социально-экономической точки зрения было бы весьма важно определить, насколько типичными были для Франции конца VIII — начала IX в. подобные крупные сеньории, концентрировавшие большие массы крестьянства. Отсутствие всеобщего земельного кадастра не позволяет ответить на этот вопрос достаточно определенно. Некоторые предположения можно, однако, сделать, опираясь на классификацию церковных сеньорий, содержащуюся в статутах Аахенского церковного собора 816 г. Согласно этим статутам к числу владельцев «наибольших состояний» (*majores facultates*) следовало относить церковные учреждения, имевшие 3, 4, 8 «и более» тыс. мансов; средними (*mediocres*) предлагалось считать собственников 1—1,5 или 2 тыс. мансов, малыми (*minores*) — собственников 200—300 мансов; меньшие владения именовались «крайне скудными» (*permodicae*)¹⁵⁶. О возможной величине этих последних позволяют судить встречающиеся в капитуляриях и политиках данные о числе держаний наименее крупных вассалов; так, некоторые королевские вассалы имели лишь по 30—50 мансов¹⁵⁷; минимальное число мансов, возлагавшее на их собственника обязанность конной военной службы, составляло 12¹⁵⁸; монастырские бенефициарии владели нередко еще меньшим числом мансов. Огромный диапазон колебаний в размерах сеньорий выступает из этих данных с полной очевидностью. Даже при использовании минимального семейного коэффициента (три человека на семью) получается, что наряду с сеньориями, владевшими 10—20 тыс. крестьян и более, существовали сеньории, насчитывавшие лишь по несколько десятков крестьян.

Нельзя ли определить — хотя бы самым приблизительным образом — долю крупных сеньорий на территории Франции IX в.? Если учесть все имеющиеся в полиптиках, картуляриях, хрониках и житиях начала IX в. упоминания монастырей в пределах «*Francia*» и «*Burgundia*» (т. е. примерно на 1/4 — 1/5 нынешней территории Франции), их число будет близко к 250¹⁵⁹. О некоторых из них, наиболее известных и влиятельных, говорится особенно часто. Хотя их величина и не указывается, можно с известной вероятностью предполагать, что большинство знаменитых аббатств этого времени были и самыми богатыми. Для «*Francia*» и «*Burgundia*» Ф. Лот насчитал 17 таких аббатств¹⁶⁰. Доля круп-

¹⁵⁵ См. об этом, например: *Fossier R. La terre...* P. 214; *Lot F. La grandeur des fiefs à l'époque carolingienne // Revue Belge de Philologie et d'Histoire*, 1924: Angelwinus nobilis передал Амьенскому кафедральному собору 46 мансов и 38 «*assolae*» (участки меньшей, чем мансы, площади), на которых проживали 134 супружеских семьи зависимых крестьян и 31 холостяк.

¹⁵⁶ *Concilia aevi Karolini / ed. A. Wenninghof. Hannoverae*, 1908. Т. II. P. 401. Cap. 122.

¹⁵⁷ *Capitularia. I. № 21. P. 52.*

¹⁵⁸ *Ibid. I. № 44. Cap. 6.*

¹⁵⁹ *Lot F. Les tributs...* P. 78.

¹⁶⁰ *Ibid.*

ных монастырских вотчин составляла, следовательно, в этом регионе около 7% по отношению ко всем монастырским сеньориям. Так как, однако, аббатств среди мельчайших сеньорий, несомненно, было меньшинство (ибо большая часть мельчайших сеньоров принадлежала к монастырским или светским вассалам), фактическая доля крупных монастырских вотчин среди общей массы сеньорий была, видимо, еще меньше.

Тем не менее по масштабам IX в. крупные собственники владели в целом существенной долей зависимых крестьян. Если допустить, что на всей территории Франции крупные монастырские сеньории были распространены примерно так же, как в областях «Francia» и «Burgundia» (т. е. что всего на территории Франции было в первой половине IX в. 70—80 крупных монастырских вотчин) и что число крупнейших епископств, взятое вместе с числом крупных светских сеньорий (к которым отнесем лишь крупнейшие графства), было хотя бы таким же, как число крупных монастырей (на самом деле оно было намного больше)¹⁶¹, общее число крупных вотчин (не считая королевских) окажется не менее полутораэта. Даже если каждая такая крупная сеньория насчитывала лишь по 1,5 тыс. мансов (см. табл. 1) и по 5 тыс. крестьян-мансуариев, в целом в руках отдельных крупных собственников было бы не менее 750 тыс. зависимых держателей. Кроме владельцев мансов в состав зависимого крестьянства входили тогда безземельные (или малоземельные) домениальные работники, держатели небольших земельных участков, лица, находившиеся под патронатом, крестьяне, свободные от поземельной зависимости, но подчиненные судебной власти вотчины. Хотя соотношение всех этих категорий трудно установить точно (в разных сеньориях оно бывало различным), вряд ли будет ошибкой полагать, что в крупных сеньориях крестьяне этих категорий составляли минимум 25—30% от числа владельцев мансов. Это означает, что общее число зависимого населения, подвластного крупной сеньории (не считая королевских вотчин), достигало примерно миллиона. Так как по существующим оценкам на территории Франции в начале IX в. проживало не менее 3—5 млн. человек¹⁶², можно предполагать, что под властью крупных сеньоров (насчитывавших минимум 150, но чаще — несколько сот человек) находилось не менее 20—25% всего трудового населения страны. Для начала IX в. это, конечно, немалые цифры.

Ориентировочность и недостаточная конкретность демографических показателей, устанавливаемых для Франции в целом¹⁶³, придает особый интерес

¹⁶¹ По данным О. Лоньона (*Lognon A. Atlas historique de la France. Paris, 1885. P. 210*), на территории каролингской Галлии в X в. было около 300 графств (в том числе 39 наиболее крупных) и 103 епископства и архиепископства.

¹⁶² *Guillaume P., Poussou J.P. Démographie historique. Paris, 1970. P. 47; Cippola C.M. Storia economica dell'Europa preindustriale. Bologna, 1974. P. 14; Dhondt J. Le haut moyen age (VIIIe — XIe siècles). Paris, 1976. P. 99.*

¹⁶³ При попытках рассчитать общефранцузские демографические показатели, предпринимавшихся в прошлом (в частности, Ф. Лотом, А. Гренье, К. Жюльеном и др.),

анализу структуры народонаселения в рамках отдельных сеньорий, описи которых сохранились. Первым в этом ряду должно быть названо аббатство Сен-Жермен-де-Прэ под Парижем. Полиптик этого аббатства позволяет не только определить число крестьян разного юридического статуса и поземельной обеспеченности¹⁶⁴, но и выяснить численность и структуру крестьянской семьи, что имеет значение, далеко выходящее за узколокальные рамки.

Основной единицей сеньориального обложения в Сен-Жерменском монастыре был манс, точнее, сообщество его держателей. Состав этих сообществ не был однородным: часть мансов держали супружеские пары с детьми или же крестьяне-одиночки (холостые или вдовы); в некоторых случаях здесь же проживали мать (отец) одного из супругов (или крестьянина-холостяка), их братья и сестры; другой частью мансов владели сообщества, включавшие две-три-четыре и более супружеские пары с их детьми (иногда и с родственниками — матерями, братьями, сестрами), или же две-три семьи женатых братьев (включая иногда и старших родственников). Численность крестьян, проживавших на одном мансе, варьировала поэтому в широких пределах — от 1—2 до 25—29 человек¹⁶⁵ (в среднем 6,1 человека). Хотя мансы, где крестьянские сообщества включали более одной семьи, составляли около 40%, на них проживала — вследствие их многонаселенности — большая часть зависимого крестьянства (свыше 60%). Поэтому многосемейные крестьянские сообщества представляли в Сен-Жерменском аббатстве весьма характерную социальную ячейку, а взаимоотношения внутри них весьма важны для изучения социальной и демографической структуры крестьянства.

Некоторые стороны этих взаимоотношений ясны из самого текста полиптика Ирминона. Очевидно, в частности, что члены многосемейных сообществ совместно владели землей. Не приходится также сомневаться, что они сообща пользовались рабочим скотом и сельскохозяйственным инвентарем. Менее ясно, какие из семей, входивших в сообщества, жили «одним домом», а какие

недостаточно учитывалась сугубая приближенность всех исходных данных и невозможность установить абсолютные цифры; естественно, что расчеты подобного рода критикуют многие медиевисты и демографы (Ш. Э. Перен, Р. Фоссье, Ж. Дюби, Дж. Рассел и др.). Учитывая ненадежность всех абсолютных цифр, я ограничиваюсь попыткой наметить лишь возможное соотношение численности некоторых разрядов крестьянства и притом сознательно избираю наименьшие из возможных числовых показателей.

¹⁶⁴ Разработка этих вопросов была начата еще в прошлом веке Б. Гераром и О. Лоньоном; новый вклад в их исследование был внесен в последнее десятилетие благодаря работам советского исследователя Я. Д. Серовайского и американской исследовательницы Э. Коулмен (см. подробнее: Ю. Л. Бессмертный. Структура крестьянской семьи во франкской деревне IX в.: данные антропонимического анализа политика Сен-Жерменского аббатства // Средние века. М., 1980. Вып. 43).

¹⁶⁵ См., например: Polyptyque de l'abbaye de Saint-Germain-dés-Prés / publ. par A. Longnon. Paris, 1886 (далее: S.-G.). XIII, § 78; XIII, § 5.

врозь¹⁶⁶. Еще неопределеннее вопрос о том, играли ли в формировании этих обществ какую-либо роль родственные отношения. В тексте полиптика Ирминона родство входивших в сообщества семей отмечается в считанных случаях¹⁶⁷. Между тем от того, было ли это родство исключительным или же, наоборот, обычным явлением, во многом зависит оценка самой природы этих сообществ и уяснение типа, состава и численности семьи. В самом деле, если родство семей, входивших в сообщества, было органично для них, следовало бы пересмотреть господствующее в специальной литературе представление об абсолютном преобладании во Франции и, в частности, на территории, где находилась Сен-Жерменская сеньория, малой семьи уже в начале IX в.¹⁶⁸; соответственно весьма важной для этого времени семейно-хозяйственной ячейкой пришлось бы признать сообщество родственных малых семей; в этом случае потребовалось бы по-иному подойти и к оценке населённости мансов в изучаемом регионе (поскольку в них следовало бы видеть держание не только малой, но и большой семейно-хозяйственной группы). Если же, наоборот, родство объединенных в сообщества семей оказалось бы сравнительно редким, можно было бы с уверенностью говорить о преобладании в IX в. на рассматриваемой территории малых супружеских семей, объединение которых в сообщества представля-

¹⁶⁶ Лишь в 4 (из 23 подробно описанных) имениях аббатства удастся разделить суммировать число мансов и число focus («очаг»? «дом»? «семья»?). Последнее существенно превышало число держаний, но и оно было несколько меньше реальной цифры семей, непосредственно описанных в тексте: см. S-G., XI, § 10; XIII, § 99; XXII, § 97; XXIII, § 26.

¹⁶⁷ S.-G., XXIV, § 140; XIII, § 34; XII, § 22.

¹⁶⁸ Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957. С. 223: с каролингской эпохи «крепкую и большую патриархальную семью заменяет в качестве ячейки общественной жизни супружеская семья, состоящая главным образом из потомков еще живущих супругов»; *Fourquin G. Le premier Moyen age // Histoire de la France rurale. Paris, 1975. T. I. P. 348: «Les manses tenues de Saint-Germain-de-Prés autour de Paris semblent occupés non par une famille large, mais par un ménage et ses enfants»; Coleman E. Medieval marriage. Characteristics // The Journal of Interdisciplinary History. II. 1971. P. 208: «the manors belonging to Saint-Germain-dés-Prés did not show a trend toward large families»; в более поздней работе Э. Коулмен несколько нюансировала эту точку зрения. См.: *Coleman E. People and property // The Journal of European Economic History. V. 6. № 3. 1977. P. 694-695; см. также: G. Duby. Guerriers et paysans. VIII-e — XII-e siècles. Paris, 1973. P. 44-45 (ср. Ibid. P. 93—94); эту же точку зрения высказывает Я. Д. Серовайский: *Серовайский Я.Д. Мане и надел зависимого крестьянина во Франции // Уч. зап. Казахского ун-та. Т. 47. Вып. 6. 1960. С. 80: «Большая семья как хозяйственная единица изживает себя на основной территории Франции уже в V—VIII в. ... Каждый манс находился, как правило, во владении одной семьи современного типа...». Более осторожны Р. Фоссье, подчеркивающий длительное сохранение — наряду с малыми — больших семей (*Fossier R. La terre... P. 207*) и Ш. Перрен, отмечающий, что, судя по материалам Сен-Жерменского полиптика, старшие женатые дети могли иногда жить совместно с родителями в качестве их совладельцев (*Perrin Ch. E. Observations sur le manse dans le région parisienne au début du IX s. // Annales d'histoire sociale. 1945. P. 45—48; idem. Note sur la population de Ville-neuve-Saint-Georges au IX s. // Le Moyen Age. V. 69. 1963. P. 82*).***

ло лишь временное, конъюнктурное явление. Ключевым для данного этапа в исследовании семьи в Сен-Жермене оказывается, таким образом, вопрос о том, насколько часто были родственными крестьянские семьи, совместно владевшие одним и тем же мансом.

Исследовать этот далеко не простой вопрос помогает специфика антропонимической системы, господствовавшей на территории Франции IX в. Из-за слабости церковного влияния наречение новорожденных происходило здесь без участия священника. Христианские имена встречались редко¹⁶⁹. Именник был очень широк и постоянно пополнялся за счет свободного имятворчества. Имя ребенку давали сами родители, руководствуясь лишь собственным вкусом, иначе говоря, своими представлениями о престижности того или иного имени и о «приличествующих» людям данной социальной группы именах. Кроме того, свободу имятворчества ограничивала традиция включать в новое имя какую-нибудь лексему — или хотя бы слог или начальную букву — из имен родителей и других старших родственников нарекаемого¹⁷⁰. Анализ материалов Сен-Жерменского полиптика показывает, что эта традиция действовала здесь в IX в. в полной мере: высокое сходство с родительскими имели примерно 50% детских имен¹⁷¹. Эта частота сходства имен тем более симптоматична, что при проведении соответствующих подсчетов мною принималось во внимание лишь наиболее явное сходство имен и вовсе не учитывалось сходство с именами дедов, бабок, дядьев и теток (их имена в описи не указаны), так же как и аллитерационное сходство.

Опираясь на данную антропонимическую норму, удалось исследовать родство и в многосемейных сообществах. Для этого потребовалось проверить, насколько часто встречается сходство имен среди взрослых членов таких сообществ. Поскольку это сходство по своей относительной частоте было сопоставимо со сходством имен родителей и детей, можно предполагать, что в состав многосемейных сообществ сплошь да рядом входили взрослые дети старшей

¹⁶⁹ Среди примерно 10 тыс. крестьян Сен-Жерменского аббатства христианские (или христианизированные) имена носило около 5%.

¹⁷⁰ Об этой традиции и ее происхождении см.: *Werner K.F.* Liens de parenté et noms de personne. Un problème historique et méthodologique // *Famille et parenté dans l'Occident médiéval*. Roma, 1977; см. также: *Knoch H.* Möglichkeiten und Aspekte der Erforschung Westfränkischer Personennamen in der Karolingischen Nordgallia. Heidelberg, 1968; *Никонов В.А.* Имя и общество. М., 1974. С. 13.

¹⁷¹ См. названную выше мою статью, с. 37—38. Мерой сходства имен был избран индекс, представляющий частное от деления числа совпадающих слогов в двух сопоставляемых именах на общее число слогов в этих именах. Например, S.-G., VI, § 28: 3 + 3 отец Sicharius, сын Richarius; индекс сходства = 0,75; другого сына того же 4 + 4 крестьянина звали Ermenarius, индекс сходства = 0,44; IX, § 8: отец Vulframnus, сын Gulframnus, индекс сходства 0,66; XIX, § 18: мать Gisleberta, сын Gislebertus, индекс сходства=1; XXI, § 13: отец Ingalboldus, сын Ansboldus, индекс сходства = 0,57; дочь того же крестьянина Ingaltrudis, индекс сходства 0,57; XXIII, § 2: отец Airbertus, дочь Airberta, индекс сходства=1, etc.

семьи или же братья и сестры ее основных членов. Следовательно, родство было немаловажным фактором формирования крестьянских сообществ.

Выгоды объединения с отцовской семьей обуславливались рядом обстоятельств. Вновь складывавшиеся семьи старших детей избавлялись от необходимости самостоятельно выполнять сеньориальные повинности (объем поземельных повинностей от численности проживавших на мансе держателей не зависел). Отцовская семья также получала облегчение в исполнении этих повинностей, так как их можно было разделить теперь между большим числом рабочих рук. Молодая семья не должна была заботиться о приобретении рабочего скота и инвентаря. Она могла опереться на трудовой опыт и хозяйственные навыки старших. (Отчасти вследствие этого браки могли быть очень ранними — для мальчиков с 12—13,5 лет, для девочек — с 10—11,5 лет¹⁷²). Складывание многосемейного сообщества на отцовском мансе лимитировалось лишь его хозяйственными ресурсами: чем меньше был манс по площади и беднее по плодородию, тем скорее обнаруживалась необходимость выделения старших детей (или братьев и сестер отца) за пределы родительского держания; в подобном случае молодая семья могла стать совладельцем держания у неродственника и возникало неродственное многосемейное сообщество.

В общем, для семейной структуры крестьян Сен-Жерменского аббатства было весьма характерным существование сложных «многоячейных» семей («Multiple family household», по терминологии П. Ласлетта), или «неразделенных» семей — по терминологии Я.Е. Водарского¹⁷³. От патриархальных больших семей они отличались и по своему генезису, и по предпосылкам возникновения, и по месту в эволюции семейных форм: если патриархальная большая семья, существовавшая, например, во времена записи Салической правды, представляла отправную точку в формировании малой семьи, то многоячейная семья IX в., наоборот, как бы надстраивалась — по изложенным выше причинам — над малой семьей, т. е. представляла по отношению к ней вторичное образование. Тем не менее тот факт, что около двух третей крестьян Сен-Жерменского аббатства проживали в составе подобных многосемейных сообществ, дает основание внести определенные коррективы в преобладающее среди специалистов представление о господстве в начале IX в. на территории Франции, в частности в области Парижа, малой («нуклеарной») семьи¹⁷⁴. Ведь всюду, где встречались многосемейные сообщества, обособленность малой семьи была в той

¹⁷² См. Riche P. Problèmes... P. 37—57; *idem*. L'enfant dans le Haut Moyen Age // L'enfant et sociétés (Annales de démographie historique, 1973). P. 95—97; Flandria J.L. Familles (Parenté, maison, sexualité dans l'ancienne société). Paris, 1976. P. 129.

¹⁷³ Laslett P. La famille et le ménage. Approches historiques // Annales E. S. C. 1972. № 4 — 5. P. 851, 872; Водарский Я.Е. К вопросу о средней численности крестьянского двора // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. М., 1974. С. 121, 122.

¹⁷⁴ Ср. выше примечание 19.

или иной мере ограничена, и сама она выступала лишь как часть родственного (или соседского) сообщества¹⁷⁵. Особенно важно, что подобные сообщества, видимо, не были в IX в. явлением, характерным только для Сен-Жерменской вотчины и области Парижа. Некоторые, правда, лишь фрагментарные, свидетельства существования таких семей есть и для других областей — Шампани, Пикардии, Лотарингии, Прованса¹⁷⁶.

Это придает особую весомость выводам демографического порядка, напрашивающимся из изучения крестьянской семьи в Сен-Жермене. Прежде всего очевидно, что высокая населенность отдельного манса отражала не только особую плодородность и давнюю освоенность подпарижских земель, но и специфику семейной структуры. Эта структура предполагала сравнительно очень высокую концентрацию крестьянства на зависимых держаниях. В частности, «семейный коэффициент» на одно держание, видимо, никак не может быть сведен до минимальной цифры 3, как я допускал это из соображений осторожности в начале статьи. Его следует поднять по меньшей мере до 4,5¹⁷⁷. Этой цифрой измерялась минимальная средняя численность крестьянского двора, в котором, как было выяснено, чаще проживала не малая, но *многоячейная* семья. Соответственно можно было бы существенно увеличить приведенные выше приблизительные цифры концентрации зависимого крестьянства в крупных французских сеньориях (без учета королевских вотчин), повысив их с 20—25 до минимум 25—32%.

Немаловажны и последствия анализа семейной структуры для установления среднего числа детей на семью. Исходя из убеждения о господстве во Франции IX в. обособленной малой семьи, исследователи включали в число де-

---

¹⁷⁵ И даже там, где наделом владела лишь одна супружеская пара, сообщество держателей нередко включало кроме ее несовершеннолетних детей, незамужних сестер и братьев супругов, их матерей, племянников и других родичей. (См., например, S.-G. VI, § 44, § 47, § 48; XIII, § 16, § 39; XIV, §§ 18, 27, 29, 38, 40, 55; XV, §§ 5, 7, 17, 23, 44, 51, 53, 68, 71, 75, 84, 89; XVI, §§ 5, 65, 77 XVII, § 42). Следовательно, и здесь манс не был владением «нуклеарной» семьи. Известный тезис Ласлетта о широкой распространенности во все эпохи «нуклеарной» семьи и «простого семейного домохозяйства» не получает в данном случае подтверждения. Анализ концепции Ласлетта см. *Berkner L.K. The use and misuse of Census data for the historical analysis of family structure // Journal of Interdisciplinary History. 1975. v. 4*; см. также: *Вишневский А.Г., Кон И.С.* Предисловие к сб.: *Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979. С. 9—11.*

¹⁷⁶ См. *Шевеленко А.Я.* Указ. соч. С. 109; *Филиппов И.С.* Указ. соч. с. 198, 206; *Fossier R. La terre...* P. 207; *Lot F. La grandeur des fisco...* P. 55; *Perrin Ch. E. Le manse dans le polyptyque de l'abbaye de Prüm à la fin du IX-e siècle // Etudes historique à la mémoire de N. Didier. Paris, 1960.*

¹⁷⁷ Если допустить, что многосемейные сообщества охватывали лишь половину крестьян и включали лишь по две семьи, каждая из которых насчитывала лишь по три человека, и что проживавшие вне многосемейных сообществ крестьянские семьи, также охватывавшие половину крестьян, были опять-таки минимальными (по три человека), то семейный коэффициент составит $(6 \times 0,5) + (3 \times 0,5) = 4,5$. Ясно, что этот коэффициент следует считать минимальнейшим.

тей на землях Сен-Жерменского аббатства лишь тех, кто был отнесен к ним в самом полиптике Ирминона. Все старшие дети, отделившиеся к моменту составления полиптика от отцовской семьи (включая 10—13-летних подростков) — даже если они по-прежнему проживали на том же мансе, — выпадали при данном подходе из учета. Естественно, что среднее число детей на семью оказывалось до удивления малым — 1,6¹⁷⁸. Если же допустить, что в Сен-Жерменском аббатстве хотя бы у половины семей, входивших в многосемейные сообщества, лишь один из совладельцев принадлежал к числу детей старшей семьи, среднее число выживших детей на супружескую пару по аббатству в целом составило бы около двух (В действительности эта цифра была, вероятно, больше.)

Приведенные цифры населения крестьянского двора, величины многоячейной семьи и среднего числа детей на малую семью интересно дифференцировать для крестьян разных правовых категорий. Обнаруживается, что колонны и сервы различаются уже по распространенности многосемейных сообществ: у колонов они встречаются в 1,7 раза чаще. Отчасти это можно объяснить различиями в их земельной обеспеченности, которая, согласно расчетам большинства исследователей, была у колонов (и на ингенуильных мансах в целом) выше, чем у сервов (и на сервильных мансах)¹⁷⁹. Вследствие этого для старших детей сервов имелось меньше возможностей, чем у колонов, найти на отчем мансе достаточно ресурсов для ведения хозяйства и им волей-неволей чаще приходилось отселяться.

Однако дело было, видимо, не только в этом. Судя по полиптику Ирминона, у сервов вообще было меньше детей. Среднее число детей на семью, в которой хотя бы один из супругов был сервом, здесь на 1,1—0,2 (в среднем на 0,4) меньше, чем в семьях колонов (за исключением одного небольшого имения — см. табл. 2, стб. 9, 10); соответственно меньше и средняя численность таких семей в целом (см. табл. 2, стб. 6, 7)¹⁸⁰.

---

¹⁷⁸ См. *Guérard B.* Prolégomènes. P. 898; *Lot F.* Conjectures démographiques sur la France au IX siècle // *Moyen Age*. Т. 31. 1921. P. 17—18 и др.

¹⁷⁹ *Guérard B.* Prolégomènes... P. 892 и др.; *Грацианский Н.П.* Крепостное крестьянство на поместьях аббатства св. Германа в начале IX в. // *Грацианский Н.П.* Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М., 1960. С. 116. Известные коррективы, которые предложила к данному тезису Э. Коулмен (*Coleman E.* People and property... P. 683), установившая равенство «моды» (т. е. варианта с максимальной частотой встречаемости) пахотной площади на сервильных и ингенуильных мансах, требуют дальнейшей проверки (Коулмен проводила свои расчеты на основе конструирования искусственного ранжированного ряда, включавшего вперемежку данные разных имений).

¹⁸⁰ Э. Коулмен отрицает меньшую численность семьи у сервов, ссылаясь на то, что отдельные сервы (и литы) имели столь же многочисленную семью, что и самые многодетные колонны (*Coleman E.* L'infanticide dans le Haut Moyen Age // *Annales E. S. C.* 1974. № 2. P. 319). Очевидно, что отдельных примеров для подтверждения этого суждения недостаточно.

В чем причина меньшей численности детей у сервов? Можно было бы предполагать, что она связана с большей трудностью заключения браков из-за имущественной и социальной приниженности. Если бы дело было в этом, у сервов чаще, чем у колонов, встречались бы холостяки и незамужние женщины. Между тем соответствующие подсчеты показывают, что доля холостых у сервов не отличалась от доли холостых у колонов: в одних имениях она была выше у сервов, в других — у колонов, в третьих — почти одинакова и у тех и у других (см. табл. 2, стб. 11 — 14). Остаются две возможности для объяснения меньшей численности детей у сервов: большая частота передачи сервами своих детей в монастырь — на воспитание или в услужение — и большая детская смертность в семьях сервов.

Уровень детской смертности в абсолютных цифрах установить для рассматриваемого периода не удастся. Однако, опираясь на косвенные данные, Э. Коулмен показала, что по крайней мере в молодых семьях была особенно велика смертность девочек: их меньше ценили и поэтому меньше берегли, чем мальчиков¹⁸¹. Есть основание предполагать, что смертность новорожденных девочек была особенно высокой в молодых семьях сервов¹⁸².

В какой мере это предвзятое отношение к девочкам отражает общее положение женщины во французской деревне IX в. в целом? Американский исследователь Д. Херлихи выступил недавно с концепцией, отрицающей социальную приниженность женщины в среде каролингского крестьянства. Опираясь на данные полиптиков IX в. (Марсельской церкви и североитальянского аббатства Farfa), Херлихи утверждал, что из-за высокой смертности при родах, тяжелого труда и меньшей, чем у мужчины, способности уберечься от насилий и разбоя, женщины отличались меньшей продолжительностью жизни, что обуславливало постоянную «нехватку» взрослых женщин и соответственно повышало их ценность в глазах общества¹⁸³. К сожалению, Херлихи опирался в своих выводах на полиптики, не позволяющие проследить динамику численного соотношения крестьян мужского и женского пола начиная с детского возраста. Материалы

¹⁸¹ Coleman E. L'infanticide... P. 323—324, 329—332.

¹⁸² См. Бессмертный Ю.Л. К вопросу о положении женщины во франкской деревне IX в. // Средние века. М., 1981. Вып. 44.

¹⁸³ Herlihy D. Life expectancies for women in Medieval society // The Role of Woman in the Middle Ages. Albany, 1975. Херлихи отмечает, что повышению женского престижа способствовала также их важная роль в крестьянском и домениальном хозяйстве. Но разве мужчина играл там меньшую роль? Концепция Херлихи тесно примыкает к новой трактовке положения женщины во Франции X—XIII вв., развиваемой в докладах (и статьях) участников научного коллоквиума «La femme dans les civilisations des Xe—XIIIe 'siècles». Poitiers, 1976. Авторы докладов и выступлений, состоявшихся на этом коллоквиуме. — Р. Фоссье, Р. Лежен, Ж. Вердон, Э. Лабанд, М. Альверни — подчеркивают ряд важных позитивных моментов в положении женщины в эту эпоху, позволяющих, по мнению некоторых из них, говорить даже о «скрытом матриархате» (Труды этого коллоквиума изданы в Пуатье в 1977 г.).

Сен-Жерменского аббатства обнаруживают, что численное неравенство полов складывалось в крестьянстве IX в. в большинстве случаев не во взрослом возрасте (как полагает Херлихи), но в детском, с годами же оно не увеличивалось, но большей частью уменьшалось (см. табл. 3), причем постепенное уменьшение неравенства обнаруживалось уже в течение детства¹⁸⁴. Вряд ли можно в этих условиях считать разрыв в численности полов достаточным свидетельством (и объяснением) повышенной «социальной ценности» женщины.

Таблица 2

Различия в составе семей у колонов и сервов

Глава полиптика Ирминона	Всего малых семей	Средняя численность малой семьи по имению в целом	В том числе малых семей		Средняя численность малой семьи		Среднее число детей на малую семью			Число холостых мужчин			
			колонов	сервов	колонов	сервов	по имению в целом	у колонов	у сервов	у колонов		у сервов	
										абсолютное число	% к числу малых семей колонов	абсолютное число	% к числу малых семей сервов
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
5	154	3,0	152	2	3,0	—	1,5	1,5	—	58	38	1	50
6	66	3,8	62	—	3,8	—	1,9	1,9	—	12	19	—	—
7	91	3,5	76	15	3,4	4,1	1,8	1,8	2,2	21	23	1	6,0
8	39	3,5	34	3	3,3	—	1,8	1,6	—	9	26	—	—
9	505	3,6	411	34	3,6	2,9	1,6	1,8	1,3	67	16	6	18
11	18	3,9	—	13	—	4,0	2,3	—	2,2	—	—	2	15
13	201	4,2	117	35	4,1	4,1	2,3	2,3	2,1	11	99	3	8
14	143	3,9	131	12	4,0	2,0	1,9	2,1	1,1	14	10,6	6	50
15	143	3,3	124	19	3,4	2,3	1,5	1,6	0,5	14	11	5	26
16	101	3,5	92	9	3,5	2,9	1,7	1,7	1,1	14	15	2	22
17	48	3,1	45	1	3,0	—	1,3	1,3	—	7	15	—	—
18	29	3,3	27	2	3,3	—	1,6	1,5	—	5	18	—	—
19	107	4,0	104	—	4,0	—	2,3	2,2	—	11	10	—	—
21	90	3,9	70	15	3,7	4,5	2,3	2,2	2,0	11	15	—	—
22	117	4,2	94	23	4,4	3,4	2,6	2,7	1,6	5	5	3	13
24	230	3,2	198	31	3,3	2,9	1,5	1,5	1,2	23	11	3	10

В таблице учтены семьи всех типов, включая семьи холостых и вдовых. К «семьям сервов» отнесены те, в которых хотя бы один из супругов — серв. В таблице не учитываются семьи, дети которых не принадлежат Сен-Жерменскому аббатству. (Указанные особенности

¹⁸⁴ Об этом свидетельствует вскрытая Э. Коулмен (*Coleman E. L'infanticide...* P. 323—324) обратная корреляционная зависимость между численностью крестьянского сообщества на мансе и долей лиц мужского пола, означающая, что доля мальчиков была особенно велика в малочисленных семьях с малым числом детей, тогда как в более многочисленных семьях быстрее возрастала, наоборот, доля девочек.

составления таблицы объясняют расхождение ее данных с данными, приведёнными Э. Коулмен в работе «Medieval marriage...». Р. 208, note 15). Средние цифры в таблице указываются там, где число семей данного социального разряда не менее 9.

Таблица 3

Соотношение численности женщин и мужчин

Глава полиптика Ирминона	Число лиц женского пола на 100 лиц мужского пола среди		Глава полиптика Ирминона	Число лиц женского пола на 100 лиц мужского пола среди	
	взрослых	детей		взрослых	детей
2	73,5	78,1	15	87,7	62,1
3	66,6	68,0	16	80	80,6
4	79,3	50,0	17	80,0	66,6
5	68,4	?	19	90,9	?
6	86,9	?	20	81,3	67,5
7	67,1	?	21	82,6	74,6
8	71,4	82,6	22	89,2	69,4
9	80,0	77,5	23	84,7	71,4
11	89,2	56,0	24	83,3	90,9
13	84,0	61,3	25	68,9	?
14	80,0	82,6			

О самооценке каролингским обществом женщины яснее, чем соотношение «спроса и предложения» на женщин, говорят содержательные особенности социальных представлений, присущих этому обществу. Некоторые из них удастся восстановить, опираясь на антропонимические данные. Выше уже упоминалось о своеобразии антропонимической системы во Франкском государстве IX в. Включение в детское имя элементов родительских имен позволяет сопоставить частоту заимствования слогов из имен отцов и матерей. При той свободе формирования детского имени, которая господствовала в IX в., эта частота не могла быть простой случайностью¹⁸⁵. В ней имплицитно выражалось предпочтение тому или иному из родителей. Каков бы ни был генезис этого предпочтения, оно до известной степени раскрывало характерное для данного периода отношение к женщине-матери по сравнению с отцом-мужчиной. В нём можно, следовательно, видеть подлинное отражение общественного престижа женщины.

Проверяя по материалам полиптика Ирминона частоту сходства детских имен с отцовскими и материнскими, следует иметь в виду, что поскольку имена детей компоновались из отдельных лексем и слогов, входивших в имена старших родственников, имя мальчика могло так же часто, как и имя девочки вклю-

¹⁸⁵ Речь идет, разумеется, о статистической тенденции, которую можно наблюдать лишь на массовом материале, но не в каждом отдельном случае.

чать в себя часть имени отца или матери. Общее превышение числа мальчиков над числом девочек не предопределяет, следовательно, более частой связи детского имени ни с отцовским, ни с материнским. Проделанные подсчеты¹⁸⁶ недвусмысленно показывают более частое и более сильное сходство детских имен с отцовскими, чем с материнскими. В некоторых имениях разница оказывается двухкратной и более (см. табл. 4, стб. 5, 13). Думается, эти факты характеризуют положение женщин, во всяком случае яснее, чем их численное соотношение с мужчинами¹⁸⁷.

Можно попытаться расширить антропонимические сопоставления и за пределы семьи. Для этого полезно выявить, не существовало ли каких-либо особых правил формирования имен, например, для лиц разного социально-правового статуса и для лиц разного пола. Анализируя структуру имени у сенжерменских крестьян, стоит обратить внимание прежде всего на такой простой показатель, как число слогов в нем. Сравнение имен у крестьян двух юридических категорий — колонов и сервов, наиболее резко противостоящих по имущественному и социальному положению, обнаруживает определенное различие между ними: у колонов относительно реже, чем у сервов, встречались короткие имена в два-три слога (в 35% случаев против 45) и, наоборот, заметно чаще — длинные имена в четыре и более слогов; средняя длина имени колона превышала среднюю длину имени серва на 0,13 слога (см. табл. 5). Эти данные, разумеется, не означают, что у всех колонов были более длинные имена, чем у сервов, или тем более, что все, кто в IX в. имел двух-трехслоговое имя, стоял социально ниже, чем человек, обладавший именем с большим числом слогов. Подмеченная закономерность является статистической (а не функциональной), т. е. верна не для каждого отдельного имени, но лишь в тенденции и применительно к массовому материалу. Но важность данной антропонимической нормы это не умаляет. Длина имени (в слогах) оказывается здесь знаком социального престижа¹⁸⁸. Вот почему имеет познавательный смысл и сопоставление длины имен мужчин и женщин.

---

¹⁸⁶ В целях осторожности в число детей не включались те, кто был идентифицирован в качестве старших отпрысков, отделившихся от отчей семьи.

¹⁸⁷ Французский исследователь Ж. Вердон также предпринял попытку проследить сходство детских имен с отцовскими и материнскими на материале Реймского полиптика аббатства св. Ремигия. К сожалению, автор располагает данными лишь для 14 супружеских пар, среди детей которых 9 имеют сходство с отцовскими и 12 с материнскими именами (*Verdon J. La femme vers le milieu du IXe siècle d'après la polyptyque de l'abbaye de Saint-Remi de Reims // Mémoires de la Société d'agriculture, commerce, sciences et arts du département de la Marne. Châlons-sur-Marne, 1976. T. 91. P. 128-129.*)

¹⁸⁸ Действовала ли данная антропонимическая норма только в среде зависимого крестьянства или и вне его? Этот вопрос требует специального анализа. Было бы, в частности, полезно проследить структуру имен всех представителей светской знати, упоминаемых в актах и грамотах VII—IX вв. В предварительном порядке стоит обратить внимание на тот факт, что

Сопоставим вначале имена мужчин и женщин у колонов и сервов вместе (см. табл. 6). Обнаруживается, что женское имя отличалось у крестьян Сен-Жерменского аббатства от мужского еще заметнее, чем имя серва от имени колона,— оно было короче в среднем на 0,2 слога. Не является ли, однако, это различие мужских и женских имен лишь следствием различия в именах всех колонов и всех сервов? Чтобы исключить это предположение, были отдельно подсчитаны длина мужских и женских имен у колонов и сервов. Подсчет показал, что имена мужчин и женщин различались как у колонов, так и у сервов. Средняя длина мужского имени превышала по учтенному материалу среднюю длину женского имени — у колонов на 0,2 слога, а у сервов на 0,36 слога. Различие в мужских и женских именах оказывается, следовательно, у сервов еще заметнее, чем у колонов¹⁸⁹. В этих антропонимических данных, определенным образом отражавших соотношение общественного престижа мужчины и женщины в социальных представлениях крестьянства, явственно проглядывает приниженность женщины вообще и женщины сервильного статуса в особенности¹⁹⁰.

Таблица 4

Сходство имён детей с именами отцов и матерей

Глава по-липтика Ирминона	Категория крестьян	Всего случаев сходства имён детей с именами роди	В том числе случаев сходства имён детей с именами											
			отцов					матерей						
			Всего		В том числе с индексами сходства			Всего		В том числе с индексами сходства				
			абс. число	%	1 – 0,6 (сильное сходство)	0,5 – 0,3 (среднее сходство)	Менее 0,3 (сомнительное сходство)	абс. число	%	1 – 0,6 (сильное сходство)	0,5 – 0,3 (среднее сходство)	Менее 0,3 (сомнительное сходство)		

имена королей меровингской династии и всех известных боковых их отпрысков включают по четыре слога (см., например, упоминания этих королей у Григория Турского: *Gregorii episcopi turonensis historiarum libri decem / ed. R. Buchner. Berlin*). Не исключено, что этот факт отражает антропонимическую норму, присущую франкам, которая лишь постепенно утрачивала свою силу. Аналогичные антропонимические правила существовали и у других народов. См. Никонов В.А. Указ. соч. С.20 сл.

¹⁸⁹ Короткие имена в два-три слога встречаются у женщин сервильного происхождения в целом в 1,6 раза чаще, чем у мужчин, а длинные имена (в четыре слога и более слогов) — во столько же раз реже. У колонов соответствующие различия в длине мужских и женских имен не превышают 1,1—1,2 раза.

¹⁹⁰ Наибольшая дискриминация женщин этой последней категории видна и из крестьянских неравных браков (между колонами и сервами, сервами и литами и т. п.). Такие браки нередко заключались между мужчинами-сервами и женщинами более высокого статуса (ибо в Сен-Жерменском аббатстве дети обычно наследовали юридический статус матери). Наоборот, женщины сервильного (или литского) происхождения вступали в брак с мужчиной более высокого социального статуса гораздо реже. Аналогичной особенностью отличались неравные браки в Реймском аббатстве св. Ремигия (*Verdon J. Op. cit. P. 132*).

		дите те- лей							во)								во)	
					аб с. чи сло	%	аб с. чи сло	%	абс. чис ло	%			абс. чис- ло	%	абс. чис сло	%		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
6	Колоны	49	30	61,2	13	26,5	13	26,5	4	8,1	19	38,7	8	16,3	6	12,2	5	10,2
	Сервы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
8	Колоны	39	23	58,9	4	10,2	16	41,0	3	7,6	16	41	3	7,6	6	15,3	7	17,9
	Сервы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9	Колоны	522	311	59,5	96	18,3	158	30,2	57	10,9	211	40,4	62	11,8	102	19,5	47	9,0
	Сервы	36	17	47,2	9	25,0	88	22,2	—	—	19	52,7	7	19,4	8	22,2	4	11,1
11	Колоны	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Сервы	17	9	51,9	3	17,6	5	29,4	1	5,8	8	47,0	3	17,6	2	11,7	3	17,6
13	Колоны	174	92	54,8	22	12,6	33	18,9	37	21,2	82	47,1	22	12,6	30	17,2	30	17,2
	Сервы	64	38	59,3	8	12,5	16	25,0	14	21,8	26	40,6	6	9,3	10	15,6	10	15,6
19	Колоны	15	10	66,6	3	20,0	6	40,0	1	6,0	5	33,3	1	6,0	3	20,0	1	6,0
	Сервы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Соавтор подчётов для табл. 4 — 6 Г.А. Целовальнова, которой я, пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность.

Об индексе сходства имён см. выше примечание 22 данной статьи.

Таблица 5

**Длина имен взрослых колонов и сервов
(мужчины и женщины вместе)**

Гл ав а по ли пт ик а И р м ин он а	Все- го взро слых коло нов с име- нами (100 %)	В том числе колонов, имена которых имеют слогов										Сред няя дли- на име- ни коло на, сло- ги	Вс ег о вз ро сл ых се рв ов с им ен ам и (100 %)	В том числе сервов, имена которых имеют сло- гов										С р е д н я я д л и на им ени с ер в
		2		3		4		5		6				2		3		4		5		6		
		абс. чис- ло	%	абс. чис- ло	%	абс. чис- ло	%	абс. чис- сло	%	абс. чис- сло	%			абс. чис- сло	%	абс. чис- сло	%	абс. чис- сло	%	абс. чис- сло	%	абс. чис- сло	%	

лась в приниженном по сравнению с мужчинами имущественном положении и ее социальный престиж в целом уступал мужскому, не приходится удивляться «дискриминации» в молодых крестьянских семьях (и в первую очередь в семьях сервов) новорожденных девочек. Получают объяснение и особая забота о выживании в первую очередь новорожденных мальчиков, и большая смертность девочек в семьях сервов¹⁹².

* * *

Проделанный выше анализ воочию показал, сколь неразрывно связаны история семьи и историческая демография раннего средневековья. Без уяснения типа и состава семьи для этого времени невозможно ни установление численности и динамики населения, ни объяснение его структуры. Столь же тесно взаимосвязан демографический анализ и с исследованием некоторых социальных представлений, позволяющих осветить специфику демографических явлений и ее подоплеку, и, само собой разумеется, не вызывает сомнений необходимость теснейшего сочетания демографических исследований с социально-экономическими. Однако чтобы демографический анализ раннего средневековья дал наибольшие результаты, необходима не только его интеграция с другими направлениями исторического познания, но и существенная интенсификация приемов изучения источников. (Как я пытался показать выше, при демографическом исследовании Франкского государства IX в. может, в частности, существенно помочь использование антропонимического материала). При этих условиях открывается возможность подупить даже для такого отдаленного периода, как IX в., новые выводы о размере и структуре семьи и крестьянского двора, числе детей в семьях крестьян разного происхождения, соотношении полов и различиях в их престиже, так же как и выводы о населенности крупных французских сеньорий, о масштабах концентрации в них зависимого крестьянства и многом другом¹⁹³.

---

¹⁹² Отдельного анализа заслуживает вопрос о причинах социальной приниженности женщин в это время. Не останавливаясь на нем в этой статье, отмечу лишь, что здесь следует принимать во внимание как роль германских и галло-римских традиций, так и господство феодальных установлений, препятствовавших естественному формированию крестьянских семей.

¹⁹³ О тесной связи всех подобных аспектов с изучением этнических общностей см.: *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М., 1973. С. 255 сл.

Историк и социальная психология

Гуревич А.Я. Социальная психология и история. Источниковедческий аспект // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 384-426.

Нет никакого сомнения, что среди направлений исторического исследования, относящихся к наиболее перспективным, изучение мировосприятия и социальной психологии людей минувших эпох займёт в недалёком будущем немаловажное место. Социально-психологический аспект в историческом познании важен по многим причинам¹⁹⁴. Он неизбежно присутствует в любой форме общественных отношений. Человеческое общение всегда получает психологическую окраску, пронизано ею, к какой бы сфере социальной деятельности оно ни относилось. Процессы, происходящие в человеческом сознании, в духовной жизни общества, составляют одно из измерений исторического процесса в целом. Упускать из виду эту сторону общественной жизни историк не в праве. В этом одно из отличий исторической науки от некоторых других наук об обществе. Скажем, политическая экономия, изучая хозяйственный уклад общества, обычно отвлекается от духовных процессов, несмотря на их воздействие на общественное бытие; такое отвлечение оправдано тем, что политическая экономия исследует общие тенденции и закономерности экономической жизни преимущественно в абстрактно-обобщённом виде. Но историк, стремящийся познать конкретную реальность, единство общего, закономерного и неповторимого, эмпирически-конкретного, не может игнорировать те идеологические и эмоциональные установки, которые в большой мере определяют социальное поведение людей, тот способ освоения ими действительности, который складывается на основе всего их общественного бытия, их обычаи, социальные привычки, нормы поведения, систему этических ценностей, эстетические взгляды эпохи, национальный характер. Задача изучения этого аспекта общественной жизни лежит не только на исследователях культуры и идеологии, но в той или иной степени и на исследователях политической и социальной истории и даже экономической истории общества.

Человеческое сознание есть «общественный продукт», содержание общественного сознания составляет важную часть общественной жизни. Поэтому изучение развития общества в целом, как и любой отдельной его стороны, требует изучения также и общественного сознания. Мысль о том, что в разные исторические эпохи и в различных обществах человеческая психика не остаётся равной самой себе, но изменяется, — не нова. Правда, она не всеми исследова-

---

¹⁹⁴ Гуревич А.Я. Некоторые аспекты изучения социальной истории (общественно-историческая психология) // Вопросы истории. 1964. № 10; Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1966.

телями разделяется. Высказывалась иная точка зрения: что со времени становления *homo sapiens* его сознание остаётся неизменным в такой же мере, как и физический его облик. Нам представляется, что подобные возражения несостоятельны. Говоря об изменчивости человеческого сознания, мы имеем в виду не психофизиологические процессы, а историческую обусловленность мировосприятия. Способность организовать поток впечатлений в связную картину мира не дана человеку генетически, эта картина мира в каждую историческую эпоху и в рамках той или иной человеческой общности определяется культурой, присущей данной общности и эпохе.

Существует масса исследований о специфике духовной жизни так называемых примитивных народов. Между тем изучение мыслительной и эмоциональной деятельности народов, перешедших на стадию цивилизации, как и вообще людей исчезнувших поколений, пока ещё ограничивается предварительными и весьма далёкими от систематичности попытками. Но, не учитывая особенностей их склада ума, их интеллектуального «инструментария» и всех остальных социально-психологических факторов, историки тем самым отказываются от одной из существенных возможностей постижения исторического процесса во всей его конкретности, а подчас и обрекают себя на упрощённое и даже ошибочное его объяснение.

Историк духовной жизни не довольствуется анализом одних общественных идей, относительно чётко формулируемых понятий, осознанных классами и социальными группами. Ему приходится обращать внимание также и на менее определённые представления и эмоциональные установки и обычаи, господствующие в обществе или части его, и, кроме того, на меняющиеся настроения масс и групп; нередко именно эмоциональное состояние людей в данный момент обуславливает их поведение и исход событий, в которых они принимают участие¹⁹⁵. Социально-психологический климат, который в немалой степени формирует поведение членов общества и влияет на их образ мыслей, складывается во взаимодействии с общественной идеологией и под её влиянием, хотя и не сводится к ней. Во-первых, для распространения самих идей требуется определённая социально-психологическая атмосфера, без которой эти идеи либо вообще не могут возникнуть, либо остаются достоянием единиц, ограниченных групп, не превращаясь в общественную силу. Во-вторых, одно из существенных различий между социально-психологической и идеологической сторонами духовной жизни общества состоит в том, что идеология облечена в форму кон-

---

¹⁹⁵ Примером плодотворных в этом отношении исследований могут служить работы Ж. Рюде по истории революционных настроений и поведения масс. Рюде обнаружил некоторые общие черты в поведении «толп» в доиндустриальный период (1730 — 1848 гг.), а также и локальные, конъюнктурные особенности (*Rudé G. The Crowd in History. A Study of Popular Disturbances in France and England, 1730 — 1848. New York; London; Sidney, 1964; ср.: idem. The Crowd in the French Revolution. Oxford, 1960*).

цепций, общественных теорий, тогда как в социально-психологической сфере всегда налицо множество неосознанных, автоматически воспроизводимых действий, представлений и форм поведения. Неосознанность таких нормативных систем часто повышает их эффективность: поскольку они не осмысливаются и люди руководствуются ими, не воспринимая их сознательно, то сплошь и рядом не развивается и критическое отношение к этим нормам. Наличие таких устойчивых комплексов — условие нормального функционирования общества. Наоборот, социальный кризис ведёт к тому, что общепринятые нормы ставятся под сомнение, перестают быть чем-то само собой разумеющимся, начинают пересматриваться.

Но как уловить социально-психологическую жизнь уже не существующего общества? Возможно ли вообще подобное исследование и может ли оно подниматься над субъективными впечатлениями изучающего? Очевидно, для того чтобы преодолеть такую опасность, необходимо попытаться определить некоторые исходные принципы исследования.

Одним из таких принципов является рассмотрение общества как сети различных коммуникативных систем¹⁹⁶. Такая посылка представляется нам вполне допустимой. В самом деле. Поскольку мы считаем установленным, что условием существования и функционирования общества служат производственные отношения, возникающие и развивающиеся независимо от сознания и воли включённых в них людей, то мы уже признаём наличие основополагающей системы

---

¹⁹⁶ Зализняк А.А., Иванов В.В., Топоров В.Н. О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем // Структурно-типологические исследования. М., 1962. С. 143. Коммуникация понимается как любая форма отношений между людьми, связанная с передачей сообщений. Согласно теории коммуникации, во всякой коммуникации различаются посылающий (или кодирующий), интерпретатор (или декодирующий) и послание, идущее от первого ко второму. Коммуникация предполагает язык, знаковую систему, используемую для передачи сообщений. Разнообразные системы знаков, употребляемых в человеческом обществе, изучаются наукой семиотикой (или семиологией), которая, по определению Ф. де Соссюра, изучает «жизнь знаков внутри жизни общества» (*de Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики. М., 1933. С. 40). Семиотика исследует, в частности, социальные символы. Под символом разумеют некий образ, знак, выражение, изображение, подразумеваемое содержание которого (то, что символ означает) богаче его действительного содержания. При этом в обществе, употребляющем символ (или в группе), существует определённая степень согласия в его интерпретации, вследствие чего и возможна передача информации-сообщения при посредстве данного символа или системы символов; последнее, исходящее от «кодирующего», может быть более или менее правильно расшифровано «интерпретатором». «Коммуникацию, — пишет американский социолог Ландберг, — можно определить как передачу значений через посредство символов» (цит. по кн. *Шафф А.* Введение в семантику. М., 1963. С. 165; ср.: *Резников Л.О.* Гносеологические вопросы семиотики. Л., 1964).

социальных связей¹⁹⁷. Но люди образуют и многочисленные иные системы связей и общения, столь же мало зависящие от их произвола и желаний, как и производственные отношения. Эти формы социального общения, подобно производственным отношениям, не статичны, они всегда представляли и представляют собой моменты социальной практики. Нас интересуют коммуникативные и информационные системы, присущие социальным связям.

Эти системы выполняют принципиально важную функцию в жизни общества и каждого его члена. Непосредственное отношение человека к среде (как к природной, так и к социальной) невозможно, оно всегда проходит через определённые системы знаков, образов, символов, значений, воплощающихся в языке, искусстве, мифологии, религии, этике, идеологии, науке¹⁹⁸. «Именно потому, что человек всегда договаривается с другими людьми с помощью знаков, вся общественная жизнь наполнена знаками, невозможна без них»¹⁹⁹. Указанные формы вырабатываются обществом столь же естественно и необходимо, как и производственные формы: не случайно Маркс наряду с понятием «способ производства материальных благ» выдвинул понятие «духовное производство», подчёркивая тем самым значение обоих способов практики общественного человека, находящихся в неразрывном единстве.

Мир знаковых систем, символических форм, создаваемый обществом в процессе всесторонней деятельности, одновременно устойчив и изменчив. В каждой цивилизации в рамках определённой культурно-исторической традиции мы находим присущий ей комплекс информационных связей; в то же время эти связи находятся в непрерывной перегруппировке и перестройке.

Важнейшее средство человеческого общения — язык. Обогащаясь и изменяясь, язык представляет вместе с тем законченную систему коммуникаций, воспринимаемую обществом как данное и неизбежное. Язык не только служит для передачи сообщений, но и в значительной мере определяет их структуру и содержание, поскольку само мышление совершается в системе определённого языка и следует его нормам²⁰⁰. Язык есть «действительное сознание»²⁰¹. Среди

---

¹⁹⁷ «Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму определённых отношений, связей, в которых эти индивиды находятся между собой» (*Marx K. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf)*. Berlin, 1953. S. 176).

¹⁹⁸ «Семиотика даёт основания для понимания главных форм человеческой деятельности и их взаимной связи, ибо все эти формы деятельности и зависимости выражаются в знаках — посредниках деятельности» (*Morris Ch. W. Foundations of the Theory of Signs // International Encyclopedia of Unified Science*. Vol. 1. № 2. Chicago, 1938. P. 58).

¹⁹⁹ *Шафф А.* Указ. соч. С. 169.

²⁰⁰ Здесь уместно сослаться на теорию «лингвистической относительности» Сепира-Уорфа (*Новое в лингвистике*. М., 1960. Вып. 1).

²⁰¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 29.

коммуникативных систем общества язык, воплощённый в речи и письме, является основополагающей системой²⁰².

Наряду с ней существуют иные, подчас более сложные знаковые системы общества. Таковы, в частности, «языки» искусства: музыки, живописи, скульптуры, танца, пантомимы, архитектурного стиля и т.п. Системой звуковых тонов, красок, линий, телодвижений и жестов творец или исполнитель сообщает человеческой группе (зрителям, слушателям, участникам исполнения) определённые чувства, мысли, картины, образы. Глубоко символичен иррациональный «язык» религии²⁰³. Для сообщений формального и абстрактного рода вырабатываются системы знаковых обозначений математики и других наук. Существуют системы сигналов (световых, звуковых), смысл которых понятен каждому члену общества или членам определённых групп. Моды (одежда, причёска, интерьер и т.п.) в свою очередь представляют собой знаковые системы, поскольку и они несут некоторую информацию, имеющую общественное значение.

Совокупность нравственных норм, действующих в обществе и определяющих поведение членов общества, также может рассматриваться в качестве коммуникативной системы. Этические ценности общества выражаются своеобразным языком, их воплощающим и передающим. Семиотическими системами являются и все те процедуры, которые регулируют общественное поведение человека и отношение его к другим членам общества: различные обряды, ритуалы, приветствия, манифестации, правовые или магические формулы или иные стереотипные действия нормативного характера и объяснены, но подчас их значение ускользает от исследователя. Некогда их язык был понятен обществу, в котором они сложились, исполнен глубокого внутреннего смысла, затем эти формы приобрели традиционный характер. Но сплошь и рядом символ, знак, действие, слово и т.п. не имели рационального содержания, да и не нуждались в нём, и те люди, которые ими пользовались, могли их не понимать: эти символы и знаки действовали скорее на эмоции, нежели на разум. Важно было не понимание ритуала, а выполнение его, не осознание того или иного норматива, а подчинение ему. Единственным обязательным содержанием любого символа или знака, в чём бы он ни выражался, была его социальная общезначимость, т.е. сравнительно одинаковое отношение к нему членов группы или общества, в котором он был принят. Эта общезначимость, придание коммуникативному элементу одинакового значения всеми участниками акта коммуникации, имеет интеллектуальную или эмоциональную природу либо сочетает в себе и ту, и другую. В разных видах коммуникаций, в разных «языках» соотношение этих ти-

---

²⁰² Помимо общенародного языка и местных наречий, складываются языки групп (жаргоны, арго, профессиональные и искусственные языки, шифры), строящиеся в зависимости от основного языка общества.

²⁰³ О религии как семиотической и коммуникативной системе см.: *Левада Ю.А.* Социальная природа религии. М., 1965. С. 65 и сл.

пов различно. В «языках» искусства, как и в социальных ритуалах и символах внеязыкового характера, преобладает эмоциональная сторона, и при соответствующих актах коммуникации происходит своего рода «эмоциональное заражение» (что не исключает наличия в них и интеллектуального момента).

Символические социальные процедуры и знаковые системы, особые для каждого исторического периода и общества или культурного региона, культурной традиции, воплощают моральные установки, господствующие в этом обществе, и участвуют в формировании социальных чувств и индивидуальных эмоций. Благодаря им вырабатывается определённый, характерный для данного общества или цивилизации тип устойчивого поведения, структурируется личность²⁰⁴. Тем самым духовные способности и психические качества людей становятся частью социального строя. Таким образом, семиотические системы способствуют закреплению социальной деятельности, которое, по выражению Маркса, было «одним из главных моментов в предшествующем историческом развитии»²⁰⁵. Социальная функция символических систем состоит в том, что они участвуют в консолидации, воспроизведении и функционировании общественной структуры.

Все вместе символические знаковые системы образуют комплекс социальных связей, в которые включается каждый член общества. Символические языки, функционирующие в обществе, не творятся произвольно, они наследуются от предыдущих поколений, хотя при этом и видоизменяются. Как было отмечено, в значительной своей части семиотические системы воспринимаются и воспроизводятся механически и неосознанно. Знаковые системы исподволь навязываются членам общества, их совокупность как бы образует среду, в которой протекает вся жизнедеятельность человека.

То, что семиотические системы сплошь и рядом не осознаются в качестве таковых людьми, ими пользующимися, очень важно для исследования. Вследствие этого отпадает или сводится к минимуму опасность принять индивидуальное за общераспространённое, исключение считать нормой. Именно потому, что семиотические системы, по крайней мере отчасти и до тех пор, пока они социально эффективны, не подвержены сознательной переработке, возможно их «моделирование», построение (или восстановление) их структурных типов²⁰⁶.

Коммуникативные системы развиваются и изменяются вместе с обществом, но эволюция и смена их не происходят целиком в результате целенаправленного и сознательного волевого творчества людей. Изменение семиотических систем, вызываемое сдвигами в общественной структуре, вместе с тем происхо-

---

²⁰⁴ *Burridge K.O.L.* «Culture and Personality» and History: A Review // *Cahiers d'histoire mondiale*. Vol. IX. 1. 1965.

²⁰⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 32.

²⁰⁶ Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Тезисы докладов. М., 1962; *Lévi-Strauss*. *Anthropologie structurale*. Paris, 1958.

дит в соответствии с внутренними закономерностями самих этих систем. Здесь возникает вопрос о процессе утраты символом или целой системой символов своей общеобязательной роли. Когда старая нормативная система перестаёт быть общеобязательной, тогда она вследствие происшедших в обществе изменений оказывается неспособной регулировать социальные отношения. Очевидно, этот разрыв происходит не сразу и не осознаётся одновременно всеми членами общества или всеми составляющими его группами.

Семиотические системы, применяемые обществом, всеобъемлющи, т.е. они пронизывают всю его жизнь и налагают свой отпечаток на все её стороны — производство, идеологию, религию, искусство, межличностные отношения, политику — и воплощаются во всех человеческих творениях: в орудиях труда, зданиях, произведениях искусства, идеях, научных открытиях, одежде, формах общения и т.д. При посредстве этих систем общество создаёт свою картину мира, в котором оно существует, а равно и свою собственную «модель».

Наиболее универсальными из символических отношений, присущих всякому общественному сознанию, являются представления о пространстве, времени, числе, причине. Миновало то время, когда наука мыслила их одинаково интерпретируемыми в любой цивилизации. Ныне ясно, что в разных культурах и на разных ступенях исторического развития коренные понятия, отражающие наиболее общие стороны действительности, имели свою специфику. Эти категории лежат в основе символических систем и пронизывают их. Они составляют определённые черты конструируемого данной культурой «образа» мира, общества и человека.

Любой предмет человеческой деятельности может быть вовлечён в процесс общественной коммуникации и стать его элементом — знаком. Это значит, что предмет или событие кем-то интерпретируются, используются для осознания действительности. Историк, исследующий общественную психологию, и психолог, обращающийся к истории, могут попытаться восстановить этот акт, совершённый людьми минувшей эпохи, поскольку он был социально обусловлен²⁰⁷.

Совокупность семиотических систем, действующих в обществе, всегда достаточна для того, чтобы передать социально значимую информацию, которую способно выразить и воспринять данное общество. С изменением общества могут утрачивать своё значение или частично исчезать старые символические языки (например, те или иные группы религиозных символов) и возникать новые знаковые системы (например, научные). Существующие одновременно различные знаковые системы могут быть взаимосвязаны и дополнять друг друга.

Наличие разветвлённого комплекса коммуникативных систем — неотъемлемая черта любого человеческого общества. Способность и потребность

---

²⁰⁷ Vernant J.-P. Histoire et psychologie // XXVe Semeine de Synthèse. Paris, 1965. P. 90-94.

создавать и применять символы, — бесспорно, существенный отличительный признак человека (человек, по Э. Кассиреру, *animal symbolicum*)²⁰⁸.

Комплекс языковых систем (включая сюда и все их воплощения), в которых социальная информация накапливается, развивается и преобразуется обществом и передаётся из поколения в поколение внутри этого общества, можно обозначить как культуру. Такое определение культуры имеет структурно-функциональный характер: оно указывает на роль социального регулятора, выполняемую культурой в общественной структуре. Это определение культуры, разумеется, отражает лишь один её аспект. Оно не исключает определений, даваемых с иных точек зрения. Здесь культура предстаёт перед нами скорее как «регулятивный механизм», чем в виде реальной совокупности всех богатств, характеризующихся неповторимой индивидуальностью, приданной им их создателями²⁰⁹.

Исследование общества требует изучения его социальной структуры, а следовательно, и образующего её комплекса общественных связей. Все виды социальных отношений — производственных, имущественных, правовых, политических, семейных, эстетических, религиозных — реализуются в обществе так или иначе при посредстве соответствующих семиотических систем. Так как каждое общество характеризуется определённой и только ему присущей структурой социальных отношений, то комплекс семиотических систем общества образует некое структурное единство (не исключающее, разумеется, и антагонизмов между составляющими его «подсистемами»), модель которого мог бы построить исследователь, если бы он обладал достаточными источниками.

Обращаясь к истории общества прошлого, учёный уже не может наблюдать системы общественных коммуникаций в действии. Но он обнаруживает их остатки, фрагменты, запечатлённые в памятниках материальной и духовной жизни этого общества. Задача историка заключается прежде всего в том, чтобы расшифровать сообщения, которые несут в себе сохранившиеся памятники. В памятниках находят своё воплощение исторически обусловленные символические языки, в которых осуществлялись социальные связи исследуемого общества. Если реконструкция и интерпретация знаковых систем возможны, то может быть восстановлена и социальная структура общества, притом не в одних лишь его внешних общих очертаниях, но и «изнутри»: могут быть до какой-то степени воссозданы «аппарат» социального общения, представления, мысли, чувства, структура духовной жизни членов этого общества, иначе говоря, может быть представлено человеческое содержание социальной структуры.

---

²⁰⁸ Cassirer E. *An Essay on Man. An Introduction to a Philosophy of Human Culture*. New Haven, 1945. P. 26.

²⁰⁹ Обзор определений культуры см: Kroeber A.L., Kluckhohn C. *Culture. A Critical Review of Concepts and Definitions*. Cambridge; Massachusetts, 1952.

Чем более отдалена от нас эпоха, тем более ограничен круг исторических источников. Но и в этих условиях из них можно многое извлечь, если будет разработан соответствующий подход. Любой след, оставшийся от изучаемой эпохи, может нечто сообщить исследователю, если его удастся поставить в определённую связь с другими памятниками и, главное, если рассматривать его как продукт человеческой деятельности, всегда исторически обусловленной и осуществляющейся в тех формах, которые специфичны для данной эпохи.

При этом необходимо обнаружить такие стороны социальной деятельности, которые представляют собой повторяющиеся относительно устойчивые структуры. В источниках важно выделить моменты, отражающие и фиксирующие подобные массовые явления. Именно в этом плане существенно изучение общественных ритуалов, символических действий и формул. Поскольку эти знаковые отношения имеют объективную основу в общественной практике людей, то их анализ мог бы способствовать исследованию последней. Перед историком, изучающим социальную психологию, встаёт вопрос о месте указанных процедур и актов в социальной деятельности изучаемого общества, о значении их в процессе формирования человеческой личности, характерной для этого общества.

Подход к историческим памятникам, о котором у нас идёт речь, сосредоточивает внимание историка на выявлении функциональных связей, действовавших в обществе, структурных принципов, лежавших в основе человеческих отношений и общественной практики, характеризовавшей данное общество. Нужна ли оговорка, что такой подход может обнаружить лишь один из многих аспектов социально-исторической действительности? Но именно потому, что действительность эта может быть раскрыта только в результате всестороннего и многоаспектного изучения общества, охарактеризованный выше способ рассмотрения исторических памятников также, на наш взгляд, должен быть принят во внимание. Мы полагаем, кроме того, что этот метод исторического анализа (если правомерно и не преждевременно говорить о нём как о методе) не является изолированным от других исторических методов, но внутренне с ними связан. Мы употребляем понятие «семиотика» не в его специально-«техническом» смысле — как науки о знаковых системах, которая сама при их анализе нередко пользуется знаковыми обозначениями с целью формализации исследуемого материала. Для историка, на наш взгляд, важен прежде всего общий подход к анализу знаковых систем, в которых воплощены общественные связи.

Ниже мы попытаемся рассмотреть под указанным углом зрения некоторые категории исторических источников, относящихся к средневековью. Эта попытка имеет значение самой общей и сугубо предварительной разведки с целью выяснения возможности разработки в дальнейшем соответствующих исследовательских методик.

* * *

Среди источников по истории общественного строя раннего средневековья особое место занимают варварские «Правды» различных народов и племён Европы. Одной из наиболее примечательных их особенностей как памятников есть то, что индивидуальный, субъективный момент находит в них минимальное выражение. «Правды» фиксируют обычаи, складывавшиеся поколениями и мало изменявшиеся, во всяком случае под воздействием сознательной инициативы, именно потому, что они были обычаями: в силу традиции эти нормы считались нерушимыми, если не священными²¹⁰. Отсюда неполнота и фрагментарность постановлений «Правд», ибо многообразные обычаи не поддаются сплошной фиксации, да в этом и не было необходимости. Отсюда же и противоречивость отдельных положений, которые подчас фиксировались в то время, когда они уже утрачивали свою действенность.

В записях правовых обычаев сконденсирован социальный опыт варварских племён. В традиционной форме норм народного права отливалась социальная деятельность, принимавшая характер постоянно воспроизводимых стереотипов поведения, обязательных для всех членов общества. Выделить в «Правдах» нововведения обычно относительно легко, и можно очертить круг объективных явлений, нашедших в «Правдах» адекватное, не подвергшееся искажению отражение. Другая, очень важная черта записей обычного права — это то, что они, не будучи памятниками сложившегося классового общества, закрепляют нормы, общие для всех соплеменников (что вовсе не исключает возможности их социального анализа, выявления тенденций классовой дифференциации, обособления групп, включавшихся затем в классы феодального общества, и т.п.). Наконец, важно подчеркнуть, что «Правды» содержат нормы и обычаи, имевшие силу в среде массы населения раннесредневековой Европы. Историки располагают большим количеством таких записей, и возможно их сравнительное изучение и вычленение в них как общего, так и специфического, неповторимого.

Историки привыкли подходить к исследованию «Правд» с определённым кругом вопросов: структура семьи, собственности, личных и имущественных прав представителей разных социальных разрядов населения, изменения в их положении — эти и подобные вопросы связаны с общей проблемой генезиса

---

²¹⁰ При этом нужно, однако, иметь в виду, что сам акт записи обычая, сохранявшегося до того лишь в памяти его знатоков, «законоговорителей» (как их называли в Исландии), знаменовал начало процесса обособления обычного права от народа. Ибо до тех пор, пока оно опиралось на устную народную традицию, оно могло при всём пиетете его творцов и носителей перед стариной («пошлиной») изменяться, исподволь, может быть бессознательно, отражая наряду со старым и новые моменты. Фиксация же части обычного права в судебныхниках (полностью обычаи никогда не записывались, это было, вероятно, и невозможно, и не нужно) придавала ему окончательный, впредь неизменяемый вид. К тому же запись судебныхников почти повсеместно производилась по инициативе королевской власти, к которой со временем переходила и законодательная функция (сначала это были добавления и исправления «Правд», а затем и самостоятельные законы).

феодализма. Историки-юристы изучают по «Правдам» древнегерманское право, характерные для него процессуальные нормы, общие принципы судопроизводства, отдельные правовые институты («правовые древности»). Помимо этого, знакомство с характерными для варварского общества правовыми процедурами вызывает интерес читателя к древнему быту, нравам, а подобный интерес всегда включается в более широкий интерес к истории.

Все варварские «Правды», несмотря на разное время их записи (с конца V вплоть до XIII — XIV вв., когда были составлены последние из скандинавских областных судебныхников) и разные исторические условия, в которых они были созданы (фиксация обычного права у германских народов происходила на неодинаковой стадии их перехода от общинно-родовых отношений к феодальным), представляют собой в общем и целом памятники одного рода, с определёнными общими чертами. Среди этих присущих им всем признаков нужно выделить один, с точки зрения нашего исследования решающий, а именно: во всех судебныхниках запечатлелся, *mutatis mutandis*, общий стиль или одинаковая структура правового сознания — сознания, глубоко отличного как от римского правосознания, так и от близкого во многом к последнему современного правосознания. Менее резкой гранью этот стиль мышления отделён от юридического мышления феодальной эпохи, но тем не менее и здесь можно установить достаточно определённые демаркационные линии. Само собой разумеется, за спецификой правового сознания, раскрывающейся в варварских «Правдах», нужно видеть более общие черты мироотношения, свойственного людям той эпохи.

В самом деле, критерии, на основании которых обширная группа источников выделяется в особую категорию варварских «Правд» или записей народного права (*Volksrechte*), — это в первую очередь не социально-экономические критерии, как нередко представляется. Для того чтобы установить, является ли данный источник памятником права дофеодального или раннефеодального общества, сначала надо изучить его содержание. Да и вообще невозможно было бы утверждать, что все памятники, причисляемые к варварским «Правдам», — это записи права дофеодального: если и не целиком, то определёнными своими «пластами» ряд этих источников относится уже к раннефеодальному общественному строю. Тем не менее, если имеется реальный признак, на основании которого памятник может быть причислен к записям обычного права, то этот признак следует искать, видимо, в структуре и характере такой записи. Во всех этих записях права, как мы ниже постараемся показать, можно найти некоторые характерные особенности.

Нормы права обычно не выступают в судебныхниках в виде абстрактных обобщённых постулатов, охватывающих широкую категорию явлений, а представляют собой конкретные юридические казусы, заимствованные непосредственно из жизни и поэтому применимые лишь в строго аналогичных случаях. Трудно согласиться с высказывавшейся в литературе мыслью о том, что эти казусы в

силу внесения их в текст судебника как бы возводились в общую норму²¹¹; они именно не возводились в общую норму, а оставались частными казусами, вследствие чего к ним прибегали только в тех случаях, когда происходило совершенно аналогичное преступление или возникала тождественная правовая ситуация. В судебниках устанавливаются материальные возмещения за каждый отдельный, конкретно определённый проступок. В отличие от памятников уголовного права более поздних эпох соответствующие разделы «Правд» разрастаются в обширные каталоги пеней и штрафов, никак не обобщённых и не подведённых под общую рубрику.

Например, алеман, которому пробили голову, «так что показался мозг», получал возмещение в 12 солидов. Но если только один другому проломит череп так, что из него придётся вынимать кость, звук падения которой на щит будет слышен через дорогу, то нужно уплатить 6 солидов²¹². Или: если человеку отрубят ногу, возмещение составит 40 солидов. Если же он может выйти за пределы посёлка и дойти до своего поля с помощью костыля, возмещение будет равно только 25 солидам²¹³. Казуистика и наивный формализм варварского права достигают максимума в подобных постановлениях, полных натуралистических подробностей.

Но даже и тогда, когда в судебниках фиксировалась действительно более или менее обобщённая юридическая максима, она записывалась в специфической, сугубо конкретной, более того — предметно-наглядной форме, с изображением всех второстепенных (с нашей точки зрения) деталей, вплоть до слов, выражений, жестов, которые должны были сопровождать и составлять соответствующую процедуру.

Ознакомление с многочисленными описаниями судебных и других процедур приводит к предположению, что составители «Правд» не отличали главное от второстепенного: мельчайшие действия, формулы и выражения зафиксированы столь же и ещё более детально, как и существенная сторона этих актов, то, ради чего они, казалось бы, и совершались. Подобные описания подчас сбивчивы, содержат повторения, но составителям «Правд» явно важно зафиксировать все детали, ничего не упустить. По-видимому, различие между второстепенным и основным проходило для них не там, где склонны проводить мы. Это смешение

---

²¹¹ Грацианский Н.П. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. Сборник статей. М., 1960. С. 73.

²¹² Pactus legis Alamannorum. 1. § 1, 4. Ср. § 5. Ср. Ibid. 2, § 1: «Если какой-либо свободный так ударит свободного, что выступит кровь и оросит землю...» Ср. Lex Salica. 17, § 5; Lex Ripuaria. 2; Lex Bajuvariorum. 4, § 15, 27; 5, § 8. Pactus legis Alamannorum. 1, § 7: «Если кто-либо изобьёт свободную женщину так, что кровь не появится, уплатит 2 солида». См. там же подробную таксацию ран (глаз, ухо, рука, нога и т.д.).

²¹³ Ibid. 11, § 3. Ср. Edictus Rothari, 47; Lex Ripuaria, 68, 1; Lex Frisionum, 22, 71, 74. Такие же подробные таксации ран содержатся в англосаксонских судебниках (Æthelberht, 33-72, Ælfred, 44-77) и в «Саксонской правде» (XI — XIII).

может быть понято как свидетельство неразвитости правосознания, юридической «примитивности» народного права. Но такая оценка недостаточна, так как она исходит из совершенно чуждых дофеодальному обществу критериев и ничего по существу не объясняет. Очевидно, все подробности имели глубокое символическое значение и были необходимы для осуществления права.

Обычное право «примитивных» народов не отвечает тем требованиям, которые предъявляет к праву сознание цивилизованных народов. Но это «примитивное» право вполне удовлетворяло потребности создавшего его общества и соответствовало сознанию людей, им руководствовавшихся. Разные формы права имеют в основе своей различные формы правосознания и могут быть правильно поняты лишь при рассмотрении их в контексте той социальной системы, в которой они имели силу. Кроме того, эту «примитивность» варварского права вовсе нельзя принимать за простоту и несложность: оно как раз было очень сложно, разветвлено, обладало особой внутренней логикой, и отдельные части его были между собой согласованы.

Сплошь и рядом изложение правового обычая в судебныхниках обнаруживает сходство с короткой новеллой: перед нами разыгрываются живые эпизоды из правового быта варваров, весьма напоминающие соответствующие рассказы исландских саг на эти же темы. Вот как, например, рисуется в «Алеманнской правде» тяжба между двумя семьями (родами, патронимиями — в источнике употреблён не совсем ясный термин «генеалогия»): «Если возникнет тяжба между двумя генеалогиями о границах их земель и кто-либо скажет: «вот здесь наша граница», а кто-либо другой, находясь в другом месте, скажет: «вот здесь наша граница», а кто-либо другой, находясь в другом месте, скажет: «а вот здесь наша граница», — тогда в присутствии графа того округа они должны водрузить знак там, где, по мнению тех и других, проходит их граница, и затем они должны обойти кругом спорное пограничное место. После того как они обойдут эту пограничную территорию, они должны вступить на её середину и в присутствии графа взять из этой земли то, что алеманы называют кусок дёрна, воткнуть в него древесные ветви, а затем тяжущиеся генеалогии должны поднять эту землю в присутствии графа и передать её в его руки. Он завёртывает дёрн в ткань, ставит печать и передаёт в руки верного человека вплоть до установления дня судебного заседания. [В суде] происходит судебный поединок между двумя [лицами]. Приступая к поединку, [борющиеся] должны положить эту землю [дёрн] посередине [между ними] и прикоснуться к ней своими мечами, которыми они будут сражаться, затем пусть призовут бога в свидетели того, что он даёт победу правому, и пусть начнут поединок. Тот из них, кто одержит победу, пусть и владеет спорным, а проигравший пусть заплатит 12 солидов

штрафа за то, что осмелился возражать против права собственности (другой стороны)»²¹⁴.

Такая конкретность и наглядность изложения материала в «Правдах» может быть расценена как свидетельство нерасчленённости правовых максим и художественного жанра, но сама эта неотдифференцированность разных отраслей духовного творчества варваров, несомненно, отражает особенности их мышления, склонного к конкретному, а не к абстрактному, к чувственно-осязаемому, а не к обобщённо-типизирующему восприятию и воспроизведению действительности. Об этой черте «примитивного» сознания говорят также сложность и противоречивость, неустойчивость правовой терминологии народных «Правд».

«Примитивное» («архаическое», «варварское») сознание ни в коей мере не примитивно, но оно существенно отличается от современного рационалистического сознания иным способом расчленения и организации действительности, способом, вряд ли менее логичным и последовательным, чем наш, и — главное! — вполне соответствовавшим потребностям общества, выработавшего народное право.

Наконец, следует отметить своеобразный формализм варварского права, выразившийся в крайней приверженности ко всякого рода актам, процедурам и формулам, отступление от которых было равносильно отказу от права, уничтожению самой юридической нормы. Эта черта, присущая не одному только древнегерманскому праву, опять-таки непосредственно связана с особенностями мышления варваров²¹⁵.

К «Правдам» невозможно подходить с критериями и категориями, применяемыми к памятникам феодального и тем более буржуазного общества, и предполагать у варваров столь же разработанные и расчленённые понятия «собственность», «право», «свобода» и т.п., какими пользуемся мы при изучении этих «Правд». Можно пойти дальше и утверждать, что исследователь варварского права сталкивается с особым типом мышления.

Действительно, как мы видели, «казуистичность» «Правд», «неумение» их составителей построить общую норму оказываются, при более глубоком анализе, выражением конкретно-образного мышления. Рассказывая на народной

---

²¹⁴ Leges Alaman., 81. А.И. Неусыхин (*Неусыхин А.И.* К вопросу об эволюции форм семьи и земельного аллода у алеманов в VI — IX вв. В связи с толкованием термина «генеалогия» // Средние века. М., 1956. Вып. VIII. С. 57. Мы позаимствовали, слегка уточнив, перевод этого титула из указанной статьи) подчёркивает архаичность процедуры и связанных с ней символов, отражающих, по его мнению, сакральный характер древнего обычного права. В «Баварской правде» (XVI, 17) дана та же процедура, но отдельные её элементы выступают в её описании в ослабленной форме. Неусыхин (там же) видит в ней «отголосок той седой старины, обычаи которой так подробно расписаны в главе 81 «Алеманнской правды».

²¹⁵ Heusler A. Institutionen des Deutschen Privatrechts. Leipzig, 1885. Bd. I. S. 49-52; Павлов-Сильванский Н.П. Символизм в древнем русском праве // Павлов-Сильванский Н.П. Соч. СПб., 1910. Т. 3. Приложения. С. 424-452.

сходке об обычаях отцов и дедов, а затем фиксируя это обычное право, частично оформляя его в виде «Правды», его знатоки и «законоговорители» неизбежно представляли себе в полной реальности деяния и поступки, подлежащие каре, и все обстоятельства сделок и процедур, которые совершались в определённых случаях жизни. Каждый казус, о котором говорит «Правда», как бы «разыгрывался» перед умственным взором «сведущих людей», диктовавших право писцам, а равно и в воображении их слушателей — участников судебных сходов, маллюсов, тингов. Поэтому невозможно было записать обычную норму, которая устанавливала бы, например, наказание за кражу вообще: нужно было представить себе конкретные обстоятельства кражи, реальный объект её и т.д. В «Салической правде», одной из наиболее архаичных записей варварского права, нет единого и общего постановления о наказании за кражу имущества; зато во многих титулах со всеми подробностями разбираются случаи кражи свиней (титул II), (рогатых животных (титул III), овец (титул IV), коз (титул V), собак (титул VI), птиц (титул VII), пчёл (титул VIII), рабов (титулы X, XXXV), лодок (титул XXI), дичи (титул XXXIII), изгороди (титул XXXIV) и т.д. Различаются кражи, совершавшиеся свободными и рабами; предусматриваются случаи, когда крали одно или нескольких животных, учитывая при этом, оставались ли ещё другие или нет, и т.д. Детализация шла дальше. Невозможно было, скажем, внести в судебник постановление о краже свиньи: сразу же возникала потребность отметить возраст и пол свиньи, знать, супоросая она или нет, выяснить, откуда её увели, из стада или из хлева, одну или с поросятами. Точно так же нельзя было ограничиться указанием кары за кражу ястреба: отмечены особо случаи кражи ястреба, сидящего на шесте, и кражи ястреба из-под замка. В титуле VII упоминаются отдельно кражи петуха, курицы, журавля, домашнего лебедя, гуся, голубя, мелкой птицы, хотя во всех случаях штраф был один и тот же — 3 солида.

Вместо нормы, карающей за словесное оскорбление, упоминали то ругательство, которое действительно было когда-то кем-то произнесено, и возмещение, за него уплаченное. В титуле XXX «Салической правды» перечислены следующие оскорбления, караемые одинаковым штрафом в 3 солида: «если кто назовёт другого уродом» или «грязным», или «волком», или «зайцем»; такой же штраф полагался в случае ложного обвинения человека в том, что он бросил в сражении свой щит. Недоказанное обвинение в доносах или лжи каралось уплатой 15 солидов. Если свободную женщину кто-либо («мужчина или женщина») назовёт блудницей «и не докажет этого», платит 45 солидов. Перечень оскорблений, караемых штрафом, интересен, помимо прочего, ещё и как свидетельство о понятиях чести, существовавших в варварском обществе.

Детальность постановлений о карах за членовредительство в «Правдах» подчас порождает предположение о бессистемности и внутренней несогласованно-

сти и противоречивости этих титулов²¹⁶. Однако предельная детализация постановлений не породила и не отражала путаницы в сознании варваров. Проявляющиеся в них конкретность и предметная образность мышления в одинаковой степени были характерны как для тех, кто хранил постановления обычного права в своей памяти, так и для тех, кто следовал предписаниям судебников.

Соответственно, и исследователю «Правд» приходится внимательно изучать каждое постановление, любой оборот речи, чтобы правильно восстановить ту картину реальности, которая, очевидно, представлялась уму составителей судебногоника. Описывая нормы обычного права, за которыми скрывалась социальная действительность, историк должен иметь в виду, что сплошь и рядом (в разных «Правдах» по-разному) эти нормы не осознавались варварами в общей и тем более в абстрактной форме. Учитывая, что в любой «Правде» всегда зафиксирован лишь фрагмент обычного права, а не всё оно целиком, приходится задумываться над тем, почему именно данные, а не какие-либо иные стороны действительности требовали записи с точки зрения составителей судебногоника. Короче говоря, изучение записей народного права предполагает глубокое проникновение в «дух» этого права, в сознание варваров. Способ, которым записаны «Правды», делает такую попытку возможной. Важнейшее средство исследования — скрупулёзный анализ терминологии. Особенно продуктивен он обещает быть в применении к судебникам, записанных на родных для варваров языках. Таковы англосаксонские и скандинавские «Правды», в отличие от записанных полатыни судебныхников континентальных германцев: латынь скрадывала многие оттенки мысли и делала невозможным адекватное и непосредственное выражение понятий, присущих дофеодальному обществу.

Об образности варварского мышления²¹⁷ свидетельствуют также и поговорки, нередко встречающиеся в некоторых записях обычного права и выполняющие в них функцию выражения общих норм²¹⁸.

Раскрытие семиотических систем дофеодального общества, воплощающихся в варварских «Правдах», требует от историка самого пристального отношения ко всем содержащимся в них сведениям о процедурах, которыми сопровождалась вся социальная жизнь варваров. И действительно, мы сталкиваемся в варварских «Правдах» с обилием всякого рода юридических и иных обрядов и формул. По существу каждая сделка, всякий важный поступок в жизни, напри-

---

²¹⁶ Ср. *Lex Salica*. XXIX. 1-2. C. Add. 1-5; см. также § 3-8 (о возмещениях за отрубленные пальцы).

²¹⁷ Возможно, эта черта мышления варваров сродни, если не аналогична, отмеченному этнологами чувственно-эмоциональному типу мышления современных «примитивных» народов. Исследователи отмечают вместе с тем точность определений и необычайную подробность в описании «дикарями» видов растений и живых существ (*Lévi-Strauss C. La pensée sauvage*. Paris, 1962. P. 16-17).

²¹⁸ См.: *Grimm J. Deutsche Rechtsalterthümer*. Berlin, 1956. Bd. I-II (1. Ausg. — 1828); *Graf E., Diether M. Deutsche Rechtssprichwörter*. Nordlingen, 1869.

мер, вызов в суд, передача или раздел имущества, вступление в брак, уплата возмещения, дача свидетельских показаний, оправдание от обвинения, требовали особой, раз навсегда установленной и строжайше соблюдаемой процедуры, ибо малейшее её нарушение или отклонение от неё делали недействительным весь акт. Подробность описания в «Правдах» процедур — свидетельство большой важности, которую им придавали. Вспомним хотя бы описания в «Салической правде» бросания «горсти земли» человеком, не имеющим средств для уплаты вергельда²¹⁹, или обряда отказа от родства при посредстве разбрасывания сломанных ветвей «мерою в локоть»²²⁰, или порядка уплаты *teirus'a*²²¹, отпуска на волю рабов и литов «через денарий»²²², процедуры «аффатомии»; в последнем случае предусматривался целый комплекс символических актов: здесь и возбуждение в судебном собрании трёх исков тремя людьми (возможно, это были иски символического значения), и бросание в полу стебля, и приглашение в дом гостей, которых в присутствии свидетелей угощали овсянкой, и поизнесение клятв, и наличие щита, вообще игравшего важную роль во многих процедурах²²³. В норвежских судебныхниках со всеми деталями изображён порядок «введения в род» незаконнорожденного сына²²⁴, передачи земельной собственности²²⁵, вызова истцом ответчика в суд, устройства третейского суда²²⁶ и т.п. В ряде «Правд» приводятся формулы, которые нужно было произносить в публичных собраниях для очищения от обвинений и по другим поводам²²⁷. Так, при введе-

²¹⁹ Lex Salica. LVIII.

²²⁰ Lex Salica. LX.

²²¹ Lex Salica. XLIV; ср.: Capitulare. I, 7 (achasius).

²²² Lex Salica. XXVI.

²²³ Lex Salica. XLVI.

²²⁴ Gulathingslov. 58. Отец должен устроить пир и зарезать трёхгодовалого быка, содрать шкуру с правой передней ноги его, изготовить из неё ботинок, который он ставит подле большого пивного котла. Затем члены его семьи, а также внебрачный сын, которого вводят в род, в определённой последовательности надевают ботинок. После этой процедуры отец произносит формулу, согласно которой вводимый в род приобретает все личные и имущественные права, какими пользовались другие его дети. Ср.: Frostathingslov. IX, 1. Здесь «вводимый в род» должен был во время этой процедуры держать их на коленях малолетних сыновей своего отца.

²²⁵ Gulathingslov. 292: «Он должен взять землю, как предписывает закон: он должен взять её из четырёх углов очага, и из-под почётного сидения [хозяина в горнице], и с того места, где пахотная земля встречается с лугом и где лесистый холм соприкасается с выгоном...»

²²⁶ Gulathingslov. 37: «[Участники] посреднического суда должны расположиться перед дверью защищающегося, но не позади его дома. Он [истец] должен посадить своих судей на таком расстоянии от дома, чтобы ответчик мог поместить своих судей между дверью и судьями другого человека [истца] и чтобы оставалось достаточно места для проезда повозки с дровами между судьями и дверью...»

²²⁷ Gulathingslov. 265, 267, 274 (тексты формул, которые нужно было произносить для того, чтобы отвергнуть притязания на своё земельное владение). Ср. Lex Salica. L, LII, LVII; Capitulare. I, 7, 9.

нии в род незаконнорожденного сына отец произносил формулу: «Я ввожу этого человека в права на имущество, которое я ему даю, на деньги и подарки, на сидение и поселение, на возмещение и вергельд и во все личные права, как если бы его мать была куплена за мунд» (т.е. если бы он был законнорожденным). Чрезвычайно важно отметить то обстоятельство, что эта формула состоит из аллитерованных ритмических фраз и напоминает произведение поэзии древних скандинавов.

Во всех этих случаях (как и во множестве других) составители судебныхников придают огромное значение всем мельчайшим деталям; предусмотрены движения, слова и поступки участников процедур, даже их местоположение относительно друг друга, — короче, в записях права с точностью подробного сценария расписаны все действия, необходимые для успешного осуществления каждого из актов, регулировавших различнейшие стороны общественной жизни варваров.

В результате знакомства с указанными социально значимыми актами можно с уверенностью утверждать, что все проявления общественной жизни у варваров были обставлены процедурами, требовали определённых жестов, произнесения формул и клятв, сопровождалась ритуальными символическими действиями, имевшими сакральную силу. Доведённый до предела варварский «формализм» обычного права наводит на предположение: во всякого рода сделках и общественных поступках существенным считалось не одно их реальное содержание (купля-продажа, вступление в брак, наследование имущества, уплата виры и т.д.), но и сопровождавшие их символические действия, форма, в которых они совершались. Вне этой раз навсегда установленной формы сделка не могла приобрести силы, считалась неосуществлённой.

В Норвегии в раннее средневековье вольноотпущенники делились на два разряда, различавшиеся правами и степенью свободы, которой они пользовались: высший разряд составляли вольноотпущенники, которые устраивали пирушку при своём освобождении и приглашали на неё бывшего своего господина; к низшему разряду принадлежали отпущенники, пирушки не устраивавшие²²⁸. Возлияние «освободительного пива» (frelsisöl) определяло статус человека.

Сделка считалась нерушимой, если она была совершена на народном собрании — тинге, участники которого при её утверждении поднимали оружие²²⁹. Эта процедура имела столь важное значение, что обозначивший её термин *várnatak* (waerentak) стал названием судебно-административных округов в областях скандинавских поселений в Англии. Всякая сделка совершалась при свидетелях, которые могли бы в случае необходимости её подтвердить: свидетели

²²⁸ Gulathingslov. 56, 61-63, 66, 296.

²²⁹ Gulathingslov. 267, 279.

обязаны были подробнейшим образом рассказать о тех обрядах и присягах, которые были произведены или произнесены при заключении сделки.

Судебное разбирательство у варваров не столько преследовало цель раскрытия истины, обстоятельств преступления, установления виновного, сколько скрупулёзного совершения самого обряда. Тяжба по варварскому праву имела первоначальное значение этого слова: то было соревнование, состязание сторон. Можно было оправдаться, произнеся установленную клятву; выигрывал тот, кто мог привести больше соприсяжников, чем противная сторона. Испытание кипящей водой и раскалённым железом очищало от обвинения того, кто его благополучно выдержал; считалось, что, будучи виновным, он не смог бы выдержать этого испытания. Прав был тот, кто строго соблюдал все процедуры, требовавшиеся в данном случае, сумел произнести нужную формулу, не сбился, принося присягу²³⁰. Поиски справедливости, объективного решения были немыслимы без последовательного и строжайшего исполнения всех судебных ритуалов, а это и означало правосудие, правый (правильный) суд.

Как уже говорилось, в записях народного права встречаются упоминания об обычаях, которые утратили силу, были заменены новыми постановлениями. Тем не менее память о старинных обычаях бережно сохраняется в «Правдах»: отменённые на практике, они сохраняются в памяти. В этом отношении судебники варваров подобны их сказаниям и мифам, повествующим о древности народа. Недифференцированность правового обычая от мифа и от религиозного ритуала составляет особенность варварских «Правд» и связана со спецификой «примитивного» мышления. Нерасчленённость того целого, из которого позже выделилось право, литература, религия, была проявлением нерасчленённости мышления и социальной деятельности варваров. Производство, семейные отношения, религия, различные формы духовной культуры чётко не дифференцировались. Не этим ли следует объяснять сакральный характер юридических процедур, формул, имущественных, семейных и иных сделок?

В своём беглом обзоре некоторых особенностей варварских «Правд»²³¹ мы обращали внимание не на содержание их постановлений, проливающих свет на социально-правовые и имущественные отношения в варварском обществе, а преимущественно на «формальные» моменты: «казуистичность» постановлений, крайнюю формализованность правоотношений, роль ритуалов и сакральных формул при осуществлении права, приверженность традиции, «старине». Все процедуры и обряды, формулы, клятвы, а также детализованные представления о преступлениях и пенях-возмещениях, сведения о которых дошли к нам в виде бессистемных и несвязных фрагментов, в варварском обществе, несо-

---

²³⁰ Lex Salica. XVI. Add. 3; XLII, 5; Capitulare. IV, 5, 6, 8.

²³¹ Более подробно эти вопросы рассматриваются нами в работе «Индивид и общество в дофеодальный период» (Проблемы истории докапиталистических обществ. Сборник. М., 1968).

мненно, составляли единый фонд, обеспечивавший устойчивость социальных связей и взаимоотношений.

Важно подчеркнуть, что ритуальные символические действия имели публичный характер, совершались в присутствии, а нередко и при участии большого числа людей, на сельских или окружных собраниях, в кругу семьи. В принесение присяг, клятв, в совершение обрядов вовлекались наряду с непосредственными их участниками или тяжущимися сторонами все присутствующие, либо прямо, либо в форме эмоционального сопереживания. И именно эмоциональную, социально-психологическую сторону всех этих публичных актов необходимо подчеркнуть: таким путём утверждалась и ощущалась реальность единства коллектива, группы. Человек в наглядно-чувственной форме вновь и вновь осознавал себя частью более обширного целого. Посредством подобных формальных актов осуществлялось социальное общение, воспитывалось чувство принадлежности к коллективу. Эти процедуры, а вместе с ними и периодические празднества, пиры, сходки были неотъемлемой и существенной стороной общественной жизни варваров, определяли их коммуникативные системы. Указанные специфические черты варварских «Правд», обычно оставляемые без внимания при их исследовании, дают возможность проникнуть в систему мышления варваров. Не принимая в полной мере в расчёт особенности духовной структуры, мы лишаемся возможности познать с должной глубиной и социальную структуру варварского общества, ибо мышление в его исторически конкретном своеобразии составляет и неотъемлемую и важную часть общей структуры.

* * *

Формализм обычного права представляет собой частный случай символизма, присущего мышлению варваров. Не менее ярким его проявлением служит их поэзия, особенно поэзия скандинавских скальдов, основные черты которой сложились в VIII — IX вв. Но они сохранялись в исландской поэзии вплоть до XIII в., т.е. в период, когда уже не приходится говорить о варварстве как стадии социально-культурного развития скандинавов. При крайне изощрённой и вычурной, но строго традиционной и неизменной форме аллитерированные песни скальдов, насыщенные своеобразными метафорическими оборотами, кеннингами, подчас не поддающимися расшифровке, имели до крайности бедное и примитивное смысловое содержание. В них воспевались вождь (причём меньше всего отмечались его индивидуальные признаки и качества), битвы, походы в чужие страны (по шаблону, переходившему из песни в песнь, от скальда к скальду). Другой образчик варварского формализма мы находим в древнегерманском и древнескандинавском изобразительном искусстве, в котором один и тот же мотив «звериного стиля» бесконечно варьируется.

Индивидуальное творчество мастера, будь то скальд или художник-резчик, сводится в основном к изобретению всё новых и новых комбинаций слов и кен-

нингов или деталей орнамента, т.е. к нагнетанию чисто формальных моментов, но не к созданию новых образов. Это ограничение изобретательности формальной стороной творчества не препятствовало созданию выдающимися мастерами в своём роде замечательных произведений поэзии (таковы, например, песни Эгиля Скаллаgrimссона) и изобразительного искусства (резьба на штевне корабля, повозке, санях и других деревянных предметах из погребения в Усеберге, Норвегия, IX в.).

Изучение памятников древнескандинавской поэзии, а равно и произведений орнаментального искусства, можно вести не с целью раскрытия их непосредственного содержания, как уже отмечено, довольно ограниченного, но с точки зрения анализа их художественной формы, символического языка искусства. Ныне скальдические песни читаются с огромным трудом и, по сути дела, непереводимы как памятник поэзии, кеннинги кажутся исследователю набором внутренне не связанных слов, переплетение фраз в песни — изоцрѐнным «модернистским» приёмом, направленным на сознательное затруднение понимания стиха. В действительности всё это имело, конечно, совершенно иной смысл. То был единственно доступный древним скандинавам способ экспрессивного выражения, общезначимый знаковый язык, расшифровка которого в настоящее время крайне затруднена именно потому, что это был специфический язык определённой исторической эпохи.

Скальдические кеннинги типа «лебедь пота шипа ран» (= ворон, ибо «шип ран» это меч, «пот меча» — кровь) или «метатель огня вьюги ведьмы луны коня корабельных сараев» (= человек: «конь корабельных сараев» — корабль, «луна корабля» — щит, «ведьма щита» — секира, «вьюга секир» — битва, «огонь битвы» — меч) бесконечно далеки от метафоры в современном понимании и лишены для нас образности. Подобные кеннинги постоянно повторяются в скальдической поэзии, образуя в совокупности основной семантический фонд, из которого поэты черпали материал для размещения его по строго установленным и неизменным законам стихосложения в «сотах» своих песен. Особенно любопытно то, что песни сочинялись и воспроизводились изустно, а это заставляет предположить относительную лёгкость их понимания (а следовательно, и понимания насыщавших их кеннингов) и возможность восприятия их на слух, тогда как теперь исследователю приходится разгадывать их как ребус.

Особую трудность вызывают переплетения двух или более фраз наподобие орнамента: в одну поэтическую фразу вплетается другая. Вот пример:

«Хранитель дороги копий
плача убежал из битвы
— хранителю шлема не было
никакой надежды на мир для себя, —
так что расточитель ожерелий,
понимая опасность, хотел бы

— *подноситель кубка знал свою трусость — убежать в море*²³².

Выделенная фраза вплетается в основную фразу, дважды её перебивая. «Хранитель дороги копий» — кеннинг воина, человека, мужчины («дорога копий» — щит); «хранитель шлема» — также кеннинг воина; «подноситель кубка», «расточитель ожерелий» — кеннинги вождя. Кеннинги обоих значений бесчисленны в скандинавской поэзии²³³. После расшифровки скальдического стиха его содержание выглядит до убожества простым: воин бежал с битвы, так как был трусом. Обратим внимание на то, что в данном случае к трусу применены обозначения героя и вождя: кеннинг был безразличен к данному персонажу, это было «условное» обозначение, но сама условность здесь — особого рода!

Кеннинги сплошь и рядом содержали мифологическую основу или во всяком случае порождали мифологические ассоциации, ныне в большинстве случаев уже утраченные. Поэтому мы лишены способности адекватно воспринимать скальдическую поэзию: она более не вызывает в сознании те мысли и представления, на мобилизацию которых была рассчитана. Между тем известно, что слово скальда имело для его современников магическое значение: песнь не просто воодушевляла, она как бы «обогащала душу», повышая внутреннюю и общественную ценность того человека, которого воспевала. Точно так же и «хулительные песни» скальдов могли, по верованиям древних скандинавов, иметь непосредственный губительный результат для тех, против кого они были направлены.

Не вдаваясь более подробно в детали формальной стороны скальдической поэзии²³⁴, отметим лишь, что форма была подлинным «содержанием» поэзии, именно она ценилась в песнях скальдов, и слово приобретало всю свою магическую силу, будучи заключено в эту форму. Комплекс семантических художественных средств, применявшихся скальдами, а также и близкими им по духу своего творчества резчиками и орнаменталистами, мог иметь социальную значимость лишь постольку, поскольку правила стихосложения в какой-то мере отражали правила мышления скандинавов той эпохи. В этой связи необходимо подчеркнуть, что было бы неправильно видеть в скальде поэта в нашем смысле слова. Известные нам скальды (сохранились имена и произведения нескольких сотен скальдов) были воинами, дружинниками, бондами-домохозяевами, не ви-

²³² Цит. по: *Стеблин-Каменский М.И.* Поэзия скальдов. Докт. дисс. (машинописный текст). 1947. С. 157.

²³³ Столь же многообразны и многочисленны кеннинги битвы, моря, корабля, золота. Это напоминает богатство обозначений коня у арабов или оленя у эскимосов. Соответствующие явления и предметы доминировали в сознании этих народов.

²³⁴ *Гуревич А.Я.* Начало эпохи викингов (Проблемы духовной жизни скандинавов в IX веке. Факты и гипотезы) // Скандинавский сборник. Таллин, 1967. XII; *он же.* Походы викингов. М., 1966. С. 146-153.

девшими в склонности и способности к стихосложению главного своего отличительного признака. Навык сочинять песни расценивался наряду с многими другими «умениями», которыми обладал свободнорожденный благородный человек: умением быстро бегать, метко стрелять из лука, хорошо плавать, скакать на коне, побеждать в борьбе и т.д. Физические и духовные способности человека не противопоставлялись, как поэзия не противопоставлялась жизни: она была не «отлётотом» мысли от жизни, а нормальной формой жизнедеятельности. Почти любой человек в определённой ситуации мог сочинить скальдическую песнь или хотя бы короткий отрывок. Донесение посланца о поездке к чужеземному двору и политическая речь, выражение личных чувств и призыв к воинам, восхваление вождя и колдовское заклинание — всё могло быть выражено в скальдическом стихе. Складывается впечатление, что в этом обществе стихосложение было одним из обычных способов выражения мыслей и чувств.

Как поэтическое искусство скальдов, так и орнаментальное искусство были явно «ненатуралистичны». Они наполнены символами. Таковую символическую роль играли кеннинги, такова функция и ряда распространённых в скандинавском изобразительном искусстве гротескных, внушающих страх, загадочных фигур зверей с непропорциональными частями тела, с переплетающимися и свивающимися в сложные узлы конечностями. Это искусство насыщено напряжённой эмоциональностью, оно теснейшим образом связано с жизнью эпохи викингов, порождено ею и в свою очередь влияло на неё, давая мощные импульсы воинам и переселенцам, мореходам и колонистам, осваивавшим новые страны, принося новые впечатления, новые идеи.

* * *

Трудно, кажется, представить себе памятники, более далёкие от духовной жизни, более «сухие» и наполненные чисто хозяйственными сюжетами, чем источники, отражающие аграрные отношения средневековья. Картулярии, поместья или государственные описи и фискальные книги, полиптики, формулы и иные актовые материалы говорят о земельных наделах, о рентных платежах, о скоте и инвентаре, имеющих в поместьях, о категориях зависимых крестьян и т.п. Тем не менее историк, интересующийся общественной психологией, обнаружит в этих документах некоторые важные для него особенности. Таковы, в частности, своеобразные способы измерения земельной площади. Их невозможно перевести в современные меры. Нередко это величины, выражающие размеры пахотной земли, которую можно вспахать за единицу времени. Таковы журнал и морген — земля, вспахиваемая за день. Такова и каруката — земля, которую вспахивали плугом за сельскохозяйственный год. Но ясно, что производительность труда — величина переменная, и пашня, которую можно было поднять за день или за сезон, могла иметь самые разные размеры. Часто в качестве меры земельной площади вообще фигурировало сельскохозяйственное

орудие, с помощью которого эта земля могла быть возделана. Так, в «Книге Страшного суда» размеры земли лорда и его крестьян выражаются количеством плугов, потребных для её вспашки (в пересчёте на восьмиволовую плуговую упряжку). Вспомним русскую «соху».

В других случаях величина участка определялась иначе. Например, английская гайда первоначально считалась «землёю семьи» (*terra unius familiae*), такое же значение имел и манс — семейный надел (хотя на самом деле на одном тяглом мансе сплошь и рядом сидело несколько семей)²³⁵. Однако и такого рода единицы ни в коей мере не выражают размеров площади, которую занимали расположенные на них крестьянские хозяйства. Известно, в частности, что гайда обычно (но не всегда) состояла из четырёх виргат, но наличие в каждой из них по 30 акров (а в гайде 120 акров) было подчас такой же фикцией (ибо локальные особенности варьировались бесконечно), как и величина самого акра, ибо средневековый английский акр — это полоска земли, длина которой не была определена.

Такая неопределённость, с современной точки зрения, царила в отношении мер пашни. Что касается угодий, то их величина устанавливалась ещё более произвольно либо совсем не отмечалась в документах, так как обычно угодья оставались в общем распоряжении жителей деревни. Исследователю аграрных отношений средневековья хорошо известно, как трудно установить по актовому материалу размеры владений, подаренных по грамотам церковным и монастырским учреждениям.

Кроме того, земельные меры зачастую оказывались в зависимости от фискальных. Государственную власть, взимавшую с земельных владений налоги, и феодальных собственников, собиравших с населения своих поместий ренту, интересовали не реальные размеры земли, не точная её площадь, а доход, с неё поступавший, следовательно, то количество тяглых податных единиц, которое имелось в этом владении. Фискальная мера со временем превращалась в меру земельную: не только казной, но и местными жителями размеры земли исчислялись в фискальных единицах. Но что скрывалось за этими единицами в поле? Это остаётся неизвестным. Поэтому исследователь, стремящийся за податными цифрами кадастра увидеть реальную протяжённость владений, рискует впасть в иллюзию или даже в серьёзную ошибку²³⁶. Особое опасение в этом смысле внушают те случаи, когда можно предположить иммунитет или податную при-

---

²³⁵ Серовайский Я.Д. Кризис мансовой системы во владениях Сен-Жерменского аббатства // Учёные труды кафедр всеобщей истории, государственного и международного права Казахского государственного университета им. С.М. Кирова. Алма-Ата, 1964.

²³⁶ Барг М.А. Исследования по истории английского феодализма в XI — XIII вв. М., 1962. Введение.

вилегию: в таких случаях обширное владение может фигурировать в поземельном кадастре в виде одного земельного надела²³⁷.

Короче говоря, встречая в средневековых памятниках различные земельные меры и подчас имея дело с цифрами, просящимися в статистические таблицы, историк на самом деле имеет дело не с пахотной площадью, а с единицами хозяйства или с тягловыми единицами, а в конечном счёте — с людьми, ибо размеры податного обложения зависели не от реальной протяжённости поля и не только от количества хозяйств, но и от социального статуса владельца, от соотношения сил держателей и сеньора, от традиции и бесчисленных привходящих обстоятельств.

В средневековых аграрных документах нередко встречается другой способ описания владения. В них указываются местоположение участка, наличие в составе владения тех или иных угодий, количество оброков и повинностей, с него взыскиваемых. Подчас к грамоте, по которой передавалось владение, прилагался детальный перечень границ владения, в нём скрупулёзно описаны все овраги и ручьи, перекрёстки дорог и луга, образовывавшие естественные пределы этого владения. Такого описания было достаточно. О точных размерах земли (в нашем понимании точности) никто не спрашивал и не заботился.

Вообще средневековые цифры, будь то измерения расстояния (числом шагов или дней пути) или численность войска (округлённо и с большим преувеличением), внушают современному исследователю сильнейшие и справедливые подозрения: они либо неточны, либо попросту неверны. Позволительно задать вопрос: чем объяснить неизменную неточность и приблизительность средневековых мер и величин? И здесь мы опять столкнёмся, по-видимому, со спецификой мышления средневекового человека. Зависимость его от природного ритма, от суточных и годовых циклов, застойность и примитивность средств производства — всё это влияло на формирование психики людей феодального общества, особенно на ранних этапах развития, когда отсутствовали возможности для возникновения научного подхода, рационалистического мышления и кругозор человека оставался узким. Непосредственная связь человека с природой проявлялась и в том, как он производил отсчёт часов, измерение расстояний, определение земельной площади: путь мерили числом шагов или дней, которое занимало путешествие; размеры пашни устанавливали трудовыми затратами; день делился на части в зависимости от положения солнца; мерой длины ткани был локоть. Меры как абстрактной, совершенно отвлечённой величины это общество не знало.

В Норвегии крестьянин мог занять участок общинной земли, на который он бросал орудие труда. Поселенец в Исландии брал столько земли, сколько был способен обойти за день, идя с востока на запад и зажигая на её границе костры.

---

²³⁷ Гуревич А.Я. Из истории имущественного расслоения общинников в процессе феодального развития Англии // Средние века. Сборник. М., 1955. Вып. VII. С. 28 и след.

Распределение приусадебных участков и наделов в полях в датской общине производилось «по солнцу»: этот обычай *solskifte* заключался в том, что соответственно ходу солнца, т.е. с востока на запад, между крестьянами делились как пахотные доли, так и дворовые участки в селе.

Во всех этих приёмах измерения земель неизменно обнаруживается тот способ присвоения, который Маркс охарактеризовал в «Формах, предшествующих капиталистическому производству»: «Индивид относится к объективным условиям труда просто, как к своим, относится к ним, как к неорганической природе своей субъективности...» Земля при этом отношении выступает как «неорганическое тело» индивида²³⁸.

Но мы уже видели, что в средневековых земельных мерах очень часто обнаруживается и иной аспект: фискальный, социально-политический. Земля не мыслилась как ценность сама по себе, важны были подвластные люди, на ней сидевшие, и получаемый с неё доход, рента или налог²³⁹. Поэтому владение измерялось путём установления его доходности. В скандинавских странах, например, была распространена система так называемых маркеболей: размеры владений определялись числом денежных единиц, которые с них уплачивались, — марок, эре и др.²⁴⁰ Аналогичной была система: тяглых единиц, с которых взималось количество продуктов, необходимых для пропитания человека в течение месяца²⁴¹.

Однако отношение к земле в феодальном обществе никогда не было чисто экономическим. Земельная собственность означала власть над людьми. Когда в средневековых документах называют число мансов или других наделов, насчитывавшихся во владении, то, по сути дела, подразумеваются в первую очередь не надела, а крестьянские семьи, тяглые люди, непосредственные производители, — объект эксплуатации. Они часто не только подразумеваются: в «Книге Страшного суда» в описаниях маноров неизменно указывается наряду с числом плугов, которыми можно вспахать землю манора, число населяющих его вилланов, бордариев, коттариев и сервов — дворовых. Человек, хозяйство и земельный надел представляли собой некое единство. Не случайно поэтому, например, в англосаксонских грамотах очень часто вместо термина «гайда» (или «манс») употреблялись термины «*manens*» и «*tributarius*». Земельная мера выражала нечто большее, чем величину участка: за нею неизменно скрывался средневеко-

²³⁸ См.: Маркс К. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. М., 1940. С. 16-17, 21.

²³⁹ Гуревич А.Я. *Проблема земельной собственности в дофеодальных и раннефеодальных обществах Западной Европы // Вопросы истории*. 1968. № 4. С. 96 и сл.

²⁴⁰ Боль (*bol*) — земельный участок, хозяйство; марка и эре — монеты (в 1 марке 8 эре).

²⁴¹ Размеры земли, как явствует из норвежских источников, можно было установить по количеству мер семян, высеваемых в поле, или по числу голов крупного рогатого скота, имевшегося в хозяйстве: существовала определённая пропорция между живым инвентарём двора и размерами поля.

вый человек с его взглядами и представлениями²⁴². Представления о точности попросту не находят места в сознании людей средневековья: они там невозможны и излишни.

* * *

Рассмотренные выше материалы относятся к периоду раннего средневековья, преимущественно к аграрному обществу. Уклад всей жизни, в том числе и духовной, в таком обществе отличался застойностью форм, вследствие чего и знаковые системы этого общества обладали относительной устойчивостью, слабостью изменчивостью. Но и исторические памятники более позднего периода обнаруживают подобные же формы социальных связей и стереотипов поведения, несмотря на усложнившуюся социальную структуру и несколько ускорившийся темп жизни.

Интереснейшие памятники истории средневекового города — цеховые уставы — изучаются, как правило, в плане социально-экономическом. Структура цеха, степень разделения труда, характер производства, отношения между цеховой верхушкой и мелкими ремесленниками, положение учеников и подмастерьев, цех и рынок, цех и городской магистрат, социальная борьба в средневековом городе — такие и подобные вопросы занимают историков города прежде всего²⁴³. Не отрицая первостепенной важности этой проблематики, хотелось бы обратить внимание и на другой аспект цеховой жизни, также отражаемый статутами.

Цеховые и городские уложения закрепляют и регулируют не только производственную деятельность членов цехов, но и все другие стороны их жизни. Достаточно напомнить детализированные постановления «свадебного регламента» «Городской книги» Аугсбурга, предписания о порядке крещения детей, о нищих и т.п. В таких постановлениях обнаруживается то же самое стремление предусмотреть мельчайшие тонкости процедуры, как и в варварских «Правдах». Здесь устанавливается, например, максимальная численность гостей, которых бюргеры могли пригласить на свадьбу; указано, сколько раз можно переодеться во время свадьбы в течение первого и второго дня; какова должна быть плата музыкантам; порядок построения свадебной процессии; число женщин, которые имели право сопровождать в баню невесту, и мужчин, сопровождав-

---

²⁴² Маркс в «Экономическо-философских рукописях» (1844 г.) писал, что при феодализме земельный участок был «как бы неорганическим телом» своего хозяина и что отношения между собственниками земли и людьми, которые сидели на ней, не были чисто экономическими, но имели также политическую и эмоциональную сторону. «Нравы, характер и т.д. меняются от одного земельного участка к другому; они как бы срослись с клочком земли...» (Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 554).

²⁴³ Стоклицкая-Терешкович В.В. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV — XV веках. М.; Л., 1936; она же. Основные проблемы истории средневекового города X — XV веков. М., 1960; Полянский Ф.Я. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII — XV вв. М., 1952.

ших в баню жениха, все, даже самые обыденные, казалось бы, житейские отправления превращались в ритуал и подлежали общественной регламентации²⁴⁴.

Предписания о проведении пирушек своей склонностью мелочно фиксировать все моменты поведения их участников и возможные нарушения порядка опять-таки напоминают титулы германских судебников²⁴⁵. Как и в «Правдах», в городских уложениях встречаются перечни ругательств, за которые взыскивали штраф²⁴⁶, формулы, присяги и т.п.²⁴⁷ Подробнейшая регламентация всех без исключения сторон жизни членов ремесленной гильдии²⁴⁸ не может быть объяснена одними лишь производственными целями, стремлением избавить мелкое ремесло от угрозы конкуренции и поставить его в условия, наиболее благоприятные для развития простого товарного производства, организовать сбыт продукции, подчинить подмастерьев и учеников контролю мастеров. *Zunftzwang* своими корнями уходил глубже и может быть до конца понят лишь в связи с особенностями жизни средневекового общества.

В цехах с большой силой обнаружилось стремление средневековых горожан сплотиться в корпорацию, стремление, вообще присущее феодальному обществу: ремесленник и купец вступали в гильдию точно так же, как рыцарь объединялся с себе подобными в вассальный союз во главе с сеньором, как духовенство спланивалось в клир, а монахи входили в орден и монастырскую братию, как крестьяне включались в общину. Наряду с другими мотивами в этой всеобщей черте средневекового общества, выразившейся в создании корпораций, поглощавших индивидов, несомненно, нужно видеть проявление особенностей человеческой личности той эпохи. Человек мог утратить себя и обеспечить способ существования, соответствующий его общественному статусу, только тесно объединившись с себе подобными.

Средневековый человек — это человек «малой группы». Включение в неё граничит с полным поглощением его индивидуальности, с идентификацией человека с группой и статусом. Цех, в частности, был не только союзом ремесленников, но и формой, в рамках которой проходила вся жизнь, не только их собственная, но и жизнь членов их семей. Ремесленников объединяли в гильдию не одни производственно-сбытовые интересы и социальная борьба, но и сословная принадлежность, правосудие, потребность в защите, религиозные функции, организация досуга, развлечения, взаимопомощь²⁴⁹. Все общественные отношения

²⁴⁴ Das Stadtbuch von Augsburg / hrsg. von Chr. Meyer. Augsburg, 1872. S. 240-244.

²⁴⁵ Documents relatifs a l'histoire de l'industrie et du commerce en France / publiés par G. Fagniez. Paris, 1898. T. I. № 130.

²⁴⁶ Keutgen F. Urkunden zur städtischen Verfassungsgeschichte. Berlin, 1899. № 86.

²⁴⁷ См.: Немецкий город XIV — XV вв. Сборник материалов. М., 1936. С. 49, 84, 85, 113 и сл.

²⁴⁸ О разрешённых видах одежды для подмастерьев см.: Немецкий город XIV — XV вв. С. 61, 62, 70. О том, какие блюда нужно подавать при угощении мастера, см.: С. 83, 85.

²⁴⁹ Zeche — «попойка», «пирушка». Такова и этимология слова «гильдия», англ. guild от др.-англ. gild — «жертвоприношение»: др.-исландск. gildi — «пир», «прзднество», но также и

средневековых ремесленников осуществлялись в рамках цеха. Взаимная близость лиц, принадлежавших к одной гильдии, была очень тесной; именуя друг друга «братьями», они вкладывали в этот термин глубоко затрагивавшее их содержание. Патриархальность общественных отношений, долгое время сохранявших отзвук родовых связей, — тоже всеобщая черта феодализма на раннем его этапе: «братьями» именовались и мастера, и монахи, и члены религиозных сект; сеньор («старший») был столь же тесно связан с вассалом, как отец с сыном. Даже классово-антагонистические отношения в этом обществе имели традиционный патриархальный камуфляж. Крестьянину внушалось, что его господин заменяет ему отца; король, царь считался «батюшкой» для всего народа, как приходский священник — патер был «батюшкой» для паствы. Нет никаких оснований идеализировать феодальный строй и забывать за этой номенклатурой его острые классовые противоречия. Нельзя забывать и того, что, раз возникнув, подобная терминология механически воспроизводилась впоследствии, утратив значительную часть своего смыслового и эмоционального содержания. Но глубоко ошибочно было бы недооценивать той роли, которую играли в общественных связях средневековья патриархально-родовые традиции. За родственной номенклатурой долгое время скрывался соответствующий комплекс социальных чувств и иллюзий, которые могли быть мобилизованы господствующим классом в своих целях.

Привычка к повиновению, которую Энгельс отмечает среди факторов, ограничивавших размах классовой борьбы средневековых крестьян, не в последнюю очередь питалась социальными иллюзиями, нашедшими отражение в языке. В среде бюргерства указанная терминология, по-видимому, долго должна была сохранять своё реальное содержание, ибо демократические формы могли играть известную роль лишь в городе. Вообще говоря, вопрос о том, до какого времени социальная номенклатура, применяемая в исторических источниках, сохраняет живой коммуникативный смысл и когда она утрачивает его, превращаясь в пустую традицию, при изучении семиотических систем общества приобретает важнейшее значение. В языке всегда имеется архаический пласт и восходящая к нему традиционная фразеология. Поэтому исследователь не может не задумываться над тем, обладали ли социальные термины и иные речевые формы в изучаемый им период своим первоначальным смыслом или он из них уже «выветрился» в силу сдвигов, совершившихся в жизни общества, в сознании и психике его членов.

Не только в непроизводственных сферах жизни, но и в самой ремесленной деятельности средневекового горожанина нетрудно разглядеть черты, далеко выходящие за рамки производства как такового. Контроль цеха над производством и наказания за небрежную или не отвечающую регламенту продукцию бы-

---

«платёж», «стоимость». Эти объединения первоначально имели сакральный характер и были связаны с языческими празднествами и жертвоприношениями.

ли связаны с цеховой ремесленной монополией и имели важное значение для укрепления мелкого производства. Условия простого воспроизводства и работы на узкий местный рынок, исключавшие возможность погони за количеством продукции, порождали повышенную требовательность ремесленника к качественной стороне своего труда. Лишь квалифицированный мастер мог быть допущен в ряды цеха, условием вступления в который было изготовление шедевра. Различия между подмастерьем и мастером определялись не только различным отношением того и другого к средствам производства и положением в цехе, но также степенью квалификации, мерой овладения ремеслом и его тайнами. Известно, что прогресс производства выражался преимущественно в детальнейшем разделении труда, приводившем к дроблению цехов и выделению новых ремесленных корпораций с более узкой специализацией. При этом происходило совершенствование орудий ручного труда и всё более высокое овладение мастером своей профессией. Ремесленник-мастер-собственник связан с мастерской и со средствами производства, как «улитка с раковиной»; но в то же время он видел в своём ремесленном изделии, от начала до конца им созданном и целиком ему принадлежавшем, частицу самого себя. Отношение мастера к продукции имело и этическую, и эстетическую стороны. Понятие «образцовый продукт» содержало моральную оценку: членом цеха мог быть лишь добросовестный работник, который не подводил собратьев, трудился честно и выпускал из мастерской качественную продукцию. Принадлежность к цеху была сопряжена с комплексом коллективных эмоций всех его членов, испытывавших чувство гордости за свой цех, ревниво охранявших его марку и авторитет, принимавших участие в собраниях и общих решениях, отстаивавших собственное достоинство полноправных бюргеров перед патрициатом и дворянством и свысока смотревших на неорганизованных ремесленников, подмастерьев, учеников, слуг, на городское плебейство²⁵⁰.

Средневековый ремесленник — во многих отношениях противоположность рабочему буржуазного общества. Эта противоположность обнаруживается прежде всего в том, что цеховой мастер — собственник, работающий на себя, тогда как лишённый средств производства наёмный рабочий — объект капиталистической эксплуатации. Первый самостоятельно создаёт готовый продукт, и в этом смысле его труд автономен, второй же — частичный рабочий, придаток крупного предприятия. Развитие капиталистической эксплуатации человеческого труда — источник отчуждения человека. Между тем средневековый ремесленник ищет и находит в труде не один лишь источник материальных благ, ему доставляет удовлетворение сам процесс труда. При капитализме наёмный труд — средство социального унижения человеческой личности рабочего. При кор-

---

²⁵⁰ *Thomas K. Work and Leisure in Pre-Industrial Society // Past and Present. № 29. 1964. P. 55.* В цехи запрещалось принимать незаконнорождённых (см., например, Немецкий город XIV — XV вв. С. 54, 57 и прим. 2 на с. 133).

поративно-цеховом строе свободный труд мастера — средство утверждения его человеческой личности, повышения его общественного самосознания. Этим сознанием пронизаны тексты городских уставов и регламентов средневековья.

Памятниками по истории средневекового города служат, разумеется, не только статуты и другие документы; очень многое могут сообщить и изделия, вышедшие из рук ремесленных мастеров. Ремесленный продукт обладал не только потребительской и меновой стоимостью, но и эстетической ценностью. Совершенствование мастерства из поколения в поколение вело к созданию высокой традиции в ремесле и к предельному раскрытию его художественных возможностей. Ремесло было мастерством, а мастерство — искусством, артистизмом²⁵¹. Средневековый ремесленный мастер — это сплошь и рядом и художник, стремящийся воплотить в своём произведении представления о прекрасном, свойственные его классу, обществу, эпохе. В богато украшенном оружии и в покрытых резьбой кораблях, в нарядной одежде и в рукописных книгах с заставками и миниатюрами, в тонких ювелирных изделиях, в неприступных крепостях и величественных соборах — в самых различных творениях средневековых мастеров мы обнаруживаем единство прагматического и художественного начал.

Выше отмечалась характерная для ряда исторических эпох, в частности, для раннего средневековья, нерасчленённость различных отраслей социальной деятельности. Слитность или неполная расчленённость таких сфер общественной практики, как производство, искусство и религия; собственность и власть; труд и развлечение; частное и публичное право; религия и мифология; мораль и религия; литература и история; богословие и философия, в значительной мере присущи феодальному обществу и на той его стадии, когда городское ремесло получило уже большое развитие и переживало расцвет. Единство трудового, этического и эстетического начал в труде ремесленных мастеров придавало ему особое общественное значение и способствовало выработке высокого самосознания горожан. В этом единстве — основа развития человеческой личности в пределах, возможных в обществе средневековья. Бюргер — одновременно и гражданин своей коммуны, и собственник, и трудящийся субъект. По многосторонности своих социальных отношений он превосходит представителей других сословий феодального общества.

Но не нужно при этом забывать и о другой стороне: о неизбежных преградах, которые ставило на пути развития общества мелкое производство, покоившееся на ручной технике, об ограниченности кругозора средневековых бюргеров, об узкой замкнутости социальных групп, одновременно и объединявших

---

²⁵¹ Лишь в новое время, уже после эпохи Возрождения, понятия «ремесленничество», «мастерство» и «искусство» разошлись и поменялись местами: понятие мастерства сделалось скорее принадлежностью искусства, тогда как ремесленником стали называть бездарного артиста, человека, лишённого подлинного мастерства.

горожан (в цехи, гильдии, коммуны), и разъединявших (разобщённость цехов, враждебность их возникшим в конце концов мануфактурам, местничество городов). Бюргерское общество не было способно быстро расширяться; динамичное по сравнению с аграрным обществом, которое отличалось огромной застойностью, «идиотизмом» сельской жизни²⁵², средневековое бюргерское общество разделяло с деревней тенденцию к воспроизводству самого себя на прежней основе, в традиционных формах и масштабах. В конечном итоге городское мелкое ремесло оказалось враждебным капитализму. Но на определённой стадии развития феодального общества города были «самым ярким цветком средневековья». Именно в них в силу целого ряда обстоятельств, как социально-экономического, так и политического и социально-психологического порядка в наибольшей мере получила развитие личность средневекового человека, отличающаяся целостностью и органической слитностью со своей общественной средой. Последнее дало основание Ф. Тённису противопоставлять понятие «общность» («Gemeinschaft»), применяемое им, в частности, к средневековью, понятию «общество» («Gesellschaft») — «гражданского общества», строящегося не на непосредственных личных отношениях между людьми, а на отношениях между вещами, т.е. буржуазного общества²⁵³.

В ремесленных уставах и городских статутах средневековья содержится целая система предписаний, регулирующих поведение бюргеров. Цеховая регламентация не столько сковывала человека (до поры зарождения капитализма эта скованность обычно, видимо, субъективно не ощущалась), сколько придавала определённую общезначимую форму его поведению. Она сильнейшим образом формировала личность бюргера. Многочисленные ритуалы, процессии, празднества, формулы, терминология, эмблемы способствовали закреплению традиционной социальной деятельности. Уложения цехов воплощают и оформляют социальные связи средневекового города. И, как всегда, это закрепление социальной деятельности осуществлялось при посредстве специфического комплекса знаковых систем.

* * *

Сказанное выше относится в равной мере и к таким историческим памятникам, как крестьянские уставы — «Weisthümer»²⁵⁴, как уложения, регулирую-

²⁵² Впрочем, это определение скорее подходит к деревне в буржуазном обществе, где противоположность города и деревни получила законченное выражение, чем к средневековью, когда деревня политически преобладала над городом.

²⁵³ Tönnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft. Berlin, 1926. S. 22, 35-38.

²⁵⁴ «Weisthümer» изучались в советской историографии лишь как источники по социально-экономической истории (Смирин М.М. Борьба за землю в Юго-Западной Германии в XV и в начале XVI в. // Исторические записки. Т. 4; он же. О крепостном состоянии крестьянства и характере крестьянских повинностей в Юго-Западной Германии в XV и начале XVI в. // Исторические записки. Т. 19; Майер В.Е. Уставы как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV — начале XVI в. // Средние века. М., 1956. Вып. VIII).

щие обычное право, типа «Саксонского зеркала» или кутюмов. Собственно, в любом историческом источнике, не только в таком, который принадлежит к памятникам духовной культуры (литературное произведение, народный эпос, произведение искусства, житие святого, философский или богословский трактат, проповедь, летопись, хроника, частное письмо и т.п.), но и в хозяйственных описях феодальных поместий, в расчётных книгах купцов, в государственных законах, королевских эдиктах, феодальных договорах, в судебных протоколах и в продуктах материального производства — во всём можно обнаружить воплощение присущей данному обществу духовной структуры, черты общественной психологии, системы мышления, выразившейся в тех или иных знаковых системах.

Разумеется, памятники культурной жизни содержат в себе более обильный материал, характеризующий духовную структуру общества. Так, изучение художественного языка средневекового искусства помогает раскрыть некоторые черты мышления человека той эпохи. Мнимые «наивность» и «неумелость» средневековых живописцев, миниатюристов, скульпторов, резчиков обнаруживают специфические представления о вселенной и о человеке, о его обществе. Несомненно, официальное искусство эпохи феодализма было проводником церковной идеологии и морали. Но для того, чтобы «мысли господствующего класса» сделались «господствующими мыслями», необходимы были благоприятная для таких именно мыслей и представлений социально-психологическая среда, определённый стиль мышления.

Символизм — наиболее характерная черта средневекового изобразительного искусства — был чуть ли не всеобщей чертой мышления. Он пронизывает и литературу. Выше мы обнаружили его в варварских «Правдах», в постановлениях о символических процедурах, в городских уставах и регламентах. Но символика произведений изобразительного искусства была особенно наглядна. Образы неподвижных и величаво-загадочных в своей неподвижности человеческих фигур, постоянно находившихся перед взором верующих, порождали в их воображении целый мир чувств и ассоциаций. Неподвижность изображений нельзя объяснять неспособностью средневековых мастеров передавать динамику и изменение. В этих застывших изображениях воплощалось определённое отношение к жизни. И величественные позы людей, поглощённых некоей высшей идеей или ведущих «священное собеседование», с их ритуальными жестами, и окружающий их мир условной природы, и отсутствие в картине глубины, и унифицированные поверхности, разделённые резкими контурами, — всё было олицетворением незыблемости мира и времени. В произведениях изобразительного искусства средневековья «пространственно-временной континуум», в котором в зримо-ощутимых формах достигнуто единство особого, внеисторического времени, и особого, не измеряемого земными масштабами пространства. Это — «мифическое» пространство, которое не является абстрактной однород-

ной формой, как ньютоновское пространство, — оно не безразлично к своему содержанию. Это — «мифическое» время, ибо картина запечатлевает моменты «священной истории», которые вневременны и постоянно вновь и вновь переживаются верующими, вследствие чего их собственное, «человеческое» время воспринимается как повторение времени «библейского» и тем самым получает постоянную ценность.

«Неумение» средневекового художника создать портрет человека с присущими только ему чертами было на самом деле выражением иного, нежели современное, понимания сущности человека, отделением «поверхностного» и преходящего (т.е. индивидуального) от глубочайшего и вечного (т.е. родового). В человеке — для средневекового художника — ценность представляло лишь вечное и неизменное начало. Появление индивидуального портрета в эпоху Возрождения ознаменовало изменение отношения как к человеку (поскольку подчёркивалась ценность личного и неповторимого), так и во времени (портрет в отличие от иконы фиксирует момент, а не вечность).

Не случайно в средневековой живописи и литературе так долго, по сути дела, отсутствовал пейзаж. Человек не мыслил себя вполне отделённым от природы и противостоящим ей в такой степени, в какой это характерно для людей, принадлежащих к развитой городской цивилизации. Человек средневековья находил в природе своё продолжение, ощущал родство с ней, своего рода внутреннюю «симпатию». Отсюда постоянное сопоставление человека и природы, понимание её как «зеркала» человека, а самого человека — как «микрокосма», повторяющего в миниатюре «макрокосм». Это мировосприятие выражалось в живучести культа природных сил, в их антропоморфизации в эпосе, в невыработанности чисто эстетического отношения к природе, в неспособности средневековых людей любоваться ею без примеси потребительского мотива. Мир в его временной протяжённости (исторические знания) и его пространственной протяжённости (сведения о земле и космосе) был известен средневековым людям лишь в ограниченных масштабах. Человеческое познание, направленное на мир в столь узких рамках, неизбежно приобретало чрезвычайную интенсивность. Однако это познание не могло быть научным. Его интенсивность — это сила воображения, создававшего картину «удвоенного мира»²⁵⁵. «Удвоенный мир», в котором жил средневековый человек и который запечатлён в изобразительном искусстве той эпохи, — это мир, где всякое восприятие, в том числе и зрительное, преломлялось в призме моральных и религиозных ценностей, аллегорий и символов. Этот мир осознавался как единство посюстороннего и потустороннего, вечного и скоропреходящего. Непосредственное соотнесение земного с небесным, представление о присутствии второго в первом придавало земному непреходящее значение и новый смысл.

---

²⁵⁵ Goldstein Th. Medieval Civilization from the World-Historical View // Cahiers d'histoire mondiale. 1961. VI/3. P. 508.

Символический язык средневекового искусства обладал выразительностью огромной силы. Немало он может рассказать и исследователю мышления и общественной психологии людей феодального общества.

Однако памятники духовной культуры зачастую не в равной мере отражают интеллектуальную и эмоциональную жизнь различных классов и групп общества. Например, заключения о средневековой религиозности, сделанные на основании исследования литературы, вышедшей из среды высших социальных слоёв и духовенства, не могут быть безоговорочно распространены на другие группы населения. Между тем сохранилось несравненно меньше памятников духовной жизни «простого» народа²⁵⁶. Изучение источников другого рода, в том числе и таких, образчики которых были выше рассмотрены, обнаруживает духовные структуры, характерные для эпохи в целом, и позволяет проникнуть в психику непривилегированных и угнетённых масс народа.

Кроме того, исследование литературных источников под указанным углом зрения поднимает весьма сложные методологические вопросы. В этой связи представляется уместным остановиться на концепции изучения религиозной жизни средневекового общества, выработанной в своё время известным её исследователем Л.П. Карсавиным. Речь идёт не о конкретных его выводах и не о теоретических построениях, а именно о методологических предпосылках такого исследования.

Карсавин подчёркивал пронизанность символизмом религиозного культа средневековья и видел в нём проявление всеобщего свойства сознания средневекового человека. Он говорил о неизменном уклоне к символизму, о неудержимой потребности «везде раскрывать символы»²⁵⁷. Символическое истолкование рассматривалось в этом мире как метод нахождения истины, символизирующее мышление давало интеллектуальное удовлетворение и ощущение раскрытия тайн мира. Поскольку мышление было занято «игрой священными предметами», игрой, принимаемой в высшей степени всерьёз, то такая его религиозная ориентировка сопровождалась «ощущением священного и мистического». В мире, познаваемом символическим мышлением, всё оказывалось связанным, все явления имели отношение «друг к другу и главным образом к богословию»²⁵⁸. Подчас эти идеи оставались «полуосознанными» и «невольными» руководили жизнью и деятельностью. Средневековое мирозерцание представляло собой противоречивое сплетение неупорядоченных пёстрых идей и проявлялось в самых неожиданных и разноречивых формах. Поскольку символизм мышления был его всеобщей чертой, а не только лишь особенностью сознания пропо-

²⁵⁶ Бобиньска Ц. Пробелы в источниках. Методологический анализ // Вопросы истории. 1965. № 6. С. 78, 81-83.

²⁵⁷ Карсавин Л.П. Символизм мышления и идея миропорядка в средние века (XII — XIII века) // Научный исторический журнал. Т. I. Вып. 2. 1914. № 2. С. 10-15.

²⁵⁸ Там же. С. 21-23.

ведников и учёных, то по ним, согласно Карсавину, — «типическим представителям религиозности, можно судить о «среднем религиозном человеке», потому что типическое — только гипертрофированное выражение среднего. Карсавин придаёт понятию «средний человек» «методологическое значение»: «Потому-то и полны значения наши тексты, что позволяют по дошедшим до нас сведениям открывать те тенденции ли потенции, которые присущи всякому человеку занимающей нас эпохи, позволяют нам говорить об основных чертах религиозности эпохи и понять её религиозное развитие»²⁵⁹.

Отправляясь от этих общих постулатов, Карсавин предпринял исследование основ средневековой религиозности на материале литературных памятников XII и XIII вв. (проповедей, богословских сочинений, житий святых, писем и т.п.). Здесь он отмечал связь идей, высказывавшихся средневековыми мыслителями, с духовными запросами их современников и развивал мысль о существовании «общего религиозного фонда» общества указанной эпохи. Этот фонд Карсавин понимает как «необходимую форму сознания, обнаруживающую себя при наличности известных условий, или как характерные религиозные реакции человека данной группы, или как совокупность религиозных его навыков в области мысли, чувства и воли»²⁶⁰. Таким образом, индивидуальные особенности мыслителя, формулирующего идею, по мнению Карсавина, лишь гипертрофируют отдельные стороны этого фонда; выдающиеся личности в повышенной степени, как бы в увеличительном стекле, с большей силой и яркостью, выявляют черты «среднего человека» своей эпохи. Что же касается своеобразия, присущего конкретной личности, то от него исследователь якобы может отвлечься.

Ряд мыслей, высказанных Карсавиным, важен. Особенно существенно его наблюдение о символизме мышления как универсальной черте средневекового сознания в определённый период. Интересна мысль его об «игре священными предметами», она предвосхищает в какой-то мере идею Й. Хейзинги об игре как источнике человеческой культуры, идею парадоксальную, но содержащую в себе ряд плодотворных моментов²⁶¹. Нельзя не согласиться с утверждением Карсавина о том, что между идеями богословов и мышлением «среднего человека» существовала определённая связь, что богословы широко обращались к «общему религиозному фонду» своей эпохи.

Но здесь возникает ряд сомнений и возражений. Карсавин игнорирует социальную природу общественных идей средневековья, социальную обусловленность мышления писателей и богословов, выражавших наряду с общими представлениями эпохи также и свои собственные специфические идеи и на-

²⁵⁹ Карсавин Л.П. Символизм мышления и идея миропорядка в средние века. С. 28.

²⁶⁰ Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII — XIII веках, преимущественно в Италии. Пг., 1915. С. 8-11.

²⁶¹ Huizinga J. Homo ludens. A Study of the Play-Element in Culture. London, 1949. P. 78 ff.

строения. Неизбежно встаёт вопрос: как отделить в произведениях мыслителя или писателя присущие лишь ему индивидуальные особенности от типичного для эпохи? В какой мере теологи были понятны «простому» человеку? Известно, что догматические истины, «хлеб богословов», не сводились к тому запасу религиозных представлений, которым пользовались массы верующих. Правоммерно ли предполагать единый «стиль мышления» для жителей города и деревни в XII и XIII вв.? Одинаковым ли было отношение к религии со стороны духовенства, бюргеров, крестьян? А если нет, то, очевидно, богословы не просто возводили в высшую степень идеи простонародья, но качественно их видоизменяли. Каким образом можно обнаружить эти различия? Вводя идею «среднего человека» эпохи, Карсавин лишает его конкретного содержания. Это не значит, что общего идейного фонда эпохи вообще не существовало, в частности, мы никак не можем согласиться с высказывавшимся в нашей литературе мнением, что народную идеологию средневековья можно обнаружить лишь в неортодоксальных формах (еретических идеях, литературных и фольклорных произведениях, критикующих духовенство и дворянство, в поэзии вагантов и т.п.). «Мысли господствующего класса» были неизбежно и «господствующими мыслями» эпохи и разделялись в той или иной степени обществом в целом, без этого немислимо господство правящего класса. Но вся трудность заключается в том, чтобы установить этот «общий фонд» идей и представлений эпохи. Решение, предлагаемое Карсавиным, не кажется нам приемлемым, ибо нельзя изучать духовную жизнь феодального общества на основании анализа идей одних только образованных его членов. Высказанные им и другими историками идеалистического толка рациональные идеи должны быть критически переработаны для того, чтобы их можно было плодотворно использовать в исследовании.

В связи с этим выявление комплекса знаковых систем, действовавших в обществе в определённую эпоху, приобретает большую важность. Они представляли собой ту «прозу», которой господин Журден говорил, сам того не подозревая: при посредстве этих знаковых символов, употреблявшихся сплошь и рядом независимо от сознания и воли членов общества, оно «проговаривалось» об истинах, которые имели силу применительно к нему как к целому.

В плане раскрытия некоторых специфических черт средневекового народного сознания чрезвычайно важной кажется нам книга М.М. Бахтина о творчестве Франсуа Рабле и народной культуре средних веков и Возрождения. Бахтин даёт истолкование романа Рабле в категориях народной смеховой культуры — широкого комплекса представлений и образов, на протяжении многих веков бытовавших в сознании народа и находивших своё выражение в гротескном и карнавальном жанрах. Мотивы обновления мира социальным смехом, непосредственной связи идеально-возвышенного и вульгарно-материально-телесного, переливов одного в другой («амбивалентность», двойственность всей системы народных смеховых образов), смеховая, гротескно-карнавальная, игро-

вая окрашенность многих основных представлений народа о мире, человеке, космосе — все эти моменты оказываются важнейшей составной частью средневековой культуры, частью, сосуществовавшей с «серьёзной», религиозно-догматически окрашенной культурой. В эпоху Возрождения комплекс этих весёлых образов и представлений миросозерцательного характера впервые и ненадолго получает широкий доступ в «большую» литературу, в культуру вообще²⁶², делается важным источником, из которого черпают своё вдохновение многие гуманисты и более всех Рабле. Все образы его романа отличаются «радикальной народностью», неистребимой и принципиальной «неофициальностью». Прочтение «многосмысленного», «объективно незавершённого» романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» в свете изложенных идей открывает в нём такие глубины смысла, о которых литературоведы и не помышляли. Более того, понятие народной смеховой культуры плодотворно «работает» применительно ко многим другим произведениям и жанрам как литературы, так и изобразительного искусства, раскрывая в них «универсальный смеховой аспект мира». В этом огромное познавательное, мы бы сказали, культурно-философское значение исследования Бахтина.

Мы не во всём согласны с автором в его противопоставлении народной культуры смеха официальной культуре средневековья и полагаем, что их взаимное отношение в свою очередь было «амбивалентно», что в них нужно скорее видеть две ипостаси одной культуры, нежели две разные и диаметрально противоположные культуры²⁶³. Однако в данной связи нас интересует другая сторона его концепции. Образы «материально-телесного низа» и гротескного тела, особым образом организованное площадное слово, городские «крики», божба, брань, пиршественные и народно-праздничные образы, детально изученные Бахтиным в романе Рабле, составляют некое универсальное единство в многообразии²⁶⁴. Их художественно-миросозерцательное значение (мы бы сказал, скорее мироощущение, чем миросозерцание, ибо речь идёт не столько о вполне осознанном отношении к этим образам, сколько о непосредственном «импульсивном» их выражении) раскрывается у Рабле с огромной последовательностью. Пожалуй, особо следовало бы отметить характерное для этого мироощущения нерасчленённое восприятие человека и космоса, грани между которыми

---

²⁶² М.М. Бахтин отмечает вслед за Я. Буркхардтом существенное влияние народных празднеств «на художественную форму и мировоззрение Ренессанса, на самый дух этой эпохи» (Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 171). Ср. наблюдения Б. Бернсона по поводу венецианских художников Возрождения, в творчестве которых изображения церемоний и празднеств занимали исключительно большое место. Живопись в Венеции той эпохи была «общим для всего народа языком» (Бернсон Б. Живописцы итальянского Возрождения. М., 1965. С. 36-37).

²⁶³ Наши замечания см. в рецензии на книгу М.М. Бахтина в «Вопросах литературы» (1966. № 6).

²⁶⁴ Бахтин М. Указ. соч. С. 212, 229-230, 274 и др.

текучи и крайне нечётки, а также специфические пространственно-временные представления, слагавшиеся в «модель» гротескного мира.

В этих формах и образах можно видеть систему семантических отрезков, составляющую часть основной знаковой системы, которую использовало сознание средневекового человека. Книга Бахтина представляет, с нашей точки зрения, огромную ценность как удачный опыт анализа социально значимых знаковых систем средневекового общества на материале художественного творчества²⁶⁵. Автор поднял ту самую проблему, которую по-своему пытался решить Карсавин. В самом деле, смысловой язык романа Рабле выступает не только в качестве личного создания великого французского гуманиста: он фиксирует в доведённой до совершенства и концентрированной форме определённые элементы народного сознания, стихийно складывавшийся на протяжении многих поколений язык народного творчества, карнавала, популярные и постоянно повторявшиеся формы социального общения. Как говорил Бахтин, образы Рабле оказываются «у себя дома в тысячелетиях развития народной культуры»²⁶⁶. Таким образом, роман Рабле предстаёт в исследовании Бахтина в известном смысле как «гипертрофированная» форма народной психологии и сознания. Нетрудно видеть, что решение этой проблемы Бахтиным принципиально отличается от решения её, предложенного в своё время Карсавиным. Различие заключается в том, что под «общим фондом» Бахтин понимает собственно не идеи (вопрос о соотношении идей гуманистов и идей «просто народа» исключительно сложен), а тот образный символический язык, который был задан Рабле его временем, народной культурой: он мог быть им усилен, конденсирован, но он не выдумал и не создал его сам. Устами писателя «говорила» народная смеховая культура.

* * *

Для того чтобы вскрыть символический язык определённой исторической эпохи, необходим особый подход к источникам. Необходимы выявление и систематизация всех стереотипных форм общественного поведения, обычаев, ритуалов, обрядов, терминологии, формул, символических изображений и т.п. — повторяющихся отрезков социальной деятельности. Эти формы либо непосредственно предписываются и нормативны для данного общества, либо предполагаются *implicite*, обладая силой традиции или моды, и проявляются в поступках, выражениях, символических действиях.

---

²⁶⁵ Сам Бахтин не применяет понятий семиотики и не интерпретирует *expressis verbis* своих наблюдений в терминах знаковой системы. Но из всего содержания его книги явствует, что карнавальная игра, амбивалентный смех народной культуры выполняли в средневековом обществе важную коммуникативную функцию. Автор, подчёркивает, что языки — «это мировоззрения, притом не отвлечённые, а конкретные, социальные, пронизанные системой оценок, неотделимые от жизненной практики и классовой борьбы» (Там же. С. 513).

²⁶⁶ Там же. С. 5.

Разумеется, исследование не может ограничиться лишь сбором подобного материала и его каталогизацией. Все символические формы нуждаются в объяснении. В чём же заключается подобное объяснение? Дело, по-видимому, не в происхождении того или иного обряда, знака, выражения: они могли возникнуть случайно, и по большей части их генезис неизвестен. Главное — социальная функция, выполняемая символом. Источники не дают прямого ответа на этот вопрос: речь ведь идёт не о роли, приписываемой людьми формуле, обряду или иной процедуре, в которой они участвуют, а об общественном значении этих процедур, воздействии, ими оказываемом. Поэтому заключение о социальной функции исторического символа может быть выведено только косвенным путём. Для этого, как мы полагаем, источник должен рассматриваться в контексте более широкого целого. Таким целым является стиль мышления, господствовавший в изучаемую эпоху в обществе или в определённых его группах, и связанный с ним комплекс представлений, следовательно, и тот символический язык, посредством которого они выражались. Источник должен занять своё место в системе этих представлений эпохи.

Далее, необходимо выяснить, какой стороной символический язык, присущий данному обществу, отразился в источнике, ибо ни один отдельно взятый памятник не воплощает семиотические системы общества полностью и всесторонне. Для изучения структуры мышления и общественной психологии, характерных для того или иного периода, и даже отдельной стороны духовной жизни необходим широкий круг памятников. В принципе, видимо, все исторические памятники могут быть использованы в качестве источников по изучению духовной жизни общества; во всяком случае априори нельзя сказать, есть ли возможность извлечь материал по этому вопросу из данного источника или нет. Охватывая максимально широкий круг памятников, историк получает возможность взаимно проверить и дополнить выводы, полученные путём отдельного анализа каждого из них. Правильное истолкование функции и роли знаковых систем изучаемого общества возможно лишь при их рассмотрении в достаточно полном объёме. Только при этом условии удастся преодолеть опасность субъективистского истолкования материала.

Вместе с тем изучение духовной жизни и структуры мышления, характерных для определённой эпохи, более, чем какое-либо иное историческое исследование, предполагает интенсивное использование источников. Здесь требуется выявление особенностей каждого памятника в целом и скрупулёзный анализ самых различных его сторон, в том числе языка, фразеологии, терминов, стиля и иных его аспектов, подчас кажущихся историкам несущественными и оставляемых ими без внимания. Необходимое условие такого анализа — разработка детального вопросника, с которым исследователь обращается к источнику и который неизбежно будет видоизменяться и пополняться в процессе исследования. Ведь источники, которые могут быть привлечены, по большей части уже мно-

гократно использовались с другими целями. Новой должна быть формулировка проблемы, новые вопросы нужно поставить старым источникам. Такое исследование вызывает необходимость применения всякий раз особой методики: специфика памятника продиктует исследователю такой аспект его рассмотрения и приёмы анализа, которые окажутся адекватными для источников подобного рода. Формулировка каких-либо универсальных методов была бы бессодержательной.

Особенно существенным представляется осознание методологических задач, определение общих исходных принципов исследования социально-психологических и культурно-исторических проблем, без этого даже самый интересный материал, собранный в источниках, превратится в грудку не организованных мыслью учёного фактов, лишённую научного значения.

Но столь сложные задачи едва ли по плечу одному исследователю. Он был бы способен самое большее поставить отдельные вопросы, изучить некоторые памятники и, следовательно, дать лишь частичное решение проблемы духовной жизни определённого общества. Мы полагаем, что для более широкого охвата этих проблем нужны коллективные усилия групп исследователей, руководствующихся некоторыми общими исходными принципами и целями и обменивающимися между собой как методикой, разработанной каждым из них при анализе источников, так и результатами этого анализа²⁶⁷. Вероятнее всего, выводы, к которым они придут, не будут простой суммой их индивидуальных исследований: после их взаимного составления удалось бы сделать и некоторые иные обобщения, возможные только при анализе очень широкого круга различных источников. Таким образом, изучение социально-исторической психологии и стиля мышления минувшей эпохи — важнейших моментов её культуры — весьма сложно и в плане чисто организационном. Несмотря на все трудности, о которых шла речь выше и которых, конечно, на практике окажется гораздо больше, эта работа должна быть начата. Этого требуют интересы дальнейшего развития исторического знания.

---

²⁶⁷ Ясно, что речь идёт не о коллективных трудах сводного характера, а о совместных исследованиях историков-единомышленников, принадлежащих к одной научной школе и обладающих общей научной «лабораторией».

Историк и география

Шевеленко А.Я. Природный фактор и европейское общество V — X веков // Вопросы истории. 1969. № 10. С. 87-105.

Одной из составных частей материальных условий жизни человеческого общества является географическая среда. Она охватывает всю совокупность элементов природы, которые вовлечены людьми в процесс их трудовой практики. Социальная роль географической среды ограничена. Марксистско-ленинская наука неопровержимо установила, что ведущим фактором развития человечества является способ производства материальных благ. Поэтому в историческом исследовании, посвященном месту и роли различных физических, экономических и социально-политических факторов в жизни общества, главное внимание закономерно уделяется производительным силам и элементам, их составляющим. Географическая же среда служит естественной основой трудовой деятельности, своеобразной предпосылкой самого процесса производства материальных благ. «Человек и его труд на одной стороне, природа и ее материалы на другой»²⁶⁸, — писал К. Маркс; «являясь первоначальной кладовой его пищи, земля является также и первоначальным арсеналом его средств труда»²⁶⁹. Вот почему силы природы могут как ускорять, так и замедлять развитие производительных сил, влиять на уровень развития трудовых навыков и производственного опыта людей²⁷⁰.

Следовательно, без изучения географической среды невозможно в полной мере исследовать способ производства, то есть достаточно глубоко познать законы исторического развития. И если ставить вопрос о роли природного фактора в развитии конкретного общества, то правильный подход к делу, думается, должен заключаться в том, чтобы, не забывая о примате способа производства, сочетать анализ социально-исторический с анализом конкретных географических условий²⁷¹. Общим ориентиром здесь, как показали основоположники марксизма, может служить то обстоятельство, что по мере развития общества оно все менее подвержено прямому воздействию чисто географических и биологических факторов (влияние климата, естественный отбор и т. п.), все меньшей становится его непосредственная зависимость от прихотей природы. В результате развития средств производства человек в своей жизни и трудовой деятельности сумел приспособиться не только к какой-то определенной географической среде, как это свойственно животным, а практически к любой природной

²⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 195.

²⁶⁹ Там же. С. 190.

²⁷⁰ См. там же. С. 521.

²⁷¹ Подробнее см.: Гумилёв Л.Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР. 1967. № 1. С. 66 сл.

зоне и делает это с каждой новой исторической эпохой все полнее и успешнее. В данной статье как раз и предпринята попытка охарактеризовать некоторые формы такой взаимосвязи людей и природы периода раннего средневековья, когда в Европе зарождался и устанавливался феодальный строй. Отнюдь не ставя своей задачей раскрыть все аспекты этой сложной темы, попытаемся ответить на некоторые назревшие в науке вопросы.

Прежде всего возникает вопрос о размерах тех территорий, в рамках которых следует рассматривать воздействие сил природы. Ведь порой географические условия почти однотипны на протяжении больших пространств, а порой на сравнительно малом клочке земли перемежаются горы, долины, леса, степи и акватории. Поскольку все это многообразие крайне трудно втиснуть в какую-либо жесткую схему, удобную для изучения, в географической науке обычно используется достаточно гибкая стандартная система таксономических единиц: участок, фация, урочище, район, область, провинция, материк (размер растет по восходящей линии)²⁷². В необходимых случаях мы будем прибегать к этой системе, хотя сразу следует оговориться, что историческое исследование гораздо шире, чаще и, главное, специфичнее учитывает роль человеческого труда, чем исследование географическое, биологическое или даже экономическое. Начнем с краткой характеристики природных зон и их влияния на жизнь Европы V — X столетий.

То обстоятельство, что географические условия европейского континента оказывали на протяжении сотен веков непрерывное воздействие на местные общества, еще не означает, что результаты этого воздействия оставались постоянными и неизменными. Дав толчок развитию материальной культуры в определенном направлении и обусловив первоначальное состояние производительных сил, географический фактор далее ослабляет степень своего бывшего влияния на человечество. Это происходит не только потому, что люди, в свою очередь, преобразуют природу, причем степень их обратного воздействия на естественную среду возрастает по мере развития общества, но и потому, что в ходе эволюции всякой цивилизации она с каждой новой эпохой уже по-иному поддается влиянию естественных сил, преломляя его через собственные достижения. Люди все время объективно считаются с конкретными географическими условиями и сообразно с ними строят свою жизнь. Однако они используют при этом предыдущие научно-технические и хозяйственные достижения и, опираясь на них, идут дальше, а природа продолжает действовать с прежней сезонной периодичностью и примерно в тех же физических условиях (если не говорить о внезапных катастрофах или стихийных бедствиях). В результате изменения, намечающиеся с течением времени в природе, резко отстают по своим темпам от изменений в историческом процессе человечества.

---

²⁷² *Калесник С.В.* Основы общего землеведения. М., 1955. С. 463.

Если говорить о географических условиях Европы, то бросается в глаза, что ни в одной другой части света нет на столь малой площади такого разнообразия типов ландшафта и столь изрезанной морями береговой линии²⁷³. Действительно, в Азии 100 единицам площади материкового пространства соответствует лишь 1 единица площади земель, примыкающих к морскому побережью; в Европе это соотношение равно 30:1. А Восточная Европа, предстающая перед нами в основном как континентальная часть Евразии, имеет климат, переходный от морского к резко континентальному. Влияние Атлантического океана простирается вплоть до Урала, постепенно сходя на нет. При этом Север европейской территории нашей страны более подвержен воздействию морского климата, так что здесь вполне достаточно осадков, особенно летних, а Юг той же территории, напротив, является по природным данным прямым продолжением континентальной Азии. Указанное обстоятельство играло важную роль в жизни восточных славян и беспрестанно шедших через Уральские ворота кочевых племен, способствуя разграничению зон их расселения. Причерноморские и прикаспийские степи оказывались местом обитания кочевников-скотоводов; долины рек, леса и особенно лесостепи заселялись оседлыми земледельцами. Не меньшую роль в этническом разграничении, экономическом и социальном развитии играют моря и горы. Стиснутое Альпами, кельтское племя гельветов на протяжении всего I тысячелетия н. э. сохраняло черты родового строя. Примесь соседних этнических элементов — галльского, римского, алеманнского — была довольно незначительной. Даже крупные племенные вторжения, в ходе которых пришельцы пользовались альпийскими перевалами, мало изменили положение. Например, переход лангобардов в 568 г. из Норика и Паннонии через Рецию в Северную Италию почти не отразился на строе, быте и этническом составе населения высокогорных районов Гельвеции. Ничто не изменилось и в конце VIII в., когда франки Карла Великого шли через Альпы долинами Рейна и Инна, чтобы пробраться в Каринтию и нанести затем удар по Аварскому каганату. Островная изоляция Англии — следствие наличия Ла-Манша и Па-де-Кале, — оказывавшая столь сильное влияние на всю ее историю, во многом определила и своеобразие ее феодального развития, и позднейшую борьбу за господство на море, и колониальную политику. Прикрыв собой, как щитом, от вторжений англосаксов, скандинавов и норманнов еще резче, чем он сам, отделенную морскими проливами Ирландию, Альбион невольно способствовал обособлению ирландских кельтов и длительной консервации древнеирландских обычаев. Только технические достижения новейшего времени окончательно сделали море не столько преградой, сколько средством сообщения и связи между народами.

---

²⁷³ Об оценке этих условий в историческом плане подробнее см.: *Ключевский В.О.* Курс русской истории // *Ключевский В.О.* Соч. М. 1956. Т. I. Ч. 1. С. 46. Нужно учитывать, что В. О. Ключевскому была свойственна переоценка роли географической среды.

Можно ли сравнивать воздействие климата на европейское общество наших дней и в V — X столетиях? Для этого следует сначала установить, изменился ли он. Изучение природы Евразии на протяжении ряда эпох показало, что при всяком длительном потеплении климат в южных районах материка становится засушливее, а северная часть Европы увлажняется и наполняется южной флорой и фауной. Наоборот, при любом длительном похолодании северная часть приобретает черты холодной и более сухой зоны, а южная увлажняется и ее растительность и животный мир становятся богаче. В течение нашей эры климат Евразии тоже испытывал некоторые колебания. В сухих зонах в I — IV вв. наблюдалось усыхание, в V — IX вв. — увлажнение, в X в. — усыхание, в XI — XII вв. — увлажнение, затем по XIX в. длилось усыхание; во влажных зонах в те же столетия наблюдались обратные явления²⁷⁴. В интересующее нас время особенно засушливой на Западе была пора с 500 г. до 700 года²⁷⁵. Одновременно в Европе в целом распространялось потепление, начавшееся еще в VI в. до н. э. и длившееся по XIII в. н. э. Грунтовые воды всюду ушли глубже в землю, уровень озер упал, площадь прудов сократилась, болота пересыхали. Увеличилось пространство под лесами на Севере, под лугами на Юге²⁷⁶.

Упомянем о некоторых последствиях этих изменений. Понижение уровня болотных и речных вод у берегов Северного моря, частичное отступление последнего и повышение плодородия тамошних земель приводят к племенным перемещениям: саксы осваивают территорию по нижнему течению Везера, Хунте, Хазе и Эмса; фризы прочно селятся севернее устья Рейна, там, где позднее разверзся залив Зейдер-Зе; салические франки проникают в Токсандрию. Частично по указанным причинам ряд германских и славянских племен уходит на юг, в римско-византийские пределы, и начинаются норманнские набеги. Исчезновение льдов на море вокруг Исландии²⁷⁷ облегчает ее заселение в 870 — 930 гг. норвежскими викингами. А покрытые густыми травами луга Причерноморья влекут к себе азиатских скотоводов. Побужденные совокупностью различных природных, экономических, социальных и политических причин, орды кочевников одна за другой следуют мимо Каспия в Приазовье, Поднепровье, Приднестровье и прорываются в Средне-Дунайскую низменность. Сдвигая готов и аланов, кочуют вплоть до Альп гунны, авары и венгры, пытавшиеся затем пробиться еще западнее. Последнему обстоятельству способствовали перемены в горных районах: нижняя граница горных ледников поднялась, проходимость перевалов повысилась, торфяники покрылись лесом и кустарником, селения горных жителей переместились ближе к вершинам.

²⁷⁴ Гумилев Л.Н. Указ. соч. С. 59.

²⁷⁵ Шварцбах М. Климаты прошлого. М., 1955. С. 205.

²⁷⁶ Синицын В.М. Введение в палеоклиматологию. Л. 1967. С. 191.

²⁷⁷ Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария. М.; Л., 1957. С. 176-180.

Изучение исторического материала свидетельствует, что пути воздействия климата на общество могут быть прямыми и косвенными. Так, в античном мире непосредственное влияние холодного климата на жизнь людей ощущалось еще очень резко. Незадолго до нашей эры римский поэт Вергилий, говоря о северных краях Восточной Европы, так охарактеризовал, как мы бы сейчас сказали, роль климатического фактора:

Там, где Родопских гор изгибается к полюсу центр,
В стойлах народ взаперти хранит скотину. Зимою
Не появляется там трава, нет листвы на деревьях,
Все просторы Земли лежат под сугробами снега,
Льдом несусветным покрыты в восемь локтей толщиной...
Вдруг на журчащей реке вырастают недвижимые корки,
Так что лед на хребте колеса железные держит:
Раньше стремились рекой корабли, а теперь уж повозки.
Верить ли? Медь на морозе трещит, застывают одежды
Прямо на теле, и сталью там режут замерзшие вина...
Снег между тем все идет, воздух собой заполняя,
И погибают стада: стоят окруженные вихрем
Туши замерзших быков; вот сомкнутым строем олени
В свежем застыли снегу, и рога их виднеются еле²⁷⁸.

Климат прямо влияет на выбор людьми одного из трех основных (с этой точки зрения) типов жилища: открытого, полуоткрытого или закрытого — с разными режимами их эксплуатации. Отдельные климатические явления тоже порой играют существенную роль²⁷⁹. Хроники и летописи V — X вв. содержат многочисленные указания на бедствия, постигавшие людей в результате глубокого снега, внезапного похолодания, жестокой или длительной зимы²⁸⁰. Легче было приспособиться к капризам природы в Средиземноморье с его относительно стабильным климатом; труднее — в степной зоне, где резко менялись температуры. Поскольку от выпадения осадков прямо зависели урожаи, сведения о дождях и засухах тоже не миновали летописей. Неверно было бы думать, что дожди имели значение в основном для земледельческих народов. Наоборот, в степях благополучие населения зависит от количества осадков в еще большей степени. Когда дожди начинают идти часто и обильно, это производит настоящий переворот в жизни кочевников. Сразу обогащается травяной покров, возрастает поголовье скота. Повышается материальный уровень жизни и увеличивается численность населения, что, в свою очередь, ведет к сокращению площади свободных пастбищ. В результате кочевники вынуждены искать новые места

²⁷⁸ Вергилий. Георгики, III, 350 - 370.

²⁷⁹ Ассман Д. Чувствительность человека к погоде. Л., 1966. С. 22 сл.

²⁸⁰ Систематическую сводку соответствующих данных см.: Бетин В.В., Преображенский Ю.В. Суровость зим в Европе и ледовитость Балтики. Л., 1962. С. 18 сл.

обитания, порой всё сменяя на своем пути. Земледельцы же легче приспособляются к капризам природы, ибо их материальные ресурсы значительно шире. В этом состоит одна из причин лучшей выживаемости оседлых цивилизаций по сравнению с кочевыми. Однако и земледельцы могут сдвинуться с места под давлением естественного фактора, особенно на стадии раннеклассового общества с его невысоким уровнем развития производительных сил. Это происходит тогда, когда население растёт, а материальные возможности данной географической зоны оказываются исчерпанными. Так случалось у скандинавов, которых немилостивые условия Севера не раз побуждали к далеким походам. Наконец, бывали случаи, когда племена просто бежали на юг от холодов, вторгаясь в чужие страны²⁸¹.

Восточноевропейское население середины I тысячелетия н. э. тоже испытало на себе воздействие природных условий. Охарактеризуем в этом плане роль ландшафта. Так, славянское заселение лесов Среднерусской возвышенности привело к расчленению двигавшегося с юга и запада бывшего славянского этнического массива, некогда более компактного. Если низменности и реки (но далеко не только они) сплачивали эти племена, являясь средством связи между ними, то сплошные и в ту пору почти непроходимые леса (в свою очередь, тоже далеко не только они) разъединяли, препятствуя общению. Заметим, что этническому размежеванию не столь сильно способствовал более редкий лиственный лес, выросший на сером суглинке и оподзоленно-выщелоченном черноземе, и значительно резче — густой хвойный лес, поднявшийся на северных глинах, супесках и подзолах. А когда племена освоили новые исторические районы, то южные районы расселения восточных славян при тогдашнем уровне развития производительных сил в принципе оказались по природным данным более благоприятными для социально-экономического прогресса. Поэтому Юг сначала вырвался вперед, и только к IX в. возросшая в целом на русском Севере роль земледелия примерно уравнила хозяйственный облик этих двух областей²⁸². Тем временем, используя уже отмечавшееся пересыхание болот, ильменские словене и кривичи осваивали озерный край площадью до 3 млн. га, а дреговичи — районы Полесья площадью до 2 млн. гектаров. Южнее были прочно заселены лесостепи. Там, по Среднему Днепру, Десне, Сейму, Суле, Пслу и Ворскле, распахали плодородную почву поляне и северяне. Если в дерновую, сплошь открытую степь, где бродили кочевники, славянские поселения проникали лишь отдельными языками вдоль рек, то в луговой степи с тучным черноземом и многочисленными рощами поляне и северяне сидели густыми гнездами.

Собственно говоря, последняя была лесостепью, весьма далеко заходившей к югу. Даже Киев считался тогда едва ли не лесным городом. «И бяше около

²⁸¹ См. ряд примеров у *Le Roy Ladurie E. Histoire du climat depuis l'an mil. Paris, 1967. P. 287 ss.*

²⁸² *Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 119.*

града, — отмечает летописец, — лес и бор велик»²⁸³¹⁶. Этот переходный район являлся истинной житницей восточнославянского Юга, дававшей и хлеб, и мясо-молочные продукты, и кожу, и лошадей для войска. А днепровская речная магистраль, окруженная степными просторами, служила осью торговых и политических связей не только между Русью и Византией, но и между оседло-земледельческим и кочевно-скотоводческим мирами. В этом районе проходили наиболее напряженные сражения славян-пахарей с восточными степняками, и здесь же легче налаживались межплеменные и межгосударственные контакты. Если рассматривать тогдашнего славянского жителя Приднепровья в экологическом аспекте, то есть в плане его взаимоотношений с окружающей природной средой, то прочно устоявшийся баланс взаимных воздействий, приводящий к длительному сохранению условий жизни в почти неизменном виде (так называемый гомеостазис), во всех его возможных случаях оказывается в среднем наиболее подходящим для пахаря именно при комбинации "оседлый земледелец — лесостепь". Местом самого благоприятного функционирования такого гомеостатического механизма ("природно-социальной нишей") для восточного славянина-земледельца IX — X столетий и была как раз лесостепь.

Немало способствовало такой роли лесостепи и то обстоятельство, что в находящихся южнее причерноморских степях почвы были в основном сухие, местами солончаковые, а в лежащей севернее лесной полосе они довольно часто представляли собой смесь глины и песка. Для человека I тысячелетия н. э. плодородие земли оставалось одним из важнейших факторов его благополучного существования. Поэтому чернозем лесостепи (десятую часть в нем составлял растительный перегной) был тем магнитом, тягу пахарей к которому не могли преодолеть никакие набеги авар, хазар, печенегов, а позднее половцев. Однако земли лесостепи имели и иную ценность. Для прогресса производительных сил в конце I тысячелетия н. э. немаловажное значение представляло наличие легкодоступных минеральных веществ с не менее чем 25% (от общей их массы) сравнительно легко извлекаемого железа. Геологическая платформа Восточной Европы повсеместно содержит бурые железняки. Выходы их на поверхность были обнаружены и использованы славянами почти на всей территории древней Руси²⁸⁴, за исключением собственно степей. Встречаются зеленоватая озерная руда, рыжая луговая и красноватые лимониты. Славяне охотнее добывали луговую, выкапывая ее из дерна (в лесостепи) или вычерпывая рудную массу из болота (в лесу). Гончарные глины, пригодные для изготовления посуды, попадались в Древнерусском государстве повсеместно, но самые высококачественные также находились в районе современной Украины²⁸⁵. Наконец, известное ме-

²⁸³ Летопись по Лаврентиевскому списку. СПб., 1897. С. 8.

²⁸⁴ Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). М., 1953. С. 36.

²⁸⁵ Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 164.

сторождение цветных металлов, которых на Руси почти совсем не было, лежало у впадения Бахмута в Северский Донец, то есть опять-таки ближе к лесостепи, чем к лесу. Отсутствие же в среднерусской полосе меди и олова, в свою очередь, повлияло на ее историческое развитие. Недаром степные районы Руси освоили выплавку и обработку бронзы раньше лесных, а это проявилось затем в темпах перехода к классовому обществу.

Нехватка цветных металлов резко ощущалась вообще почти всеми европейскими странами того времени, что сказывалось на развитии и ювелирного дела и денежной системы. Не вдаваясь глубоко в этот вопрос, подлежащий особому изучению, приведем несколько примеров, характеризующих указанную зависимость. Медь разрабатывалась тогда в отдельных фациях на финских землях суми и еми, в нескольких местах Скандинавского полуострова (долины Шеллефта, Даля, Гломмы, Гаулы), в двух немецких и западнославянских фациях (возле Цвиккау и по Верхней Бобраве), в юго-западных отрогах Сьерра-Морены (Испания), около Пуки (Албания) и в Восточно-Сербских горах. Золото — только в одном шведском месторождении. Олово — на бриттском полуострове Корнуэлл. Серебра в Европе V — X вв. почти не добывали. Поэтому за цветные металлы шла упорная борьба, стоившая немалых жертв. Необходимость ввоза благородных металлов обуславливала их взаимное ценностное соотношение всякий раз по-другому, в соответствии с удачами и неудачами очередных местных стяжателей, хотя в среднем золото считалось в десять раз дороже серебра. Косвенное влияние такого обстоятельства, как обладание собственными драгоценными металлами, проявлялось не только в ювелирном деле, но и в повседневном быту, в отношениях между различными лицами и социальными группами. Например, посылка в дар золотого либо серебряного изделия становилась событием, которое обязательно отмечалось в документах. Вот кентский король Этельберт II дарит около 750 г. монаху Уинфриду (епископу Бонифацию) серебряную чашу и тут же тщательно фиксирует это в своем письме как важное событие²⁸⁶. Недаром монастырские картулярии (сборники дарственных грамот) обязательно фиксируют такие записи о дарах от вкладчиков. Переход от одной металлической денежной системы к другой воспринимался в ту пору как настоящий общественный переворот. Другой пример: при острой нужде в драгоценных металлах начинали беззастенчиво портить деньги, уменьшая содержание золота и серебра в своей монете и переливая чужую, а взвешивание монеты для определения наличия в ней благородного металла уже тогда стало едва ли не правилом. В результате, поскольку главным являлся вес монеты, а не ее внешний вид, литейные формы могли быть нестрогими. Как известно, знаменитый златник киевского князя Владимира I, вычеканенный в конце X в., весит 4,152 грамма²⁸⁷. Если, по мнению феодала, золота в такой монете ока-

²⁸⁶ Monumenta Germaniae Historica (далее — MGH). Epistolae. Berolini 1892. Т. III. P. 393.

²⁸⁷ Михалевский Ф.И. Очерки истории денег и денежного обращения. Л., 1948. Т. I. С. 263.

зывалось слишком много, ничего не стоило снизить ее золотое содержание. И действительно, веса более чем десятка найденных к настоящему времени златников не совпадают. Равным образом отличаются друг от друга веса чуть ли не всех древнерусских сребреников, которых сейчас насчитывают (число находок) две с половиной сотни. Разница объясняется, конечно, не только отсутствием строгости литья, но и первопричиной — наличием запасов драгоценного металла у князей в тот или иной момент. А это наличие нередко само было следствием щедрости или скупости местной природы.

Какое значение имело обладание комплексом полезных ископаемых для хозяйства той эпохи, можно проиллюстрировать также на примере производства стекла, для изготовления которого нужны были речной песок, поваренная соль, известь и поташ из золы лиственных деревьев. В целях снижения температуры плавления и стимулирования процесса плавки в смесь добавляли окислы свинца, имевшегося далеко не всюду. Легкоплавкие глины и болотная железная руда шли на изготовление грубого стекла, а в зеленый цвет его окрашивали окисью меди. В синий красили, используя окись меди с добавлением глины, в желтый — серой и углем, в дымчатый — окисью железа, в фиолетовый — окисью марганца, причем на Руси служили для этого залежи пиролюзита, имевшиеся на Нижнем Днепре²⁸⁸. Эти примеры свидетельствуют, что наличие либо отсутствие различных полезных ископаемых оказывало существенное воздействие на повседневную жизнь тогдашнего европейского общества.

Таким образом, социально-экономическая функция природной среды состоит в том, что конкретный характер производства частично определяется экономическими возможностями, заключенными в природных условиях территории, кормящей данную человеческую общность. При этом связи человека — труженика и мыслителя — с окружающей природной средой носят сложный характер и могут быть как непосредственными, так и опосредствованными. Они проявляются прежде всего в производственной деятельности человека, однако могут быть осложнены биологическими и иными моментами, что приводит, в частности, к установлению различных связующих цепочек, порой идущих в противоположных направлениях: трофических (пищевых), эргативных (трудовых) и других. Чем больше имеется в такой цепи вторичных, производных элементов, определяемых техническим и научным творчеством, тем выше данная цивилизация. Например, возникновение системы «деревья — плоды — люди» относится еще к первобытнообщинному строю. А система «деревья — корчевка — распахивание — посев — боронование — перезимовка семян — снегозадержание — удобрение — уничтожение сорняков — сбор урожая» принадлежит X столетию. Главное место в таких связях занимает человеческий труд, производственный процесс. А изучение того, как возникают, действуют и соотносятся подобные связи, составляет один из предметов социальной экологии. Она ис-

²⁸⁸ Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 399.

следует также баланс всех взаимодействующих природных и общественных сил в их возрастающих и затухающих колебаниях. Человек выступает здесь как активный элемент земной биосферы. Своим трудом он все шире превращает биосферу в ноосферу²⁸⁹, полностью или частично подвластную человеческому разуму зону, охватывающую ныне пространство от подземелий и глубин океанов до космоса, но гораздо более скромную в V — X веках.

Историку, изучающему роль производительных сил, помимо экономических, социальных, политических и идеологических факторов, приходится учитывать еще данные аутоэкологии (о влиянии естественной среды на людей) и синэкологии (о чисто физическом воздействии различных человеческих общностей друг на друга)^{290,23}. При этом в процесс исследования включаются сведения, получаемые биологией, медициной, демографией, психологией и другими научными дисциплинами. В совокупности все они рассматриваются социологией, которая, если она научна, сама основана на законах, формулируемых историческим материализмом. Исторический материализм свидетельствует, что чем больше по масштабам, чем выше по научно-техническим достижениям, чем прогрессивнее по политическим и идеологическим формам бытия и чем выше по уровню общественного развития в целом исследуемая социальная система, тем прочнее вовлекает она отдельных индивидуумов, в свой процесс развития в отрыве от первоначальной естественной среды и тем отчетливее проявляется ее роль промежуточного буфера, видоизменяющего влияние природы на людей и на общество в целом. Географические же условия имеют значение, во-первых, ограничивающего фактора, ускоряющего либо замедляющего социальное развитие, и, во-вторых, регулирующего фактора, влияющего на степень выживания данной общности и отдельных ее представителей.

Действие этих факторов можно свести первоначально к четырем линиям: возможность существования и развития человеческой жизни в конкретном месте (например, в данной деревне, в степи, в лесу); определение первоначальных форм быта (например, необходимость построить каменный дом или травяное укрытие; необходимость есть оленину или пить кобылье молоко); установление естественных пределов территории распространения либо ограничения своего или чужого общества; пути и методы контактов между людьми (например, передача культурных достижений посредством торговли; военные столкновения между племенами на перевале в горах; невозможность общения из-за препятствия в виде океана). Всюду, где действует социально-экономическая формация, то есть в любом человеческом обществе, природная среда проявляет себя не как самостоятельный фактор, а как некая часть производительных сил, воздействие которой со временем все более осложняется переплетающимися социальными

---

²⁸⁹ Подробнее см.: *Вернадский В.И.* Биосфера. М., 1967. С. 356; *Трусов Ю.П.* Понятие о ноосфере // *Природа и общество*. М., 1968; *Худушин Ф.С.* Человек и природа. М., 1966. Гл. II.

²⁹⁰ *Одум Е.* Экология. М., 1968. С. 7.

влияниями базисного и надстроечного порядка. Возьмем простой пример. Некогда ледниковое нашествие оттеснило предков человека на юг или заставило их приспособиться к новым условиям существования. А в X — XII вв. уже гораздо более значительная часть европейцев жила и работала на грани льдов. Норвежцы били китов и тюленей у самых паковых ледяных полей. Новгородцы сеяли хлеб на моренных песках и глинах далекого Севера. Сумь строила дома из камней среди льдов. Исландцы делали из послеледниковой моренной глины кирпичи. Шведы использовали озы — естественные насыпи, созданные когда-то движением льдов, как пути сообщения в лесных болотах. Швейцарцы пасли скот на высокогорных лугах, рядом с ледниками. Савояры использовали таяние альпийских ледников для орошения низинных полей. Перенесемся еще на тысячу лет: в 1930-е годы водный режим, порождаемый в ряде мест горными ледниками, стал составной частью государственной экономики, учитываемой хозяйственным планом²⁹¹. Наконец, ныне Антарктида и Гренландия служат уже научными и военными базами.

Попытаемся теперь показать более конкретно, как влияла природная среда на европейское раннефеодальное общество. Прежде всего она определяла занятия населения, первичные материальные возможности трудящихся, поставляла человеку различные предметы труда. Предмет труда, профильтрованный начальным трудовым процессом, становится сырым материалом, дальнейшая обработка которого осуществляется средствами труда, частично взятыми также из естественной среды и видоизмененными самим трудом²⁹². Поэтому человечество никогда не сможет оторваться от окружающей его природы, и чем дальше в глубь веков мы проникаем, тем более сильную зависимость обнаруживаем. В массе случаев именно природа наталкивала человека на мысль о создании какого-либо орудия труда или предмета, и она же лишала его этой возможности. Скажем, никакое общество далекого прошлого не могло изобрести гамак в тундре или лыжи в тропическом лесу, потому что сама природа делала их там ненужными. Попытки вырвать людей из географических условий и рассматривать их изолированно допустимы, конечно, со специальной целью, когда исследователь сознательно ограничивает аспект научного поиска. Стремления же вообще уйти от анализа роли природного фактора и в принципе игнорировать его беспочвенны.

Итак, в раннефеодальный период, в соответствии с тогдашним уровнем развития производительных сил и в связи с предоставляемыми природой Европы возможностями, основными занятиями европейцев были отрасли сельского хозяйства, преимущественно земледелие и скотоводство. Берега акваторий, леса, степи вносили свои коррективы, расширяя сферу занятий человека за счет охоты, рыбной ловли, лесных промыслов и т. д. Так, постоянные жители Бале-

²⁹¹ *Калесник С.В.* Ледники, их роль и значение в жизни Земли. Л., 1935. С. 86-87.

²⁹² См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 189-190.

арских островов с V по X в. неизменно оставались главным образом моряками. Вторичные коррективы приносило в занятия людей соперничество между различными этническими или территориальными коллективами. Скажем, норманнское завоевание и разорение Бретани в 919 г. привело к обезлюдению крайней восточной части этой провинции²⁹³ и временной смене занятий населения, когда многие уцелевшие от погрома и бежавшие в леса бретонцы примерно на четверть века отошли от интенсивной обработки земли. Коррективы еще более сложного порядка вносила в занятия людей, особенно в объем производимой ими работы, классовая борьба. Например, в Юго-Западных Арденнах, в поместье Цельт, принадлежавшем реймскому епископу Ремигию, восстали в VI столетии крестьяне. Они подожгли господский двор, отказались нести барщину и ограничились полевыми работами на собственных наделах²⁹⁴. В данном случае не произошло смены занятий, но зато последние были ограничены количественно. В других случаях возникали и качественные изменения. В свою очередь, географические условия и биологические закономерности, опосредствованные вмешательством человека и тем самым ставшие природным фактором вторичного порядка, тоже вносили поправки в уже установившиеся формы бытия. В течение V — X вв. и позднее шотландские овцы паслись на склонах Грампианских и Чивиотских гор, не представляя угрозы для английских крестьян. Овцам пастбищ хватало. Но к концу средневековья в Англии поголовье овец было резко увеличено в интересах экспорта шерсти, а потом и развития английской шерстяной промышленности. Сразу же усилились огораживания, пашни стали пастбищами, и, как известно, «овцы съели людей». Так превращение одного вида полевых угодий в другой внесло свои коррективы в социальную историю, хотя само было ранее вызвано последней.

Сплошь и рядом случалось, что один и тот же природный фактор влиял на многие стороны общественного бытия. Вот как оценивал В.О. Ключевский роль рек в жизни восточных славян. Считая, что реки оказали на их судьбу наибольшее воздействие (явное преувеличение), он тем не менее ярко показал, как масса переплетающихся в Центральной Руси водных путей сообщения породила возможность успешно заниматься рыбной ловлей, наладить волоки, намечала пути расселения, облегчала развитие торговли, сближала отдельные племена между собой и помогала формированию древнерусской народности; как полноводные весенние разливы рек Восточной Европы стимулировали прогресс судоходства, земледелия и луговодства; наконец, поскольку правые берега всех текущих на юг водных потоков высоки, левые же низки, а у направленных к северу — наоборот, славяне чаще возводили свои селения с укреплениями именно

²⁹³ *Flodoardus. Annales / publ. par Ph. Lauer. Paris. 1905 — 1906. P. I; de Courson A. Essai sur l'histoire, la langue et les institutions de la Bretagne Armoricaire. Paris, 1840.*

²⁹⁴ *Vita Remigii episcopi Remensis auctore Hincmaro // MGH. Scriptores. Hannoverae, 1896. T. III. P. 315-316.*

на западных, высоких берегах, что существенно облегчало им борьбу с восточными кочевниками²⁹⁵. Но не менее разностороннее воздействие оказывал на жизнь какого-нибудь радимича X столетия и лес. Дуб и сосна шли у него на строительство, избу он отапливал дровами, а освещал ее березовой лучиной, при мытье натирался лесным мхом, обувался в лыковые лапти, в лесу брал материал на коробья и мочало, искал мед и охотился на пушных зверей собирал ягоды, коренья, плоды и лекарственные травы, прятался от князей и печенегов. Позднее, когда в связи с отделением ремесла от земледелия роль дерева как исходного предмета труда выросла, лес в еще большей степени определял производственные возможности человека. Такие блестящие мастера, как новгородские ремесленники, применяли древесину 27 пород, в том числе 19 местных и 8 привозных. Из сосны и ели они строили жилища, городские укрепления, мостовые, водопроводы, корабли, делали мебель, бондарные изделия, орудия труда. На предметы, которые должны были не бояться влаги и усыхания, шел можжевельник. Древесину лиственных пород пускали на изготовление бытовых вещей; на рабочие части орудий труда и на детали, подвергавшиеся трению, — привозимый с юга дуб, которого в Новгороде не было; на игрушки и резные украшения — березу; под посуду использовали точеный клен и ясень²⁹⁶. Равным образом целый комплекс сюжетов можно было бы развить, рассказывая о значении океана в жизни приморских народов²⁹⁷.

Роль географических условий особенно наглядно ощущается, когда в них совершаются перемены. Хорошо известно, что «давление избытка населения на производительные силы»²⁹⁸ приводило к массовым переселениям. Однако, раскрывая в историческом плане этот тезис Маркса, обычно рассматривают случаи, когда рост народонаселения снижает материальный уровень его жизни в неизменившихся географических условиях. Между тем та же закономерность действует, когда народонаселение не возрастает, но прежнее соотношение все же нарушается. В начале I тысячелетия н. э. междуречье Нижней Эльбы и Аллера (Люнебургская степь) было сухим, и там жили предки тюрингов. Увлажнение, распространившееся в V в., вызвало заболачивание равнины и постепенное смещение тюрингов к югу. В результате северные рубежи древней Тюрингии обезлюдели, и хотя в VI в. опять началось усыхание, после победы франкских дружин Теодериха I над тюрингами в 530 г. последние, уже по социально-политическим причинам, не сумели отстоять не только свою независимость, но и Люнебургскую степь, отошедшую к остфалам. Другой пример. В X столетии Южная Гренландия была свободна ото льдов, и там жили норвежцы. К XIII сто-

²⁹⁵ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 57-60.

²⁹⁶ Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968. С. 11-13.

²⁹⁷ См. об этом, в частности: Океан и человечество. М., 1968.

²⁹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 568.

летию началось попятное движение ледового щита²⁹⁹, и скандинавское население Гренландии долго просуществовать там не смогло; уже в XVI в. норвежцы посещали Гренландию лишь периодически.

Легко заметить, что длительные нарушения прежних географических условий, приводящие к изменению естественной среды, особенно сильно отражаются на хозяйственной деятельности человека. Раз род занятий людей в немалой степени определяется природным окружением, значит, смена ландшафтов влечет за собой и определенные перемены в методах ведения хозяйства, что, в свою очередь, оказывает влияние на общественные отношения. Разумеется, эта линия не всегда выявляется в чистом виде. Она переплетается с массой других пересекающихся влияний. Но учитывать ее следует обязательно. Социально-экономические процессы, которые намечаются при смене географических условий, грубо можно разделить на мелкомасштабные и крупномасштабные. Первые с трудом поддаются систематическому учету, так как они обычно слабо отражены в источниках. Еще труднее их обобщить. Бесконечные варианты выпадения осадков сразу же отражались на урожае, снимаемом, допустим, с полей какого-нибудь мелкого вотчинника Хейльрада в Рейнской области конца VIII века. Однако никто не сумеет пока сказать, как отразилось это на впадении в феодальную зависимость от Хейльрада свободных общинников из Вестгейма, где у Хейльрада имелось владение³⁰⁰. Крупномасштабные находят отражение в источниках, как ни покажется это парадоксальным, еще слабее, ибо они бывают растянуты на длительный срок. Зато учитывать их легче. То обстоятельство, что Гольфстрим примерно 10 тысяч лет тому назад стал постепенно поворачивать к Европе и с каждым новым тысячелетием все интенсивнее доносить свои воды до Баренцева моря, есть непреложный факт. А последовавшие в результате этого смещения вод существенные перемены в климате Северной Европы — тоже непреложный факт, благодаря которому, в частности, новгородцы в XIII в. смогли освоить северо-западные районы Кольского полуострова, испытывавшие благотворное влияние Гольфстрима.

Механизм взаимодействия производительных сил, социальных феноменов и географической среды очень сложен. Детальная схема этого взаимодействия еще никем не очерчена. Однако возникает вопрос: какой из элементов или какая группа элементов географической среды оказывала на общественное развитие наиболее сильное влияние? Известно, что при феодальном строе, особенно в раннефеодальный период, основным оставалось сельскохозяйственное производство, а труд крестьян как главных производителей материальных благ был важнейшим. Поэтому примат здесь принадлежал земле и всему, что с нею связано. Биоресурсы морей, озер и рек (водные млекопитающие и птицы, рыба, моллюски, водная растительность) имели серьезное значение лишь для некото-

²⁹⁹ Синицын В.М. Указ. соч. С. 150.

³⁰⁰ Codex Laureshamensis / hrsg von K. Glockner. Darmstadt, 1929. Bd. I. № 763.

рых, сравнительно небольших обществ, а первой кормилицей оставалась земля, пахали ли ее, охотились ли на ней или пасли на ней скотину. И собирателям, и охотникам, и скотоводам, и земледельцам земля служила исходным и главным средством производства. Остановимся на сфере земледелия во всех его формах, известных славянам рассматриваемой эпохи. Еще в V — VI столетиях у юго-западных славян существовало пашенное земледелие. У восточных славян лесостепной зоны до VII в. бытовало земледелие подсечно-огневое, когда ножом и топором превращали лес и кустарниковые заросли в завалы, а потом их поджигали или даже сжигали растительность на корню (последний вариант использовался и степными жителями). Удобренная золою почва приносила в течение одного — трех лет обильные урожаи. Затем оскудевший участок приходилось забрасывать и «наезжать» на новый. Правда, это способствовало зато освежению лугов, ибо растительная ветошь (сухие остатки растений), мешающая естественному семенному возобновлению разнотравья, уничтожалась пожарами, если жгли ее до начала вегетации. И все же чем скорее росло население и исчезали леса, тем быстрее, на основе совершенствования орудий труда, внедрялось земледелие пашенное, позволявшее оставаться длительное время на одном месте. Уже в VIII в. восточные славяне перешли на севере лесной зоны к обработке земли сохой, а на юге лесостепной зоны — плугом. В степях тогда еще по-прежнему выжигали целину и только потом ее распахивали. После того, как участок покрывался бурьяном, его, как и раньше, забрасывали, и он превращался в залежь.

Эта залежная система сменилась переложной, когда из-за нехватки территорий начали не только осваивать целину, но и возвращаться снова к залежи. Еще позднее, по мере того, как «наезд» становился ежегодным и исчезала не только залежь, но и перелог, ибо перерыв между посевами на одном участке тоже оказывался годичным, население, стремясь поднять плодородие почвы, переходило к использованию пара. На парном поле пахали, чтобы избавиться от сорняков, но его не засевали, и оно в данном году отдыхало. Возникло двухполье, при котором в ежегодном производстве участвует половина обрабатываемой земли. Племена, сочетавшие земледелие со скотоводством, практиковали пастьбу скота на отдыхающих участках (толоках), превращая пар в выгон. Когда люди научились использовать озимые культуры, пашня распалась на поле озимое и поле яровое. В результате появилось трехполье, причем встречались случаи не только замены пара толокой или наоборот, но и одновременного применения обоих вариантов: трехполье стало пестропольем. При такой системе земледелия еще больше приходилось считаться с природой, ибо урожай теперь гораздо сильнее зависел от регулярного выпадения осадков, чем при подсечно-огневой, залежной или переложной системах, когда можно было перебраться на новый участок.

С другой стороны, эта зависимость вынуждала людей заботиться об удобрениях, думать о более совершенной сельскохозяйственной технике и внедрять плодосмен, чтобы чередующиеся полевые культуры использовали различные, а не одни и те же питательные вещества почвы. К концу I — началу II тысячелетия н. э. в западной части южнорусских лесостепей бытовало трехполье, в восточной еще сохранялась залежно-переложная система с «наездами», а в отдельных районах использовались двухполье, двухполье с толокой и пестрополье³⁰¹. Так природный фактор, опосредствованный развитием орудий труда, двигал вперед, а порою и сдерживал рост производительных сил, не только не сужая, но в отдельных случаях даже расширяя с течением времени свое влияние на жизнь земледельческих народов.

Чем интенсивнее внедрялись прогрессивные системы земледелия, тем активнее природа пыталась взять частичный реванш у человека, полонив его пашни сорняками. Точнее говоря, возникало само понятие «сорняк», некогда отсутствовавшее. Одни сорняки (конгумальные) всюду сопровождают собирателей и пахарей, какой бы новый район земного шара они ни освоили. Известны сорняки, бредущие за человеком со времен неолита, — археофиты. Они сопутствовали еще первобытному труженику, державшему в руках палку-копалку или мотыгу. В умеренной климатической зоне Европы к ним относятся куколь, лопух, посевной василек, лебеда, посевной костер, ярутка, дымянка, белая марь. Другие конгумальные паразиты полей, неофиты, появились сравнительно поздно³⁰². Всем этим «пришлым» сорнякам противостоят местные, как бы встречающие переселенцев, — апофиты. Вначале безобидные, апофиты быстро вторгаются в огороды и на поля. Европейские земледельцы V — X вв. были уже знакомы с будяком, клубненоносной чиньей, льнянкой, полынью полевой и австрийской, васильком обыкновенным, желтой люцерной, типчаком, шалфеем и резаком. Одни сорняки, сегетальные, проникают в посевы (василек, куколь, костер, тысячелючник); другие, рудеральные, селятся возле человеческого жилья, овладевая пустырями, обочинами дорог и выгребными ямами (лопух, белена, якорцы, спорыш, будяк, многие крестоцветные). Таким образом, силы природы и человек совместно воздействовали на флору, определяя естественный и частично искусственный отбор некультивируемых диких растений, в свою очередь, влияющих на сельское хозяйство и на санитарное состояние населенных пунктов³⁰³.

Резко расширилась в рассматриваемую эпоху флора полезных культур. Природа щедро даровала людям все свои богатства, какие только общество

³⁰¹ Земледелие южной зоны европейской части СССР / под ред. С.И. Савельева. М., 1966. С. 222 сл.

³⁰² Алехин В.В. География растений. М., 1950. С. 125 сл.

³⁰³ О некоторых других формах связей земледелия с естественной средой, причем в более древнюю эпоху, см.: Массой В.М. Природа и происхождение цивилизации // Природа. 1969. № 3.

могло освоить и переработать при его тогдашнем невысоком уровне экономического развития. Ряд сельскохозяйственных растений (так называемых первичных) использовался с незапамятных времен, в том числе пшеница, просо, полба, ячмень. Задолго до раннефеодальной эпохи в Южной Европе культивировали также бобы, чину, свеклу, белую горчицу, цикорий, оливки, малину, яблоки и коноплю. А в V — X вв. в ассортименте домашних культур появились многие новые названия. Среди этих вторичных злаков, овощей, плодов и ягод прежде всего выступают рожь и овес. «Цивилизованная» рожь завоевала себе «место под солнцем» на песчаных почвах Средней и Северной Европы, бедных питательными веществами, слабо известкованных и не дающих кислой реакции³⁰⁴. Первоначально рожь была спутником пшеницы и рассматривалась как сорняк. Именно в таком качестве она проникла к древним славянам с Кавказа. Но чем севернее, тем более пшеница отходила на задний план, не выдерживая суровых климатических условий, и тем эффективнее проявлялись свойства ржи, ставшей постепенно самостоятельной культурой³⁰⁵. Поля восточных славян можно считать новой, европейской родиной ржи. Отсюда она за какие-нибудь несколько столетий совершила свое триумфальное шествие на европейский Запад³⁰⁶. Там она пустила прочные корни сначала на землях крупных феодалов, а в крестьянские хозяйства эта новинка попала значительно позднее. Возьмем, например, поместья богатого Реймского аббатства св. Ремигия в Шампани. Его полиптик³⁰⁷ (опись владений и лежащих на них повинностей), как показали проведенные нами подсчеты, свидетельствует, что в IX в. среди злаков и на господских и на крестьянских мансах первенствовала полба. Она являлась главной пищевой культурой. Второе место занимала пшеница, обычная и девятимесячная. Третье место делили рожь и ячмень, но последний преобладал у крестьян, а рожь внедрялась на барской пашне, причем ее возделывали на специально огороженных участках.

Примерно тот же путь, что и рожь, проделал овес, сначала рассматривавшийся европейцами как переднеазиатский сорняк, сопутствующий полбе³⁰⁸. Перелом наступил после того, как феодализирующееся общество пришло к постоянному использованию крупных кавалерийских дружин. Овес оказался незаменимой кормовой культурой для лошадей, но возделывался он прежде всего тоже на господских полях. В крестьянское хозяйство овес проник в широких масштабах гораздо позже, когда от пахоты на быках постепенно стали переходить к пахоте на лошадях. В VIII — IX вв. в Европе получает заметное распространение

³⁰⁴ Растениеводство / под ред. А. Шейбе. М., 1958. С. 51.

³⁰⁵ Минкевич И.А. Растениеводство. М., 1965. С. 79.

³⁰⁶ Бахтеев Ф.Х. Очерки по истории и географии важнейших культурных растений. М., 1960. С. 90.

³⁰⁷ Polyptyque de l'abbaye de Saint-Remi de Reims / par B. Guerard. Paris, 1853.

³⁰⁸ Минкевич И.А. Указ. соч. С. 105.

горох, мало ценившийся античным обществом, а с X в. используется чечевица. На рубеже II тысячелетия н. э. появляются новые разновидности яблонь в дополнение к уже известным ранее примерно 40 сортам³⁰⁹. Так, в Англии был выведен сорт «зимний золотой пармен»³¹⁰. Во Франции впервые стал новой, хорошо освоенной садовой культурой крыжовник³¹¹. В целом ассортимент возделываемых садово-огородных растений на феодальных землях был достаточно разнообразен уже в VIII — IX веках. Например, во франкском королевском постановлении «Капитулярий о поместьях» перечисляется длинный ряд соответствующих культур, в том числе яблоки четырех сортов, виноград, хмель, груши семи сортов, сливы нескольких сортов, рябина, кизил, каштаны, персики нескольких сортов, айва, орехи двух сортов, миндаль, шелковица, фиги, вишни нескольких сортов, тыква, репа, редька, горчица, огурцы, дыни, фасоль, тмин, многие лекарственные травы, цветы и свыше 70 других различных огородных и садовых растений³¹². В Кордове в то время существовал особый ботанический сад³¹³.

Определенные перемены наметились в V — X вв. и в том, как влияла на жизнь европейского общества фауна. Со своей стороны люди тоже воздействовали на развитие фауны. Это обратное действие может быть прослежено в пяти направлениях: выведение культурных пород животных; расширение ареала их распространения в сходных природных условиях; акклиматизация в иных географических условиях; истребление; наконец, влияние совокупности всех обстоятельств, связанных с жизнью людей вообще. Остановимся здесь на некоторых из этих моментов. К тому времени уже давно стали постоянными спутниками человека такие домашние животные, как корова, лошадь, свинья, овца, коза, кролик, собака и кошка, такие птицы, как куры, но только с первых веков н. э. — гуси и утки³¹⁴, чаще рассматривавшиеся еще в качестве декоративных птиц и получившие распространение сначала в хозяйстве феодалов. В феодальном хозяйстве появлялись все новые и новые породы животных, не только заимствованные из дикой фауны, но и целенаправленно культивируемые человеком. Например, в конце I тысячелетия н. э. во Франции вывели особую породу гончих псов — серых королевских грифонов³¹⁵. Для улучшения полезных качеств свиней их скрещивали с дикими кабанами³¹⁶. Однако подобные мероприятия

³⁰⁹ Калесник С.В. Человек и географическая среда. Л., 1950. С. 33.

³¹⁰ Пашкевич В.В. Избранные сочинения по плодоводству. М., 1959. С. 19.

³¹¹ Курьиндин И.И., Малинковский В.В., Веньяминов А.Н., Белохонов И.В. Плодоводство. М., 1954. С. 555.

³¹² Capitularia regum Francorum // MGH. Leges. Sectio III. T. I / ed. A. Boretius. Hannoverae, 1883. № 32.

³¹³ Жуковский П.М. Культурные растения и их сородичи. Л., 1964. С. 15.

³¹⁴ Животноводство. М., 1964. С. 20.

³¹⁵ Сабанеев Л.П. Календарь природы. М., 1964. С. 354.

³¹⁶ Богданов Е.А. Происхождение домашних животных. М., 1937. С. 234.

опять-таки затрагивали в первую очередь господское хозяйство. Широкие массы непосредственных производителей, особенно в обществе, еще недалеко ушедшем от родоплеменного строя, ориентировались и в трудовом процессе и в питании на прежнюю номенклатуру домашних животных. Поэтому охота оставалась тогда важным подспорьем в хозяйстве, а не была только развлечением. Систематическое истребление диких животных приняло в V — X вв. гигантские размеры. В то время фауна Европы была значительно богаче нынешней. Скажем, на Руси, где медведи жили не только в лесах, но даже в степях, повсеместно встречались в большом количестве, помимо того, лисицы, лоси, туры, зубры, дикие лошади, олени, дикие ослы, кабаны, дикие козы³¹⁷, косули, россомахи, соболи, белки, куницы, рыси, бобры, дрофы, тетерева, куропатки³¹⁸.

Все это отражалось и на составе пищевого рациона. Наиболее употребительным мясом у славян вплоть до X в. являлась конина³¹⁹. Тот же обычай имел место на Западе. Еще в VIII в. римский папа Григорий III категорически требовал, чтобы монахи не ели мясо диких лошадей. Но это мало помогло. Даже в XI в. настоятель Сен-Галленского монастыря Эккехард IV в своих «Застольных благословениях» молился: «Да станет сладким под сим крестом христовым мясо дикого коня». Но к началу II тысячелетия поголовье диких животных и птиц резко сократилось. Ухудшился мясной баланс пищи³²⁰. Это заставляло всех людей, не имевших возможности забивать в больших размерах домашний скот, уделять повышенное внимание земледелию. Зато постепенное расширение состава пищевого рациона и заметное сокращение числа голодовок³²¹ способствовали, в частности, окончательному исчезновению людоедства. Почти постоянный спутник первобытных коллективов — людоедство встречалось вплоть до эпохи раннеклассового общества. По данным поздних античных авторов, еще в IV — V столетиях людоедство иногда практиковалось у некоторых германских и кельтских племен³²², что нашло косвенное отражение даже в законах. Салическая Правда, записанная в начале VI в., налагает на колдунью, съевшую человека, штраф в размере 200 солидов³²³. Но к концу I тысячелетия н. э. никаких

---

³¹⁷ Бучинский И.Е. О климате прошлого русской равнины. Л., 1957. С. 43.

³¹⁸ Кириков С.В. Изменения животного мира в природных зонах СССР (XIII — XIX вв.). М., 1960. С. 70, 78-99.

³¹⁹ Лобашев М.Е. Очерки по истории русского животноводства. М.; Л., 1954. С. 21.

³²⁰ Доброхотов А.Ф. Частное животноводство. М.; Л., 1959. С. 9 сл.

³²¹ Reinhard M.R., Armengaud A., Duraquier J. Histolre generale de la population mondiale. Paris, 1968. P. 64.

³²² См.: Стасюлевич М.М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. СПб. 1913. Т. I. С. 121.

³²³ Салическая Правда. М., 1950. С. 137 (LXIV, 2, 1).

упоминаний в законодательных источниках о подобных обычаях уже не содержится, людоедство же наблюдалось лишь в случае очень сильных голодовок³²⁴.

Нельзя упускать из виду и чисто биологические факторы. Например, страшным бедствием для раннефеодального общества были эпидемии. Бубонная чума, вспыхнувшая в 541 г. в Эфиопии, через Ближний Восток проникла на Балканы, а через Северную Африку — в Испанию. В одном только Константинополе погибла половина населения. Добравшись до Галлии, чума оставила там, по-видимому, несколько очагов, и после повсеместных заболеваний 543 г. последовали новые вспышки в 580, 588, 591 и 592 годах. К тому же в 580 г. была еще эпидемия дизентерии³²⁵. Такие явления повторялись неоднократно.

Определенные географические условия в некоторых случаях прямо влияли на формы социальных статусов населения. Охраняемые со всех сторон устьями широких рек и болотами, фризы успешно отстаивали свою свободу, не попав в прочную зависимость ни от Меровингов, ни от Каролингов. Наоборот, то обстоятельство, что жителям Сицилии трудно было покинуть свой остров, в какой-то мере изолировавший их и от Африки и от Италии, способствовало, наряду со многими иными факторами, тому, что они поочередно попадали в зависимость от разных завоевателей: римлян, вандалов, византийцев, арабов и норманнов. Чрезвычайно разнообразны косвенные пути воздействия природного фактора. Преломляясь через базисные и надстроечные явления, это воздействие затрагивает социальную надстройку в разных аспектах и испытывает также обратную зависимость. В связи с тем, что на современной стадии изучения вопроса крайне трудно дать обобщающую картину этой стороны дела, ограничимся несколькими фактами. Вышеупомянутое массовое истребление фауны во второй половине I тысячелетия н. э. вызвано было не только непосредственными биологическими или даже социально-экономическими потребностями людей. Становление феодального общества с его идеологией породило в достаточно широких масштабах возникновение свойственных преимущественно сеньориальной знати форм времяпрепровождения. Одним из главных развлечений была охота. Пример подавали короли, устраивавшие крупные облавы на красного зверя, дичь и копытных. Им усиленно подражали другие феодалы, тратившие на охоту не менее четверти свободного времени. Когда к Карлу Великому прибыли послы от багдадского халифа, в их честь организовали преследование туров, и погибло много животных. Это наиболее «достойное» после войны занятие для феодала превратилось вскоре в подлинный бич животного царства. Поскольку искусственное сокращение поголовья зверей и птиц, видоизменяя географическую среду, затрагивало производительные силы общества, оно являлось в от-

³²⁴ См. о подобных случаях: *Урланис Б.Ц.* Рост населения в Европе (опыт исчисления). М., 1941. С. 31.

³²⁵ *Gregorii Turonensis historia Francorum* // MGH. *Scriptores rerum Merovingicarum*. Т. I. 1884. Т. I. Lib. VIII-X.

личие от естественного фактора антропогенной (порожденной человеком) силой, но силой уже не первичного порядка, вызванного интересами базиса, а вторичного, связанного с общественной надстройкой, допустим, с ролью религии. Когда Русь крестилась, православная религия ввела неведомые язычникам ритуальные запреты и праздники, в том числе Мясопуст и Мясоед. К одному приурочивалось потребление постной пищи, что интенсифицировало развитие огородничества; другой стимулировал заботу животных.

Не меньшим было воздействие людей на дикую флору. Напомним хотя бы о крупных расчистках лесов с последующей распашкой в конце I тысячелетия н.э. Здесь резко проявилась роль человеческой деятельности как биотического (влияющего на биологическое царство) фактора, изменяющего видовой состав и географию растительного мира³²⁶. В эпоху средневековья датчане и шведы почти совершенно уничтожили в своих странах дубовые леса и сильно вырубали еловые³²⁷. Вместо них выросли буковые, что отразилось, в частности, на методах столярно-плотницкого дела и форме рабочих инструментов. Ежегодные покосы на одних и тех же местах способствовали образованию ранних (цветущих и плодоносящих еще до покоса) и поздних растительных видов, то есть появлению сезонного диморфизма растений с укороченным циклом развития. А вот пример обратной связи, свидетельствующий, сколь заметным было влияние окружающей природы на литературу того времени. Красоты ландшафтов уже тогда подсказывали авторам прозаических и поэтических произведений яркие художественные образы, а общение людей с миром степных, лесных и горных существ повлекло за собой появление так называемого «животного эпоса», одним из первых образцов которого стала франкская «Басня о льве и лисице», сложенная между серединой VIII и серединой IX века. В целом усложнение и модификация с течением времени общественной надстройки приводили к росту ее значения не только в политической жизни и повседневном быту народов раннефеодального государства, но и к усилению ее воздействия на производительные силы Европы, включая природную среду, то есть к упрочению антропогенного фактора вторичного порядка.

Проиллюстрируем некоторые мелкомасштабные нововведения в природу той эпохи. Пока на полях господствовала мотыга, первенствующими злаковыми культурами Средней и Северной Европы были просо и ячмень. Появилась соха, а с ней воцарились полба и пшеница. Пришел плуг и привел за собой рожь. В 711 г. арабы победили вестготов и начали завоевывать Испанию, и вскоре неведомый европейцам рис уже пустил ростки в долинах Гвадалквивира и Гвадианы, а после 827 г. и на Сицилии. Попад на Сардинию, арабы внедрили в местное общество каноны Корана. Население перестало есть свиней, свиноводство было

---

³²⁶ Подробнее об этом см.: *Алехин В.В., Кудряшов Л.В., Говорухин В.С.* География растений. М., 1957. С. 252 сл.

³²⁷ *Вульф Е.В.* Историческая география растений. М.; Л., 1944. С. 392.

заброшено, домашние свиньи одичали, леса Сардинии наполнились новой разновидностью кабанов. До нашествия аланов, готов и гуннов в Европе водились из семейства муридовых только полевые и лесные мыши. Вместе со стадами и обозами кочевников сюда пожаловали черные крысы. Тогда, примерно с середины I тысячелетия н. э., европейцы стали разводить кошек, но это мало помогло, и в XII столетии черная крыса уже хозяйничала в деревнях. Таким же путем попали в Европу некоторые растения. Дурман занесли в Византию турки-сельджуки. Болотный аир восточные кочевники клали в сосуды с водой, чтобы она оставалась свежей. Потом растения выбрасывали, а их корни быстро давали побеги³²⁸. Не все новинки оказывались жизненными. Но те, которые прививались, занимали постоянное место в сфере взаимоотношений человека с природной средой, включались в круговорот органических и неорганических веществ и становились частью самоподдерживающейся экологической системы. Если речь шла о средствах производства, то и они превращались в определенной мере в такой промежуточный элемент цепочки контактов живой и мертвой природы. Техносфера как бы смыкалась с биосферой³²⁹. Эта цепь не оставалась неизменной. Чем сильнее развита цивилизация, тем меньше зависит человек от географических условий, тем активнее включает он их компоненты в область своего труда и познания. Данная тенденция прослеживается и в Европе по мере ее продвижения от V века к X-му.

Особое значение в интересующем нас плане приобрело появление городов. Помимо всего прочего, это явление оказалось еще и фактором, повлиявшим на некоторые чисто природные, биологические свойства человеческого организма. Дело заключается не только в том, что человек стал испытывать на себе влияние новых жилищ, новой одежды, новых бытовых условий, попал в другой микроклимат и в иную бактериальную среду. Города повлияли и на ослабление былой брачной изоляции, сломав более узкий круг лиц, вступавших ранее в брачный союз: дело в том, что урбанизация вызвала к жизни новые пути сообщения, способствовала как обострению, так и ликвидации различных расовых, национальных, религиозных и имущественных барьеров, резко снизив тем самым число генетически родственных браков, а это привело, в свою очередь, к ослаблению частоты встречаемости дефектов человеческого организма, легче передающихся при родственных браках по наследству.

Другие воздействия на организм средневековых людей порой выявлялись с совершенно неожиданной стороны. Так получилось с группами крови. Как известно, в Центральной Азии существуют эндемичные очаги оспы и чумы. Лица, обладающие кровью групп А и О, сильнее подвержены заболеваниям этими болезнями. В результате там возобладали лица с группой крови В, поскольку другие постепенно вымирали. Тот же состав биологических особей рода челове-

³²⁸ Камышев Н.С. Основы географии растений. Воронеж, 1961. С. 89.

³²⁹ Камшилов М.М. Человек и живая природа // Природа. 1969. № 3.

ского преобладал, естественно, и среди двигавшихся на запад войск кочевников. Поэтому тюрки и монголы, вторгавшиеся в Европу, смешивавшиеся с местным населением и передававшие по наследству некоторые генетически врожденные свойства своего организма, существенно способствовали, как это ныне доказано, расширению среди европейцев круга лиц, обладающих группой крови В.

В свою очередь, влияние вторичного порядка оказывала на общество и географическая среда. Это происходило тогда, когда она уже была ранее изменена трудом человека и являлась, таким образом, не только порождением природы в чистом виде, но и частичным следствием искусственной деятельности. В древнеримские времена Паннонию покрывал густой лиственный лес. С первых столетий н. э. туда вторгались одни пришельцы за другими. Через Паннонию прошли десятки племен — иранских, германских, славянских, тюркских, угрофинских, монгольских. Они воевали с империей и друг с другом. Бушевали пожары, поля топтала конница, вековые деревья шли на устройство завалов и городищ. Постепенно лес сходил на нет, его место заняли ксерофиты (засушливые растения степей). Паннонская степь — историческое новообразование — вызвала к жизни совсем иные методы земледелия и скотоводства, и формы быта оседавших там племен менялись на глазах. Вообще ландшафт Европы за рассматриваемые пять столетий был заметно преобразован. Первичных природных ландшафтов существовало на исходном рубеже средних веков гораздо больше, чем к началу II тысячелетия н. э. Все активнее проявлялась рельефообразующая роль человека. Люди строили замки, монастыри и дома, распахивали поверхность, вырубали леса, сжигали растительный покров, осушали болота, долбили камень и мрамор, спускали воду из озер, возводили плотины, мосты и акведуки, рыли каналы и шахты, сооружали насыпи. Нерасчетливая пастьба скота и сведение лесов приводили к появлению целой сети балок и оврагов. В одних случаях человек действовал стихийно, в других абсолютно сознательно, причем это активное, осознанное начало проступало с каждым веком все четче. К X столетию первобытных ландшафтов осталось в Европе немного. Большинство их было уже изменено, а некоторые даже полностью преобразованы.

Какие же выводы вытекают из вышесказанного? Автор далек от мысли, что ему удалось достаточно обстоятельно и всесторонне раскрыть содержание поставленных в статье вопросов. Сложность и малоизученность проблемы требуют приложения к ней, как нам кажется, длительных усилий ряда специалистов. Ограничимся поэтому некоторыми общими соображениями. Изучение материалов о роли природной среды в жизни европейского общества второй половины I тысячелетия н. э. еще раз показывает непреложность марксистского положения, что главным фактором в развитии и утверждении форм человеческого бытия является способ производства материальных благ; что ни в коем случае нельзя впадать в географический детерминизм, идти на уступки геополитикам или социал-дарвинистам и переоценивать значение естественных условий. В то

же время обнаруживается, сколь важное значение имеет природный фактор. Он отчасти является исходной производительной силой, с ним тесно связаны занятия населения, и он влияет на появление конкретных орудий труда и средств производства, на складывание определенных производственных отношений, на приобретение людьми производственного опыта и трудовых навыков. По мере эволюции раннефеодального общества степень подверженности людей воздействию первичных природных условий убывает, однако естественная среда продолжает влиять и на базисные и на надстроечные явления. Это влияние преломляется через призму общественных отношений и, приобретая черты вторичного фактора, порождает сложную систему цепных взаимосвязей. Европейцы V — X столетий, борясь с природой и овладевая ею, сделали в плане всего исторического процесса крупный шаг вперед, добились заметного прогресса в росте производительных сил. Данное обстоятельство прямо содействовало тому, что указанная эпоха явилась одной из важнейших ступеней в развитии феодального способа производства и стала в Европе первым этапом существования феодальной социально-экономической формации.

Историк и генетика

Кузьменко Ю.К. Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика. СПб., 2011. С. 187-218.

7. Данные популяционной генетики о прародине и контактах германцев

В конце XX, начале XXI века бурное развитие генетики позволило определять генетическую характеристику населения земли, устанавливая распространение митохондриальных генов (mtDNA), которые передаются только по женской линии, и хромосомных (YDNA) генов, передаваемых только по мужской линии³³⁰. Причем генетики научились определять не только генетические характеристики современного населения, но и генетические характеристики древнего населения (особенно в отношении митохондриальных гаплогрупп), исследуя человеческие останки. Таким образом, был найден ключ к генетической истории человечества. С самого начала генетики стали сопоставлять свои данные с данными лингвистики и археологии³³¹, предполагая, что распространение генетических характеристик, археологических культур и языков совпадало³³². Однако, высказанные выше возражения против гипотезы тождества областей распространения археологических культур и языков еще в большей степени относятся к предположению о тождестве генетических характеристик и языков, поскольку языки, как и культуры, распространяются не только от родителей к детям, но и между людьми, не состоящими в родстве. В современной Европе нет ни одного народа, который бы был генетически гомогенен, и лишь немногочисленные народы показывают значительное преобладание одной из гаплогрупп³³³ (ср., напр.: басков и ирландцев у которых наблюдают более 80% хромосомной гаплогруппы R1b, а у валлийцев процент R1b превышает 90%, см. карту № 12). Исследование останков свидетельствует о генетической гетерогенности народов уже в древней Европе. Особенно это относится к разнооб-

³³⁰ Y-DNA определяет мужской пол и передается только по мужской линии, mtDNA передается от матери и сыновьям, и дочерям, но наследуется только по женской линии.

³³¹ Ср., напр.: *Cavalli-Sforza L.L., Menozzi P., Piazza A. The history and geography of human genes. Princeton, 1994.*

³³² Некоторые высказывания о возможностях генетики кажутся слишком оптимистичными. По словам В.З. Тарантула, академик А.Л. Киселев утверждает что «многие спорные вопросы истории цивилизации будут, скорее всего, решены не историками, а геномоведами» (*Тарантул В.З. Геном человека. Энциклопедия, написанная четырьмя буквами. М., 2003. С. 295.*)

³³³ Гаплогруппа – группа схожих совокупностей генов на хромосоме (гаплотипов), которая наследуется как единое целое и восходит к одному предку, т. е. к человеку с определенной мутацией.

разию митохондриальных гаплогрупп в Европе, начиная с самых древних времен³³⁴.

Есть множество примеров генетических различий у людей, говорящих на одном языке. Наиболее очевидно это в таких странах как США или Бразилия, где генетические различия видны невооруженным глазом. Во многих европейских странах генетические границы были установлены только в последнее время в результате исследований по популяционной генетике³³⁵. С другой стороны, население может много раз сменить язык, оставаясь генетически гомогенным. О фактическом отсутствии корреляции между современным распределением языков и генетических типов пишут и генетики. Россер с соавторами показали, что современное распределение Y-хромосом в Европе фактически не коррелирует ни с современным распределением языков, ни с современным географическим положением народов³³⁶, причем коэффициент корреляции между распределением языков и генов оказывается в два раза меньше коэффициента корреляции между географическим положением популяции и ее генами, который определяется генетиками как незначительный³³⁷. Генетические различия внутри народов, говорящих на одном языке, свидетельствуют не только о том, что распространение языка связано не только с распространением генов, но и о том, что язык не обязательно должен сохранять следы языка, на котором говорил один из партнеров по контакту (отсутствие следов языка, находившегося в контакте имеет место, прежде всего, в том случае, когда одноязычию предшествует координативное двуязычие). Однако столь же несомненно, что в ряде случаев есть связь между генетическими и языковыми признаками³³⁸.

Мы видим, что отношение генетических признаков и языков похоже на отношение археологических культур и языков, т. е. есть случаи, когда их корреляция очевидна, однако не менее многочисленны случаи отсутствия такой корреляции. Поэтому мы не будем отбрасывать генетические реконструкции, а попытаемся установить степень соответствия генетической и лингвистической реконструкции в каждом конкретном случае, воспользовавшись советом генетика Гвидо Барбуджани, считающего, что гипотезу о распространения связи языков с

---

³³⁴ Bramanti B. et al. Genetic discontinuity between local hunter-gatherers and Central Europe's first farmers // *Science*. 2009. Oct. 326 (issue 5949). Epub. Ser. 3.

³³⁵ Ср., напр.: генетические различия населения западной и восточной Финляндии (Kittles R.A. et al. Dual origine of Finns revealed by Y-chromosome haplotype variation // *American Journal of Human Genetics*. 1998. V. 62. Issue 5. P.1171–1179.) и западной и восточной Германии (Rosser Z.H. et al. Y-chromosome diversity in Europe is clinal and influenced primery by geography rather than by language // *American Journal of Human Genetics*. 2000. V. 67. P. 1526-1543.).

³³⁶ Ibid. P. 1540.

³³⁷ Ibid. P. 1537.

³³⁸ См., напр.: Poloni E.S. et al. Human genetic affinities for Y-chromosome P49a,f/TaqI haplotypes show strong correspondence with linguistics // *American Journal of Human Genetics*. 1997. V. 65. Issue 5. P. 1015–1035.

распространением генов надо доказывать заново в каждом конкретном случае³³⁹.

Генетическое исследование древних останков, к сожалению, не всегда может быть использовано для установления истории движения генов из-за отсутствия статистически релевантных величин. Кроме того, если митохондриальные гаплогруппы останков определяются сравнительно просто, то определение хромосомных гаплогрупп древних останков во многих случаях невозможно³⁴⁰. Эти ограничения приводят к тому, что основным методом, позволяющим установить генетическое происхождение населения, у генетиков до недавнего времени оставалась реконструкция, базирующаяся на описании современного состояния. При определении возраста и направления движения генов реконструкция основывается на определении области наибольшей концентрации маркера³⁴¹ исследуемой гаплогруппы, области концентрации гаплогруппы, предковой по отношению к исследуемой, а также на установлении количества разновидностей исследуемой гаплогруппы. При этом считается, что чем более разнообразна гаплогруппа, тем она древнее.

При определении возраста гаплогрупп у генетиков фактически нет разногласий относительно очередности появления соответствующих мутаций и, соответственно, очередности появления гаплогрупп, но у них нет единого подхода к определению их абсолютной датировки (ошибки при абсолютной датировке могут составлять более 50%³⁴²). Метод определения возраста мутаций у популяционных генетиков, предполагающий одинаковые промежутки времени между мутациями, сходен с методом глоттохронологии лингвистов, который исходит из того, что изменения основного словарного состава языка происходят регулярно, т. е. за равные промежутки времени появляется равное количество новых слов и исчезает равное количество старых слов³⁴³. Такое огрубление действ-

---

³³⁹ *Barbujani G.* DNA variation and language affinities // *American Journal of Human Genetics*. 1997. V. 61. P. 1013.

³⁴⁰ Так при анализе останков из 43 захоронений в могильнике Деренбург (Заксен-Анхальт, 5500–4900 до н. э.) удалось установить хромосомные гаплогруппы только у трех человек (G2a3 и дважды F*), при том, что митохондриальные гаплогруппы были установлены у 22 человек (*Haak W. et al.* Ancient DNA from European early neolithic farmers reveal their Near Eastern affinities // *PLOS Biology*. 2010. Vol. 8. Issue 11. P. 3. e1000536. <http://www.plosbiology.org>).

³⁴¹ Маркер – определенная специфическая нуклеотидная последовательность ДНК.

³⁴² *Forster P.* Ice Age and the mitochondrial DNA chronology of human dispersals: a review // *Philosophical transactions of Royal Society of London. B. Biological Sciences*. 2004. Feb. 359 (1442). P. 255–264.

³⁴³ Любой лингвист, имеющий представление об истории конкретного языка, знает, что в разные исторические эпохи языковые изменения происходят с разной скоростью. Бергсланд и Фогт показали, что те изменения, которые произошли в основном словарном запасе исландского и норвежского языков за 1000 лет по методу глоттохронологии должны были бы

вительности еще можно признать для очень отдаленных эпох, но оно не работает на отрезке времени в несколько тысячелетий. Не кажется вполне убедительным и метод определения возраста гаплогрупп генетиками, предполагающий появление мутаций за равные промежутки времени, однако неспециалисту нелегко разобраться в математических тонкостях этого метода, и все же очевидно, что именно методологические проблемы и приводят к значительным расхождениям генетиков при датировке. Одни генетики считают, что основной генетический пул современных народов Европы сложился уже в эпоху палеолита³⁴⁴. Другие полагают, что и митохондриальные, и хромосомные современные европейские гаплогруппы сложились в основном в эпоху неолита в результате переселения населения из Анатолии и с Ближнего Востока. Именно это население и принесло земледелие в Европу³⁴⁵. В соответствии с еще одной гипотезой митохондриальные гаплогруппы сохраняются в Европе с эпохи палеолита, а основные европейские хромосомные гаплогруппы появились только в эпоху неолита, что свидетельствует о миграции только мужского населения с Ближнего Востока и Анатолии, которое и принесло земледелие в Европу³⁴⁶. Таким образом, предполагается, что при распространении земледелия в Европе женская часть населения Европы сохраняла генетические связи с палеолитным населением, а мужская часть населения была вытеснена пришельцами. Существует и компромиссное решение: судя по распространению митохондриальных гаплогрупп, в южной Европе в эпоху неолита имела место миграция аграриев из Анатолии и Ближнего Востока, а в центральную и северную Европу земледелие проникло без смены населения³⁴⁷. Судя по распространению хромосомных гаплогрупп, появившихся в Африке и на Ближнем Востоке, в основном на юге Европы в

произойти за 100–150 лет в исландском и за 1400 в норвежском (*Bergsland K., Vogt H. On the validity of glottochronology // Current Anthropology. 1962. V. 3 № 2. P. 115–153*), а, если бы мы сравнивали реальные изменения словарного запаса в английском за последние 1000 лет, и предполагаемый возраст этих изменений, вычисленный по методу глоттохронологии, то очевидно, что различие в реальной и глоттохронологической скорости изменений было бы еще большим. Различие в скорости языковых изменений даже в близко родственных языках может быть очень значительным (на чем и основывается сравнительно-исторический метод). И эти аксиомы относятся и к изменению основного словарного запаса.

³⁴⁴ Ср. напр. *Richards M.B. et al. Phylogeography of mitochondrial DNA in Western Europe // Annals of Human Genetics. 1998. V. 62. P. 258*; *Semino O. et al. The genetic legacy of palaeolithic Homo Sapiens in extant Europeans: A Y-chromosome perspective // Science. 2000. V. 290. P. 1158*; *Soares P. et al. The archaeogenetics of Europe // Current Biology. 2010. V. 20. P. 176*.

³⁴⁵ *Cavalli-Sforza L.L., Menozzi P., Piazza A. Op. cit. P. 300*; *Bendetto Di et al. Mitochondrial DANN sequences in prehistoric human remains from the Alps // European Journal of Human Genetics. 2000. V. 8, № 9. P. 669–677*.

³⁴⁶ *Belaresque P. et al. A predominantly Neolithic origin for European paternal lineages // PloS Biology. January 2010. V. 8 (1). <http://www.plosbiology.org/article>*.

³⁴⁷ *Sampietro M.L. Palaeogenetic evidence supports a dual model of Neolithic spreading into Europe // Proceeding of the Biological Society. 2007. 274 (1622). P. 2161*.

Присредиземноморье и редкости этих гаплогрупп в центральной и северной Европе такое предположение вполне вероятно. По этой гипотезе распространение земледелия в центральной и северной Европе происходило не путем миграции населения с Ближнего Востока, а путем миграции идей. Наконец, существует предположение о сравнительно позднем появлении основных хромосомных гаплогрупп современного германоязычного населения, прежде всего R1a и R1b, разрабатываемая специалистами по ДНК-генеалогии³⁴⁸, и именно эта точка зрения опирается и на реконструкцию, основанную на современных данных, и на данные генетического анализа древних останков (самые древние останки с гаплогруппой R1a в Германии относятся к 2600 году до н. э., а с R1b – к еще более позднему времени). При анализе возраста современных гаплогрупп следует учитывать и то, что указываемый обычно процент населения с определенной гаплогруппой является суммой процентов частотности разных субкладов гаплогруппы, которые имеют разный возраст.

Рассмотрим подробнее, какие гаплогруппы характерны для области распространения современных германских языков в Европе и соседних территориях, и как генетики реконструируют историю распространения гаплогрупп. При определении абсолютной хронологии гаплогрупп я буду исходить из принятой в популяционной генетике датировки, представленной на сайте Международного Общества Генетической Генеалогии³⁴⁹, сопоставляя эти данные с данными отдельных публикаций.

Три основные гаплогруппы современного германоязычного населения Европы это I1 (по старой классификации I1a), R1b и R1a, к которым в разных областях добавляются гаплогруппы I2b (по старой классификации I1c), N1c (по старой классификации N3), J1, E1b1b (по старой классификации E3b), G и T. Причем процент хромосомных гаплогрупп J, E1b1b, G и T в германоязычных странах редко превышает 5%. В Швеции, например, процент всех этих групп вместе не превышает 4%³⁵⁰, в Норвегии он менее 2%³⁵¹.

---

³⁴⁸ См.: Клёсов А. Загадки «западноевропейской» гаплогруппы R1b // Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии. 2008. Т. 1, № 4. С. 568–629; Рожанский И., Клёсов А. Гаплогруппа R1a1: гаплотипы, генеалогические линии, история, география // Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии. 2009. Т. 2, № 6. С. 974–1099.

³⁴⁹ International Society of Genetic Genealogy. Y-DNA haplogroup tree: <http://www.isogg.org/tree> (updated 27 мая 2011).

³⁵⁰ Karlsson A.O. et al. Y-chromosome diversity in Sweden – a long time perspective // European Journal of Human Genetics. 2006. V. 14. Issue 8. P. 968.

³⁵¹ Dupuy B.M. et al. Geographical heterogeneity of Y-Chromosomal lineages in Norway // Forensic Science International. 2006. V. 164. Issue 1. <http://vetinary.sitesled.com/norway.pdf>

7.1. ХРОМОСОМНЫЕ ГАПЛОГРУППЫ GERMAНОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЫ (Y-ДНК)

7.1.1. Гаплогруппы I1 и I2b

Значительная часть мужчин современной северо-западной Европы является носителем хромосомной гаплогруппы I1, распространенной, прежде всего, в Скандинавии, в Голландии и на севере Германии (см. рис. № 11). Процент носителей гаплогруппы I1 у норвежцев 37.9%*³⁵², у шведов 41.9%*, у датчан 32.5%*, у немцев в северной Германии 27.7%*, у фризов 29.0%, у голландцев 22.6%*³⁵³. В некоторых областях Швеции и Норвегии процент носителей этой гаплогруппы превышает 50%, на Готланде он достигает 59%³⁵⁴. По ее наличию определяют потомков англо-саксонской и более поздней скандинавской колонизации в Британии, где ее процент составляет 15%³⁵⁵. Высока частотность этой гаплогруппы и в западной Финляндии³⁵⁶. У саамов частотность гаплогруппы I1 также высока, 31.4%³⁵⁷, что уступает только частотности гаплогруппы N1c, характерной для народов, говорящих на уральских и алтайских языках (см. ниже).

Частотность гаплогруппы I1 уменьшается при продвижении на восток в сторону Польши (11%*), Прибалтики (латыши 6%-7%, литовцы 5%-6%), на запад в сторону Франции (наиболее частотна эта гаплогруппа в Нормандии 12%, в целом по Франции ее частотность составляет 9.5%) и на юг (на севере Италии

³⁵² Звездочкой обозначены данные, являющиеся средним арифметическим от различающихся данных разных авторов. Так, число 37.9% является средним арифметическим от приведенных в нижеуказанной литературе процентов гаплогруппы I1 в Норвегии – 40.3%, 37.3% и 36%.

³⁵³ *Tambets K. et al.* Western and eastern roots of the Saami – the story of genetic outliers told by mitochondrial DNA and Y-chromosomes // *The American Journal of Human Genetics*. V. 2004, N 4. P. 661–682; *Rootsi S. et al.* Phylogeography of Y-chromosome Haplogroup I reveals distinct domains of prehistoric gene flow in Europe // *American Journal of Human Genetics*. 2004. V. 75. Issue 1. P. 128; *Karlsson A.O. et al.* Op. cit. P. 965; *Dupuy B.M. et al.* Op. cit. P. 2; Distribution of European Y-chromosome DNA (YDNA) haplogroups by country in percentage. http://www.eupedia.com/europe/european_y-dna_haplogroups_frequency.shtml (last updated June 2011).

³⁵⁴ *Lappalainen P. et al.* Population structure in contemporary Sweden. A Ychromosomal and mitochondrial DNA analysis // *Annals of Human Genetics*. 2009. V. 73. Issue 1. Tab. 3; *Dupuy B.M. et al.* Op. cit.

³⁵⁵ International Society of Genetic Genealogy. Y-DNA haplogroup tree: <http://www.isogg.org/tree> (updated 27 мая 2011).

³⁵⁶ *Kittles R.A. et al.* Op. cit. P. 1171.

³⁵⁷ *Rootsi S. et al.* Op. cit. P. 130–131. По другим данным 25.9% (*Tambets K. et al.* Op. cit табл. 3).

6.5%, на юге 2.5%)³⁵⁸. В южной Германии процент носителей этой гаплогруппы 9.5%³⁵⁹. Как мы видим, наибольшая частотность гаплогруппы I1 наблюдается либо у народов, сконцентрированных в Скандинавии, северо-западной Германии и Голландии, которые говорят на германских языках, либо у народов, долгое время находившихся и сейчас продолжающих находиться в контакте со скандинавами (саамы, западные финны, Нормандия, Британские острова) или с народами, предки которых обитали ранее в северной Германии (Англия).

Как уже было сказано выше, человек заселил северную и центральную Европу после таяния последнего ледника. По одной из гипотез считается, что одной из гаплогрупп Y-DNA, сохранившейся в северной Европе с тех пор до

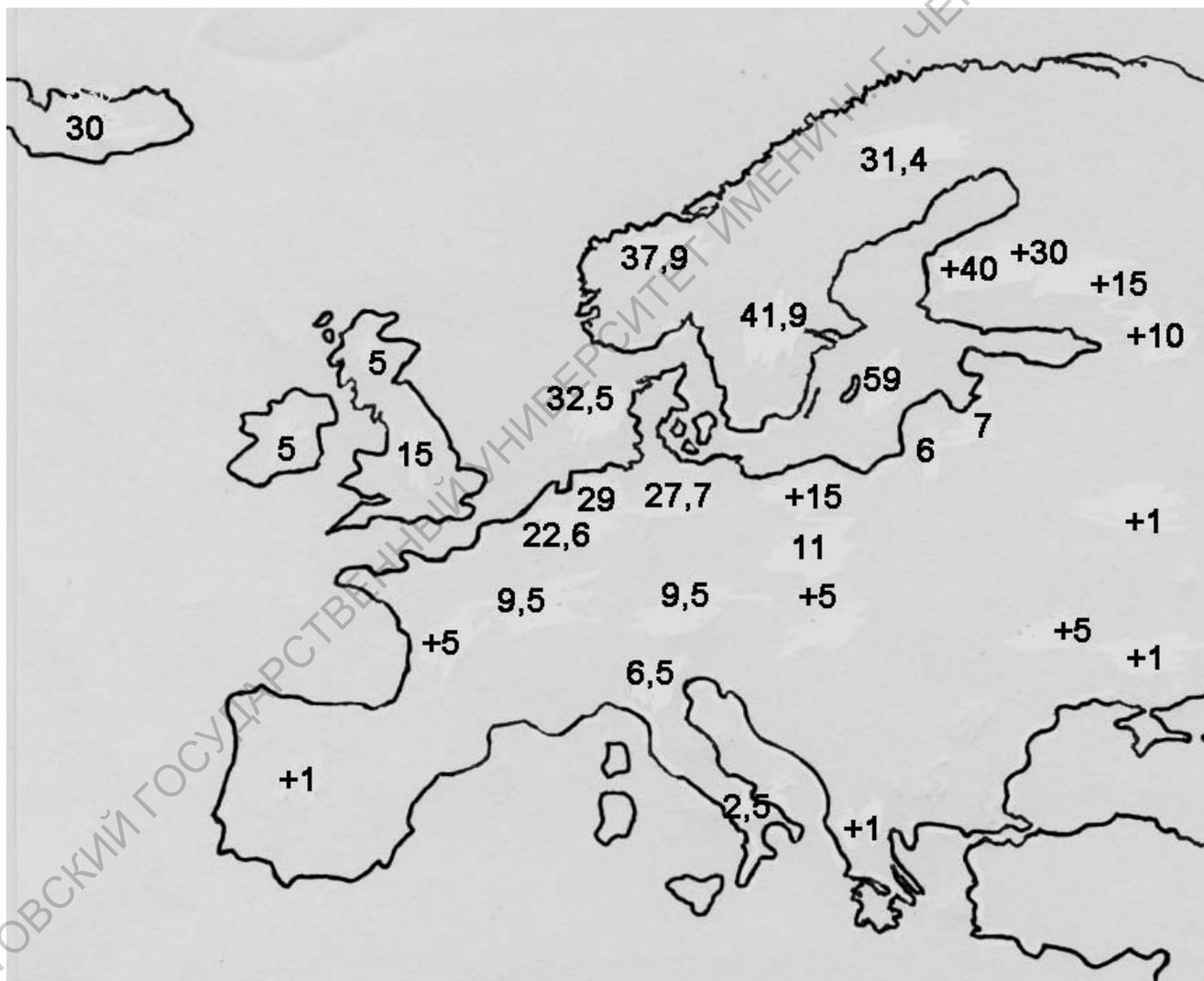

Рис. 11. Распространение гаплогруппы I1 (Y-ДНК) в современной Европе (+ больше чем; – меньше чем)

³⁵⁸ Tambets K. et al. Op. cit. табл. 3; Rootsi S. et al. Op. cit. P. 128–129; Distribution... 2011.

³⁵⁹ Distribution... 2011.

наших дней была гаплогруппа I, которая появилась в одном из убежищ Европы около 23 000–22 000 лет назад, во время распространения граветтианской культуры³⁶⁰ или еще раньше³⁶¹ и в виде подвида I1 распространилась в северной Европе после таяния последнего ледника около 10 000–6 800 лет тому назад³⁶². Считается, что гаплогруппа I1 была характерна для носителей первых после последнего ледника культур северной Европы и через носителей культуры Эртебёлле и культуры воронковидных кубков сохраняется в северной Европе до сих пор³⁶³. Если справедливо, что гаплогруппа I1 появилась на севере Европы около 10 000–6 800 лет тому назад, то именно к этому периоду следует отнести появление одного из генетических предков тех, кто впоследствии стал говорить на языке, который мы называем протогерманским. Однако предположение о том, что этот язык появился 10 000–6 800 лет тому назад лингвистически маловероятно. Самые первые изоглоссы, позволяющие отличить протогерманский от языка соседей, появились, вряд ли, раньше середины III тыс. до н. э. (см. выше).

Однако предполагаемая датировка гаплогруппы I1 основывается только на современных данных. Анализ генетического материала останков фактически не выявляет наличие хромосомов группы I1 в самых древних образцах. Пока гаплогруппы типа I были обнаружены только у найденных в Нижней Саксонии останков, относящихся к 1000 г. до н. э., причем это не гаплогруппа I1, а гаплогруппа I2b2³⁶⁴. Очевидно несоответствие реконструкций, основанных на данных современной популяционной генетики, утверждающей древность гаплогрупп типа I1 на севере Европы с результатами анализа древних останков, которые, насколько мне известно, находят эти гаплогруппы только, начиная с 1000 г. до н. э. Возможно это связано с пока еще очень незначительным количеством обследованного материала и с трудностью установления хромосомных гаплогрупп древних останков (см. выше). Существует, однако и более поздняя датировка появления гаплогруппы I1 в северной Европе. Американский генетик Кен Нор-

³⁶⁰ *Rootsi S. et al.* Op. cit. P. 135.

³⁶¹ *Soares P. et al.* Op. cit. P. 176.

³⁶² *Rootsi S. et al.* Op. cit. P. 135. Предполагали разные места появления гаплогруппы I (Украина, Балканы, юго-запад Франции и север Испании), т. е. фактически все три предполагаемые европейские убежища во время последнего ледникового максимума. В последнее время принято считать местом появления этой гаплогруппы северные Балканы, где около 30% мужского населения имеют родственную гаплогруппе I1 гаплогруппу I2 (*Rootsi S. et al.* Op. cit. P. 129) или Иберийский полуостров (*Soares P. et al.* Op. cit. P. 177).

³⁶³ *Origins, age, spread and ethnic association of European haplogroups and subclades.* http://www.eupedia.com/europe/origins_haplogroups_europe.shtml#Subclades. Last update. August 2011.

³⁶⁴ *Schilz F.* Molekulargenetische Verwandtschaftsanalyse am prähistorischen Skelettkollektiv der Lichtensteinhöhle. Göttingen, 2006 (Diss.); *Manco J.* Ancient Western Eurasian DNA. Table 1-Mitochondrial and Y-chromosome haplogroups extracted from historic and prehistoric human remains (last revised 17. 03.2011). <http://www.buildinghistory.org/distantpast/ancientdna.shtml>).

дведт, активно использующий Интернет для пропаганды своих идей, считает, что тот подвид I1, который характерен для большой группы современного германоязычного населения появился уже после окончания ледникового периода в Дании около 4000–6000 лет назад³⁶⁵. Однако он не опровергает возможную связь гаплогрупп типа I с иберийским убежищем, откуда этот гаплотип распространился и в юго-восточную Европу (прежде всего на территорию бывшей Югославии, где очень высок процент родственной гаплогруппы I2) и в северную Европу, где согласно Нордведту появилась гаплогруппа I1. О более позднем, чем раньше считалось, появлении гаплогруппы I1 в Скандинавии пишут и Лаппалайнен с соавторами, который датирует появление здесь I1 эпохой неолита³⁶⁶. В более поздних публикациях, однако, можно снова наблюдать возврат к традиционной датировке появления I1 в Европе (верхний палеолит)³⁶⁷.

Согласно Роотси с соавторами, концентрация частотности I1 характерна для южной Швеции, Дании и прилегающих к ней областей северной Германии³⁶⁸. Вряд ли случайно, что область наибольшей современной концентрации I1 полностью совпадает и с распространением археологической культуры Эртебёлле (см. карту 1), и с традиционно предполагаемой прародиной германцев, и с областью первых рунических надписей. Хотя все эти явления относятся к разному времени, складывается впечатление, что на протяжении нескольких тысячелетий на этой территории жило (и продолжает жить) население генетически восходящее к эпохе Эртебёлле, которое внесло значительный вклад в формирование генетического пула современных германоязычных народов (I1). Одним из центральных вопросов является вопрос о том, насколько язык (или языки) носителей I1 принял участие в формировании протогерманского языка. В качестве возможных признаков этого языка (или языков) можно было бы рассматривать германские инновации, которые плохо выводимы из индоевропейского и отличаются от инноваций других индоевропейских языков. Однако, если мы обратим внимание на грамматические инновации протогерманского, то фактически все они выводимы из индоевропейского материала (см. выше соответствующие изменения в других индоевропейских языках). Выше отмечалось, что огромное большинство языковых инноваций протогерманского имеет соответствие либо в итало-кельтском, либо в балто-славянском, либо в соседних финно-угорских языках. Распространение гаплогруппы I1 нельзя связать ни с одним из этих возможных источников протогерманского. Возможно, единственной фонологической инновацией, которая необычна для индоевропейских языков и для финно-

³⁶⁵ Nordvedt R. Haplogroup-I-L Archives. <http://archiver.rootsweb.ancestry.com/th/read/H-DNA-Haplogroup-I/2007-2/1171216290>.

³⁶⁶ Lappalainen P. et al. Migration waves to the Baltic Sea region // *Annals of Human Genetics*. 2008. V. 72. № 3. P. 337–348.

³⁶⁷ Soares P. et al. Op. cit.

³⁶⁸ Rootsi S. et al. Op. cit. Fig. 1.

угорских языков, но которая была характерна для германских и саамских языков, является противопоставление центральной и периферийной акцентуации. Менее вероятно субстратное происхождение хорошо реконструируемого для протогерманского противопоставления двух типов прилагательных, обозначающих постоянный и временный признак или, возможно, особый и обычный признак (см. инновацию № 20). Наличие двух типов прилагательных в балтийском и славянском можно было бы объяснить германским влиянием (распространение не формы, а модели с запада на восток). Существование подобной категории в саамском, единственном финно-угорском языке, в котором развилась эта категория, может быть также связана с германским влиянием, однако, не исключено и влияние общего субстрата языка носителей II. Напомним, что частотность гаплогруппы II среди саамов очень высока (31.4%). Если действительно появление центральной и периферийной акцентуации и двух типов прилагательных в протогерманском было вызвано контактами начинающегося складываться протогерманского с языком носителей II, индоевропейцев, то эти инновации следовало бы считать одними из самых древних (конец третьего или начало второго тысячелетия до н.э.), что, однако, не вполне согласуется с традиционными представлениями о времени формирования категории прилагательного.

Еще одной фонологической чертой, которая могла бы рассматриваться как субстратная, и которая отличает германский от соседних индоевропейских языков, является вторая и третья фазы Первого перебора согласных ($b d g > p t k$ или $p' t' k' > p t k$ и $p t k > f b \chi$). Однако, если справедливо предположение, о том, что Первый перебор происходил в конце второго, начале I тыс. до н. э., причем последняя его фаза вряд ли старше 500 г. до н. э., то связь Первого перебора с языком носителей II оказывается мало вероятной, поскольку предполагает существование неиндоевропейского и нефинно-угорского языка на севере Европы в это время. Носители гаплогруппы II должны были быть индоевропейцами гораздо раньше, а именно в момент прихода на эту территорию языка западных индоевропейцев (итало-кельтского) и северо-восточных индоевропейцев (балто-славянского), см. ниже.

Более вероятным кандидатом в качестве возможного субстрата языка носителей II является небольшое количество слов, происхождение которых остается невыясненным (типа немецкого *See, Regen, Traube*). Важным следом языка II могли бы быть топонимы, однако, как писал один из ведущих специалистов в этой области Андерссон, несмотря на то, что теоретическая возможность субстрата не исключена, каких-либо достоверных следов его в топо- и гидронимике южной Скандинавии нет³⁶⁹. Это вовсе не свидетельствует об отсутствии догерманского населения, поскольку как показывает современная ситуация в облас-

³⁶⁹ Andersson T. Norden och det forna Europa // Namn och bygd. 1972. Bd 60. P. 8; см. также Hald K. De danske ønavne // Namn och bygd. 1971. Bd 59. P. 71–84.

тах с двуязычным населением, в частности на севере Скандинавии и в Финляндии, местные топонимы и гидронимы могут заменяться одновременно со сменой языка (при переходе с саамского на шведский или норвежский саамские топонимы заменяются скандинавскими, а при переходе со шведского на финский, шведские топонимы заменяются финскими).

Если предположить, что протогерманский сформировался на территории распространения носителей гаплогруппы I1, каким образом можно объяснить слабое присутствие следов языка носителей I1 в протогерманском? Одно из возможных объяснений предоставляет генетика. Предполагают, что, несмотря на то, что мутация, приведшая к образованию гаплогруппы I1, произошла 20 000 или 10 000 лет назад, непосредственный предок сегодняшних носителей гаплогруппы I1 жил около 3000 лет до н. э. Именно к этому периоду относят так называемый эффект бутылочного горлышка, т. е. резкое сокращение популяции с разнообразием гаплогруппы I1 с последующим постепенным количественным и территориальным распространением только одного из ее гаплотипов (Origins 2011). Если эти данные популяционной генетики, свидетельствующие о времени появления гаплогруппы I1 и об эффекте бутылочного горлышка, имевшем место около 3000 г. до н. э., достоверны, то понятно почти полное отсутствие следов неизвестного субстрата в грамматике, фонологии и незначительное присутствие его в лексике протогерманского, который начинал формироваться именно в III тыс. до н. э. Первое население Скандинавии и северной Германии, по крайней мере, ее мужская часть, фактически исчезло в III тыс. до н. э., (генетики говорят даже об одном единственном мужчине с гаплогруппой I1, пережившем этот период³⁷⁰). Чем было вызвано резкое уменьшение носителей гаплогруппы в 3000 г. до н. э. трудно сказать. Возможно эпидемией, а возможно приходом нового населения, прежде всего носителей гаплогрупп R1a и R1b, говоривших на языках, которые и стали основой для развития протогерманского. Такой сценарий соответствует появлению носителей археологической культуры шаровых амфор, а затем шнуровой керамики, которую традиционно связывают с гаплогруппой R1a и с протоиндоевропейским языком. Однако предположение о таких драматических событиях, происходивших около 3000 до н.э. необязательно, поскольку смена языка может происходить и без сохранения следов субстрата.

Появление культуры шнуровой керамики в Скандинавии относят обычно к чуть более позднему времени, чем резкое сокращение популяции с гаплогруппой I1 (см. выше), однако, культура шаровых амфор в северной Германии появилась несколько раньше культуры шнуровой керамики, поэтому возможно резкое сокращение мужского населения, носителей гаплогруппы около 3000 г. до н.э. связано с появлением на севере Европы носителей культуры шаровых

---

³⁷⁰ Origins, age, spread and ethnic association of European haplogroups and subclades... August 2011.

амфор. Самой северной областью распространения культуры шаровых амфор считается Дания, именно та область, где и предполагается вторичный центр распространения I1. Возможно, что именно на этой территории и происходила и более ранняя смена (в первую очередь мужского, см. ниже) населения, приведшая к сокращению частотности гаплогруппы I1.

Археологическим коррелятом гаплогруппы I1 можно считать и культуру Эртебёлле, которая занимала территорию наибольшей современной концентрации I1, и культуру воронковидных кубков, современное распространение которой в значительной степени соответствует распространению гаплогруппы I1. Однако культура воронковидных кубков была распространена на территориях гораздо более обширных, чем территории современного распространения высокой частотности I1, что, возможно, свидетельствует о постепенном вытеснении I1 на севере центральной Европы.

Предполагаемая связь гаплогруппы I1 с субстратом, не означает, что следует ставить знак равенства между появлением гаплогруппы I1 и появлением субстрата протогерманского. Однако в момент формирования протогерманского, т. е. в момент распространения индоевропейского (итало-кельтского и балтославянского) среди людей, говорящих на языке носителей воронковидных кубков, эти люди в основном имели гаплогруппу I1.

Для северо-западной Европы характерна и гаплогруппа I2b (по старой классификации I1c), которая есть в северной и центральной Германии (от 10 до 20%, по другим данным от 3% в восточной Германии до 7% на западе Германии), Голландии (10%, по другим данным 6%) в Дании (10%, по другим данным 5%), в Швеции (1.9%, по другим данным 4%, более всего, до 10% в Вестерботтене)³⁷¹. Благодаря богатой вариативности эта гаплогруппа считается одной из самых старых в северо-западной Европе. Ее возникновение датируют 11 000 г. до н. э. Предполагают, что именно эта гаплогруппа была и у строителей мегалитов³⁷². Возможно, что именно носители этой гаплогруппы говорили на языке, который был вытеснен впоследствии языком племен «северо-западного блока» (см. выше), которые, в основном, были носителями гаплогруппы R1b (см. ниже).

7.1.2. Гаплогруппа R1b

Очень частотны в германоязычных странах хромосомные гаплогруппы R1a и R1b, основные гаплогруппы современной Европы. Причем для западной Европы наиболее характерна гаплогруппа R1b, а для восточной Европы гаплогруппы R1a и R1b, основные гаплогруппы современной Европы. Причем для западной Европы наиболее характерна гаплогруппа R1b, а для восточной Европы гаплогруппы R1a и R1b, основные гаплогруппы современной Европы.

³⁷¹ *Lappalainen P. et al.* Migration waves to the Baltic Sea region; *idem.* Population structure in contemporary Sweden; *Distribution...*, 2011.

³⁷² *Origins, age, spread and ethnic association of European haplogroups and subclades...* August 2011.

группа R1a. Более частотной у современных германоязычных народов является гаплогруппа R1b (R1b1a2-M 269), ср. рис. 12, которая характерна, прежде всего, для Германии, Голландии и Бельгии. Эта гаплогруппа наиболее частотна в странах Бенилюкса (в Голландии 62%*, у фризов 56%, в Бельгии 63%). В Германии средняя частотность этой гаплогруппы 47.9%, причем ее процент в южной Германии (48.5%) выше, чем в северной (38%) . В меньшей степени эта гаплогруппа характерна для Скандинавии, ср. норвежцы 28%*, шведы 23%*, датчане 41.2%*³⁷³, причем на севере Скандинавии процент этой гаплогруппы ниже чем в центральной Скандинавии (ср. 9.4 % в Вестерботтене и 28.6% в Ёнчёпинге³⁷⁴. В Норвегии процент R1b уменьшается к востоку, ср. 45% носителей R1b на юго-западе Норвегии и 26% на востоке³⁷⁵. У южных и особенно у западных европейцев, в том числе и у соседей германоязычного населения Европы, процент гаплогруппы R1b очень высок (у валлийцев более 90%, у ирландцев и басков более 80%, у французов и северных итальянцев более 60%). Частотность этой гаплогруппы убывает по направлению на восток (у поляков 17.6%*, у латышей 15%, у литовцев 5%, у саамов около 6%, у финнов 2%). Однако еще дальше на юго-восток процент гаплогруппы R1b снова возрастает, однако, без характерного для Европы маркера M 269. Наибольшей концентрации эта разновидность R1b достигает на северном Кавказе и в юго-западной Азии³⁷⁶.

Что касается датировки появления R1b в Европе, то здесь мы сталкиваемся с тремя гипотезами. Если у генетиков фактически нет разногласий относительно ее азиатского происхождения и времени ее появления, то предположения о времени ее появления в Европе сильно отличаются друг от друга. В первых работах по популяционной генетике считалось, что все варианты R1b в Европе восходят к эпохе верхнего палеолита, т. е. к эпохи охотников и собирателей. Семино с соавторами считают, что R1b и R1a появились в Европе вместе с ориньякской культурой около 40 000–35 000 лет назад³⁷⁷. Карлссон с соавторами, не определяя этническую и археологическую принадлежность гаплогрупп считают, что и гаплогруппа R1b и гаплогруппа R1a

³⁷³ *Tambets K. et al.* Op. cit.; *Karlsson A. O. et al.* Op. cit.; *Dupuy B.M. et al.* Op. cit; *Distribution...*, 2011.

³⁷⁴ *Lappalainen P. et al.* Population structure in contemporary Sweden.

³⁷⁵ *Dupuy B.M. et al.* Op. cit.

³⁷⁶ *Myres N. et al.* A Major Y-Chromosome Haplogroup R1b Holocene Era Founder Effect in Central and Western Europe // *European Journal of Human Genetics*. 2011. V. 19. P. 95–101; *International Society of Genetic Genealogy*. Y-DNA haplogroup tree.

³⁷⁷ *Semino O. et al.* Op. cit.

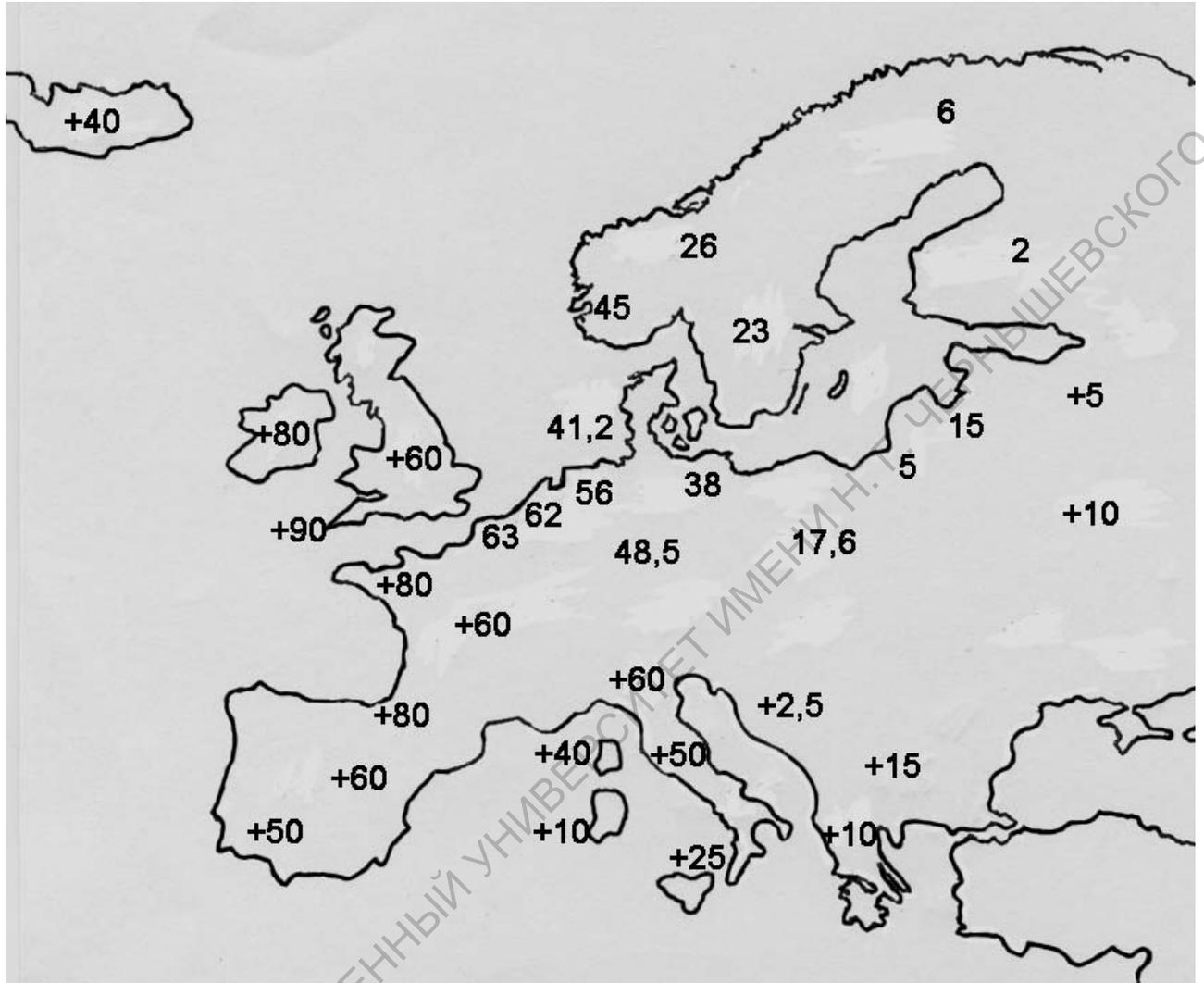

Рис. 12. Распространение гаплогруппы R1b M 269 (Y-ДНК) в современной Европе (в процентах)

проникли на север Европы и в Скандинавию также еще в эпоху верхнего палеолита одновременно с гаплогруппой I1 сразу же после окончания последнего ледникового периода³⁷⁸. В последнее время, однако, появление этой гаплогруппы в Европе стали относить не к мезолиту, а к неолиту, связывая движение R1b в Европе с миграцией населения из западной Азии (Ближний Восток > Анатолия > юго-восточная Европа > западная Европа), которое принесло земледелие в Европу³⁷⁹. При этом считается, что отправным пунктом их непосредственного

³⁷⁸ Karlsson A. O. et al. Op. cit. P. 969.

³⁷⁹ Belaresque P. et al. Op. cit.; Myres N. et al. Op. cit. Основанием для такого утверждения является наибольшая концентрация маркера M 269 в Европе и наибольшая вариативность его в Малой Азии и на Балканах, что интерпретируется как следствие происхождения этого маркё-

распространения в Европе была северная Италия, Швейцария, южная Германия и юго-запад Франции, куда носители этой гаплогруппы пришли из Малой Азии³⁸⁰. Наконец, высказывалось предположение о еще более позднем появлении в западной Европе гаплогруппы R1b, датируя его третьим тысячелетием до н. э.³⁸¹. В самых последних публикациях вновь наблюдается возврат к более ранней датировке R1b в Европе. Соарес с соавторами вновь датируют появление R1b в Европе верхним палеолитом³⁸², считая, что R1b распространялась с запада на восток одновременно с распространением митохондриальных гаплогрупп H и V³⁸³.

Генетики, относящие появление R1b к палеолиту, как правило, не пытались установить языковую и этническую принадлежность древних носителей R1b, а генетики, связывающие появление этой гаплогруппы в Европе с миграцией населения, принесшего в Европу земледелие, соотносят появление и распространение R1b в Европе с археологической культурой линейно-ленточной керамики³⁸⁴, хотя заметим, что у немногочисленных останков, которые позволяют устанавливать хромосомные гаплогруппы из области распространения линейно-ленточной керамики гаплогруппы R1b не обнаружено (см., напр.: анализ останков из захоронения Деренбург в Заксен-Анхальте (5500–4900 гг. до н. э.)³⁸⁵, а древнейшие останки с гаплогруппой R1b в центральной Европе относятся только к 1000 г. до н. э.³⁸⁶, что скорее подтверждает гипотезу Клёсова о позднем появлении R1b. Если, однако, справедливо предположение о том, что большая часть носителей культуры ленточной керамики имела в основном гаплогруппу R1b, то эта гаплогруппа должна была быть характерна и для последующих культур западной Европы, в частности, культуры колоколовидных кубков, унетицкой культуры, культуры Зёгель-Вольде и культуры Харпштедт-Ниенбург).

ра из Малой Азии или с Балкан с последующим эффектом основателя в Европе. Эффект основателя приводит к резкому снижению разнообразия гаплогруппы при повышении ее частотности. Он позволяет выделить территории, на которых происходило быстрое распространение новых маркёров. Наиболее распространенный исключительно европейский маркёр M 412, появившийся в Европе позднее не связывается Балареск с каким-либо этносом (*Belaresque P. et al. Op. cit.*).

³⁸⁰ *Belaresque P. et al. Op. cit.*

³⁸¹ Клёсов А. Указ. соч.

³⁸² *Soares P. et al. Op. cit.*

³⁸³ *Ibid. P. 177.*

³⁸⁴ *Myres N. et al. Op. cit. P. 95.*

³⁸⁵ *Haak W. et al. Ancient DNA from European early neolithic farmers reveal their Near Eastern affinities // PLOS Biology. 2010. Vol. 8. Issue 11. e1000536. <http://www.plosbiology.org>.*

³⁸⁶ *Manco J. Ancient Western Eurasian DNA. Table 1- Mitochondrial and Y-chromosome haplogroups extracted from historic and prehistoric human remains (last revised 17. 03.2011). <http://www.buildinghistory.org/distantpast/ancientdna.shtml>.*

Многое в истории и распространении R1b в Европе остается неясным. В частности очень высокий процент этой гаплогруппы у басков не свидетельствует о том, что R1b была свойственна протоиндоевропейцам, продвигавшимся из Малой Азии в Европу, как фактически считали Ренфрю и Кавалли-Сфорца, а скорее говорит о смене языка на индоевропейский у большей части протобаскских аборигенов Европы, что соответствует васконской гипотезе Феннеманна (см. раздел 4.3.1).

Следует отметить, что в последнее время у генетиков наблюдается тенденция к уменьшению возраста гаплогрупп. Так, в таблице, выложенной на сайте Еврупедии³⁸⁷, появление большинства субкладов гаплогруппы R1b, характерных для современного германоязычного населения, датируется либо началом нашей эры (ср. микромутации L1/S26, L48, L44, L5, L6, M497/S29/U198), либо серединой второго тысячелетия до н. э. (M405/S21/U106)³⁸⁸. Если эта датировка справедлива, то первая группа указанных выше мутаций появилась уже после распада германского этнического единства «своих», в эпоху формирования отдельных древних германских языков, а мутация M405/S21/U106 произошла в период существования этнического единства «своих», в протогерманский период. Такая относительно поздняя датировка появления субкладов R1b у германоязычного населения не исключает и более поздней датировки появления носителей гаплогруппы R1b на севере центральной Европы, тем более, что у древнейших останков гаплогруппы R1b не обнаружено. Таким образом, не кажется слишком смелым предположение, что распространение гаплогруппы R1b среди населения северной Европы следует относить к концу третьего началу II тыс. до н. э., а возможно и к более позднему времени (сравни датировку наиболее ранних останков с гаплогруппой R1b временем 1000 г. до н. э.). Клёсов полагает, что R1b является сравнительно молодой гаплогруппой в Европе, появление которой следует относить ко времени 3000–2500 гг. до н. э., причем по Клёсову даже у басков гаплогруппа R1b появилась только в III тыс. до н. э.³⁸⁹. Он считает, что эта гаплогруппа появилась на среднем течении Волги и через северный Казахстан, Кавказ, Анатолию, Ближний Восток и северную Африку попала на Пиренейский полуостров, а оттуда распространилась по западной Европе. Гаплогруппа R1b быстро продвигалась на северо-восток центральной Европы. Продвигаясь с Пиренейского полуострова на восток эта гаплогруппа вытесняла более ранние гаплогруппы, такие как G2a и F*, характерные для останков эпохи ленточной керамики в Германии³⁹⁰.

---

³⁸⁷ Eupedia. 2011.

³⁸⁸ См. также Origins, age, spread and ethnic association of European haplogroups and subclades... August 2011.

³⁸⁹ Клёсов А. Указ. соч.

³⁹⁰ Haak W. et al. Op. cit.

Трудно сказать, насколько весь реконструированный Клёсовым путь R1b в западную Европу соответствует действительности, однако предполагаемый им путь R1b по западной Европе совпадает с путем и временем распространения культуры колоколовидных кубков, что соответствует нашей лингвистической реконструкции, предполагающей появление итало-кельтского на севере центральной Европы в III тыс. до н. э.

Вопрос о том, говорили ли предки носителей этой гаплогруппы на протоиндоевропейском (или возможно ностратическом) языке с момента образования этой гаплогруппы или исконные обитатели Европы, носители гаплогруппы R1b, сменили свой язык (за исключением басков) на протоиндоевропейский язык или носители R1b появились в Европе только около 3000 г. до н. э. в нашем случае не столь важен. Нам важна не столько предыстория гаплогруппы R1b, сколько распространение R1b в период формирования протогерманского. Вероятнее всего, что в эту эпоху значительная часть носителей гаплогруппы R1b в Европе говорила на протоиталийском и протокельтском, а, возможно, на первых этапах формирования протогерманского на прото-итало-кельтском языке.

7.1.3. Гаплогруппа R1a

Третьей по частотности хромосомной гаплогруппой в германоязычных странах является гаплогруппа R1a, которая наиболее частотна в восточной Европе (ср. рис. 13). Среди германоязычного населения ее процент меньше, чем на востоке Европы, где частотность R1a превышает 30% (ср. 38% у литовцев, 41.0 у латышей, 56.5% у поляков), но больше, чем на западе: во Франции, Италии, Испании и в Ирландии ее частотность колеблется от 0 до 5%³⁹¹. У финно-угорских соседей скандинавов процент R1a ниже, чем у скандинавов, но выше, чем у западноевропейцев (саамы 13%, финны 9%*). В Скандинавии частотность этой гаплогруппы выше, чем в континентальной Европе: у норвежцев 26%*, у шведов 18.2%*, частотнее всего на юге Швеции в Халланде 26.5%, у датчан 14.6%*, у немцев на 12.5% (причем на севере и востоке Германии 23%-24%, на западе Германии 7%*, в Баварии 15%³⁹². И в Скандинавских странах и особенно в Германии процент R1a убывает с востока на запад. У германоязычных народов, обитающих к западу от Германии частотность R1a становится еще ниже (см. фризы 7%, голландцы 4.8%*)³⁹³.

³⁹¹ Distribution... 2011.

³⁹² Semino O. et al. Op. cit.; Tambets K. et al. Op. cit.; Karlsson A. O. et al. Op. cit.; Dupuy B.M. et al. Op. cit; Distribution... 2011.

³⁹³ Semino O. et al. Op. cit.; Karlsson A. O. et al. Op. cit.; Dupuy B.M. et al. Op. cit; Distribution... 2011.

Предполагали два возможных места появления и соответственно центра распространения гаплогруппы R1a. Это степи Украины³⁹⁴, южная Азия (долины Инда и Ганга)³⁹⁵ или Южная Сибирь³⁹⁶. Однако даже те, кто признает южноазиатское происхождение этой гаплогруппы предполагает ее раннее появление в восточной Европе (по Андерхиллу с соавторами R1a появилась в

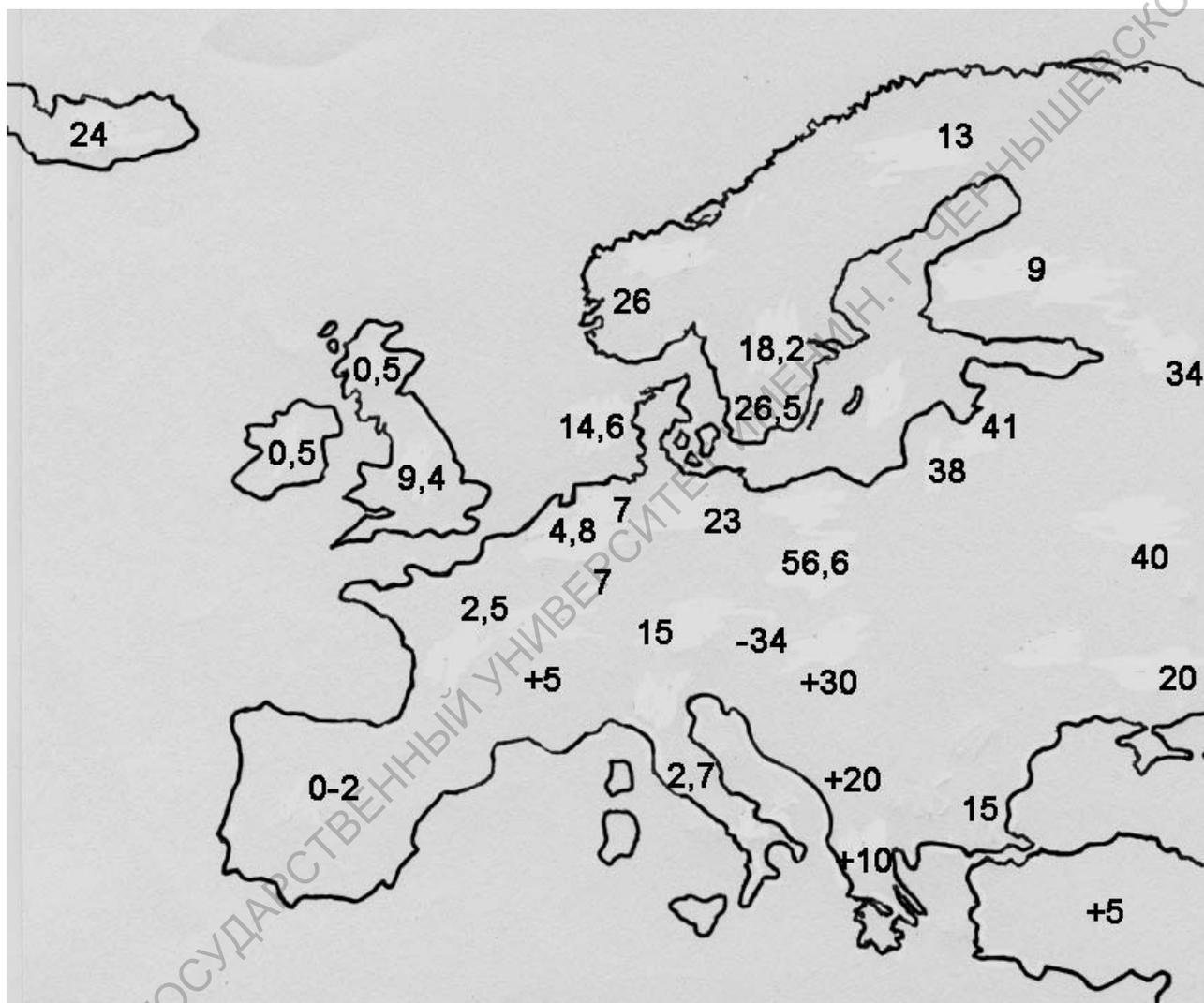

Рис. 13. Распространение гаплогруппы R1a (Y-ДНК) в современной Европе (в процентах)

³⁹⁴ Soares P. et al. Op. cit.

³⁹⁵ Underhill P. A. et al. Separating the post-Glacial coancestry of European and Asian Y-chromosome within haplogroup R1a // European Journal of Human Genetics. 2010. V. 18. P. 479-484.

³⁹⁶ Рожанский И., Клёсов А. Указ. соч.

восточной Европе около 9 300 г. до н. э., достигла территории Германии около 7 900 г. до н. э. и Дании около 7 700 г. до н. э.³⁹⁷. Если эта датировка справедлива, то первая волна носителей R1a оказалась в центральной и северной Европе задолго до предполагаемого появления здесь шнуровой керамики, которую часто идентифицируют с индоевропейцами. Рожанский и Клёсов также считают, что носители R1a появились в Европе 10–12 тысяч лет назад, сразу после таяния ледника, однако, только очень незначительный процент современного населения Европы (доли процента) являются потомками первых носителей R1a в Европе, основная же масса предков современных носителей R1a в Европе появилась здесь только во время второй миграции с востока новых субкладов R1a, которая началась около 3000 г. до н. э., а непосредственные основатели большей части современных субкладов R1a появились еще позднее³⁹⁸. Мне неизвестно, есть ли исследования генетической природы останков, подтверждающие датировки Андерхилла с соавторами и Рожанского и Клёсова о первой волне носителей R1a в центральной Европе. Однако, если данных о распространении гаплогруппы R1b в доисторической Европе фактически нет, то гаплогруппу R1a часто обнаруживают в древних останках. Так она была обнаружена у скелетов нескольких человек эпохи неолита в центральной Европе и в северной Германии (около 2600 г. до н. э), правда не в столь отдаленный период, как полагает Андерхилл, а в захоронении археологической культуры шнуровой керамики³⁹⁹, что соответствует предполагаемой Клёсовым и Рожанским второй волне R1a в центральную и западную Европу⁴⁰⁰.

Если мы посмотрим на современное распределение гаплогруппы R1a в Европе то очевидно, что эта гаплогруппа продвигалась с востока на запад и что в языковом отношении она характерна, прежде всего, для современных славянских и балтийских народов, а также для тех этносов, которые находились в контакте с ними. Вероятно, что в период формирования протогерманского основную массу носителей протобалтийского и протославянского составляли популяции с гаплогруппой R1a. Скорее всего, и носители предполагаемого многими балто-славянского языкового единства имели гаплогруппу R1a.

Таким образом, судя по данным популяционной генетики, можно предположить, что одним из элементов, из которых формировался генетический пул германоязычных народов, была продвигающаяся с востока на запад популяция, которая в эпоху формирования протогерманского говорила на балто-славянском, а позднее на протобалтийском и протославянском языках. Носители гаплогруппы R1a были, вероятно, и среди носителей культуры шаровых ам-

³⁹⁷ Underhill P. A. et al. Op. cit.

³⁹⁸ Рожанский И., Клёсов А. Указ. соч. С. 975-976, 985, 1024, 1088, 1094-1095.

³⁹⁹ Keyser Chr. et al. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people // Human Genetics. 2009. V. 126, № 3. P. 395–410; Manco J. Op. cit.

⁴⁰⁰ Рожанский И., Клёсов А. Указ. соч. С. 1095.

фор и среди носителей культуры шнуrowой керамики, последнее очевидно, судя по генетическому анализу древних останков. Если правы Рожанский и Клёсов, датирующие появление третьего типа субкладов R1a серединой первого тысячелетия до н. э.⁴⁰¹, то вполне вероятно, что распространение этих субкладов среди германоязычного населения, было связано с более поздними германо-балтийскими контактами эпохи лицевых урн. Вероятно, об этом свидетельствует распространение так называемых балто-карпатских и северо-карпатских субкладов R1a, характерных главным образом для Польши и Литвы, ср. их частотность в Германии (14% от всех R1a) и Скандинавии (7% от всех R1a)⁴⁰².

7.1.4. Гаплогруппа N1c

Остальные гаплогруппы, характерные для современного германского населения гораздо менее частотны, чем описанные выше. Наиболее заметной из них, особенно в Скандинавии, является гаплогруппа N1c (по старой классификации N3). Эта гаплогруппа встречается у ряда народов Сибири, у финно-угорских народов Европы (у удмуртов ее частотность превышает 80%, у финнов в восточной Финляндии 70.9 %, в западной 41.3%, у саамов от 45% до 50%, у эстонцев более 33.9 %⁴⁰³. Очень высок процент этой гаплогруппы и гаплогруппы N1b (по старой классификации N2E) и у других финно-угорских народов⁴⁰⁴. У самодийских народов гаплогруппа N1b преобладает: 92% нганасан, 78% энцев и 74% тундровых ненцев являются носителями гаплогруппы N1b⁴⁰⁵. Гаплогруппа N1c характерна и для индоевропейских народов северной и северо-восточной Европы, которые либо раньше находились, либо сейчас находятся в контакте с финно-угорскими народами (у латышей около 40%, по другим данным 38%, у литовцев 36%, по другим данным 38%, у русских на севере европейской России 41.3%). Среди германоязычных народов наибольший процент N1c у шведов (11%*⁴⁰⁶), причем в северной и центральной Швеции он заметно выше чем в южной и западной (ср. 12.5% в Вестманланде, 12.1% в Уппланде и 15.4% в Сёдерманланде⁴⁰⁷). В Вестерботене этот процент доходит до 37%⁴⁰⁸. У

⁴⁰¹ Рожанский И., Клёсов А. Указ. соч.

⁴⁰² Там же. С. 1045, 1074, табл. 1 на с. 995.

⁴⁰³ Tambets K. et al. Op. cit.; Lappalainen P. et al. Migration waves to the Baltic Sea region...

⁴⁰⁴ Rootsi S. et al. Op. cit.

⁴⁰⁵ Ibid.

⁴⁰⁶ Karlsson A. O. et al. Op. cit.; Lappalainen P. et al. Migration waves to the Baltic Sea region...; Distribution... 2011.

⁴⁰⁷ Lappalainen P. et al. Migration waves to the Baltic Sea region... P. 64.

⁴⁰⁸ Karlsson A. O. et al. Op. cit. P. 968.

норвежцев процент N1c меньше (около 5.5%⁴⁰⁹). Однако и здесь процент населения с гаплогруппой N1c убывает с севера на юго-запад (в северной Норвегии ее процент достигает 11%, а в Финмаркене 18.6%⁴¹⁰). У датчан процент N1c 0.5%⁴¹¹, по последним данным 1.5%⁴¹². У голландцев процент N1c еще меньше (0.5%). В северной и восточной Германии процент этой гаплогруппы также незначителен (1.5%), на западе Германии он еще меньше 1%⁴¹³, причем в первую очередь она характерна для немцев родом из Восточной Пруссии⁴¹⁴, что связано, по-видимому, с тем, что у пруссов процент N1c был высок (ср., процент N1c у современных балтийских народов). Не отмечают гаплогруппы N1c на Британских островах и в Нормандии. Очень низка ее частотность и в Исландии (1%)⁴¹⁵.

Считается, что N1c появилась в Китае около 35 000 лет назад и в эпоху позднего плейстоцена (около 14 000–12 000 лет назад) она достигла северной Европы. При этом северо-восточная Европа считается центром вторичной экспансии N1c на запад⁴¹⁶. Генетики полагают, что гаплогруппа N1c распространилась в Скандинавии с востока 3000–2000 лет до н. э.⁴¹⁷. Возможно, эта вторичная экспансия и была связана с носителями культуры ямочно-гребенчатой керамики, которые появились в Скандинавии именно в это время.

Незначительное присутствие гаплогруппы N1c на севере Германии (1.5%), которая традиционно считается одной из центральных областей формирования протогерманского, может быть объяснено несколькими причинами. Возможно, мы имеем дело в данном случае с вытеснением («вымыванием») здесь этой гаплогруппы. В ряде случаев можно наблюдать очень быстрое изменение частотности (а возможно и полное исчезновение) древних гаплогрупп⁴¹⁸ в результате процессов, которые в популяционной генетике определяются как «дрейф ге-

---

⁴⁰⁹ *Passarino G. et al.* Different genetic components in the Norwegian population revealed by analysis of mtDNA and Y-chromosome polymorphisms // *European Journal of Human Genetics*. 2002. V. 10. Issue 2. P. 521–529; *Dupuy B.M. et al.* Op. cit.

⁴¹⁰ *Dupuy B.M. et al.* Op. cit.

⁴¹¹ *Tambets K. et al.* Op. cit., table 3.

⁴¹² *Distribution...* 2011.

⁴¹³ *Ibid.*

⁴¹⁴ *Germany Y-DNA Project. Haplogroup Index*. 2011. <http://germandna.net/HGIndex.htm>

⁴¹⁵ *Distribution...* 2011.

⁴¹⁶ *Rootsi S. et al.* Op. cit.

⁴¹⁷ *Ibid.* P. 210.

⁴¹⁸ В частности митохондриальная гаплогруппа I (mtDNA) была гораздо более частотна на территории Дании в начале нашей эры (13%), чем у современных датчан (2.5%), а частотность митохондриальных гаплогрупп U4 и U5 в Дании, появление которых относят к мезолиту, резко уменьшается к железному веку и с эпохи викингов приобретает частотность, соответствующую современной (*Melchior L. et al.* Genetic diversity among ancient Nordic population // *PLoS one* 5 (Issiu 7). E11898 (doi: 10.1371/journal.pone.0011898). 2010.

нов»⁴¹⁹ и «эффект основателя»⁴²⁰. Можно предположить и распространение языковых инноваций, которые мы связываем с финно-уграми или уральцами, без распространения генов, случай не менее частый, чем их распространение, которое следует за распространением генов. Однако не исключено, что малая частотность гаплогруппы N1c в Германии, Голландии и Исландии и отсутствие ее у потомков англов, саксов и ютов, а также скандинавов на Британских островах, также как и ее отсутствие в Нормандии может свидетельствовать о том, что эта гаплогруппа распространилась в Скандинавии только после эпохи викингов. Все это может поставить под сомнение предположение об угро-финском влиянии на протогерманский (сдвиг ударения, долгие согласные, закон Вернера, противопоставление центральной и периферийной акцентуации и, возможно, изменение /ā/ > /ō/). Однако редкость хромосомных гаплогрупп, характерных для финно-угорских народов у части народов, говорящих на германских языках (прежде всего сюда относятся народы, говорящие на западногерманских языках, у которых процент N1c составляет от 0.5% до 1.5%), не означает отсутствие генетических связей германцев с финно-уграми. Фактическое отсутствие N1c в Британии и низкая ее частотность у западных германцев и в Исландии может быть связана с тем, что основная часть браков между германцами и финно-уграми, а позднее между скандинавами и саамами в эпоху викингов были браками германских (а позднее скандинавских) мужчин с финно-угорскими (а позднее саамскими) женщинами, потомки которых естественно не сохранили хромосомных гаплогрупп, которые передаются только от отца к сыну. О браках скандинавов и саамов в эпоху викингов есть множество исторических свидетельств, ср., напр.: известную историю женитьбы норвежского короля Харальда Прекрасноволосого на саамке Снеффрид и женитьбу легендарных скандинавских королей на саамских женщинах, о чем рассказывали Снорри и Саксон Грамматик⁴²¹. При такой направленности браков хромосомные гаплогруппы не покажут нам генетических связей, и мы должны обратиться к митохондриальным гаплогруппам, которые передаются по женской линии.

---

⁴¹⁹ Дрейф генов – ненаправленное случайное изменение частотности вариантов генов в популяции, ведущее к уменьшению генетического разнообразия и к увеличению различия между популяциями.

⁴²⁰ Эффект основателя – уменьшение генетического разнообразия популяции, проявляющееся в закреплении и распространении мутации, характерной для одного из представителя популяции (основателя). Часто связан с миграцией.

⁴²¹ Подробнее об этом см.: *Kusmenko J. Der samische Einfluss auf die skandinavischen Sprachen.* Berlin, 2008. S. 317–351, там же литература.

7.2. Митохондриальные гаплогруппы германоязычного населения Европы (МТДНК)

Поскольку митохондриальные гаплогруппы у древних останков определяются гораздо легче, чем хромосомные, есть возможность сравнить их распределение в древние эпохи с современным состоянием. Хотя набор митохондриальных гаплогрупп остался в значительной степени почти тем же, что и в верхнем палеолите, мы можем наблюдать значительные колебания в частотности их распространения.

В отношении истории митохондриальных гаплогрупп генетики также предлагают две модели. По одной из них почти все митохондриальные гаплогруппы сохраняются в Европе со времен верхнего палеолита и по мере таяния ледника двигаются на север.

Сайкс предполагает, что основные европейские митохондриальные гаплогруппы распространились в центральной и северной Европе по мере таяния ледника 11 000–14 000 лет тому назад (U, H, V, I, W, T, K) и только гаплогруппа J (вместе с дополнительными небольшими потоками H, T, K) появилась в Европе в эпоху неолита 8 500 лет назад⁴²². Даже сторонники гипотезы о том, что основные хромосомные гаплогруппы распространились в Европе в результате миграции земледельцев с Ближнего Востока и Анатолии, считают, что основные митохондриальные гаплогруппы сохранились (и сохраняются) со времен палеолита⁴²³, т. е. пришельцы мужчины брали в жены местных женщин.

Ряд генетиков, однако, полагает, что европейские аграрии раннего неолита являются генетически новым населением не только по мужской линии, и значительная часть митохондриальных гаплогрупп также появилась вместе с хромосомными гаплогруппами в период неолитической революции из Анатолии и Ближнего Востока, поскольку анализ останков эпохи ленточной керамики в Европе показывает сходство с гаплогруппами современного населения этих регионов⁴²⁴.

---

⁴²² Sykes B. The molecular genetics of European ancestry // *Philosophical Transactions of the Royal Society B. Biological sciences*. 1999. V. 354 (1379). P. 137.

⁴²³ Belaresque P. et al. Op. cit.

⁴²⁴ Haak W. et al. Op. cit. Такой вывод делается на основании отличия частотности митохондриальных гаплогрупп HV, J и U3 в останках эпохи ленточной керамики от частотности этих гаплогрупп в современной Европе, с одной стороны, и сходству их частотности с частотностью этих гаплогрупп на Ближнем Востоке (Haak W. et al. Op. cit. P. 6), с другой. Этот вывод, однако, не кажется вполне убедительным, поскольку частотность гаплогрупп может меняться со временем и без миграции населения. Данные Хаака с соавторами (Haak W. et al. Op. cit., table 1) свидетельствуют о том, что распределение митохондриальных гаплогрупп в центральной Европе в эпоху ленточной керамики отличалось от современного: у 25 останков с определяемыми митохондриальными гаплогруппами из захоронения Деренбург (Германия), около 5000 до н. э., наиболее частотной оказывается гаплогруппа T (у шести останков), K (4),

Если у хромосомных гаплогрупп можно установить определенную связь и с языками, и с археологическими культурами (ср., в частности определенную связь балтийских и славянских языков и культур шаровых амфор и шнуровой керамики с гаплогруппой R1a и кельтских и италийских языков и культуры колоколовидных кубков с гаплогруппой R1b), то установить какую-либо связь митохондриальных гаплогрупп с языками и археологическими культурами и географическими ареалами фактически невозможно. В захоронениях магдаленской культуры в южной Германии (13 400 г. до н. э.), культуры линейно-ленточной керамики в Заксен-Анхальте (5500 г. до н.э.), культуры Кунда (6250 г. до н. э.) и нарвской культуры в Прибалтике (4200 г. до н. э.), культуры ямочной керамики в Швеции (2800–2000 г. до н. э.), культуры колоколовидных кубков в Дании (2300 до н. э.), культуры шнуровой керамики в северной Германии (2600 г. до н. э.) мы находим фактически идентичный набор митохондриальных гаплогрупп H, U4, U5, U5a, U5b, V, T, I, K1a2, K1b⁴²⁵. Анализ древних останков показывает, что гаплогруппы типа H, V, U4 и U5 сохранились в Европе с донеолитических времен, причем частотность гаплогрупп типа H в Европе увеличивалась, а частотность родственной ей гаплогруппы V и гаплогрупп типа U постепенно уменьшалась⁴²⁶.

Тот факт, что митохондриальные гаплогруппы современного населения Европы гораздо в меньшей степени, чем хромосомные гаплогруппы коррелируют с археологическими культурами и языками объясняется и тем, что митохондриальных гаплогрупп меньше, чем хромосомных, но еще в большей степени тем, что они оказываются гораздо менее мобильными, чем хромосомные га-

---

J, H, HV, N1 (по 3), W (2), V (1), U (1). При этом процент N1 в останках из Деренбурга по данным Хаака с соавторами составлял 13.6% (Ibid. P. 4) а в более ранней публикации посвященной генетическому анализу останков эпохи ленточной керамики в Германии он был еще больше (Haak W. et al. Ancient DNA from first European farmers in 7500 old neolithic sites // Science. 2005. V. 310. P. 1018). В современной Европе митохондриальная гаплогруппа N1 фактически не встречается (0.2%) (Ibid). Другие митохондриальные гаплогруппы имеют в эпоху ленточной керамики совершенно иную частотность (см., напр., H – 13.6% в эпоху ленточной керамики (Haak W. et al. Ancient DNA from European early neolithic farmers reveal their Near Eastern affinities. P. 3) и 41.5% в современной Германии (Distribution... 2011). Судя по раскопкам в Деренбурге, носители культуры ленточной керамики генетически отличались и от предшествующего населения охотников и собирателей и от современного населения Европы и по митохондриальным гаплогруппам (высокая частотность N1a, T, K W), и по немногим установленным хромосомным гаплогруппам (F* (2), G2a3 (1) (Haak W. et al. Ancient DNA from European early neolithic farmers reveal their Near Eastern affinities. P. 6). Таким образом, оказывается, что частотность ряда гаплогрупп эпохи ленточной керамики отличается и от частотности предшествующих и от частотности последующих эпох, ср., в частности, распределение гаплогрупп H, T, K, W и особенно N1a.

⁴²⁵ Manco J. Op. cit.

⁴²⁶ См., напр.: Haak W. et al. Ancient DNA from European early neolithic farmers reveal their Near Eastern affinities; Melchior L. et al. Op. cit.

плогруппы, т. е. в ряде случаев миграции мужчин сопутствует сохранение аборигенного женского населения. Такой относительной генетической стабильности может сопутствовать языковая нестабильность, т. е. частая смена языка в связи со сменой хромосомных партнеров.

Как правило, митохондриальные гаплогруппы более или менее равномерно распределены в Европе, хотя в ряде периферийных областей (в частности на севере Скандинавии) их процентное распределение резко отличается от остальной Европы. Для современного германоязычного населения, кроме самой частотной гаплогруппы Н, характерны гаплогруппы U (от 15% в Германии до 36% в южной Швеции⁴²⁷, Т (от 10% в Исландии до 14% в Голландии), К (U8) (от 3% в Швеции до 10.5% в Дании), J (от 1.5% до 12% в Норвегии)⁴²⁸. Частотность остальных гаплогрупп не превышает 5%. Необычно высок процент V в южной Швеции (43%), соответствующий только проценту V у саамов (40%)⁴²⁹. Рассмотрим подробнее две наиболее распространенные среди германоязычного населения митохондриальные гаплогруппы Н и U и гаплогруппу V.

7.2.1. Гаплогруппа Н

Наиболее частотной митохондриальной гаплогруппой в Европе оказываются гаплогруппы типа Н, прежде всего гаплогруппы Н1 и Н3. Причем частотность Н1 превышает частотность Н3. Процент частотности современного распределения гаплогрупп Н в германоязычных странах почти не отличается от процента их частотности у соседей германоязычных народов, независимо от их языковой принадлежности. Процент Н в Норвегии, Швеции, Дании и северной Германии в некоторых областях может достигать 50%⁴³⁰. В современной северной Европе Н наиболее частотна у норвежцев (30%), у современных шведов 28.6%⁴³¹. В центральной Германии процент Н – 35% — 40%. Соотношение Н, Н1 и Н3 у голландцев соответствует их соотношению в Скандинавии и Германии (Н – 38.2%)⁴³². Высок процент Н и у исландцев (39.4%)⁴³³.

---

⁴²⁷ *Kittles R.A. et al.* Op. cit. Приводятся только цифры наибольшей и наименьшей частотности этих гаплогрупп в германоязычных странах.

⁴²⁸ *Distribution...* 2011.

⁴²⁹ *Kittles R.A. et al.* Op. cit.

⁴³⁰ *Achilli A. et al.* The molecular dissection of mtDNA haplogroup H confirms that the Franco-Cantabrian glacial refuge was a major source for the European gene pool // *The American Journal of Human Genetics*. 2004. V. 75. № 5. P. 910–918.

⁴³¹ *Malmström H. et al.* Ancient DNA reveals lack of continuity between Neolithic hunter-gatherers and contemporary Scandinavians // *Current Biology* 2009, doi:10.1016/j.cub.209.09.017. P. 3, fig. 2.

⁴³² *Achilli A. et al.* Op. cit.

⁴³³ *Helgason A. et al.* MtDNA and the origin of Icelanders: deciphering signals of recent population history // *The American Journal of Human Genetics*. 2000. V. 66. № 3. P. 996–1016.

Если мы сравним частотность гаплогруппы Н с ее частотностью у других народов Европы, то увидим, что фактически только баски, у которых процент Н несколько выше: Н 51.9%, (Н1 27.8%, Н3 13.9%)⁴³⁴, отличаются от германоязычных народов. В остальной Европе частотность Н в основном соответствует ее распределению у германоязычных народов, см. частотность Н у романоязычных народов (французы Н – 47.2%, север Италии Н – 49.9%) или славяноязычных народов (см., напр.: поляки Н – 37.2%)⁴³⁵. У прибалтийско-финских народов сравнительно частотной оказывается Н1 (эстонцы 16.7%), при обычном для Европы низком проценте Н3 (2.6%).

Можно обнаружить определенную закономерность в распределении Н. Ее частотность незначительно убывает с юго-запада на северо-восток Европы. Резко отличаются от других европейских народов только саамы, у которых по данным Тамбертса с соавторами процент Н колеблется от 2.9% у финских саамов до 4.7% у норвежских саамов, при этом Н1 обнаруживают только у норвежских саамов (4%), причем низкая частотность Н отличает саамов и от финно-угорских народов европейской России, у которых частотность гаплогрупп Н (40%) и Н1 (13.6%) соответствует их частотности в остальной Европе⁴³⁶.

Раньше считалось, что гаплогруппа Н появилась 30 000 – 25 000⁴³⁷ лет назад на Ближнем Востоке и распространилась в Европе в связи со второй волной переселения в эпоху палеолита в период распространения граветтианской культуры. Акилли с соавторами датируют гаплогруппу Н более поздним временем, считая, что она появилась около 18 400 ($\pm 2 000$) лет тому назад, а гаплогруппы Н1 и Н3 еще моложе (соответственно 12 800 $\pm 2 400$ и 10 300 $\pm 2 400$ лет⁴³⁸; похожую датировку предлагает Соарес с соавторами Н – 17 500, Н1 – 11 100, Н3 – 11 500⁴³⁹. Поскольку наиболее частотны гаплогруппы Н у басков Испании (см. выше) предполагается, что они распространились в Европе из иберийского убежища по мере таяния ледника (начиная с 13 000 до н. э.), и их вероятными хромосомными партнерами были гаплогруппы R1b и I1b2, если следовать за теми генетиками, которые предполагают появление R1b и I1b2 в северной Европе в эпоху верхнего палеолита⁴⁴⁰.

Гаплогруппа Н была характерна для центральной Европы эпохи ленточной керамики, где ее частотность, судя по анализу скелетных останков, состав-

⁴³⁴ Achilli A. et al. Op. cit. Table 1.

⁴³⁵ Ibid. Рис. 2,3.

⁴³⁶ Achilli A. et al. Op. cit.

⁴³⁷ Торрони с соавторами определяет возраст Н как 22 414–29 545 лет (Torroni A. et al. Classification of European mtDNAs from an analysis of three European populations // Genetics. 1996. V. 144 (4). P. 1843).

⁴³⁸ Achilli A. et al. Op. cit. P. 915;

⁴³⁹ Soares P. et al. Op. cit. Tab. 1. P. 177

⁴⁴⁰ Achilli A. et al. Op. cit. P. 917; Soares P. et al. Op. cit. P. 178.

ляла около 20%⁴⁴¹, т.е. гораздо ниже, чем частотность H в современной центральной Европе, что свидетельствует о постепенном увеличении частотности H в Европе за последние несколько тысячелетий.

7.2.2. Гаплогруппы U и V

Второй по частотности гаплогруппой в германоязычных странах являются гаплогруппы типа U (карта 14). Около 21% шведов являются носителями одной из разновидностей U (более всего U5a – 4.6%, U5b – 3.9%, U – 3%, U 4 – 2.9%, U5b1b – 2.0% и т. п.)⁴⁴², по другим данным частотность U у шведов составляет 16% (в том числе U 4 – 7%, U 5 – 6.5%)⁴⁴³. По данным американского генетика Киттлес с соавторами наиболее частотны разновидности гаплогруппы U5 в южной Швеции (36%), причем значительный процент составляет здесь гаплогруппа U5b1 (29%)⁴⁴⁴, которая по своей частотности намного превышает частотность U5b1 в других германоязычных ареалах, но соответствует проценту этой гаплогруппы у саамов (43%). У исландцев гаплогруппы U4 и U5 характерны для 11.1% населения⁴⁴⁵, что ниже, чем в других скандинавских странах, но в целом выше, чем в среднем по Европе, где процент U4 составляет 1.0%, а U5 – 7.0%⁴⁴⁶. У датчан общий процент U составляет 22%, причем наиболее частотны U5 (8%) и U 2 (8%), у норвежцев общий процент U – 16.5% (U5 10%, U 4 3%), у немцев – 15% (по другим данным 13.5%⁴⁴⁷), причем наиболее частотна U5 (9.5%)⁴⁴⁸.

Для сравнения приведем частотность U в других европейских странах с относительно высокой частотностью U. Сходную со шведами картину имеют финны, с несколько отличающейся частотностью гаплогруппы U5b, (всего U 21.6%, по другим источникам 25%) в том числе U5 – 18% (U5b – 8.9%, U5b1b – 5.1%, U5a – 3.8%, U5a1 – 1.3%; U4 – 2.5%)⁴⁴⁹183. У эстонцев частотность U – 24.5% (U5 – 16%), у латышей 23% (U5 – 9%), у литовцев 18% (U – 9.5%). У французов частотность U 18.5 % (U5 – 9.5), у поляков U – 16% (U5 8.5%), у

⁴⁴¹ Haak W. et al. Ancient DNA from European early neolithic farmers reveal their Near Eastern affinities.

⁴⁴² Lappalainen P. et al. Migration waves to the Baltic Sea region.

⁴⁴³ Torroni A. et al. Op. cit. P. 1839; Distribution... 2011.

⁴⁴⁴ Kittles R.A. et al. Op. cit.

⁴⁴⁵ Helgason A. et al. Table 3,

⁴⁴⁶ Ibid.

⁴⁴⁷ См.: Villems R. et al. Archeogenetics of Finno-Ugric speaking population // The Roots of Peoples ... 2002. IV. P. 271–284.

⁴⁴⁸ Distribution... 2011.

⁴⁴⁹ Торрони с соавторами дают другой процент частотности U для шведов (16.2%) и финнов (16.3%) (Torroni A. et al. Op. cit. P. 1839, table 4).

итальянцев 14% (U5 – 7%). Высока частотность гаплогруппы U (U4 – 15%, U5 – 12%) и у носителей финно-угорских бассейна Волги⁴⁵⁰.

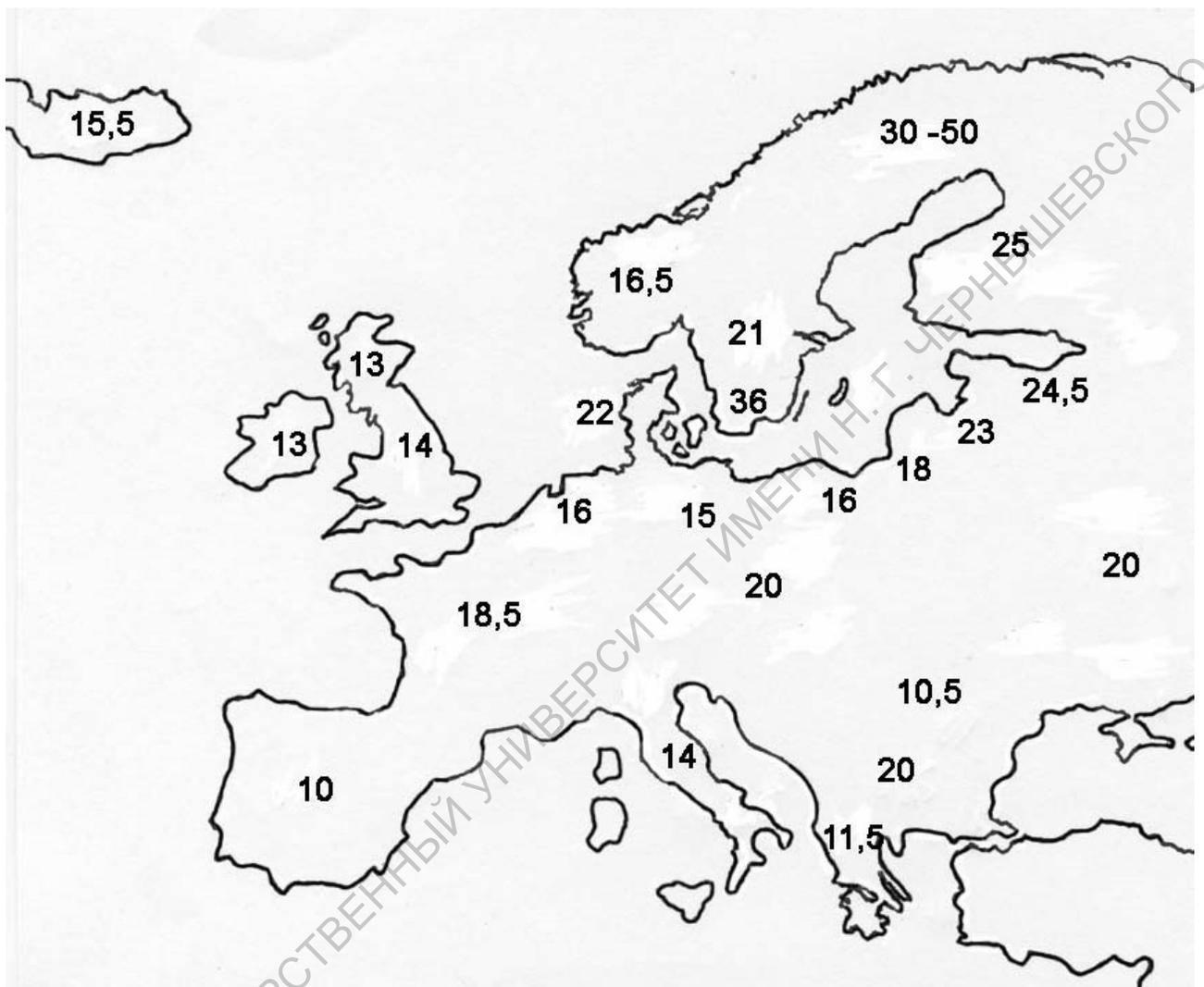

Рис. 14. Распространение гаплогруппы типа U (mtДНК) в Европе

Гаплогруппа U считается самой древней в Европе. Ее возраст определяют временным промежутком между 65 600 и 50 000 лет тому назад⁴⁵¹. Считается, что гаплогруппа U5 появилась в Европе в промежутке между 30 000 и 55 000 лет тому назад⁴⁵². Она сохранялась во время ледникового периода в одном из убежищ Европы (на Иберийском полуострове или на Украине) и сразу после таяния ледника распространилась по Европе. Сходную судьбу имела U4, поя-

⁴⁵⁰ Ibid.

⁴⁵¹ Achilli A. et al. Op. cit. P. 183–185; Sykes B. Op. cit. P. 137; Soares P. et al. Op. cit. Tab. 1, fig. 1.

⁴⁵² Soares P. et al. Op. cit. Table. 1.

вившаяся около 25 000 лет тому назад и сохранявшаяся во время ледника, скорее всего, в убежище в юго-восточной Европе (на Украине).

Считается, что на самом севере Скандинавии среди саамов сохраняется самый высокий процент основных западноевропейских гаплогрупп охотников и собирателей верхнего палеолита и мезолита. От 30% до 50% саамов имеют гаплогруппу mtDNA U5b и 40% являются носителями гаплогруппы V. Согласно Торронни с соавторами процент древних митохондриальных гаплогрупп U5b и V у саамов составляет 78%⁴⁵³. Этот процент уменьшается по мере продвижения на юг. В Швеции наибольший процент гаплогруппы U5b достигает 10% и процент родственной ей гаплогруппы U5a не превышает 14.3% (в Вэстманланде)⁴⁵⁴.

Анализ древних останков донеолитической эпохи показывает большой процент распространения митохондриальных гаплогрупп U (особенно U5) не только в северной, но и в центральной Европе. Браманти с соавторами обнаруживают останки с гаплогруппой U5, относящиеся к верхнему палеолиту на огромных территориях Европы (Англия, Германия, Польша, Литва, Россия)⁴⁵⁵. Причем ее частотность в донеолитическую эпоху намного превышала ее современную частотность. Хаак с соавторами сообщают, что 28.57% охотников и собирателей Европы имело гаплогруппу U5b⁴⁵⁶, что почти соответствует современному распространению гаплогруппы U5b у саамов (от 30% до 50%). Оказывается, что именно саамы с низкой частотностью H и с высокой частотностью U оказываются популяцией, в наибольшей степени сохранившей исконное распределение митохондриальных гаплогрупп H и U.

Очень высокая частотность гаплогрупп типа U у саамов, и сравнительно высокая их частотность у прибалтийско-финских народов (ср. финны 25%) и балтийских народов, которые, судя по распространению среди них носителей хромосомной гаплогруппы N1c находились в длительном контакте с финно-уграми (см. выше), позволяет сделать предположение о том, что в момент формирования протогерманского часть носителей U5 (U5, U5a и U5b) и возможно U4 на севере Европы говорила на финно-угорском языке⁴⁵⁷.

Об этом же свидетельствует и генетический анализ древних останков. В Скандинавии у носителей культуры воронковидных кубков были обнаружены только гаплогруппы H, J и T, тогда как у носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики, которая связывается с финно-угорским языком (см. выше), наряду с этими гаплогруппами очень частотны гаплогруппы U4/H1b, U5,

⁴⁵³ Torroni A. et al. Op. cit.

⁴⁵⁴ Lappalainen P. et al. Population structure in contemporary Sweden. A Ychromosomal and mitochondrial DNA analysis. Tabl. 2.

⁴⁵⁵ Bramanti B et al. Op. cit.

⁴⁵⁶ Haak W. et al. Ancient DNA from European early neolithic farmers reveal their Near Eastern affinities. Table 2.

⁴⁵⁷ Вопрос о том, когда часть носителей гаплогруппы U5 заговорила на финно-угорском языке, я оставляю открытым.

U5a. Высокая частотность этих гаплогрупп отличает носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики и от предшествующих носителей культуры воронковидных кубков и от современных скандинавов⁴⁵⁸. Судя по данным Мальмстрёма с соавторами именно в эпоху ямочно-гребенчатой керамики в Скандинавии появляются гаплогруппы типа U и V, которые являются преобладающими у современных саамов (см. выше.). Сравнение генетического анализа останков разных эпох показывает постепенное увеличение разнообразия митохондриальных гаплогрупп в Скандинавии от трех в эпоху воронковидных кубков и шести в эпоху ямочно-гребенчатой керамики до более 30 у современных шведов⁴⁵⁹. Возможно, такая картина связана не с отражением реального распределения гаплогрупп, а с количеством найденных образцов (только три образца эпохи воронковидных кубков, девятнадцать образцов эпохи ямочно-гребенчатой керамики, что не идет ни в какое сравнение с числом обследованных современных шведов). Однако, если отсутствие митохондриальных гаплогрупп среди трех образцов эпохи воронковидных кубков может оказаться случайным, абсолютное преобладание типа U в эпоху ямочно-гребенчатой керамики, где количество обследованных образцов 19, вряд ли случайно.

Процент носителей гаплогрупп типа U в Европе постепенно уменьшался. Так, в частности, на территории Дании частотность митохондриальных гаплогрупп U4 и U5 резко уменьшается к железному веку и с эпохи викингов приобретает частотность, соответствующую современной⁴⁶⁰. Однако процент U у современного германоязычного населения остается относительно высоким и более всего соответствует проценту U у финно-угорского населения. Такое состояние может быть связано с германо-финно-угорским контактом эпохи формирования протогерманского, хотя я понимаю, что такая лингвистическая интерпретация генетических данных является только одной из возможных.

На возможное участие финно-угорско-язычного населения в формировании генетического пула германоязычных народов может указывать и совпадение генетического пула саамов с генетическим пулом населения южной Швеции, которое проявляется не только в необычно высоком проценте гаплогруппы U5b1 у населения Сконе (29%), сопоставимого только с процентом U5b1 у саамов (43%), но и в большом проценте гаплогруппы V, процент которой в Сконе достигает 43%⁴⁶¹, что соответствует только проценту гаплогруппы V у саамов (40%) и резко отличает население южной Швеции от других германоязычных народов (процент V у датчан составляет 2.5%, у немцев и англичан 3.5%, у голландцев 8%, у норвежцев 4%, у остальных шведов 6.5%) и от населения осталь-

⁴⁵⁸ *Malmström H. et al. Op. cit.*

⁴⁵⁹ *Ibid.*

⁴⁶⁰ *Melchior L. et al. Op. cit.*

⁴⁶¹ *Kittles R.A. et al. Op. cit.; Erlingsson U. Europeernas DNA från en geografisk perspektiv i 40.000 år omblandning. http://Europeernas_DNA.php. 2005. P. 50.*

ной Европы⁴⁶². Если мы обратим внимание на то, что ни у саамов, ни в Сконе не встречаются mtDNA T, J и K⁴⁶³, то сходство генетического пула жителей южной Швеции и саамов становится еще очевиднее. Появление «саамских» гаплогрупп в южной Швеции может свидетельствовать о сохранении исконного распределения митохондриальных гаплогрупп на реликтовых территориях. Такое состояние может быть интерпретировано двояко. Либо в случае V мы встречаемся со следом аборигенного доиндоевропейского и дофинно-угорского населения (женской его части), которое соединилось позднее с мужским финно-угорским населением на севере Скандинавии (гаплогруппа N1c) и мужским индоевропейским населением на юге Скандинавии (R1a, R1b), либо носители гаплогруппы V и носители гаплогруппы U появились в Скандинавии одновременно с появлением культуры ямочно-гребенчатой керамики, которая часто ассоциируется с прото-финно-уграми. О том, что гаплогруппа V на территории современного германоязычного ареала встречалась уже в 4000 до н. э. свидетельствует анализ древних останков⁴⁶⁴.

7.3. Выводы

В период появления протогерманского, начало которого по лингвистическим признакам следует отнести к III тыс. до н. э., в его формировании приняли участие в основном носители хромосомных гаплогрупп Y-DNA I1, I21b, R1b, R1a и, возможно, N1c и митохондриальных гаплогрупп U (прежде всего U5 и U4), H и частично V. Менее значителен был вклад носителей митохондриальных гаплогрупп T, J и K.

Анализируя распространение гаплогрупп у современного германоязычного населения и гаплогруппы древних останков, можно попытаться установить генетические корреляты языковых инноваций при формировании протогерманского языка. Субстратная лексика, появление центральной и периферийной акцентуации и, возможно, появление двух типов прилагательных может соответствовать языкам носителей гаплогрупп I1, общие инновации протогерманского с италийским и кельтским могут быть связаны с распространением гаплогруппы R1b. Причем носителями гаплогруппы R1b были и племена так называемого северо-западного блока, что отразилось и в современном распределении гаплогруппы R1b у фризов, голландцев и датчан (убывание R1b с запада на восток). Если мы обратим внимание на современное распределение гаплогрупп на территории бывшего северо-западного блока, то

⁴⁶² Kittles R.A. et al. Op. cit.; Erlingsson U. Op. cit.

⁴⁶³ Erlingsson U. Op. cit. P. 76.

⁴⁶⁴ Haak W. Ancient DNA from European early neolithic farmers reveal their Near Eastern affinities. P. 3.

обнаружим там абсолютное преобладание гаплогруппы R1b, убывающей по направлению на север и восток и относительно высокий процент гаплогруппы I2b, тогда как процент носителей гаплогруппы I1 в этой области возрастает с юго-запада на северо-восток, достигая максимума в Скандинавии. Такое распределение не противоречит предполагаемому по гипотезе Куна италийскому (венетскому), а затем и кельтскому населению на этих территориях, для которых характерен высокий процент R1b (ср. 80% в Ирландии и более 50%-60% в северной Италии). Возможно именно контакты языков носителей гаплогрупп R1b и I2b и привели к формированию протоиталийского, а узкая полоска распространения маркера S-28 (R1b), идущая от Бельгии и Голландии и достигающая Италии⁴⁶⁵, показывает возможный путь протоиталийского от побережья Северного моря до Италии. Инновации общие у протогерманского с балтийским и славянским коррелируют с распространением гаплогруппы R1a, а общие черты у протогерманского и прото-саамо-финского и могут быть связаны с распространением гаплогруппы N1c на севере центральной Европы, хотя более вероятно их связь с распространением митохондриальных гаплогрупп U, в первую очередь с распространением гаплогруппы U5 и возможно U4. Если наше предположение о финно-угороязычных носителях гаплогрупп U5 и U4 справедливо, и отсутствие N1c у части германоязычного населения, см. выше, не связано с позднейшим «вымыванием» этой гаплогруппы, а отражает более позднее появление носителей гаплогруппы N1c на севере Европы, следует признать существование двух периодов контакта финно-угорского с германским. Первый мог быть связан с влиянием финно-угорского языка носительниц U и возможно V на протогерманский, а второй, с более поздним влиянием и женской (mtDNA U5) и мужской (N1c YDNA) части финно-угорского населения. Возможно, первый финно-угорско-протогерманский контакт связан с появлением первой волны финно-угров в северной Европе, которая коррелирует с культурой ямочно-гребенчатой керамики, а более поздний контакт связан с появлением прото-саамского, что отразилось в первую очередь на общескандинавском языке⁴⁶⁶.

Мы видим, что распространение генетических характеристик современного германоязычного населения также как и генетических характеристик соседей германоязычного населения в период формирования протогерманского частично соответствует распространению языковых инноваций и археологических культур. Однако генетические характеристики оказываются значительно более стабильными и чем лингвистические характеристики и тем более чем археологические культуры. Области распространения упомянутых выше гаплогрупп современного германоязычного населения могут коррелировать фактически со всеми распространенными в северной Европе археологическими культурами. В

---

⁴⁶⁵ Origins... 2011.

⁴⁶⁶ Кузьменко Ю.К. Кто такие ситоны в Германии Тацита, и почему ими правит женщина? // Индоевропейское языкознание и классическая филология. СПб., 2008. Вып. 12. С. 263–271.

частности носители гаплогруппы I1 могут принадлежать и культуре Эртебёлле, и культуре воронковидных кубков, и культуре шаровых амфор, и культуре шнуровой керамики и т. д. Однако области концентрации определенных гаплогрупп в Европе показывает более определенную связь между археологическими культурами и генетическими характеристиками. Так область концентрации I1 полностью соответствует области распространения культуры Эртебёле и в значительной степени соответствует области распространения культуры воронковидных кубков. Область концентрации Rb1 соответствует области распространения культуры колоколовидных кубков, унетицкой культуры и культуры Зёгель-Вольде, а область распространения культуры шаровых амфор и частично культуры шнуровой керамики соответствует области распространения Ra1.

Таким образом, можно предположить, что три основных хромосомных гаплогруппы современного германоязычного населения могут быть связаны с тремя основными языковыми компонентами протогерманского. Неизвестный язык носителей гаплогруппы I1 принес в протогерманский часть лексического состава, центральную и периферийную акцентуацию и, возможно, две формы прилагательных. Носители гаплогруппы R1b предопределили последовательное распространение признаков общих для протогерманского и итало-кельтского, затем протогерманского и итальянского, затем протогерманского и оскоумбского и, наконец, протогерманского и кельтского, причем в последнем случае была затронута только лексика. Носители гаплогруппы R1a определили последовательное распространение признаков, общих для протогерманского и балто-славянского и затем протогерманского и балтийского. Распространение четвертого (финно-угорского) компонента протогерманского могло быть связано не только с распространением хромосомной гаплогруппы N1c, но, прежде всего, с распространением митохондриальных гаплогрупп U и, возможно, V.

Такая модель ставит вопрос о хронологическом соответствии движения генов движению языковых признаков. Если первые языковые различия, отличившие протогерманский от других индоевропейских языков, прежде всего итало-кельтского и балто-славянского, появились в III тыс. до н. э., то предполагаемое рядом генетиков появление гаплогрупп R1b и R1a (наиболее частотных гаплогрупп индоевропейских народов) на севере центральной Европы в верхнем палеолите или в начале неолита оказывается намного старше, чем наша реконструкция, относящая появление первых протогерманских признаков к III тыс. до н. э. Такое хронологическое несоответствие особенно заметно, если принять точку зрения генетиков, относящих появление гаплогрупп R1b и R1a на севере Европы к периоду таяния последнего ледника (10 000 г. до н. э.), см. выше., однако оно заметно и при гипотезе об их появлении вместе с земледельцами из Анатолии и Ближнего Востока в эпоху неолитической революции. Еще более очевидно несоответствие по времени между распространением митохондриальных гаплогрупп U и появлением финно-угорского языка на интересующей нас

территории. Если справедливы датировки генетиков, предполагающих, что и современный генетический пул народов северной Европы, и основное распределение гаплогрупп на территории северной Европы сложились в основном в верхнем палеолите или раннем неолите, то предположение о том, что языковые признаки распространялись вместе с распространением генов предполагало бы гораздо более раннее появление и индоевропейского и протогерманского, чем это принято считать. Такой сценарий кажется лингвистически маловероятным.

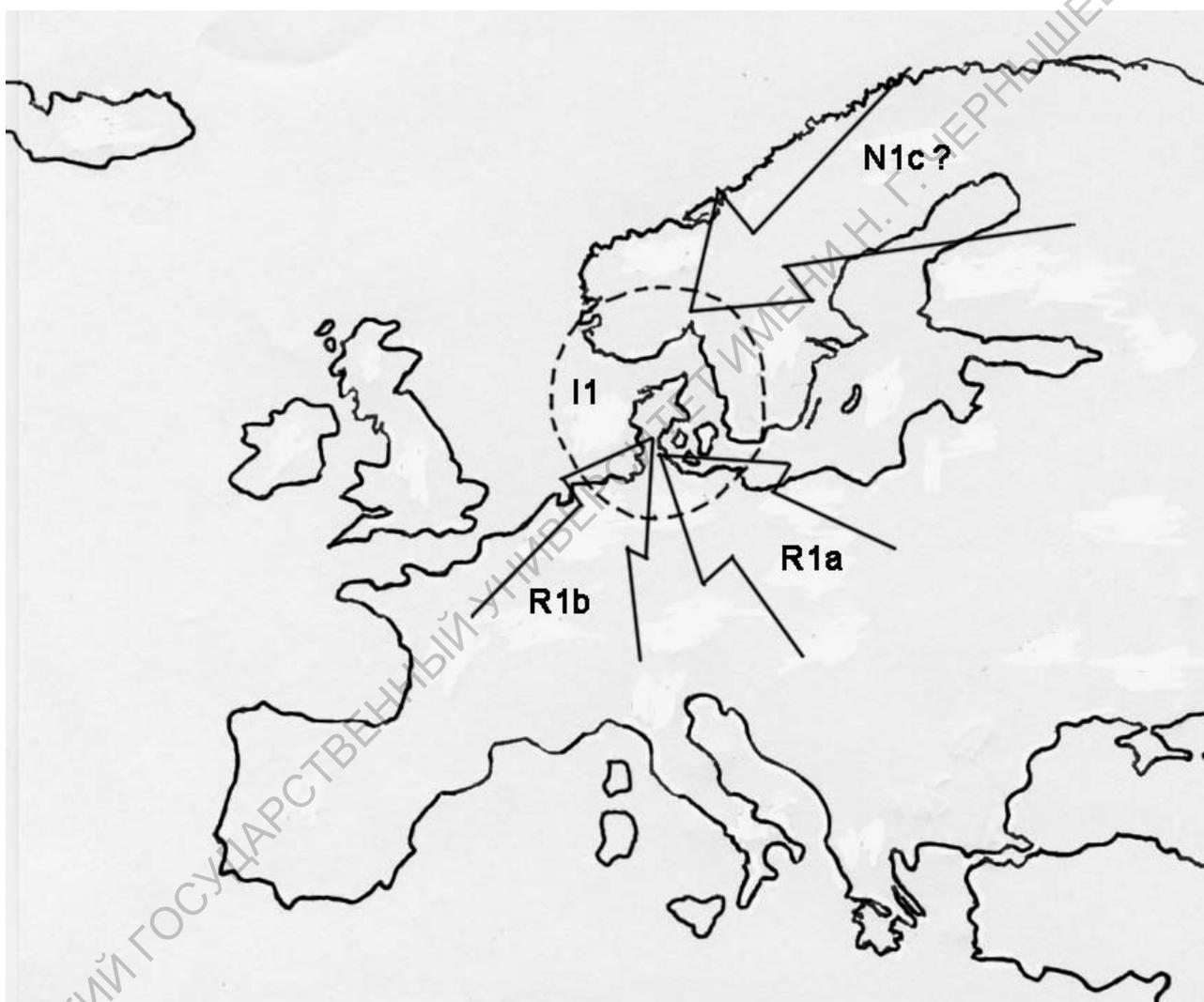

Рис. 15. Распространение хромосомных гаплогрупп в 3000–1000 гг. до н. э.

Предположение же о том, что эти гаплогруппы появились на севере центральной Европы сразу после окончания последнего ледникового периода (см. выше) означает, что хромосомные гаплогруппы, характерные для современного населения северной Европы, распространились там задолго до появления протогерманского. В таком случае получается, что индоевропейский язык попал на

север центральной Европы позднее, чем гаплогруппы R1a и R1b. И попал он туда не в результате миграции населения, а в результате культурной диффузии, т. е. распространения языка без миграции населения. Соответственно, надо предположить, что и носители R1a и носители R1b сменили язык на индоевропейский, что, судя по современным данным, возможно для носителей R1b (см. выше), но не подтверждается для носителей R1a. Такой сценарий развития представляется все же менее предпочтительным, чем гипотеза о сравнительно позднем (не ранее 3000 г. до н. э.) появлении R1a и R1b на севере Европы, которая не только соответствует лингвистическим данным, но и подтверждается генетическим анализом древних останков.

Наша реконструкция, предполагающая появление языковых признаков, отличающих протогерманский от языка соседей только начиная с середины или конца III тыс. до н. э. подтверждает предположение о сравнительно позднем появлении гаплогрупп R1a и R1b на севере Европы⁴⁶⁷, о чем свидетельствует и генетический анализ древних останков, свидетельствующий о появлении R1a на севере центральной Европы в III тыс. до н. э.⁴⁶⁸, и, возможно, о еще более позднем появлении там гаплогруппы R1b¹⁸⁵.

---

⁴⁶⁷ Ср. особенно *Клёсов А. Указ. соч.; Рожанский И., Клёсов А. Указ. соч.*

⁴⁶⁸ *Manco J. Op. cit.*

Историк и математика

Бессмертный Ю.Л. Некоторые вопросы применения математических методов в исследованиях советских историков // Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972. С. 3-14.

Еще 8—10 лет тому назад работы, посвященные применению математических методов в исторических исследованиях были во всём мире сравнительно редки. Если они и появлялись, то в большинстве случаев затрагивали лишь способы обработки цифрового материала в таких специальных исторических дисциплинах, как демография, археология, хронология, этнография. В собственно исторических трудах сколько-нибудь сложные математические методы и тем более электронно-вычислительная техника практически не использовались.

Перелом наступил в 60-е годы. Немалую роль сыграли в нём работы советских историков — Ю.Ю. Кахка, И.Д. Ковальченко, Х. Лиги, В.А. Устинова⁴⁶⁹, получившие заметный международный резонанс. Опубликованные в 1962—1964 гг. статьи И.Д. Ковальченко и В.А. Устинова о применении электронных вычислительных машин в исторической науке сразу же были переведены и изданы во Франции, ГДР, Венгрии⁴⁷⁰. В эти же годы расширяется использование историками вычислительной техники и в некоторых других странах, в первую очередь в США, Польской Народной Республике, Франции, Швеции⁴⁷¹.

С середины 60-х годов число исторических исследований, в которых применяется современный математический аппарат и ЭВМ, стало расти с неви-

---

⁴⁶⁹ *Устинов В.А.* Применение электронно-математических машин в исторической науке // Вопросы истории. 1962. № 8; *Кахк Ю.Ю., Лиги Х.* К вопросу об экономическом положении и феодальных повинностях крестьян в Эстляндской губернии в XVIII в. (Опыт применения электронно-счетных машин в историческом исследовании) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962, Минск, 1964; *Ковальченко И.Д.* О применении математических методов при анализе историко-статистических данных // История СССР. 1964, № 1; *Ковальченко И.Д., Устинов В.А.* О применении ЭВМ для обработки историко-статистических материалов // Вопросы истории. 1964, № 5; *Устинов В.А.* Применение вычислительных машин в исторической науке, М., 1964.

⁴⁷⁰ *Oustinov V.A.* Les calculateurs électroniques appliqués à la science historique // Annales. Economies. Sociétés. Civilisation. Paris, 1963. № 2; *idem.* Die Anwendung elektronischen Rechenmaschinen in der Geschichtswissenschaft // Bibliotheca classica orientalis. Berlin, 1964. Н. 3; *Kovalchenko I.D., Oustinov V.A.* Les calculateurs électroniques appliqués aux études historiques // Annales Economies. Sociétés. Civilisations. Paris, 1965, № 6; *idem.* Electrónikus számítogepek felhasználása a történettudományban // Nyezsfordítás masolat. 1964.

⁴⁷¹ Периодизацию развития математических методов в исторической науке в США см.: *Swiegena R.* Clio and Computers: A Survey of Computerized Research in History // Computers and the Humanities. Vol. 5. 1970. September. Некоторые другие данные о развитии математических методов в зарубежной историографии см. в публикуемых в настоящем сборнике обзорах Е. Д. Гражданникова, В. А. Якубского, Х. Э. Палли.

данной до того времени быстротой. В ряде стран возникли специальные научные центры, объединяющие исследователей этого профиля⁴⁷², проводятся международные конференции⁴⁷³, создаются специальные журналы⁴⁷⁴, разрабатываются особые машинные языки для обработки на ЭВМ исторических источников⁴⁷⁵. Пополняется десятками новых названий библиография исторических трудов, в которых широко используются математические приёмы и ЭВМ⁴⁷⁶.

⁴⁷² В первую очередь такие центры возникают во Франции, США, Швеции, Австрии [см.: Шнейдер Ж. (Франция). Машина и история // XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970. С. 3—7; Рэбб Т.К. (США). Организация центра по исторической информации // V Международный конгресс экономической истории. М., 1970. С. 1—2; Историк и информационно-вычислительная машина. Коллективный доклад.

Центра исторических исследований (Франция) // V Международный конгресс экономической истории. М., 1970. С. 1; см. также: Kropf R. Zur Auswertung von Urbaren mittels Computer // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. Bd 77. 1969. S. 141-144 (В статье говорится о работах Hochschule für Wirtschafts- und Sozialwissenschaften в Линце]. В СССР работа в этом направлении координируется Комиссией по применению математических методов и электронно-вычислительных машин в исторических исследованиях при Отделении истории АН СССР (руководитель — проф. И. Д. Ковальченко), а также специальной лабораторией, созданной при Институте истории СССР.

⁴⁷³ Одна из первых таких конференций состоялась в 1966 г. в Риме. Она была посвящена применению математических методов и вычислительной техники в гуманитарных исследованиях в целом и имела секции истории, археологии, антропологии, права и т. п. В 1967 г. состоялась конференция «Использование количественных данных в исследованиях по западно-европейской истории». См.: Sheehan J. Conference on Quantitative Data in Western European History // Computers and Humanities. 1969. January. P. 114-116, в 1971 г.— коллоквиум «Использование ЭВМ в гуманитарных науках» в Брюсселе.

⁴⁷⁴ С 1960 г. при Ньюйоркском университете издается журнал «Computers and the Humanities», уделяющий истории заметное внимание. Несколько меньше места отводится историческим исследованиям в журнале «Computer Studies in the Humanities and Verbal Behaviour» (издается Канзасским университетом совместно с университетом в Колорадо); с декабря 1967 г. выходит «Historical Methods Newsletter: Quantitative Analysis of Social, Economic and Political Development», издаваемый Питтсбургским университетом; см. также новый «Journal of Interdisciplinary History». выходящий с 1970 г.

⁴⁷⁵ Couturier M. Histoire et technique nouvelles. Vers une nouvelles methodologie mécanographique // Annales. Economies. Sociétés. Civilisations. 1966, № 4; *idem*. Recherches sur les structures sociales de Chateaudun (1525—1789). Paris, 1969.

⁴⁷⁶ Судя по ежегодной библиографии, публикуемой в мартовских номерах «Computers and the Humanities», число ежегодно публикуемых исторических исследований, широко использующих математические методы (не считая археологических, этнографических, демографических и т. п. работ), достигает 40—50 в год. Особо следует отметить публикации, посвященные общим вопросам применения математических методов в исторических исследованиях: Jensen R., Dollag Ch. Quantitative Historical Research. New York, 1970; Studies in Quantitative History and the Logic of the Social Sciences // History and Theory. Beiheft 9, Wesleyan University Press, 1969; Rowney D., Graham J. Quantitative History. Selected Readings in the Quantitative Analysis of Historical Data. Homewood, 1969; Bullugh V.L. The Computer and the Historian. Some Tentative Beginnings // Computers and the Humanities. Vol. 1. № 3, 1967; Barbut M. Mathématiques

Проблемы использования математических методов в исторической науке становятся предметом обсуждения специальных секций на V Международном конгрессе экономической истории в Ленинграде и XIII Международной конгрессе исторических наук в Москве (август 1970 г.), привлечших исключительно большое число участников и слушателей. На обоих конгрессах в числе основных докладчиков были и советские историки⁴⁷⁷.

В чем причины растущего использования математических методов в исторических исследованиях? Каково научное значение этого процесса? Историки разных стран и философских направлений дают на эти вопросы принципиально разные ответы⁴⁷⁸. Сторонники неокантианской интерпретации общественного развития, как правило, отрицают плодотворность применений математико-статистических методов в исторических трудах. Рассматривая историю как совокупность индивидуальных и неповторимых явлений, они, естественно, не признают важности количественных исследований. Некоторые историки неопозитивистского направления, наоборот, склонны абсолютизировать роль математических методов. Статистический анализ представляется этим учёным основным познавательным инструментом, который чуть ли не «автоматически» раскрывает суть общественных феноменов.

Советские историки, опирающиеся на научную марксистскую методологию, далеки от обеих этих крайностей. Использование современных математических методов и вычислительной техники при решении ряда конкретно-исторических проблем представляет для исследователей-марксистов закономерный процесс дальнейшего развития и совершенствования *некоторых* методов исторического познания. Ведь, вообще говоря, количественный анализ есть неотъемлемый элемент истории. В том или ином виде он применялся всегда. С

---

des sciences humaines. Paris, 1967; W. O. Aydelolle. Quantification in History // American Historical Review. 1966; см. также: Rogozinski Z. Metody Statystyczne w badaniach Historycznych // Kwartalnik Historyczny. 1970. № 4.

⁴⁷⁷ На V Международном конгрессе экономической истории из общего числа 17 докладов и сообщений в подсекции «Координация сбора и обработки историко-экономических данных» четыре принадлежали советским ученым (И.Д. Ковальченко и Л.В. Милов, Ю. Ю. Кахк, Х. Палли, Л.А. Лооне). На XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве из трех докладов в подсекции «Цифры как элемент информации историка» один представлял коллективный доклад советских историков «Количественные и машинные методы обработки исторической информации» (руководитель авторского коллектива — И.Д. Ковальченко).

⁴⁷⁸ См.: Яхот О. О единстве количественного и качественного анализа социальных процессов // Коммунист. 1970. № 11; Кахк Ю.Ю. Нужна ли новая историческая наука? // Вопросы истории. 1969. № 3; см. также: Дюпрон А. (Франция). Язык и история // XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970. С. 21—35; Дюбюк А. История на перекрестке гуманитарных наук // XIII Международный конгресс исторических наук». М., 1970. С. 4—8; Панадопулос Т. Метод социальных наук в исторических исследованиях // XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970. С. 16—21.

самого своего рождения историческая наука не могла обойтись без сравнений и измерений. Без них было бы немыслимо раскрытие динамики общественного развития, невозможно использование таких привычных исторических понятий, как «подъём», «упадок», «расширение», «сокращение», «интенсивность», «распространённость». Поэтому в применении современными историками количественных методов правомерно видеть не «открытие» нового исторического познания, а лишь новый шаг по уже известному направлению в разработке историко-познавательных приёмов.

Этот шаг имеет, однако, исключительное значение. Оно определяется тем, что внедрение в количественные методы современного математического аппарата и новой вычислительной техники создали возможность более глубокого решения ряда научных проблем, так же как позволили поставить некоторые новые исследовательские задачи. Назовём, например, детальное изучение сложных взаимозависимостей в истории общества, сопоставление роли одновременно действующих факторов, измерение тесноты социальных связей, выбор критериев классификации, установление степени достоверности полученных выводов и пределов возможных ошибок и пр. и пр. (Конкретные попытки рассмотрения подобных задач читатель найдёт в статьях сборника).

Если *возможность* углубленного решения подобных проблем была создана принципиальными изменениями в математическом аппарате историко-количественных методов, то к *необходимости* их решения исследователи вплотную были подведены развитием самой исторической науки⁴⁷⁹. Теперь мало кто полагает — даже среди неспециалистов, — будто историки заняты главным образом изучением деяний царей и президентов или же описанием заговоров и битв. Не только историки-марксисты, но и многие прогрессивные историки Запада уделяют ныне большое внимание историческим закономерностям, социально-экономическим взаимосвязям, типологии исторических явлений, факторам общественной эволюции, массовой деятельности и т.п. Быстро развивается экономическая история, изучающая эволюцию производства и обмена, экономические циклы, денежное обращение, миграционные процессы и др. Всё чаще предметом анализа оказываются массовые исторические источники, наиболее рельефно отражающие развитие основных общественных классов и различных социальных групп. Чем глубже изучаются все эти вопросы, чем интенсивнее используются источники, тем чаще обнаруживается потребность в статистической обработке фактического материала и в применении всё более совершенных математических методов⁴⁸⁰. Эти методы не нужно (и нельзя) абсо-

⁴⁷⁹ См.: Ковальченко И.Д. О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях // Источниковедение. Теоретические и методические вопросы. М., 1969. С. 117.

⁴⁸⁰ Следует иметь в виду, что историческая документация новейшего времени порою выступает в виде перфокарт, перфолент и т. п.

лютизировать. Они никоим образом не исчерпывают собою средства исторического познания, не заменяют приёмы качественного исследования. Но и недооценивать эти методы не приходится. Резко расширяя исследовательские возможности, использование современного математического аппарата и вычислительной техники представляет принципиально важный скачок в совершенствовании количественного анализа в истории.

Важность нынешнего этапа в развитии количественного анализа придаёт особое значение разработке конкретных путей его внедрения. Среди вопросов, которые встают при этом, в первую очередь следует назвать отбор математических приёмов, позволяющих наиболее эффективно решать те или иные конкретно-исторические задачи, а также изучение основных трудностей и ограничения в применении математики в истории⁴⁸¹. Остановимся на этих вопросах более подробно.

Известно, как много места в современных исторических трудах занимает анализ различных переписей, документов о распределении собственности, данных о торговых связях, списков участников народных движений, избирательных списков и других источников, содержащих цифровой материал. До недавнего времени при анализе этих источников по необходимости ограничивались суммарными подсчётами, вычислением арифметических средних и решением ограниченных по масштабу классификационных задач. Использование современного математического аппарата и ЭВМ позволяет подвергнуть эти источники гораздо более глубокому исследованию. Благодаря изучению дисперсии может быть установлена детальная картина распределения в анализируемом материале каждого показателя, интересующего историка (будь то имущественный ценз или социальное происхождение земельных собственников, объём торговых сделок или направление купеческих экспедиций и т.п.). На основе корреляционного анализа выявляется степень взаимосвязи различных величин (скажем, объёма имущества и социального статуса человека). Факторный анализ позволяет сопоставить роль одновременно действующих сил и определить влияние каждой из них (например, в изменении уровня земельной ренты или цен). В своей совокупности эти методы (использование которых без ЭВМ либо невозможно, либо крайне затруднительно) позволяют поставить ряд принципиально новых вопросов, неразрешимых раньше⁴⁸². Историки получают в своё распоря-

---

⁴⁸¹ Эти и многие другие методические вопросы составляют главный предмет анализа в публикуемых статьях К.В. Хвостовой, Д.В. Деопика, Л.М. Брагиной, Г.Г. Громова и В.И. Плющева, В.А. Якубского и др. (имеется в виду сборник «Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972»).

⁴⁸² Обзор проделанных в этой области работ см.: *Ковальченко И.Д.* Количественные и машинные методы обработки... С. 3—12; см. также: *Шнейдер Ж.* Машина и история. С. 4-7; Историк и информационная вычислительная машина... и др.

жение исключительно важные новые данные о сложных и многосторонних взаимосвязях социальных явлений, о существовании общественных процессов⁴⁸³.

Эти же методы математической статистики стали проникать в последние годы и в исследование источников, не содержащих массового цифрового материала. Трудности статистического обследования подобных памятников крайне велики. Они связаны прежде всего с необходимостью формализации исторических данных, со сложностью выбора счётных единиц. Такие единицы могут быть определены лишь на основе предварительного содержательного анализа источников. С его помощью можно выделить подлинно существенные и в то же время гомогенные по своей природе элементы, определяющие собою структуру отражённого в источнике явления и заслуживающие стать единицами подсчётов. Прделанный в ряде конкретных работ математико-статистический анализ распределения и взаимосвязи этих элементов позволил не только проверить надёжность выводов, сделанных традиционными методами, но и получить ряд оригинальных, нетривиальных заключений. Так, знание возможностей математической статистики при глубоком проникновении в существо изучаемого вопроса позволяет историку наметить пути математического анализа и философских трактатов, и орнамента народной вышивки, и древней мифологической традиции, и т.п.⁴⁸⁴

В последние годы были предприняты первые попытки машинной обработки целых комплексов исторических источников, не имеющих цифровых данных, но содержащих однородную информацию по определённому кругу вопросов. К их числу относятся законодательные сборники, собрания судебных решений, нотариальные акты, средневековые картулярии и т.п. Ныне уже опубликованы первые результаты изучения на ЭВМ раннесредневековых французских картуляриев, содержащих грамоты об отдельных частноправовых сделках⁴⁸⁵. Была разработана специальная методика, позволившая закодировать и

---

⁴⁸³ Об этом свидетельствует, например, ряд сообщений, представленных V Конгрессу экономической истории и XIII Международному конгрессу исторических наук. См., например: *И. Ковальченко И., Милов Л.* Методы изучения формирования единого аграрного рынка в России XVIII—XX вв.; *Кахк Ю.* О применении математического анализа с помощью электронно-вычислительных машин при изучении некоторых проблем общественно-экономического развития в Эстонии первой половины XIX в.; *Херлиги Д., Клатши К.* Флорентийский кадастр XV в. и ЭВМ; *ван дер Вее Н., ван Каценберг Е.* Использование информационных машин для исследований королевских поместий в Нидерландах (XIV—XVIII вв.); *Гэрт Р.* Королевский декрет об отмене ограничений на продажу церковной собственности и перераспределение земли в Испании в 1798—1808 гг.; *Скофил Р.С.* Восстановление состава семей при помощи вычислительных машин и т. д. См. также: *van der Wee, Peeters Th.* Un modèle dynamique de croissance interséculaire du commerce mondiale (XII—XVIII s.).

⁴⁸⁴ См. статьи Л.М. Брагиной, Г.Г. Громова и Плющева, Д.В. Деопика.

⁴⁸⁵ *Fossier L., Crehange M.* Essai d'exploitation sur ordinateur des sources diplomatiques médiévales // *Annales. Economies. Civilisations.* 1970. № 1; см. также: *Kropf P.* Zur Auswertung

вести в память машины описание любого имущественного соглашения или межфеодалного договора. Используя ЭВМ, исследователи получили возможность исключительно интенсивного изучения данного типа источников. Так, становится реальным сравнительный анализ хозяйства и политики всех известных нам вотчин и их специфики в различных географических районах; оказывается возможным проследить корреляцию имущественных, социальных и агрикультурных особенностей у сотен и тысяч контрагентов сделок, так же как и исследовать ряд других вопросов, о постановке которых могли лишь мечтать медиевисты предшествующих поколений.

Вслед за статистическим изучением исторических источников, не содержащих цифрового материала, на очередь встаёт задача измерения интенсивности социальных процессов и тенденций. Сложность такого измерения очевидна. Но и необходимость в нём очень велика, так как без него затрудняется научно-объективное сопоставление разных направлений общественного развития. Разработка методов, позволяющих математически соизмерить противоборствующие социальные тенденции и процессы, ныне лишь начинается. Важнейшим условием успеха является здесь, как и в других историко-статистических исследованиях, органическое сочетание качественного и количественного анализа изучаемых явлений⁴⁸⁶.

Бесспорная плодотворность математических методов анализа исторических источников не должна, однако, заслонять известную ограниченность их познавательной роли. Ведь в гносеологическом плане эти методы дают историк-у всего только новые данные об изучаемом феномене. Это — и очень много и очень мало. Ибо раскрытие связей между общественными явлениями, как и интерпретация самих исторических фактов, осуществляется историком не на основе механического счёта, но в результате творческого осмысления всей совокупности исторических данных в свете итогов качественного исследования и в зависимости от философских принципов, которые разделяет данный историк⁴⁸⁷. В частности поэтому, использование любых математических методов не ведёт к однозначному математическому решению исторических проблем. Интерпретация собранных данных остаётся прерогативой историка, как такового⁴⁸⁸. Но, не фетишизируя математические методы, историк (как и учёный любой другой специальности, прибегающий к помощи математики) не может не сознавать,

---

von Urbaren mittels Computer // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. Bd 77. 1969.

⁴⁸⁶ См.: статью К.В. Хвостовой, а также *Бессмертный Ю.Л.* Математические методы и их применение при исследовании проблем средневековья // Средние века. М., 1971. Вып. 34.

⁴⁸⁷ *Ковальченко И.Д.* и др. Количественные и машинные методы обработки исторической информации // XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1969. С. 13-14.

⁴⁸⁸ В этом смысле историческая наука, собственно говоря, не отличается от всех других дисциплин, в которых применяется математика.

что эти методы позволяют сделать его аргументацию строже, а пределы гипотетического истолкования — уже.

История, однако, имеет и такие особенности, которые налагают на использование математических методов некоторые специфические ограничения. Как известно, по сложности объекта исследования историческая наука не имеет себе равных. Вследствие комплексности и многосторонности всех общественных взаимосвязей вполне тождественные исторические феномены встречаются крайне редко. Их приравнивание друг другу возможно лишь на основе выделения существенных общих признаков, обуславливающих их социальную и социально-экономическую однородность, при отбрасывании второстепенных различий. Но отсюда вытекает необходимость весьма тонкой индивидуальной характеристики каждого из сопоставляемых явлений, каждого объекта возможных математических подсчётов. Даже тогда, когда такие подсчёты проводятся «вручную», они в немалой мере затрудняются наличием индивидуальных черт в изучаемых объектах. Полнота данных о любом из них оказывается как бы в противоречии с потребностью учитывать лишь строго определённый перечень их признаков. Этот момент приобретает особенно большое значение при использовании машинных методов обработки источников. Разработка формального описания исследуемых объектов требует абстрагирования от ряда их индивидуальных черт. Чем больше объектов исследуется, тем больше случаев, в которых унифицированная программа машинного анализа оставит за своими рамками те или иные специфические их черточки. Погрешности этого рода создаёт не ЭВМ — они возможны всегда, но именно при использовании ЭВМ, когда число изучаемых объектов может быть резко увеличено, соответственно возрастёт и известная схематизация, упрощение исторической действительности. Такая схематизация не опасна, если исследователь ясно осознаёт её, учитывает её пределы, вносит необходимые поправки в истолкование данных, полученных от машины. Именно при этом условии особенно ясно будут выступать преимущества, которые даёт использование ЭВМ, в частности, возможность учесть в модели явления гораздо большее число его конкретных особенностей, чем это доступно историку, действующему традиционными приёмами. Игнорирование же специфических последствий математической обработки данных в исторических исследованиях может повлечь не только конкретные ошибки, но и вызвать недоверие к новым методам и тем затормозить их дальнейшее распространение.

Не меньшее значение имеет то, что находящиеся в распоряжении историка памятники, как правило, не дают точного слепка прошлого. Воспроизводя его в той или иной мере односторонне и тенденциозно, они требуют весьма тонкого анализа, недоступного пока что никакой самой сложной машине. Программы обработки исторических источников, разрабатываемые исследователями, неизбежно отражают субъективную интерпретацию памятников создателя

программы⁴⁸⁹. Поэтому самые точные электронно-вычислительные машины не могут гарантировать абсолютной точности исторических выводов. Хотя они существенно увеличивают возможность научно достоверных и объективных исторических исследований и создают базу для новых, неизвестных ранее заключений, сами по себе они всё же не могут предохранить историка от тех или иных превратных заключений. Нельзя забывать, что самая «умная» машина даёт ответы лишь на те вопросы, которые задаёт ей исследователь, и лишь по той программе, которую он в неё вводит.

Наконец, необходимо помнить, что далеко не все из математико-статистических приёмов, успешно используемых при анализе современного общества, пригодны для изучения далёкого прошлого. Фрагментарность имеющихся в распоряжении историка памятников, специфичность отношения людей прошлого к мере, числу, отсутствие в течение ряда прошедших эпох умения и желания точно измерять⁴⁹⁰ — всё это неизбежно ограничивает возможность применения математических методов при анализе некоторых исторических периодов (или по крайней мере создаёт особые трудности такого применения).

Трезвое отношение к возможностям этих методов ни в коей мере не снижает их значения. Сознавая необходимые ограничения и трудности в использовании математической статистики и ЭВМ, историки смогут избежать ошибок в их употреблении и тем обеспечат им ещё больший авторитет. Это особенно важно именно теперь, когда применение аппарата высшей математики и вычислительной техники в исторических исследованиях вступило в новый период. Математические методы перестают ныне восприниматься как «экспериментальные». Получая всё более широкое распространение, они становятся обычным рабочим приёмом широкого круга исследователей. Глубокое понимание *возможностей* и *пределов* в применении этих методов оказывается поэтому одним из важных условий успеха повседневной исследовательской практики.

Постепенно уходят в прошлое и чрезмерный скепсис одних и наивные надежды других «всё и вся» сосчитать. «Выяснилось, что математика является не всемогущим, а лишь могущественным инструментом исследования»⁴⁹¹. Но ведь историкам не каждый день удаётся получить в свои руки новое могущественное средство познания. Овладеть им, полностью использовать таящиеся в нём потенции — одна из самых перспективных задач современной исторической науки, и в первую очередь марксистско-ленинской историографии. Успешное ре-

⁴⁸⁹ См. об этом статью Б. Миронова.

⁴⁹⁰ Гуревич А.Я. Социальная психология и история. Источниковедческий аспект // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 407; Корсунский А.Р. Об измерении в истории // Источниковедение, Теоретические и методические проблемы. Вып. 2 (в печати); le Goff J. La civilisation d'Occident medieval. Paris, 1964. P. 279.

⁴⁹¹ Осипов Г.В. Вступительная статья // Математические методы в современной буржуазной социологии. М., 1966. С. 19.

шение этой задачи представит собой очень важный шаг в совершенствовании способов воссоздания исторической действительности и будет означать восхождение к новому этапу методики исторических исследований. Достигнуто такое решение может быть лишь на путях самого тесного увязывания вопросов применения математических методов с разработкой широкого круга теоретических и методологических проблем.

Корсунский А.Р. Проблема измерения социальных явлений в исторических источниках и литературе // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975. С. 6-38.

В последние годы советскими и зарубежными учеными уделяется большое внимание применению количественного метода в исторических исследованиях. Успехи, достигнутые в этой области, отмечались в ряде докладов, представленных на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве и V Международном конгрессе экономической истории в Ленинграде в 1970 г. Сферой использования данного метода остается почти исключительно экономическая история, количественная же оценка самих процессов исторического развития, особенно по проблемам политических отношений и идеологии, остается неисследованной⁴⁹². Все, что не относится к «профилю» экономической истории, рассматривается как «неизмеримое»⁴⁹³. Обычно ссылаются на то, что квантификация социальных явлений затруднена недостаточной информацией, отсутствием четко выраженных дискретных образований, которые могли бы служить эталонами⁴⁹⁴. Однако не следует спешить соглашаться с чрезмерным скептицизмом в отношении возможностей применения математических методов при изучении исторических явлений. Измерение в той или иной форме явлений общественной жизни известно давно. Но прежде чем остановиться на эволюции методов количественной оценки явлений общественной жизни, следует сделать несколько общих замечаний. Под измерением обычно понимают приписывание объектам или событиям числовых форм в соответствии с определенными правилами. Правда, в самой примитивной форме измерением можно считать и идентификацию каких-либо объектов как членов определенной категории или класса⁴⁹⁵.

---

⁴⁹² Некоторые общие вопросы количественного анализа исторических процессов рассматриваются в следующих работах: *Кахк Ю.* Нужна ли новая историческая наука // Вопросы истории. 1969. № 3; 1967. № 2; *Thiel K.* Quantität oder Begriff. Der heuristische Gebrauch mathematischer Begriffe in Analyse und Prognose gesellschaftlichen Prozesse. Berlin, 1967; *Soboul A.* Description et mesure en Histoire sociale. L'histoire sociale. Sources et Méthodes. Paris, 1967; *Бессмертный Ю.Л.* Некоторые вопросы применения математических методов в исследованиях советских историков // Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972; *Хвостова К.В.* Некоторые вопросы применения количественных методов при изучении социально-экономических явлений средневековья (По данным византийских источников XIII — XIV вв.) // Там же.

⁴⁹³ *The Reinterpretation of American Economic History.* New York, 1971. P. XIII.

⁴⁹⁴ *Гутнер Л.М.* Измерение и некоторые проблемы взаимосвязи технических и общественных наук // Взаимосвязи технических и общественных наук. Л., 1972. С. 85.

⁴⁹⁵ *Marx Wartofsky W.* Conceptual Foundation of Scientific Thought. New York; London. 1968. P. 154.

Измерением называют и установление того или иного вида функциональной связи между переменными величинами, к которым сводится изучаемая система. Установив такую связь, ученый должен определить, при каких условиях эта зависимость имеет силу, т. е. при каких преобразованиях она инвариантна. При этом сам предмет изменения и единицы измерения могут не определяться⁴⁹⁶.

В какой форме может быть осуществлено измерение — путем простой классификации или с помощью чисел, зависит от самого объекта исследования и характера данных о нем. Числовое измерение, применимое при изучении некоторых экономических явлений, для большинства процессов социального развития оказывается невозможным⁴⁹⁷.

Обычно различают два вида измерения: прямое, когда величина измеряется путем ее сравнения с единицей эталона, и косвенное (косвенное) — измеряется не сама изучаемая величина, а несколько других, по значению которых определяется значение искомой величины (предполагается, что эти величины связаны с измеряемой величиной определенной зависимостью).

Первый вид измерения редко применяется по отношению к явлениям социальной жизни. Это объясняется сложностью процессов и систем, характеризующих общественное развитие. Мы можем измерить изменение величины производительности труда в Европе в XIX или XX вв. путем сравнения ее величины в то или иное время с каким-то начальным уровнем. Но мы не можем путем прямого измерения определить прочность религиозного чувства во Франции в конце XVIII в.⁴⁹⁸, силу Священной Римской империи в эпоху средневековья или рост классового самосознания пролетариата в капиталистических странах в период между первой и второй мировыми войнами.

В большинстве случаев при изучении процессов социального развития возможно применение лишь метода косвенного измерения, который широко используется естественными науками в случае, когда уровень знаний не позволяет

---

⁴⁹⁶ Самсонов Ю.Б. Некоторые проблемы социологического измерения // Моделирование социальных процессов. М., 1970. С. 64, 70; Стивенс С.С. Математика, измерение и психофизика // Экспериментальная психология. Сборник. М.; Л., 1960. Т. 1. С. 47.

⁴⁹⁷ Kemeny J.G. Mathematics without Numbers // Quantity and Quality. New York, 1961. P. 35. Советский исследователь П.В. Новицкий определяет измерение следующим образом: «Измерение — это процесс приема и преобразования информации об измеряемой величине с целью получения количественного результата и ее сравнения с единицей измерения в форме, наиболее удобной для восприятия органами чувств человека, передачи в пространстве или во времени (регистрация), математической обработки или использования для управления» (Новицкий П.В. Использование кибернетических понятий в теории электроизмерительных устройств // Измерительная техника. 1961. № 1. С. 34).

⁴⁹⁸ Soboul A. Указ. соч. С. 21.

применить иную систему⁴⁹⁹. Такой метод измерения может быть применен и к любым явлениям социальной жизни, к историческому развитию⁵⁰⁰.

Для того чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к историческим памятникам. Они свидетельствуют, что измерение различных событий и процессов общественной жизни в примитивной форме осуществлялось уже в родоплеменном обществе. Измерялись не только объекты непосредственной практической деятельности людей — земельные наделы, которые предоставлялись отдельным родовым группам, или количество воинов, из которых должны были состоять отряды древних германцев, греков или персов. Объектами количественного анализа были и такие общие категории, как цена жизни и достоинства свободного человека, объем прав и обязанностей свободных граждан и зависимых крестьян, правонарушения, войны и стихийные бедствия и даже ход истории в целом. Так, в обычном праве варваров отражена оценка свободных членов общины в соответствии со степенью их полезности для соответствующего коллектива. Когда кровная месть стала заменяться денежным выкупом, то компенсация выплачивалась в соответствии с работоспособностью убитого свободного человека, определявшейся его возрастом и потенциальными возможностями его физического развития. При измерении ценности члена родовой группы и при назначении компенсации за его убийство или нанесенное ему увечье, помимо работоспособности, учитывался ряд других обстоятельств: способность к деторождению, пригодность к несению военной службы и к занятию охотой. При оценке тяжести увечий учитывался ущерб и с эстетической точки зрения⁵⁰¹.

---

⁴⁹⁹ Метеорология, например, в течение длительного времени определяла примерную силу ветра с помощью шкалы Бофорта, т. е. по действию ветра на окружающие предметы. 0 баллов (штиль) — дым из труб поднимается отвесно. 1 балл (тихий) — дым из труб поднимается не совсем отвесно. 2 балла (легкий) — движение воздуха ощущается лицом, шевелятся листья. 3 балла (слабый) — колеблются листья и легкие сучья, развеваются легкие флаги.

⁵⁰⁰ Термин «измерение» в дальнейшем изложении имеет расширительное значение: речь идет, как правило, о количественной конкретизации, квантификации и ранжировании исторических явлений и процессов. Употребление указанного термина оправдано, поскольку измерение осуществляется не только с помощью количественных чисел, но и порядковых. Применение же последних возможно при рассмотрении исторических процессов.

⁵⁰¹ Согласно Вестготской правде, такса вергельдов распределялась следующим образом: за мужчину от 20 до 50 лет — 300 солидов, от 50 до 65 лет — 200, выше 65 лет — 100 солидов; для детей от 1 года до 14 лет компенсация градуировалась соответственно от 60 до 140 солидов. Градация возмещения за убийство устанавливается и Эдиктом Ротари для детей серва — массария. Вергельд свободной женщины, способной иметь детей, был в 3 раза выше, чем вергельд женщины, которая уже не могла иметь потомства. За кастрирование мужчины выплачивалась такая же компенсация, как и за убийство, т. е. 200 солидов. В таксе возмещений за увечья дифференцируются штрафы за оторванные у свободного человека пальцы: за указательный палец («тот, которым натягивают лук») платят значительно больше, чем за прочие пальцы, кроме большого. Согласно Эдикту Ротари, тот, кто выбил альдию или рабу коренной зуб, выплачивает 2 солида; если же выбит зуб, «который виден, тогда, когда человек смеет-

Наказания за оскорбление словом градуировались в соответствии с величиной морального урона, который понесло потерпевшее лицо⁵⁰². Судебная процедура в варварских правдах исходила из принципа: чем тяжелее преступление, в котором обвиняется ответчик, тем более весомыми должны быть доказательства невиновности⁵⁰³.

Уже в архаических обществах измерялись такие общественно значимые качества индивидуумов, как успешность трудовой деятельности, доблесть в военном деле и в охоте⁵⁰⁴.

Особым случаем измерения был учет воли большинства при решении различных дел. Так, во времена Тацита древние германцы проводили выборы старейшин, вождей, королей. Избрание должностных лиц осуществлялось, как известно, и в античных государствах, причем уже путем подсчета голосов, собранных различными кандидатами. Измерение для выявления мнений большинства применялось и при решении ряда других вопросов политической жизни, в гражданских тяжбах: для пресечения деятельности политика, вызвавшего опасения со стороны его противников, при взвешивании показаний свидетелей или участников тяжб.

Уже в варварском обществе возникают зачатки социальной дифференциации (не только между свободными, полусвободными и рабами, но и в самой массе свободных людей). Несмотря на то, что свободные в варварском обществе полноправны, они уже различаются по знатности и имущественному положению. Грани между слоями намечены еще весьма слабо, но члены общин в состоянии измерять статус своих соплеменников. Достоинство и знатность были для них критериями и при распределении земли, и при выборах королей, и при назначении компенсации за убийство или увечье, и при учете показаний сторон во время тяжбы.

ся», то штраф в 4 солида. При назначении штрафа за ранения Алеманнская правда особо выделяет такую рану на лице, которую (имеется в виду шрам) не прикрывают волосы или борода.

⁵⁰² Согласно Салической правде, тот, кто назвал другого уродом или зайцем либо ложно обвинил в том, что тот бросил щит в сражении, платил штраф 3 солида. Если называл кого-либо лжецом или доносчиком и не мог доказать этого, платил 15 солидов. Если женщину назвали проституткой (без достаточных оснований), размеры компенсации равнялись 45 солидам, если колдуньей — почти вдвое больше (89).

⁵⁰³ Основное число соприсяжников, которые произносят мистически-заклинательную клятву, «очищающую» ответчика от вины, в большинстве варварских правд 12. Но в соответствии с важностью дела это число изменялось. Оно равнялось 6 в деле о побоях и 72, если человек обвинялся в убийстве женщины.

⁵⁰⁴ См. характеристику младшего брата в древнеегипетской повести о двух братьях: «Был его младший брат прекрасный работник, не было ему подобного во всей Земле» (Викентьев В.М. Древнеегипетская повесть о двух братьях. М., 1917. С. 30).

На более поздней ступени общественного развития социальная и имущественная дифференциация углубляется, соответственно складывается более четкая система измерения общественного положения индивидуума.

Так, в кентских законах Этельберта эрл (представитель родовой знати) ценится в два раза выше, чем кэрлы (рядовые свободные). В Вессексе, согласно законам Инэ (VII в.), все свободные делились на три разряда: на людей, стоящих 200, 600 и 1200 шиллингов. Они носили соответствующие названия: *twyhundumman*, *sixhundumman* и *twelfhundumman*. Главным моментом разграничения свободных англосаксов становится земельный ценз. Кэрл может перейти в высшую группу гезиткэндменов с вергельдом в 1200 шиллингов при наличии у него 5 гайд земли и при соблюдении некоторых других условий. Таким образом, здесь мы встречаемся с двумя аспектами измерения: свободных людей дифференцируют в соответствии с их имущественным положением и также по их юридическому статусу.

Подобного рода измерение мы обнаруживали и в иных исторических условиях — в конституциях античных государств. Так, согласно политическому устройству, введенному в начале VI в. до н. э. в Афинах Солоном, все граждане были разделены по размерам землевладения и его доходности на четыре класса. В соответствии с этим цензом на них распространялись политические права, накладывались определенные обязанности. По такому же типу была составлена и конституция Сервия Туллия в Древнем Риме в VI в. до н. э.

В эпоху принципата свободное население Рима делилось на сенаторов, всадников и плебс в соответствии с имущественным цензом в 1 млн. сестерций для первых, 400 тыс. — для вторых. В поздней Римской империи возникает еще градация на две основные группы среди свободного населения: количественный критерий выражен уже в самих наименованиях обоих разрядов: «большие» (*maiores*) или «почтенные» (*honestiores*), и «малые» (*minores*) или «низшие» (*inferiores*). Данная градация была воспринята и правом ряда варварских королевств, образовавшихся позднее на территории Западной Римской империи.

Для юридической мысли античности и средневековья характерно измерение тяжести правонарушений, выражающееся, в частности, в их делении на *causae maiores* и *causae minores*. В судебнике Инэ противозаконные объединения классифицировались по числу их участников⁵⁰⁵. Количественный критерий неизбежно применялся юридическими и нарративными памятниками при описании и оценке значения тех или иных социальных выступлений.

В источниках, касающихся экономических вопросов, измерение применяется в широких размерах. У античных авторов (Катона, Варрона, Колумеллы) мы встречаем измерение доходности различных видов хозяйства, количества рабочей силы, рабочего скота и инвентаря, необходимых для имений различного характера (оливковые плантации, виноградники и пр.).

⁵⁰⁵ Группа до 7 человек — «воры», от 7 до 35 — «банда», выше — «войско».

В юридических и хозяйственных памятниках средневековья часто измеряются повинности различных категорий зависимого крестьянства. Так, в Алеманнской и Баварской правдах регламентируются оброки и барщина сервов и колонов.

В капитулярии Карла Великого от 800 г. определено, какие повинности должны нести зависимые крестьяне в соответствии с размерами их держаний и количеством рабочего скота, которым они располагают. В некоторых картуляриях категории крестьян различаются по количеству барщинных дней в неделю.

Количественное выражение находили иногда и вассальные связи в феодальном обществе. Так, вассал, который зависел от двух сеньоров, в случае призыва в войско, согласно Саксонскому зеркалу (Ленное право), должен был выполнить свой долг по отношению к обоим сеньорам: с одним он шел в поход сам, другому выплачивал военный побор. Если же эти сеньоры воевали друг против друга, вассал либо становился на сторону более сильного, либо же оставался нейтральным: «верность» по отношению к одному и другому сюзерену приобретала как бы противоположные знаки и взаимно уничтожалась⁵⁰⁶.

С древнейших времен осуществлялось измерение стоимости наемного труда, что находило свое выражение в таксации платы наемных работников в сельском хозяйстве и в ремесле. Так, законы вавилонского царя Хаммурапи назначали определенную плату наемному пахарю, погонщику волов, портному и т. д. Детально регламентировалась оплата батраков и ремесленников в Эдикте о рыночных ценах и заработной плате римского императора Диоклетиана от 301 г.

Римские историки давали количественную оценку различным социальным движениям, развертывавшимся в Римском государстве. Плутарх считал восстание Спартака одной из труднейших и величайших войн, которые приходилось вести Риму⁵⁰⁷. По Флору, против Спартака пришлось поднять «все силы государства». О сражении между восставшими и войсками Красса Аппиан писал как о «грандиозной битве». Здесь качественная характеристика данного восстания приобретает одновременно характер количественной оценки: прямыми и косвенными средствами описываются его размеры.

Иногда в одном и том же источнике размеры какого-либо явления измеряются параллельно разными способами. Так, Фульдские анналы характеризуют масштаб голода, который наступил в Германии в 850 г., термином «тяжелейший» (*fames gravissima*), затем добавляют, что модий зерна продавался в Майнце за 10 шекелей серебра и, наконец, сообщают, что имели место попытки людоедства. Бертинские же анналы употребляют иные формы оценки размеров голода, поразившего в 843 и 845 гг. Галлию. Они отмечают, что в некоторых

⁵⁰⁶ *Mitteis H. Lehnrecht und Staatsgewalt. Weimar, 1958. S. 584-585, 600.*

⁵⁰⁷ *Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Красс, IX. М.; Л., 1963. Т. II. С. 243.*

местах стали изготавливать хлеб из земли, смешанной с небольшим количеством муки, что погибли тысячи людей от голода.

Обращаясь к общественной мысли соответствующих эпох, мы можем обнаружить также и попытки привести меру и в сложные социальные явления, и в самый процесс истории человеческого общества. Например, уже в эпоху античности возникла «количественная» теория денег, которая устанавливала логическую зависимость между колебаниями цен и количеством денежных знаков, находящихся в обращении⁵⁰⁸.

Библейская традиция, начиная от книги пророка Даниила и произведений св. Иеронима и вплоть до средневековых хронистов, исходила из периодизации истории по четырем монархиям. В основе ее лежало представление о прогрессивном движении человечества, заканчивающемся победой добра над злом. В произведении же Гесиода изложено сказание о веках, о постепенной деградации человеческого общества, совершающейся по мере продвижения от золотого века к веку железному. Деградация выражается в неуклонном росте несправедливости.

Аристотель в своем обзоре истории государственного устройства афинян измерял его демократичность в различные периоды: древнейший государственный строй Афин был олигархическим; Солон сообщил законам демократический характер. Затем установилась тирания Писистрата, хотя правил он, по мнению Аристотеля, скорее в духе гражданского равноправия, чем тирании. При писистратидах тирания еще более сурова. В результате же реформы Клисфена государственный строй стал более демократическим, чем при Солоне. Дальнейший этап развития демократии — это режим, установленный Периклом. Мерой демократичности у данного автора являются избирательность государственных должностей, наличие политических прав у широких народных масс и пр. Аристотелю же принадлежит и попытка установить некий критерий для оценки вещей, становящихся объектами купли-продажи. Он утверждал, что для того, чтобы обмен различными предметами оказывался возможным, продукты труда приравниваются друг к другу. «Общество держится тем, — писал он, — что каждому воздается пропорционально его деятельности»⁵⁰⁹. Аристотель и здесь осуществляет прием косвенного измерения: соизмеримыми различные предметы делает практическая потребность.

Августину принадлежит периодизация истории царства земного по «возрастам»: он различал шесть возрастов человечества — младенчество, детство, юношество, возраст мужества, пожилой возраст и старость. Мерой служило изменение силы человечества, которая вначале растет по восходящей линии, а за-

---

⁵⁰⁸ Николе К. Объяснительная схема колебаний цен и стоимости денег в Риме: «количественная теория денег». Резюме // V Международный конгресс экономической истории». Л., 1970.

⁵⁰⁹ Асмус В.Ф. История античной философии. М., 1965. С. 288-289.

тем падает. Человечество дряхлеет и умирает. После этого нарождается новый, духовный человек⁵¹⁰.

В целом для духовной жизни человеческого общества с самого раннего периода его истории (точнее с периода разложения родоплеменного строя) характерно широкое применение количественного анализа разнообразных социальных явлений.

Критерий количественной оценки определялся и особенностями мировоззрения соответствующей эпохи. В психологии людей родоплеменного и варварского обществ скрыты, например, основания для такого измерения тяжести преступлений, которому трудно найти рационалистическое объяснение⁵¹¹.

Из всего вышеизложенного об измерении социальных явлений в памятниках по истории древнего мира и средних веков можно сделать некоторые выводы. Мы видели, что характер измерения определялся уровнем социально-экономического, политического и культурного развития. Если в I в. н. э. шкала измерения социального веса у германцев ограничивается двумя делениями — «свободный» и «раб» — с неотчетливой градацией внутри общей массы свободных (знатные и простые свободные) и внутри слоя несвободных (рабы и вольноотпущенники), то в античном и особенно в феодальном обществе Западной Европы существовали ярко выраженные социальная градация и сословная иерархия.

Самая структура объектов измерения претерпевала изменения в соответствии с прогрессивным развитием общества. Например, в связи с возникновением государства появилось измерение силы политической власти и могущества государственных деятелей. Зарождение политической мысли в классовом античном обществе обусловило измерение демократичности государственного устройства, а развитие товарно-денежных отношений — количественный анализ доходности различных хозяйственных предприятий, попытки найти критерий соизмеримости товаров. Ограниченность систем измерения социальных явлений, применявшихся в докапиталистических обществах (что нашло отражение в исторических памятниках), объясняется отсутствием научного понимания сущности процессов социального развития и взаимосвязей между явлениями общественной жизни. Обычно косвенное измерение в указанный период основывалось на данных о связях между явлениями, установленными эмпирическим

---

⁵¹⁰ Косминский Е.А. Историография средних веков. М., 1963. С. 20—21.

⁵¹¹ Так, согласно обычаям древних германцев, мерой кары для перебежчиков было повешение, для дезертиров — потопление в болоте, для убийц — выплата вергельда. У франков оскорбление женщины, выразившееся в том, что ее кто-либо *схватил* за кисть или палец, наказывалось штрафом в 15 солидов, что равнялось примерно стоимости 7 быков или двух лошадей. Если же речь шла о мужчине, то штрафом такого размера карался тот, кто *оторвал* другому палец (не указательный) или ухо. В то же время штраф за изнасилование девушки составлял лишь 20 солидов.

путем. Но такой анализ, не исходивший из правильного представления о структуре систем социальной жизни, не мог затронуть все существенные связи между социальными явлениями и использовать их для измерения⁵¹². Вместе с тем количественный анализ, который содержится в источниках, может быть использован в некоторых случаях как материал для научного измерения. Он служит также источником для изучения духовной культуры и социальной психологии соответствующих эпох.

По мере развития общественных наук складывался обширный круг новых понятий, чуждый общественной мысли прошлых эпох. Бесполезно, естественно, было бы искать в памятниках античности или средних веков измерения таких величин, как объем товарного производства, уровень развития рабовладельческих или феодальных отношений, степень классового самосознания эксплуатируемых классов, степень развития духовной культуры и пр.

В произведениях классиков марксизма-ленинизма можно найти примеры научного измерения сложных социальных явлений и исторических процессов. Разработав учение о стоимости, К. Маркс показал, что тем общим, что имеется во всех товарах, является абстрактный человеческий труд. Величина стоимости товаров определяется количеством труда, общественно необходимого для производства данного товара. Таким образом, осуществлено было то, к чему безуспешно стремился Аристотель: найдена была подлинная мера стоимости вещей.

К. Маркс и Ф. Энгельс измеряли уровень классовой борьбы пролетариата. Одним из критериев они считали степень сплочения рабочего класса. Они отмечали, что сначала ведут борьбу отдельные рабочие, потом рабочие одной фабрики, затем рабочие одной отрасли труда в одной местности против отдельного буржуа, который их непосредственно эксплуатирует. В дальнейшем с развитием промышленности, ростом численности пролетариата и его концентрацией устанавливаются связи между рабочими различных местностей, отдельные выступления сливаются в одну национальную, классовую борьбу⁵¹³. Мерой здесь является масштаб сплочения (фабрика — отрасль промышленности в одной местности — вся страна).

Остановившись на развитии денежного хозяйства, К. Маркс исходил в периодизации его истории из того, насколько оно охватывало процесс труда. Он отмечает, что даже в Римской империи в период наибольшего ее развития денежное хозяйство вполне сложилось лишь в армии, никогда не охватывало весь

---

⁵¹² К. Маркс писал о попытках Аристотеля установить критерий соизмеримости товаров: «Он (Аристотель.— *А. К.*) ищет, в чем заключается единство товаров как меновых стоимостей, но, как античный грек, он этого найти не мог. Он выходит из этого затруднения, предполагая, что предметы, сами по себе несоизмеримые, становятся через посредство денег соизмеримыми, поскольку это необходимо для практических потребностей...» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 53, примечание.*)

⁵¹³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 432-433.*

процесс труда в целом. Полное его развитие — это предпосылка формирования буржуазного общества⁵¹⁴.

В. И. Ленин считал, что основным условием осуществления социалистической революции является известная высота капиталистического развития. Лишь при этом условии становится возможным выделение пролетариата в особый класс, его политическое развитие и сплочение, складывание экономических и политических центров, овладевая которыми, пролетариат овладевает всей государственной властью, связь пролетариата с непролетарскими массами трудящихся и возможность его влияния на эти массы⁵¹⁵.

На основании данных об определяющей роли монополий в ряде отраслей промышленности и торговли, о высоком уровне концентрации банков, о концентрации пролетариата и ряда других фактов В. И. Ленин определил высоту капиталистического развития России в начале XX в. Вопреки Бухарину, относившему Россию к наиболее слабым народнохозяйственным системам, он пришел к выводу, что Россия в начале XX в. принадлежала к «среднеслабым» по уровню развития капитализма странам⁵¹⁶.

Для измерения силы разных течений в рабочем движении России в 1912—1914 гг. — правдивов, ликвидаторов, левонародников — В. И. Ленин использовал ряд объективных данных: процент представителей этих течений в рабочей курии Государственной думы, число взносов от рабочих групп в петербургские газеты упомянутых течений; выборы рабочих в страховые учреждения; подписи в резолюциях за каждую думскую фракцию; число обращений с разными взносами от рабочих групп в ту или другую фракцию; тираж соответствующих петербургских газет; денежные суммы, полученные газетами названных направлений из буржуазных источников; число членов профсоюзов в Петербурге, в которых большинство членов сочувствовало такому-то направлению. Проанализировав объективность всех этих материалов и взвесив их значение, В. И. Ленин сделал вывод, что «только в правдизме мы имеем действительно независимое от буржуазии, марксистское, пролетарское течение, организующее, объединяющее *свыше 4/5 рабочих...*»⁵¹⁷.

⁵¹⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 729.

⁵¹⁵ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 14, 15.

⁵¹⁶ См.: В. И. Ленин. Замечания на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода» // Ленинский сборник. XI. С. 397. Интересно отметить, что в «Тетрадах по империализму» В. И. Ленин учитывает ряд дополнительных факторов. Классифицируя капиталистические страны, он градуирует шкалу по таким признакам, как ранг («главные», «второстепенные», «первоклассные») и «самостоятельность». В первую группу включаются три главные (вполне самостоятельные) страны — Англия, Германия, Соединенные Штаты; ко второй группе — второстепенные (первоклассные, но не вполне самостоятельные) — Франция, Россия, Япония. К третьей группе — Италия, Австро-Венгрия (см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 178).

⁵¹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 250.

Следует отметить, что в большинстве приведенных примеров проявление изменений неких **количественных** признаков обнаруживается путем установления наличия или отсутствия (или частичного наличия) тех или иных **качественных** признаков. Подобный метод теперь широко применяется в математической статистике⁵¹⁸.

В специальной литературе измерение исторических процессов и явлений осуществляется, однако, до настоящего времени в весьма ограниченных размерах. Это относится и к кругу объектов количественного анализа, и к точности измерения. Скудость источников, отсутствие статистического материала, который необходим для суждения о процессах социально-экономического развития, заставляет историков применять метод косвенного измерения, и можно привести немало примеров осуществления подобного измерения. В источниках нет, например, прямых данных, которые позволили бы измерить объем торговли Англии в VIII в. с континентом и решить вопрос: носила ли англо-саксонская торговля случайный, эпизодический или уже регулярный характер? Ф. Стентон, используя такие данные, как находки англосаксонских монет в Голландии и распространение золотого денария с арабскими надписями короля Мерсии Офффы, а также то обстоятельство, что, согласно письменным памятникам, временный разрыв торговых связей между Англией и Франкским королевством вызвал кризис в отношениях между Карлом Великим и Офффой (свидетельство **большого** значения, которое придавалось сохранению регулярных торговых отношений), склоняется ко второму решению⁵¹⁹.

В источниках по истории Остготского королевства в Италии фактически нет данных о сохранении значительного слоя свободных готских крестьян и общинного устройства в VI в. В то же время в памятниках этого периода много сведений о романизации, о росте имущественного и социального расслоения в их среде, о развитии крупного землевладения. На основании всего этого, казалось бы, можно сделать вывод, что слой свободных готских общинников разложился и утратил свое значение в социальной жизни. Но, используя данные о ходе войны Византии против готов, А. И. Неусыхин пришел к выводу, что именно благодаря этому слою, который составлял ядро готского войска (а также при помощи беглых италийских рабов и колонов), остготские короли были в состоянии в течение двух десятилетий сопротивляться Византийской империи и на протяжении ряда лет иметь даже перевес. Таким образом, сила сопротивления готского народного ополчения (оцениваемая по способности готов в течение определенного количества лет воевать против византийского войска, примерная численность которого нам также известна, т. е. по контингенту свободных, которыми располагал еще готский король) позволяет измерить степень

⁵¹⁸ Юл Дж. и Кэндел М. Дж. Теория статистики. М., 1960. С. 29.

⁵¹⁹ Stenton F. Рец. на кн.: Stephenson C. Borough and Town // History (October). 1933 P. 257-258.

разложения слоя свободного готского крестьянства и установить, что процесс этот к 30-м годам VI в. был еще далек от своего завершения.

И.Д. Ковальченко и Л.В. Милов, исходя из взаимосвязи в изменениях цен на рожь в различных регионах России в XVIII—XIX вв., установили, что региональные рынки середины XVIII в., сливаясь и расширяясь, образовали к середине XIX в. несколько наслаивающихся друг на друга больших зон. Единый же всероссийский рынок сложился лишь в пореформенный период⁵²⁰.

Если находки берестяных грамот в Новгороде используются лишь для того, чтобы заменить прежнюю оценку измерения уровня развития актовой письменности в Древней Руси («крайне слабое распространение») новой («довольно распространенная письменность»)⁵²¹, то точность измерения не выходит за рамки отношений «больше» — «меньше». Но если делают вывод, что грамотность не являлась в Древней Руси исключительно поповской принадлежностью, что грамоты писались простыми горожанами, людьми различного социального положения⁵²², то измерение поднимается на более высокую ступень точности (устанавливается более определенно степень распространения письменности — она известна не только духовенству и представителям высших слоев общества, но и простым горожанам).

Можно было бы привести еще немало примеров остроумного и удачного использования данных источников для измерения социальных явлений и процессов. В целом же историки, занимающиеся докапиталистическими формациями, до сих пор применяют количественный анализ эпизодически, и важнейшие исторические явления либо вовсе не измеряются, либо количественные оценки носят слишком приблизительный характер.

Рассматривая историческое развитие стран древнего мира, историки уделяют большое внимание роли рабского труда в экономике. В течение длительного времени господствовал взгляд, что труд рабов в классический период (т. е. в развитом рабовладельческом обществе) играл основную роль в производстве. В последнее время распространилось мнение, согласно которому рабы в древнем мире (включая Грецию и Рим) составляли меньшинство, а основными производителями были мелкие крестьяне. Ни та, ни другая концепция рабовладельческого строя не предусматривает, однако, точного измерения развития рабовладения. В значительной мере это связано с неопределенностью масштаба оценки. Для определения уровня развития рабовладения обычно применяются две градации — «рабство, не играющее основной роли в производстве», и рабство, достигшее такой степени. Само понятие «основная роль в производстве», однако, расплывчато. Неясно, каковы количественные показатели этой «основ-

⁵²⁰ Ковальченко И.Д., Милов Л.В. О принципах исследования процесса формирования всероссийского аграрного рынка (XVIII — XX вв.) // История СССР. 1969. № 3. С. 54.

⁵²¹ Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962. Вып. 1. С. 100.

⁵²² Янин В.Л. Я послал тебе бересту. М., 1961. С. 43-48.

ной роли»: должны рабы представлять абсолютное большинство непосредственных производителей или быть лишь достаточно значительным их слоем; следует исходить из роли рабов в экономике страны в целом или же в его ведущей отрасли (в сельском хозяйстве); нужно иметь в виду территорию всего античного государства, включая области, стоящие на более низкой ступени развития, чем метрополия, или только последнюю и т. д.

Без четкой и конкретной постановки самой проблемы исследования применение количественного метода, разумеется, невозможно. При измерении исторических явлений и институтов нередко игнорируется тот факт, что речь идет о переменных величинах. Например, характер экономики и античного и средневекового общества определяется формулой «господство натурально-хозяйственных отношений». При этом делаются оговорки о наличии в «известных размерах» товарного обмена. Этот уровень определяется, однако, опять же лишь в рамках отношений «больше — меньше»: в V в. до н. э. в Афинах товарно-денежные отношения достигли больших размеров, чем в гомеровской Греции; в I в. до н. э. в Риме существовало производство, рассчитанное на рынок, а в III—V вв. такое производство резко сократилось, произошла «натурализация» хозяйственных отношений. При этом остается неясным: вернулась экономика Рима V в. н. э. к тому уровню обмена, который был характерен для времен Сервия Туллия, или это какая-то другая ступень натурального хозяйства. Такой же упрощенный способ измерения применяется и тогда, когда речь идет о политическом и социально-экономическом развитии в целом.

Эволюция королевской власти или развитие классовой борьбы в средневековом обществе, например, определяются как функции развития феодальных отношений. Останавливаясь на эволюции королевской власти в эпоху раннего средневековья в Западной Европе, исследователь отмечает **усиление** королевской власти в период создания раннефеодального государства (по сравнению с военной демократией), ее дальнейшее усиление в период формирования государства, затем **ослабление** в период феодальной раздробленности. В дальнейшем, уже в период развитого феодализма, в большинстве стран Западной Европы снова происходит **усиление** королевской власти.

Подобного рода формулировки не выражают даже количественной оценки типа «больше — меньше», так как не определен характер данной шкалы измерения, неясно содержание терминов «усиление» и «ослабление».

Эволюция классовой борьбы народных масс во всех антагонистических формациях выражается общей формулой «обострение» или «углубление». Какова мера, определяющая эти изменения, обычно не устанавливается. Так же расплывчато измеряются темпы развития феодальных отношений в разных странах мира. Не располагая никакой мерой, выходящей за рамки отношений «больше — меньше», авторы специальных исследований пишут о «замедленно-

сти» темпов феодального развития самых различных стран, начиная от Англии и до Японии.

Последний этап истории первобытнообщинного строя обозначается обычно как «разложение родового строя». У древних германцев этот процесс начинается со времен Тацита и продолжается до образования раннефеодальных государств, т. е. до V — VI вв. Никакой градации этого процесса «разложения», как правило, не применяют. Точно так же отсутствует шкала измерения раннефеодального периода. Обычно критерием зрелости феодальных отношений, завершения феодализации считается разложение слоя свободного дофеодального крестьянства и формирование классов зависимого крестьянства и феодальных землевладельцев. Но тот период, когда подавляющее большинство непосредственных производителей составляли свободные общинники, отделен от времени резкого падения численности такого слоя и возникновения класса зависимого крестьянства даже там, где феодализация происходила интенсивно, примерно четверть-пятью столетиями. Очевидно, данный процесс становления феодализма может быть градуирован в соответствии с возрастанием уровня феодализации, т. е. зрелостью феодальных отношений.

Необходимость количественной оценки социальных институтов можно продемонстрировать также на примере категорий свободы и независимости в раннефеодальном и феодальном обществах. В специальной литературе в настоящее время отмечено, что и в представлениях современников, и в объективно научном смысле состояние свободы оказывалось градуированным. В варварском обществе появлялись слои, занимавшие промежуточное положение между свободными и несвободными: литы, альдии, либеллярии, вольноотпущенники, оставленные в зависимости от патронов, «свободные колонны» и пр. В эпоху развитого феодализма во Франции сервы, считавшиеся несвободными, были лишены, согласно кутюмам, ряда прав свободных людей, а вилланы считались свободными, но подвергались в некоторых случаях правовым ограничениям по сравнению с дворянами и, следовательно, не обладали «полной» свободой⁵²³.

Точно так же градуированной была и феодальная зависимость крестьян. Известно, что различные категории зависимых крестьян существенно отличались друг от друга и по тяжести выполнявшихся ими повинностей, и по степени личной зависимости. А.И. Неусыхин, например, различал по тяжести повинностей мелких прекаристов и собственно тяглых крестьян во Франкском королевстве, Е.А. Косминский — свободных держателей и вилланов в Англии XIII в.⁵²⁴

---

⁵²³ Ю. Л. Бессмертный. Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII—XIII вв. М., 1969. С. 241-243.

⁵²⁴ Неусыхин А.И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI — VIII вв. М., 1956. С. 384-385; Е. А. Косминский Е.А. Исследования по аграрной истории Англии XIII века. М.; Л., 1947. С. 306.

Все эти попытки градуирования крестьянской зависимости осуществлялись, однако, до сих пор эпизодически, в довольно узких локальных и хронологических рамках. Характеристика форм феодальной крестьянской зависимости, которая дала бы возможность осуществить научно объективную типологию этой зависимости, в феодальном обществе пока еще не осуществлена⁵²⁵.

Феодальный город обычно характеризуется как центр торговли и ремесла. Район его действия носит локально ограниченный характер: лишь в эпоху возникновения капитализма появляются национальный внутренний рынок и города, играющие роль торговых и промышленных центров для всей страны. Развитие городов в эпоху средневековья состояло, следовательно, в постепенном увеличении площади той округности, центром которой был феодальный город (помимо других изменений в характере городов). Между тем измерение сферы экономических связей города на различных этапах истории средневекового общества не стало еще объектом исследований историков-урбанистов.

Если одним проявлением неточности исторических исследований является отсутствие количественного анализа исторических явлений, то другим следует считать нередко встречающиеся научно необоснованные формы измерения.

Источники по истории древнего мира и средневековья дают возможность сделать выводы о тенденции исторического развития, но не предоставляют достаточно данных для количественной характеристики того или иного института или явления на определенном этапе его истории. Например, источники позволяют предположить, что в сельском хозяйстве поздней Римской империи применение рабов сокращалось, а колонов — возрастало. Прямых данных о численности рабов и колонов в каких-либо крупных имениях в отдельности или в каких-нибудь провинциях или в государстве в целом не имеется. Исследователи используют косвенные данные источников о падении числа рабов: прекращение завоевательных войн, которые были прежде одним из наиболее важных источников рабства, использование военнопленных в ряде случаев в качестве колонов, а не рабов, усиление внимания к колонату в имперских законах и т. п.

Всех этих фактов достаточно для предположения, что центр тяжести в структуре масс непосредственных производителей в поздней империи постепенно перемещался от рабов к колонам. Данных же для вывода, который иногда делали историки, что колоны составляли уже основную массу работников в сельском хозяйстве, не имеется, хотя и обратное положение (т. е. о том, что рабы оставались главной массой непосредственных производителей) доказать невозможно.

---

⁵²⁵ Попыткой разработки подобной типологии на французском и русском материале является статья Ю.Л. Бессмертного «Северофранцузский серваж (К изучению общего и особенного в формах феодальной зависимости крестьян)» (Средние века. Вып. 33. 1971). См. также упомянутую выше статью К. В. Хвостовой.

Точно так же, рассматривая структуру крестьянства Каролингского королевства, ряд авторов отмечает, что колоны составляли подавляющее большинство зависимых крестьян. Главным поводом для такого утверждения служит соотношение различных категорий крестьян в Сен-Жерменском полиптике⁵²⁶. Но в других хозяйственных источниках содержатся иные данные. Так, на землях Бертинского монастыря во Фландрии в IX в. рабы-держатели вместе с рабами из дворни составляли главную массу населения монастырских поместий⁵²⁷ 36. Подавляющее же большинство других памятников этого периода содержит лишь весьма расплывчатые данные о числе колонов и сервов, и определенно можно утверждать лишь то, что обе категории земледельцев были значительными по численности. Правильность приведенной выше оценки удельного веса колонов вполне возможна, но она должна быть обоснована не только случайным иллюстративным материалом, но и всей совокупностью прямых и косвенных данных о роли различных категорий крестьянства в экономике и общественной жизни в целом.

Оценивая изменения в социальной структуре Византии к VIII в., некоторые советские византинисты утверждали, что в отличие от предшествующего периода основными непосредственными производителями стали к этому времени свободные общинники. Владельческие крестьяне — парики, мистии, апоры и рабы — играли второстепенную роль в хозяйстве⁵²⁸. Подобное предположение трудно опровергнуть, но прямых или хотя бы косвенных, но достаточно убедительных доказательств в его пользу тоже не приводится. Факт славянской колонизации, наличие Земледельческого закона, в котором говорится о крестьянах-общинниках, незначительность упоминаний о зависимых земледельцах в памятниках конца VII — первой половины IX в. — все это еще не подтверждает, безусловно, положения о господстве общины в византийской деревне VIII в.⁵²⁹. По-видимому, в тех случаях, когда источники не дают возможности с желаемой точностью произвести измерение, необходимо ограничиваться гипотетическим определением меры. Точность измерения при этом требует указания на то, какова степень вероятности предлагаемой количественной оценки.

Методика определения достоверности научных гипотез до сих пор недостаточно изучена. Некоторые исследователи считают возможным приписывать числовые значения высказываниям и устанавливать таким путем «иерархию вероятностей»⁵³⁰. Другие полагают, что количественная оценка степени правдо-

⁵²⁶ На 2080 семей колонов — 120 семей сервов.

⁵²⁷ *Удальцов А.Д.* Из аграрной истории каролингской Фландрии. М., 1935. С. 36.

⁵²⁸ *Липшиц Е.Э.* Очерки истории византийского общества и культуры. М.; Л., 1961. С. 117-122.

⁵²⁹ В «Истории Византии» (т. II. М., 1967) социальная структура Византии этого периода определяется более осторожно — говорится лишь о том, что «удельный вес свободного крестьянства в аграрных отношениях империи значительно вырос» (С. 17).

⁵³⁰ *Reichenbach H.* The Theory of Probability. Berkeley; Los Angeles, 1949. P. 311-314.

подобия гипотез невозможна, что уровень достоверности — это вопрос «обыденного здравого смысла»⁵³¹. Практически же историк в своей исследовательской деятельности постоянно прибегает к определению уровня правдоподобия тех или иных суждений и высказываний. В примитивной форме это осуществлялось уже в древнем мире таким историком, например, как Фукидид. Оговариваясь в ряде случаев, что он не может поручиться за достоверность сообщаемого им, Фукидид применяет два уровня достоверности — более низкий и более высокий. Современный историк, осуществляя научную критику источников, взвешивает достоверность содержащихся в них сведений. Известно, что сообщение изолированного источника менее достоверно, чем данные, подтверждаемые двумя или несколькими, не зависящими друг от друга памятниками (при прочих равных условиях). Суждение о характере вооружения древних германцев (главным образом дротик и щит), основанное в течение долгого времени лишь на свидетельстве Тацита, было гипотезой определенного уровня достоверности. После того как археологические раскопки подтвердили, что именно таким было оружие основной массы германских воинов, указанное суждение поднялось на следующую, более высокую ступень достоверности.

Иногда высказывание вероятное по отношению к одному явлению или времени становится более достоверным при уточнении параметров объекта изучения. Так, вопрос о времени возникновения боярского землевладения в Древней Руси является спорным. Л. В. Черепнин пишет, что было ли оно в X в., «...мы сказать твердо не можем». Но для XI в. это «факт бесспорный»⁵³². Таким образом, о времени возникновения боярских вотчин в данном случае высказаны две гипотезы различных уровней достоверности: более низкого по отношению к X в. и более высокого по отношению к XI в.

Градуирование уровней достоверности количественной и качественной оценки исторических явлений и процессов представляется осуществимым и необходимым. Если мы не можем приписывать высказываниям количественные числовые значения (по уровню достоверности), то приписывать им порядковые числа, ранжировать гипотезы, как это практикуется в естественных и точных науках⁵³³, нам доступно. Методика подобных оценок требует, разумеется, специальной разработки.

Поскольку при изучении исторических процессов применяется главным образом метод косвенного измерения и о «величине» исследуемого объекта су-

⁵³¹ Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы. М., 1957. С. 434.

⁵³² Черепнин Л.В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX — XV вв. // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 160.

⁵³³ Например, результаты образований, выявленных при фотографировании обратной стороны Луны, были разделены на объекты трех категорий достоверности в соответствии с количеством кадров, на которых они различимы, и четкостью их очертаний (Атлас обратной стороны Луны. М., 1960. С. 27).

дят нередко по данным, относящимся к одному или нескольким элементам определенной системы, то весьма важен правильный учет соотношения различных ее элементов и характера функциональных связей. Это условие не всегда соблюдается при измерении.

Согласно хозяйственным источникам каролингского периода, размеры повинностей различных категорий зависимого земледельческого населения, именуемых *coloni*, *liti*, *servi*, очень мало отличаются друг от друга. На этом основании нередко делают вывод о нивелировании различных слоев земледельческого населения. Если учесть, однако, данные других источников того же времени о том, какое значение современники придавали юридическому статусу, свободному состоянию, то становится очевидным, что вывод о нивелировке крестьян нуждается в существенных ограничениях⁵³⁴.

В качестве другого примера одностороннего использования некоторых данных источников для измерения можно привести оценку масштабов движения агонистиков, происходившего в Римской Африке, в работах некоторых современных историков. Сообщения источников о том, что агонистики терроризировали землевладельцев и римских должностных лиц, рассматривались как свидетельства широкого размаха движения, его массового характера⁵³⁵. При этом не учитывались данные источников об иных функциональных связях в рассматриваемой политической системе, которые также позволяют измерить «величину» данного движения. Мы имеем в виду результаты выступлений агонистиков и средства, которые были использованы правительством для подавления восстания. Для того чтобы убедиться в односторонности указанной оценки движения агонистиков, приведем данные о некоторых других народных движениях античности.

В свое время Спартак был в состоянии захватить ряд городов Италии: он разгромил войска римских консулов, и понадобилось напрячь все силы государства для подавления этого восстания. Багауды в III—V вв. в Галлии и Испании основывали самостоятельные общины, на занятой ими территории не признавали римские законы. Для борьбы против багаудов Галлии в III в. из Италии были направлены войска под командованием цезаря Максимиана.

Для подавления восстаний багаудов в Галлии и Испании в V в. римское правительство вынуждено было использовать войска варваров — федератов. Все это свидетельства массового характера и широкого размаха упомянутых восстаний. Что касается движения агонистиков в Северной Африке, то они не захватили ни одного города (и нет данных о том, что пытались это сделать). Они не имели какой-либо военной организации, и достаточно было небольшого

⁵³⁴ Корсунский Л.Р. О статусе франкских колонов // Средние века. Вып. 32, 1969.

⁵³⁵ Машкин Н.А. К вопросу о революционном движении рабов и колонов в Римской Африке // Вестник древней истории. 1949. № 4.

римского военного отряда из местного гарнизона для того, чтобы рассеять их. Указанные данные источников не позволяют, следовательно, считать выступления агонистиков равнозначными по уровню борьбы таким массовым движениям, как восстание Спартака или движение багаудов. Если бы мы осуществили ранжирование восстаний народных масс в Римском государстве по их масштабам, то движение агонистиков получило может быть в два или три раза меньше баллов, чем восстание багаудов.

Во многих случаях, осуществляя количественный анализ исторических явлений, исследователи не используют всех возможностей для уточнения оценок. Совершенно очевидно, например, что для измерения уровня развития товарно-денежных отношений в античном обществе недостаточно существующей в советской исторической литературе шкалы измерения («больше — меньше»). По-видимому, необходима шкала, которая учитывала бы количественные изменения в уровне товарно-денежных отношений в соответствии с данными источников о ремесленном и сельскохозяйственном производстве, рассчитанном на рынок, о торговых компаниях, о структуре городского населения, о денежной системе и т. д.

Для измерения размаха крестьянского антифеодального движения в средние века аналогичная шкала может быть заменена более точной, учитывающей различные уровни социального сопротивления крестьян в зависимости от употребляемых ими средств борьбы, масштаба их выступлений (в пределах вилл и общин, отдельных округов или всего государства), наличия общих центров борьбы, степени классового самосознания (выступление против отдельных феодалов или всего господствующего класса в целом), от целей борьбы (борьба за ограничение феодальной эксплуатации или уничтожение всей феодальной системы), от отношения к королевской власти и пр.

В известной мере попыткой применения количественного метода при рассмотрении исторических процессов может служить выделение типов генезиса феодализма в Европе в соответствии с ролью и значением элементов феодализма, вызревавших в рабовладельческом обществе, с одной стороны, в варварских обществах — с другой⁵³⁶. Выделяются страны, в которых генезис феодализма происходил в результате разложения родового строя (например, Англия, Скандинавские страны), и те, где осуществлялся синтез римских и варварских отношений (Юго-Западная Европа, Византия). Во втором варианте иногда различаются страны, в которых *преобладали* римские элементы над варварскими (Италия, Южная Галлия, Испания, Византия), и страна, где имел место *«уровне-шенный»* синтез германских и римских элементов, в котором они участвовали

---

⁵³⁶ Корсунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963; Люблинская А.Д. Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза // Средние века. Вып. 31. 1968; Удальцова З.В., Гутнова Е.В. Генезис феодализма в странах Европы. М., 1970.

«примерно в одинаковой пропорции», были «более или менее равносильны», т. е. во Франком королевстве⁵³⁷. Поскольку именно в этом государстве феодализация осуществлялась наиболее интенсивно и в «классической» форме, то делается вывод, что это предопределено именно указанным соотношением римских и варварских элементов (т. е. равнозначной их ролью).

Таким образом, перед нами пример использования количественного метода для анализа сложнейшего социального процесса генезиса формации — его темп и характер выступают как функция «количества» римских и варварских элементов, их соотношения. Следует вместе с тем признать, что выводы, сделанные в подобной общей, форме, носят интуитивный характер. Для того чтобы указанные положения могли быть признаны истинными, они должны быть подтверждены конкретным анализом роли и значения названных «начал» в процессе феодализации различных стран. Приступив к такому анализу, мы сразу же встретимся с серьезными трудностями, с отсутствием данных, необходимых для того, чтобы использовать названную схему типологии. Эти трудности связаны прежде всего с недостатками в системе аксиоматики и с отсутствием данных, необходимых для качественной и количественной характеристики изучаемого процесса в различных странах.

Сами понятия «римские элементы» и «варварские элементы» или «начала» расплывчаты и неоднозначны. Иногда имеют в виду «процессы феодализации», совершившиеся в позднеримском и варварском обществах⁵³⁸, иногда «феодалные элементы», зарождавшиеся внутри той и другой формации⁵³⁹, что, естественно, не одно и то же. Когда компоненты взаимодействия обоих начал рассматриваются более конкретно, то обычно выделяются такие факторы, как «римское крупное землевладение», «варварская община», «католическая церковь», «варварское обычное право», «римское право», «варварская королевская власть», «римские политические учреждения» и пр. Но каждый из этих компонентов не представляет собой только фактор феодализации. В нем содержатся и элементы нефеодалные, начала, тормозящие процесс феодализации. Мы можем (хотя и весьма грубо) определить относительное значение указанных факторов в эпоху генезиса феодализма в различных странах.

Предположим, что по значению такого компонента, как «крупное римское землевладение», страны Европы к началу раннефеодалного периода распределяются в следующем порядке: 1. Готская Испания. 2. Франкское королевство. 3. Византия. 4. Лангобардское королевство. 5. Англосаксонская Англия (значение близко к нулю). «Вес» второго важного фактора — «варварской общины» представлен в тех же странах по-иному: 1. Англосаксонская Англия. 2. Франкское королевство. 3. Лангобардская Италия.

⁵³⁷ Люблинская А.Д. Указ. соч. С. 11; Удальцова З.В., Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 3.

⁵³⁸ Люблинская А.Д. Указ. соч. С. 11.

⁵³⁹ Удальцова З.В., Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 3.

4. Византия. 5. Готская Испания⁵⁴⁰.

Значение римского права в указанных странах может быть предположительно ранжировано следующим образом: 1. Византия, 2. Готская Испания. 3. Франкское королевство. 4. Лангобардская Италия. 5. Англосаксонская Англия.

Так же мы можем попытаться представить порядковое значение и других упомянутых факторов в различных странах. Затем мы расположим данные страны по интенсивности процесса феодализации. Предположим, что к середине VIII в. он таков: 1. Франкское государство. 2. Готская Испания (по данным конца VII — начала VIII в.); 3. Лангобардская Италия. 4. Византия. 5. Англосаксонская Англия.

Математически мы можем выразить указанные данные следующим способом:

$$\begin{aligned} & \Phi_1 \quad \Phi_2 \quad \Phi_3 \quad \Phi_4 \quad \Phi_5 \\ & \Phi_1 = f_1(X_2 Y_2 \dots Z_3) \\ & \Phi_2 = f_2(X_1 Y_5 \dots Z_2) \\ & \Phi_3 = f_3(X_4 Y_3 \dots Z_4) \\ & \Phi_4 = f_4(X_3 Y_4 \dots Z_1) \\ & \Phi_5 = f_5(X_5 Y_1 \dots Z_5), \end{aligned}$$

где:

Φ_{1-5} — уровень феодализации в указанных странах;
 X_{1-5} — роль крупного римского землевладения;
 Y_{1-5} — роль варварской общины;
 Z_{1-5} — роль римского права.

Исходя из подобного рода данных, мы сможем заключить, что то соотношение указанных факторов, которое характерно для Франкского королевства, было наиболее, а присущее Англии и Византии — наименее оптимальным в отношении феодализации. Но вывода о том, каково в абсолютных цифрах соотношение римских и варварских элементов в изучаемом процессе в данных странах, мы сделать не сможем. Разумеется, исходные величины, которые используются в приведённом примере, «сила» или «вес» перечисленных факторов определялись фактически, главным образом с помощью качественного анализа. Для более точной оценки значения данных факторов нам следовало бы каждый из них в свою очередь подвергнуть количественному анализу. Определяя сравнительно значение такого, например, фактора, как «римское право», мы могли бы разложить эту категорию на её компоненты (нормы об отчуждении земли, о наследовании, о сервитутах, о рабстве, колонате, городских муниципиях и т.д.) и взвесить их значение в различных странах. Это не освободило бы нас от необходимости пользоваться интуитивным методом и не дало бы возможности дове-

⁵⁴⁰ Данная классификация, так же как и последующие, носит иллюстративный характер и не претендует на точность.

сти количественный анализ до конца, но повысило бы уровень достоверности нашей оценки изучаемых исторических явлений.

Для более точной схемы рассматриваемого процесса необходимо было бы, как это предлагается в упомянутой работе К.В. Хвостовой, кодировать указанные факторы в соответствии с определённой системой рангов или баллов, придаваемых каждому из указанных элементов изучаемого процесса. По такому методу К. В. Хвостова считает возможным установить типологию социально-экономических (или только аграрно-правовых) структур феодализма. Для каждой страны устанавливается набор признаков, характеризующий типичные черты ее феодального развития. К.В. Хвостова приводит совокупность признаков, отражающих существенные черты аграрно-правового строя Византии в XIII—XIV вв.⁵⁴¹

По-видимому, таким путем действительно можно усовершенствовать применение историко-сравнительного метода в настоящее время. Но осуществление подобных приемов исследования при изучении столь сложных процессов исторического развития, как упомянутые выше, связано с большими трудностями. В ряде случаев не ясен еще путь их преодоления. Приведем в качестве примера изучение генезиса крестьянства в Европе. Для того чтобы определить особенности этого процесса в различных странах, его уровень в определенный заданный период (например, к X в.), мы должны, очевидно, прежде всего начать с качественного исследования, т. е. с определения самого понятия «феодально зависимое крестьянство».

Возьмем в качестве рабочей гипотезы то определение, которое предлагает Ю. Л. Бессмертный. В качестве определения здесь дается комплекс признаков: 1) наличие у непосредственного производителя владельческих прав на хозяйство; 2) отсутствие у него права собственности на землю, которое принадлежит иному частному лицу; 3) подчинение непосредственного производителя земельному собственнику, обладающему политическими (или административными и гражданскими) прерогативами; 4) ограничение гражданских и личных прав крестьянина в пользу собственника земли — феодала; 5) выплата ренты феодалу⁵⁴². Каждый из этих признаков — результат исторического развития крестьянства. Желая определить этап формирования крестьянства, мы должны, следовательно, установить, какого уровня достиг каждый из этих необходимых признаков и каково их соотношение. Необходимо произвести их градуирование. Ведь личная зависимость крестьян (хуньорес де эредад) в Леонском королевстве в XI в., которые имели право уходить от своих сеньоров, взяв с собой половину своего движимого имущества, резко отличалась от той зависимости, которую Старое Фуэро Кастилии в XIV в. определяет как право сеньора располагать жизнью и имуществом крестьянина-соларьего. Между этими двумя формами личных

⁵⁴¹ Хвостова К.В. Указ. соч. С. 78-79.

⁵⁴² Бессмертный Ю.Л. Указ. соч. С. 112.

связей находится ряд точек, определяющих различные степени зависимости. То же самое относится и к другим названным признакам. Разумеется, мы можем выделить некоторые узловые пункты, соответствующие определенным этапам становления феодально зависимого крестьянства. Это даст нам возможность составить таблицу различных этапов этого процесса в зависимости от степени зрелости указанных признаков. Так, если бы мы выделили хотя бы две стадии для каждого из пяти указанных признаков, то получили бы 32 различные их совокупности⁵⁴³. При этом следует, однако, иметь в виду, что значение указанных признаков в формировании статуса феодально зависимого крестьянина неодинаково. Относительно роли таких черт крестьянского состояния, как поземельная и личная зависимость, существуют различные точки зрения. Но во всяком случае у нас нет оснований утверждать эквивалентность, например, следующих признаков: поземельная зависимость крестьянина и отсутствие у него политических прав. Мы должны также учесть, что роль данных факторов и их соотношение изменялись на различных стадиях феодализации. Мы можем предположить, в частности, что значение статуса свободы в комплексе признаков зависимого крестьянина было неодинаково в начальной и завершающей стадиях процесса феодализации. Таким образом, необходимо всестороннее изучение роли и значения каждого из указанных факторов в динамике. В ряде случаев целесообразно их расщепление на некие, более простые элементы. Но даже, если бы смогли учесть дифференциацию и динамику отдельных признаков крестьянства, мы не создали бы еще всех необходимых условий для адекватного отображения изучаемого феномена, но получили бы лишь весьма грубое приближение к нему.

Исследуемую категорию мы не можем рассматривать просто как сумму признаков. Известно, что целостное явление характеризуется новыми качествами и свойствами, не присущими отдельным частям, но возникающими в результате их взаимодействия в определенной системе связей. Между частями сложных объектов существует «не простая функциональная зависимость, а гораздо более сложная совокупность связей, в рамках которой причина одновременно выступает как следствие, полагаемое как предпосылка»⁵⁴⁴.

Возьмем в качестве примера упрощенную модель процесса становления зависимого крестьянства. Предположим, что тяжесть возникающей феодальной зависимости можно полностью определить размерами феодальной ренты (на самом деле этого показателя, разумеется, недостаточно). Мелкий земледелец, попавший в земельную зависимость, выплачивает собственнику 30% своих доходов (цифра произвольная). Земледелец, сохранивший свою собственность, но коммендированный под власть сеньора (оказавшись в личной зависимости), несет ему службу, эквивалентную 20 % его дохода. Но, утратив свою собствен-

⁵⁴³ Если мы обозначим признаки буквами A1, B1, C1, D1, E1, искомое число вариантов — N, количество стадий каждого признака — i , то $N = i^n$, где n — число признаков, т.е. $N = 2^5 = 16$.

⁵⁴⁴ Блумберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. С. 125.

ность, став держателем земли и одновременно вступив в личную зависимость (т. е. став тяглым крестьянином), земледелец отдает не 50, а, может быть, 75% своих доходов феодалу. Сочетание личной и поземельной зависимости означает не просто суммирование норм эксплуатации, определявшихся каждой из них в отдельности, а появление новой нормы, превышающей сумму двух прежних. Если бы нам эмпирическим путем удалось установить такие данные на достаточно репрезентативном материале, мы могли бы вывести и соответствующие коэффициенты корреляции, характеризующие значение взаимодействия тех или иных элементов системы⁵⁴⁵.

Приведенные выше примеры показывают, насколько сложным является применение количественного анализа в исторических исследованиях, как трудно выйти из рамок обычно употребляющихся (и не всегда достаточно обоснованных) оценок «больше», «сильнее», «уравновешенно». Но эти же примеры подтверждают предположение, что в принципе возможно уточнение измерения.

Для того чтобы количественный анализ процессов исторического развития мог осуществляться в соответствии с современными научными требованиями, необходимо соблюдение ряда предварительных условий. Некоторые мы отметим.

К ним относится прежде всего уточнение дефиниций и терминов. В исторической науке до сих пор отсутствует всеобъемлющая система дефиниции. Терминология зачастую устарела, неоднозначна. Показательно, что в исторической науке терминология обновляется и пополняется крайне мало, меньше, чем в большинстве других наук.

Уточнение дефиниций и терминов в соответствии с современным уровнем научных знаний даст возможность лучше определить объекты измерений. Разумеется, было бы упрощением методики научного исследования понимать указанное условие буквально, в смысле последовательности указанных операций: 1) определение объекта, 2) измерение объекта. В действительности эти операции взаимно связаны, переплетаются, так как измерение и есть путь к определению, а определение включает в себя элементы измерения. Но в целом процесс измерения объекта или явления невозможен без определения его понятия, выраженного в однозначных терминах. Нельзя, например, исследовать уровень развития городов в Западной Европе в эпоху Римской империи, в период раннего или развитого капитализма, если мы не определили понятие «город», не установили, каковы его существенные и вторичные признаки в каждую из названных эпох.

Правильной оценке уровня крестьянских движений в средние века не способствует то обстоятельство, что для обозначений выступлений крестьян упот-

---

⁵⁴⁵ Математически мы можем выразить данное положение следующим образом: $Y = f(X1, X2, r(X1, X2))$, где Y — норма эксплуатации тяглого крестьянина, $X2$ — «вес» поземельной зависимости крестьянина, r — коэффициент корреляции.

ребляются без необходимой дифференциации, иногда как синонимы, термины «бунт», «восстание», «мятеж», «крестьянская война».

Важное значение имеет уточнение терминов, употребляемых для количественной оценки явлений и объектов в соответствии с конкретными историческими условиями. Это относится, в частности, к таким выражениям, как «основной», «подавляющий», «главная часть» и т. п., значение которых носит крайне расплывчатый характер.

Поскольку социальные процессы представляют собой сложные системы, то и при их измерении необходимы системный подход, изучение и анализ элементов и их взаимосвязей. Это важно и потому, что само по себе выявление функциональной связи элементов системы является, как отмечалось выше, специфической формой измерения. Располагая правильным представлением о структуре системы и взаимосвязи ее элементов, мы в ряде случаев те стороны исторического процесса или явления, о которых нет достаточных данных, можем измерить по другим чертам системы, достаточно освещенным в источниках. Это особенно важно для истории древнего мира и средних веков. Например, если мы согласимся с предположением, что материальной основой королевской власти в раннефеодальный период было королевское землевладение, то состоянием последнего мы можем в какой-то степени измерять силу королевской власти (хотя это лишь один из ее компонентов) на том или ином этапе данного периода. Сознание такой зависимости, кстати, совершенно отчетливо выражено и в самих исторических памятниках, в произведениях хронистов. Представляется целесообразным изучение возможностей более точного определения функциональной зависимости, что означало бы более точное измерение или квантификацию подобного рода внутрисистемных связей. В настоящее время такая зависимость обычно характеризуется с помощью двух формул: «влияние» и «определяющее влияние». Так, экономический строй феодального общества выступает как определяющий момент по отношению к его политическому строю. Государство же оказывает «обратное влияние» на экономическое развитие. Характер этого влияния, однако, может быть градуирован в соответствии с закономерностями развития той или иной социально-экономической системы и конкретными историческими условиями. Например, экономисты отмечают *возрастание* роли государства в экономической жизни развитых капиталистических стран в современную эпоху. Можно предположить, что воздействие правительства на экономику Франции в эпоху абсолютизма тоже было более значительным, чем в период феодальной раздробленности. По-видимому, неодинаковой была роль государственного аппарата в общественной жизни различных стран на одном и том же этапе феодальной формации. «Величина» влияния феодального государства зависела от многих факторов (материальной базы королевской власти, степени централизации государства, роли королевской власти в феодальной иерархической системе и т. д.), которые не были идентичными в

различных странах. Мы не имеем возможности выразить численно зависимость между различными элементами общественных систем. Но мы можем установить градацию степени воздействия одних элементов на другие в соответствии с тем, как это влияние отражалось на объектах, которые поддаются количественной оценке (как это было показано выше на примере влияния поземельной и личной зависимости и их сочетания на величину феодальной ренты).

Необходимо далее, чтобы шкалы измерения соответствовали содержанию искомым социальным процессам и явлениям, их особенностям в различных регионах и техническим условиям их изучения (необходимая и возможная мера точности, наличие данных в источниках, способ измерения и пр.).

И если не всегда при нынешнем уровне изучения той или иной проблемы удастся добиться получения всех данных, необходимых для применения математических методов, то уже сама подготовка условий для выполнения такой задачи ведет к углублению и уточнению нашего представления об изучаемых исторических феноменах.

Список рекомендуемой для изучения литературы

- Белова Е.Б., Бородкин Л.И., Гарскова И.М., Измestьева Д.С., Лазарев В.В. Историческая информатика. М., 1996.
- Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века: Очерки демографической истории Франции. М., 1991.
- Бородкин Л.И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986.
- Бородкин Л.И. Новые подходы в клиометрике: модели нелинейной динамики в изучении неустойчивых процессов // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2000.
- Бородкин Л.И. Историческая синергетика: антропологический аспект // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2001/2002. М., 2002. С. 22–30.
- Бушмакина Ю.В. Междисциплинарный подход в современном историческом знании // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2017. С. 7-20.
- Володин А.Ю. Цифровая история (digital history): виртуальная реальность или исследовательская практика // «Стены и мосты» – II: Междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории. М., 2014. С. 140-147.
- Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
- Гуревич А.Я. Социальная история и историческая наука // Вопросы философии. 1990. №4.
- Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993.
- Ершова Г.Г., Долгова Е.А. Историческая перспектива междисциплинарных исследований: вместо вступления // «Стены и мосты»: Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях. М., 2012. С. 6-14.
- Зайцева Т.И. Зарубежная историография: XX - начало XXI века. М., 2011.
- История. Культура. Общество: Междисциплинарные подходы: прогр. специализир. курсов и тексты лекций: В 2 ч. М., 2003. Ч. 2 : История. Культурология.
- Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд. М., 2003.
- Кром М.М. Междисциплинарность и возникновение новых направлений в исторической науке (на примере исторической антропологии) // «Стены и мосты»: Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях. М., 2012. С. 40-49.
- Кром М.М. Междисциплинарность и кризис каузальности в современной исторической науке // «Стены и мосты» – III: история возникновения и развития идеи междисциплинарности. М., 2015. С. 41-53.
- Лысак И.В. Междисциплинарность: преимущества и проблемы применения // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. URL: <https://www.scienceeducation.ru/ru/article/view?id=25376>.
- Маловичко С.И., Румянцева М. Ф. Структура исторического знания: от дисциплинарности к полидисциплинарности // Стены и мосты — II междисциплинарные подходы в исторических исследованиях. М., 2014. С. 109-117.
- Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977.

Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии. М., 2004.

Междисциплинарные подходы к изучению прошлого. М., 2003.

Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований. Под ред. Л.П. Репиной, Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаева. 2004. <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/library:0130283:article>

Методологический синтез: Прошлое, настоящее, возможные перспективы. Томск, 2002.

Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований. Под ред. Л.П. Репиной, Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаева. 2004. <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/library:0130283:article>

Миронов Б.Н. Историк и математика (Математические методы в историческом исследовании). Л., 1975.

Миронов Б.Н. Историк и социология. Л., 1984.

Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. 2. Становление «новой исторической науки». Томск, 2003.

Мэньюел Ф.Е. О пользе и вреде психологии для истории // Философия и методология истории. М., 1977. С. 262-288.

Парфёнов И.Д. Методология исторической науки. Саратов, 2001.

Перекрёсток культур. Междисциплинарные исследования в области гуманитарных наук. М., 2004.

Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979.

Поршнева О.С. Концепции и методы социологии в историческом исследовании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2006. № 2 (6). С. 31-39.

Поршнева О.С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. Екатеринбург, 2005.

Поршнева О.С. Становление междисциплинарной парадигмы исторического знания, ее возможности и ограничения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия История, филология. 2013. Т. 12. № 1. С. 84-91.

Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000.

Проблемы междисциплинарных исследований в гуманитарных науках. Томск, 2004.

Репина Л.П. Новая социальная история. М., 2010.

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания [Текст]: Учебник / В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова, Л. П. Репина. М., 2006.

Румянцева М.Ф. Целостность современного гуманитарного знания: необходимость и возможность // Единство гуманитарного знания: новый синтез. М., 2007. С. 41-49.

Савельева И.М. Историческая социология и социальная история в XXI веке: мосты и переправы // «Стены и мосты»: Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях. М., 2012. С. 118-126.

Савельева И.М. Культурная история: суверенность дисциплины в век междисциплинарности // «Стены и мосты» – II: Междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории. М., 2014. С. 64-80.

Савельева И.М., Полетаев А.В. Там за поворотом. О модусе сосуществования истории с другими социальными и гуманитарными науками // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации. М., 2005. С. 73-101.

Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000.

Уйбо А.С. Реконструкция исторического прошлого как междисциплинарная задача // Смысловые концепты историко-философского знания: Учен. зап. Тартус. ун-та: Труды по философии. XXXV. 1990. С. 76-92.

Февр Л. Бои за историю. М., 1991.

Хвостова К.В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980.

Хвостова К.В., Финн В.К. Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. М., 1997.

Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. М., 2008 — 2009. Вып. 1-3.

Шаповал Е.Ю. Междисциплинарный подход в исторической науке: некоторые аспекты формирования современной методологии истории // Исследовано в России: Электронный научный журнал. 2008. URL: <http://zhurnal.ape.relarn.ru>.

Шилова Г.Ф., Ляпунова Л.В., Старостенков Н.В. Проблемы междисциплинарного подхода в современной истории // Вестник современной науки. 2015. № 7. С. 77-81.

CLIO-SCIENCE. Проблемы истории и междисциплинарного синтеза. Вып. II. М., 2011 // <http://www.bibliorossica.com/book.html?currBookId=4326>

CLIO-SCIENCE. Проблемы истории и междисциплинарного синтеза. Вып. III. М., 2012 // <http://www.bibliorossica.com/book.html?currBookId=4327>

Интернет-ресурсы

Поисковые каталоги и справочные интернет-ресурсы:

- «List.ru» (list.mail.ru);
- «Open Directory Project» (<http://dmoz.org>);
- «Weblist» (www.weblist.ru);
- «Апорт» (www.aport.ru);
- «Иван Сусанин» (www.susanin.net);
- «Улитка» (www.ulitka.ru)

Базы данных: «eLibrary.ru»;

- «Online Books Page» (<http://onlinebooks.library.upenn.edu/>);
- «Электронная библиотека» исторического факультета МГУ (www.hist.msu.ru);
- Зональная научная библиотека Саратовского государственного университета (<http://library.sgu.ru/>);
- Институт научной информации по общественным наукам РАН (<http://www.inion.ru/>),
- Российская национальная библиотека (<http://www.nlr.ru/>);
- Государственная публичная историческая библиотека России (<http://www.shpl.ru/>);
- L'édition électronique ouverte (<http://leo.hypotheses.org/>);
- Project Gutenberg (<http://www.gutenberg.org>);
- The Internet Public Library (<http://www.ipl.org/>);
- World Digital Library (WDL) (<http://www.wdl.org/ru/>);
- Виртуальная библиотека Якова Кротова (<http://krotov.info/spravki/temy/i/istoriya.html>);
- Информационная система «Единое окно доступа к образовательным ресурсам» (<http://window.edu.ru/>);
- Цифровая историческая библиотека (<http://midday.narod.ru/library.html>)

Сайты:

- Comitatus. A Journal of Medieval and Renaissance Studies (http://escholarship.org/uc/cmrs_comitatus),
- <http://www.demon.co.uk/past/vikings/>,
- <http://www.fas.harvard.edu/>, <http://www.history.hanover.edu/europe.html>,
- http://www.m71.by/ru/history/toinby_01.html,
- <http://www/countries.ru/libraru/civilis/civterm.htm>,
- <http://www.yanko.lib.ru/boos/cultur/spengler=zakat-1=ann.htm>,
- Orbis medievalis (<http://orbis-medievalis.nm.ru>),
- Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада (<http://www.vostlit.info>).